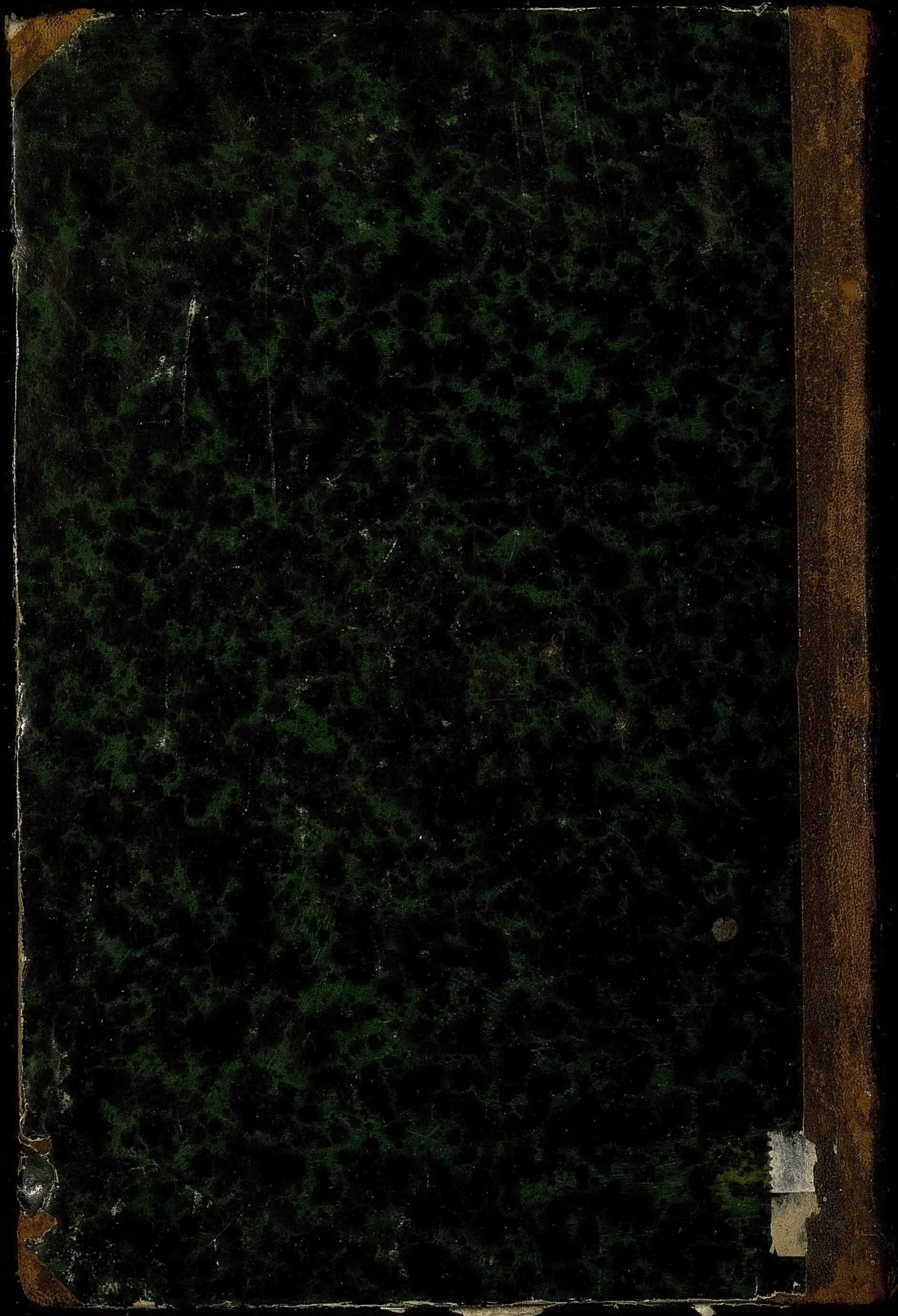

ПРЕДМЕТЪ

МЕТОДЪ И ЦѢЛЬ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи узаконенное число экземпляровъ доставлено было бы въ Цензурный Комитетъ. Марта 14 дня, 1850 года.

Цензоръ *Ѳедотовъ-Чеховскій.*

ПРЕДМЕТЪ

МЕТОДЪ И ЦѢЛЬ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Курсъ читанный въ I-мъ Отдѣл. Философ. Факультета въ 1846—1848 годахъ.

Николая Костыря

АДЪЮНКТА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

ВТОРОЙ СЕМЕСТРЪ.

Труды Шишкова въ Сравнительномъ Языкознаніи.—Критическій анализъ теорій Слова, основанныхъ на сравнительно-историческомъ изслѣдованіи языковъ: Аделунгъ и Монбоддо.—Постуляты (предварительныя положенія) языкознанія.—

—

Steure, muthiger Segler, es mag der Witz dich verhöhnen,
Und der Schiffer am Steu'r senken die lässige Hand!
Immer, immer nach West, dort muss die Küste sich zeigen!..
Schiller.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

§ 1-й.

Общій взглядъ на второе направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова—аналитическое; историческій и теоретическій интересъ онаго или значеніе его въ Русской Филологіи и Сравнительной Лингвистикѣ.

Разсматривая второе направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова—*аналитическое* (§ 32, стр. 266—277), мы остановились на начаткахъ *органическаго анализа* Славянскихъ нарѣчій, которые, какъ мы замѣтили, остались безъ прогрессивнаго развитія въ послѣдующихъ трудахъ Шишкова.—Эти труды, въ продолженіи времени отъ 1826—1832 г., ([1]) представляютъ такое же попеременное колебаніе идеи Шишкова между *органическими ея полюсами* ([2]), какое мы видѣли въ трудахъ предъидущихъ: оно составляетъ общую, родовую черту, проходящую по всему Филологическому поприщу Шишкова и должно быть разсматриваемо не какъ частное, *личное* (individuel) и, потому, болѣе или менѣе *случайное* явленіе, но какъ фактъ, неизбѣжно-необходимый въ общемъ движеніи науки. Языкознаніе только со второю четвертью XIX вѣка начало новый періодъ своего развитія—періодъ *переходный*, ([3]) предѣломъ котораго едва-ли не бу-

---

([1]) См. § 32, стр. 267—268.

([2]) См. § 28, стр. 188—189.

([3]) Ссылаюсь на труды Беккера (Organism der Sprache) и *Гримма* (Deutsche Grammatik и др.), появившіеся на свѣтъ въ началѣ втораго 25-лѣтія.

дутъ послѣдніе годы этого 25-лѣтія; (¹) переходный періодъ науки знаменуется и *переходнымъ* (смѣшаннымъ, двойственнымъ) характеромъ основной ея идеи. И такъ, если во всей области науки нашей, въ трудахъ всѣхъ главнѣйшихъ ея представителей, (²) въ продолженіи цѣлаго двадцатипятилѣтія мы находимъ колебаніе основной идеи науки между *новыми* началами и старыми основаніями, къ которымъ она еще возвращается при всякомъ *прогрессивномъ* (³) ея шагѣ,— то не удивительно, что въ трудахъ нашего Шишкова, *одиноко* разработывавшаго обширную область сравнительнаго языкознанія, мы замѣчаемъ такое же переходное колебаніе идеи въ *шестилѣтнемъ* промежуткѣ времени (1826—1831), послѣ котораго становится примѣтнымъ ея установленіе на новыхъ началахъ науки.—Разсмотрѣніе этого переходнаго движенія идей Шишкова, которое составляетъ предметъ теперешнихъ изслѣдованій нашихъ, представляетъ намъ двоякій интересъ: а) частный, *историческій*, б) общій, *теоретическій* или научный.—Видѣть, какими путями пробиралась мысль труженика науки къ отдаленной своей цѣли—во всякомъ случаѣ интересно *для* того, кто (подобно намъ) изучаетъ на-

(¹) Заключаю такъ по идеямъ *В. Гумбольдта* и другихъ Филологовъ, которыя явственно обнаруживаютъ упадокъ устарѣвшаго эмпирическаго понятія о языкѣ и указываютъ на водвореніе новаго, болѣе здраваго и точнаго понятія (см. напрним. статью *Шмитта* въ Архивѣ *для* изученія новыхъ языковъ, приведенную мною въ первой книгѣ моей, на стр. 170).

(²) Можно бы прибавить, безъ исключенія,—но указывая на *главнѣйшихъ* только, я не хочу и упоминать о *второстепенныхъ* филологахъ, которые, заимствуя какой нибудь результатъ изъ филологическихъ изслѣдованій первыхъ, стараются развить его подробнѣе въ примѣненіи къ одному какому нибудь языку и нисколько не заботятся объ *идеѣ*, служащей основаніемъ этому развитію; у такихъ представителей науки не за чѣмъ искать и *переходныхъ* идей, потому что не находишь никакой идеи вообще, таковы напр. «Untersuchungen über die Bildung der nomina in den germanischen Sprachen», von T. Iacobi, Breslau, 1847 и друг.

(³) Читатель лучше всего можетъ это видѣть въ идеяхъ В. Гумбольдта *о сравнит. изученіи языковъ*: впрочемъ и въ соч. Каткова можно замѣтить то же самое.

уку и изъ долгаго, труднаго, иногда горькаго опыта выноситъ въ душѣ убѣжденіе, что всякое серіозное, мыслящее изученіе требуетъ большихъ пожертвованій, но что ни одно усиліе мысли—какъ бы слѣпо-случайно, безпорядочно, прихотливо оно ни было—не остается втунѣ, вознаграждаясь всегда, хотя поздно, какими нибудь пріобрѣтеніями, драгоцѣнными для искомой истины науки. Но видѣть, какъ работала мысль *перваго* труженика въ области науки еще новой, несуществующей, труженика *одинокаго*, не вспомоществуемаго ни сочувствіемъ соотечественниковъ, (1) ни пріуготовительною разработкою науки, (2) только что выходившей изъ пеленъ *сенсуализма* XVIII вѣка, ни даже духомъ вѣка, который не думалъ еще подозрѣвать въ языкахъ человѣческихъ какого-то «*ума мыслившаго*» (см. соч. Шиш.), видѣть—повторяю—какъ эта мысль, предавшись одному инстинкту (чутью) истины, (3) низошла въ глубь языковъ человѣческихъ или, правильнѣе выражаясь, зарылась въ подземный лабиринтъ ихъ, какъ она шла по фантастически-прихотливымъ

---

(1) Кто хочетъ видѣть это *сочувствіе*-остающееся вѣчнымъ пятномъ на имени русскихъ ученыхъ, сочувствіе, превосходящее собою симпатію теперешнихъ русскихъ журналовъ къ *наукѣ отечественной*—тотъ пусть пробѣжитъ критики «Сына отечества» и др. журналовъ на статьи Шишкова въ *Академическихъ извѣстіяхъ*. Читатель увидитъ, что «отечественная критика» отечественнаго, достигшая въ современныхъ журналахъ нашихъ своего апогея, можетъ найти для себя достойный первообразъ въ критикѣ предшедшаго времени, какъ достойномъ «завѣтѣ предковъ потомству.»

(2) Словарь *Аделунговъ* (Нѣмец. язык.), *Линде* (Польскаго—въ сравненіи съ другими Славянскими нарѣчіями)—были едва ли не единственными учеными пособіями Шишкова, доставленными ему наукою Европейскою. Остальное—доставилъ онъ самъ себѣ чтеніемъ, изученіемъ и собственнымъ размышленіемъ.

(3) Или, лучше сказать, *вѣрѣ* въ то, что языки *не могли быть* совокупностію произвольно-составленныхъ людьми названій, что разительное сходство *звуковъ* и *значенія* ихъ въ самыхъ несродныхъ одинъ съ другимъ языкахъ, не могло быть *случайнымъ*, что въ основѣ каждаго языка порознь и всѣхъ языковъ человѣческихъ лежитъ *одинъ мыслившій умъ* и т. д. см. Часть XI. стр. 20.

его переходамъ, то пробиваясь къ свѣту, то опять изчезая во мракѣ, но шла неутомимо, послѣдовательно—даже въ самыхъ заблужденіяхъ (détours) и наконецъ *стала у береговъ*, [1] по крайней мѣрѣ, своей *обѣтованной земли*, вынесши для насъ драгоцѣнныя открытія своего странствованія-видѣть все это, повторяю, гораздо интереснѣе для Русскаго, нежели первое: *Исторія трудовъ и идей Шишкова есть исторія русской Филологіи.*—Но, не зависимо отъ этого частнаго, историческаго интереса, мы можемъ имѣть въ виду, при разсмотрѣніи развитія идей Шишкова, и интересъ общенаучный, *теоретическій.*—Идея науки или то *основное понятіе* (см. 1 Кн. стр. 74-75), въ которомъ заключается *объемъ и содержаніе* науки, отъ уясненія котораго зависитъ не только освѣщеніе *цѣлаго* науки и всѣхъ ея *подробностей* (частей) въ самомъ началѣ ея образованія, но и дальнѣйшая, правильно-постепенная ея разработка, это основное понятіе (Grundbegriff) не всегда представляетъ одинаковыя судьбы въ своемъ возникновеніи, которое условливается частію *характеромъ* этого понятія, частію же *личностію* ученыхъ, опредѣляющихъ оное, и другими обстоятельствами.—Есть науки, въ которыхъ основное понятіе такъ просто и точно, что при первомъ анализѣ мысли оно высказывается вполнѣ и тотъ часъ же получаетъ практическое примѣненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ свое развитіе: таковы напр. Ариѳметика, Геометрія, Естественная Исторія органическаго и неорганическаго царствъ природы и т. п. Ни одна изъ этихъ наукъ не блуждала въ хаосѣ ученаго *синтетизма* (смѣшанности идей), потому что область каждой была рѣзко очерчена *понятіемъ* ея и отграничена отъ областей смежныхъ съ нею наукъ. Но не то представляютъ намъ тѣ науки, въ которыхъ основное понятіе или *сложно* (составлено изъ нѣсколькихъ частныхъ понятій), или же находится въ соприкосновеніи съ понятіями другихъ наукъ, безъ предварительнаго уясненія

---

(1) См. 1 Кн. § 25, стр. 169.

которыхъ невозможно опредѣленіе и понятія основнаго, таковы напр. основное понятіе Философіи: *мысль* и *бытіе* во взаимномъ ихъ отношеніи, понятіе Психологіи: *душа*, въ связи съ низшею, общеживотною ея ступенью—*жизненною силою* организма и съ высшею стороною: *духомъ* и. т. д. Невозможность—съ первымъ аналитическимъ пріемомъ мысли получить *опредѣленіе* основнаго понятія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отграничить оное отъ соприкосновенныхъ съ нимъ понятій другихъ наукъ, необходимость продолжительной разработки частностей науки для того, чтобы посредствомъ этой разработки открылось внутреннее *цѣлое*, сущность науки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *основное понятіе*, изъ котораго она проистекаетъ—были причиною, что такія науки долго блуждали въ сферѣ наукъ чуждыхъ, пока не вышли изъ оной къ собственному своему свѣту и съ уясненіемъ своего *понятія*, не сознали, не опредѣлили самихъ себя.—Такъ Философія въ первыхъ начаткахъ своихъ (у Грековъ), не подозрѣвая, что зависимость существеннаго ея понятія: *мысли*, отъ понятія смежнаго: *о бытіи* должна была служить первою темою опредѣленія и изъясненія ея сущности—приняла одно за другое и обратилась въ науку *о законахъ бытія* (происхожденіи вещей), вмѣсто того, чтобы быть ученіемъ о законахъ *мысли* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о природѣ той сущности, изъ которой проистекаетъ мысль (души).—Ставъ, такимъ образомъ, *наукою наукъ*—какъ всякому извѣстно—Философія была и *Геологіею* (космогоническія ученія) и *Физикою* и *Химіею*, (¹) пока черезъ три слишкомъ вѣка (600—384 до Р. Х.) сдѣла-

---

(¹) Въ различныхъ системахъ первыхъ Греческихъ философовъ мы находимъ различныя системы происхожденія натуры, міра, вселенной: какъ оригинальною ни будетъ казаться мысль моя, но я увѣренъ, что всякій ученый—ежели только онъ не будетъ смотрѣть на все развитіе философіи одностороннимъ взглядомъ Историка Философіи, какъ науки самостоятельной (какою она не скоро сдѣлалась), но будетъ разсматривать движеніе ея совмѣстно съ движеніемъ прочихъ отраслей образованности—всякій ученый, повторяю, увидитъ въ первыхъ Философскихъ системахъ Грековъ первые, хотя грубые, начатки естественныхъ наукъ:

лась она, подъ вліяніемъ Аристотеля, наукою не только о бытіи но и о *познаніи*, о *мысли*, о *духѣ* человѣческомъ.—Въ наукахъ такого рода опредѣленіе основнаго понятія представляетъ различныя судьбы: иногда является здраво-логическій, всеразлагающій умъ, который застаетъ уже науку въ томъ счастливомъ положеніи, когда она, совершивъ всѣ поворотныя свои движенія, обойдя всю орбиту смежныхъ съ нею, но чуждыхъ ей наукъ, остановится—въ ожиданіи дальнѣйшаго движенія: этому уму остается воспользоваться опытомъ прошедшаго и запасомъ настоящаго для усовершенствованій науки въ будущемъ, какъ готовыми данными; онъ окидываетъ цѣлое науки и съ перваго взгляда становится на тотъ центръ, къ которому тяготѣла наука давно, но отъ котораго она была еще далеко.—Установленіе науки въ ея центрѣ даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленіе ея основнаго понятія, ея сущности: а при этой данной обозрѣніе всего содержанія науки, распредѣленіе частей ея, ихъ взаимнаго отношенія и. т. п. весьма легко: не удивительно, если такой умъ не смотря на неразработанность этихъ частей опредѣлитъ, однакоже, задачу, содержаніе каждой на нѣсколько столѣтій впередъ. Такъ *Аристотель* (ум. 322 до Р. Х.) опредѣлилъ *содержаніе* главнѣйшихъ частей Философіи на двѣ тысячи лѣтъ впередъ (¹) (Кантъ).—Но что дѣлать уму подвижника науки въ то время, когда наука только что приходитъ къ вопросамъ объ основныхъ своихъ началахъ и, потому, только что начинаетъ свое *синтетическое* движеніе? На долю этого самоотверженнаго ума остается

кто не видитъ въ *Ѳалесѣ* и *Гераклитѣ* представителей двухъ противоположныхъ школъ Геологіи: *нептунистовъ* и *вулканистовъ?*—Другіе ученые—и не безъ основанія—видятъ въ нихъ и первыхъ Химиковъ—напр. Н. Kopp, Gesch. der Chemie, 1843. 1 Th. s. 27. 29.

(¹) См. предисловіе Канта къ его Kritik der reinen Vernunft: тамъ хорошо пояснено, что значитъ *содержаніе* науки и почему Кантъ думаетъ, что содержаніе логики напр., отъ Аристотеля до нашего времени не приращено ни мало, не смотря на безконечныя прибавленія разныхъ статей.

двойная работа: составлять *понятіе* науки, вырабатывая въ тоже самое время матеріалы, данныя для этого понятія,—сообщать изучающему міру знаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мало по малу *узнавать* дальнѣйшее,—*убѣждать* въ извѣстныхъ истинахъ науки и въ тоже время *убѣждаться*, повѣрять безпрерывно самого себя; однимъ словомъ, подвижникъ науки долженъ, въ неутомимыхъ изслѣдованіяхъ своихъ по *неизвѣстной* области знанія, вести свою науку по всѣмъ извилинамъ онаго и цѣною неудачъ, заблужденій, ошибокъ—неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ—купить тотъ драгоцѣнный опытъ прошедшаго, который пріобрѣтается въ теченіе долгаго времени, совокупною дѣятельностію многихъ умовъ и который для счастливца-подвижника науки служитъ готовою уже данною.—Такова заслуга Шишкова, представляемая его тридцатилѣтнимъ поприщемъ—неутомимымъ изысканіемъ основнаго понятія науки нашей, послѣдній періодъ котораго мы будемъ разсматривать теперь.—Неумѣстно теперь распространяться намъ о сущности основнаго понятія нашей науки, (¹) о судьбахъ его въ разные періоды ея, о состояніи его во время Шишкова: довольно сказать, что знаменитѣйшіе Филологи вѣка (²) принимали обыденное житейское представленіе о *языкѣ*, какъ «совокупности звуковъ, изобрѣтенныхъ человѣкомъ,» за данную, за *постулятъ*, аксіому—незаботясь ни сколько о повѣркѣ и приложеніи этого понятія къ фактамъ и, вообще, о возведеніи этого представленія на степень понятія точнаго, научнаго, теоретическаго.—Шишковъ былъ *первый* изъ всѣхъ европейскихъ филологовъ, который, рѣшившись повѣрить понятіе: *языкъ*, на практикѣ—сравненіи *нарѣчій* языка, обратилъ оное въ вопросъ, въ проблемму науки и выступая постоянно изъ простаго, опытнаго наблюденія: «сходство нарѣчій «одного языка и разныхъ языковъ, какъ въ образованіи

(¹) Это мы предложимъ ниже, на своемъ мѣстѣ.
(²) *Монбоддо*, *Куръ де Жебеленъ*, *Аделунгъ* и др.

«*одинакихъ* вѣтвей (словъ сходныхъ по смыслу и звуку) такъ «и *разныхъ* (сходныхъ только по смыслу) не можетъ быть «*случайнымъ*, но должно предполагать *единство* мыслящаго «ума, сокрытое въ основѣ всѣхъ языковъ человѣческихъ» провелъ основное понятіе науки нашей сперва по языку русскому и языкамъ славянскимъ, потомъ по языкамъ европейскимъ, наконецъ по всѣмъ языкамъ міра, извѣстнымъ Наукѣ.—Это проведеніе *понятія* по *всей* области Науки, проведеніе, сопряженное со многими заблужденіями (все таки дорогими для Науки) но очертавшее намъ весь *объемъ* существеннаго вопроса Науки, даетъ теперь намъ возможность вникнуть въ *содержаніе* онаго и приняться за научное, строго-послѣдовательное его рѣшеніе. Сравнительная Лингвистика должна, по этому, сознавать себя столько же обязанною нашему Шишкову какъ и славяно-русская Филологія, которая безъ него не могла бы сдѣлать *перваго твердаго* шага на неразработанной ея почвѣ. Вотъ общій, теоретическій интересъ, какой мы должны имѣть въ виду при разсмотрѣніи движенія идей Шишкова въ трудахъ его съ 1826-1831 годъ, независимо отъ интереса частнаго, историческаго.—Принуждены будучи предпочесть, по самому роду нашихъ изслѣдованій, первый второму—мы не будемъ останавливаться на всѣхъ интересныхъ подробностяхъ трудовъ Шишкова,—но будемъ обращать вниманіе только на *теоретическую* сторону оныхъ, будемъ разсматривать оные въ существенныхъ моментахъ, въ разультатахъ ихъ или въ той только мѣрѣ, въ какой періодическое движеніе ихъ способствовало къ послѣдовательному движенію основныхъ понятій Науки: *языка* и *нарѣчій*, *корня* и *вѣтвей* и взаимнаго ихъ отношенія между собою.—Обратимся къ приведенному нами въ первой книгѣ «*Опыту разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанному на изслѣдованіи оныхъ*» (соч. Ш. Ч. V. 294-418), разсмотрѣніемъ второй статьи котораго: *Сравненіе Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ* мы заключили нашу книгу.

§ 2-й.

Косвенное движеніе основной идеи Шишкова или первый поворотъ органическаго анализа къ старому направленію: синтетическому (корню отвлеченному).—Разсмотрѣніе корня: Вѣщ въ произведенныхъ отъ него вѣтьвяхъ.

Въ третьей статьѣ этого *опыта:* «Разсмотрѣніе корня Вѣщ. въ произведенныхъ отъ него вѣтьвяхъ» можно замѣтить, подобно тому какъ и въ статьѣ предъидущей, значительное уклоненіе отъ того синтетическаго метода, какому слѣдовалъ Шишковъ въ *словопроизводныхъ деревьяхъ (гр, хр, мр.)* и хотя это уклоненіе должно признать, равнымъ образомъ, зародышемъ новаго метода и новой системы—*органической*, но, несмотря на то, однакоже, *прогрессивное* движеніе идей Шишкова въ этомъ пунктѣ было такъ слабо, зыбко, что сей часъ уступило мѣсто направленію противоположному, т. е. смѣнилось прежнимъ *синтетическимъ* началомъ.—Совпаденіе этихъ двухъ полярныхъ направленій можно видѣть весьма явственно. Движеніе прогрессивное замѣтно здѣсь съ перваго взгляда: вмѣсто того, чтобы выводить всѣ вѣтви а) изъ *одного* б) *безъсложнаго* (атомистическаго), в) отвлеченнаго (синтетическаго) корня, нашъ Филологъ принимаетъ въ основаніе а) корень *слоговой*, органическій: не *вт, вд*,—но *вѣщ, вѣд, вѣст, вѣжд* проч. б) нѣсколько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ видоизмѣненій онаго, называемыхъ у него *колѣнами*, но имѣющихъ значеніе особыхъ корней, такъ напр. 1-е колѣно: *вѣщ*, измѣняющееся въ *вѣт*—что служитъ путемъ перехода ко 2-му колѣну: *вѣст*, переходящему въ 3-е колѣно: *бѣщ*, потомъ въ 4-е: *бѣт*, наконецъ *вѣч, вящ, вят, вѣл, вѣд, вѣжд, вид, вижд* и т. д.; в) нѣсколько особыхъ, *предметныхъ* (образныхъ) или реальныхъ значеній напр. 1) *вѣтовать, (от)вѣтить, вѣщать*=изъявлять мысль *голосомъ*,

словами или *знаками* (=*вѣтія*, при*вѣтъ*, благо*вѣстъ*=колокольный звонъ); 2) *свѣтить*, ос*вѣщ*ать=открывать, изъявлять зрѣнію вещи посредствомъ *свѣтила*, 3) *вѣдать*, *вид*ѣть и др.

Но, не смотря на всѣ эти измѣненія, лексическій анализъ Шишкова все еще носитъ на себѣ отпечатокъ прежняго, синтетическаго *начала*, подъ отрицательнымъ, стѣсняющимъ вліяніемъ котораго попытки новаго анализа остались одними *зародышами*, не достигшими *развитія*. По прежнему Шишковъ, не смотря на то, что онъ, для развѣтвленія своего словопроизводнаго дерева принялъ *одинадцать* самостоятельныхъ корней (особыхъ слоговъ въ 6-ти колѣнахъ) — тяготѣетъ къ *одному* корню, къ *единичному*, отвлеченному, собирательному значенію котораго усиливается онъ привести реальное, предметное значеніе каждаго колѣна порознь. Онъ чувствовалъ, однакоже, внутреннее противорѣчіе своихъ выводовъ, чувствовалъ, что *вѣтви* и *колѣна* корня *вѣщ*—особенностію реальнаго или, лучше выражаясь, живаго, натуральнаго, нагляднаго ихъ значенія заслоняютъ блѣдно-общное, туманно-отвлеченное значеніе *одного* корня и, какъ честный, правдивый мыслитель сознаλъ это — вопреки самому себѣ — при общемъ обозрѣніи колѣнъ дерева: *Вѣщ* (стр. 369 — 370). «*Совѣтую* и *обѣщаю*» говоритъ онъ — «суть понятія, нимало «между собою не сходныя; но мы видѣли единство корня ихъ (*вѣт* и *бѣщ*—измѣнившихся изъ *вѣщ);* посему они, яко имѣющія одинъ и тотъ же корень, должны произойти отъ одной и той же первоначальной мысли, изъявляемой глаголомъ *вѣтую* или *вѣщаю.*» — Противорѣчіе Лексиколога самому себѣ здѣсь слишкомъ явно, но остаться при немъ, признать оное — значило отвергнуть всѣ тѣ *начала*, которымъ онъ слѣдовалъ прежде и принять новыя, которымъ онъ хотя и слѣдовалъ уже — какъ мы видѣли—мимовольно, безсознательно, на *практикѣ*, всегда опережающей собою теорію, но которыхъ онъ не сознавалъ еще ясно и раздѣльно въ *теоріи*. И такъ, оставалось только примирить хотя какъ ни-

будь это противорѣчіе и Шишковъ, подобно всѣмъ мыслителямъ, принужденнымъ прибѣгнуть въ крайности къ обманчивому, невѣрному пособію логическихъ софизмовъ (скачковъ) противъ здраваго, неотразимаго возраженія практики— сдѣлалъ нелогическое заключеніе или *наведеніе* a posse ad esse (отъ предполагаемаго къ дѣйствительному): «вѣтви: *совѣтую* «и *обѣщаю* не имѣютъ ничего общаго по смыслу: но корень «(звукъ) ихъ *одинъ*, слѣд. они *могли* произойти изъ одного «и того же корня, слѣд. и произошли изъ корня: *вѣщ*; ежели «же звуки ихъ произошли изъ одного корня, то и значеніе «ихъ *должно* было произойти отъ значенія одного и того «же корня . . . .» Обративъ неосновательное, шаткое предположеніе свое (о томъ, что *могло быть*) въ положеніе (въ то, что *должно* было быть) — Шишковъ распространилъ, потомъ, на всѣ вѣтви то же положеніе, придавъ уже ему значеніе факта, т. е. того, что *есть* несомнѣнно: «во всѣхъ вѣтьвяхъ» — продолжаетъ онъ — «спося ихъ однѣ съ дру«гими, найдемъ мы въ каждой изъ нихъ разное значеніе; «но всѣ сіи значенія проистекаютъ отъ одной и той же «породившей ихъ коренной мысли. Отсюду слѣдуетъ *не«премѣнное правило*, что *всѣ вѣтви одного дерева* (извлечен«ныя изъ одного и того же корня) *наращеніями своими* «*представляютъ разныя понятія, но корнемъ своимъ говорятъ* «*одно и тоже*». — Что это заключеніе ложно по законамъ логики—это видитъ здравый смыслъ всякаго, замѣчающій, что въ заключеніи сдѣланъ скачекъ, т. е. что отъ первой мысли или перваго положенія сдѣланъ переходъ ко второму вдругъ, безъ всякаго основанія; что это заключеніе ложно и на практикѣ — это легко увидѣть, просмотрѣвъ общее обозрѣніе лексическихъ измѣненій корня *вѣщ* и логическихъ измѣненій его значенія въ 6-ти колѣнахъ, сдѣланное Шишковымъ въ заключеніи его статьи (стр. 364—382).—Первыя 2 колѣна: *вѣщ—вѣт* и *свѣщ—свѣт*, кое какъ еще говорятъ другъ о другѣ своими *двумя*, впрочемъ, различными *корнями*, хотя все таки не *говорятъ корнемъ своимъ одно и тоже*;

что же касается послѣднихъ четырехъ колѣнъ: *свят, цвѣт, вѣдать* и *видѣть*, то они не только не говорятъ *одно* и *тоже*, но даже не указываютъ на какой нибудь общій всѣмъ имъ корень, а тѣмъ болѣе на корень: *вѣщать*, который, по мнѣнію Шишкова, служитъ для нихъ общимъ источникомъ значенія. — Бросимъ бѣглый взглядъ на это общее обозрѣніе вѣтвей корня: *Вѣщ*.

Филологъ нашъ, сдѣлавъ безполезно-длинную таблицу 733 вѣтвей, разросшихся изъ этого одного корня при помощи всѣхъ возможныхъ грамматическихъ наростовъ и приростовъ, не приносящихъ ничего существеннаго къ корню и вѣтвямъ его, напр. *от*-вѣчаю, *при*-вѣчаю, свѣтл-*о*, свѣтл-*ый*, свѣтл-*оватый*,— чувствовалъ необходимость сократить, упростить этотъ, можно сказать, безконечный генеалогическій рядъ отзвучій одного корневаго звука или привести это обширное генеалогическое древо къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ потомственнымъ *линіямъ* или *колѣнамъ* и, такимъ образомъ, облегчить обнятіе онаго для памяти и разума читателя; но приступивъ къ показанію связи между прямыми и побочными линіями съ *праотцемъ*, родоначальникомъ, онъ забылъ кажется, (а можетъ быть и не могъ) опредѣлить съ точностію самаго *праотца* т. е. показать значеніе корня: *вѣщать*. — Это было сдѣлано, быть можетъ, и не безъ умысла или не *по волѣ* Филолога а по необходимости: опредѣливъ съ точностію содержаніе корня, Филологъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ бы читателю мѣрило, которымъ онъ и самъ бы могъ опредѣлять степени сродства вѣтвей съ корнемъ а равнымъ образомъ и приближенность или отдаленность ихъ отъ этого корня. Но такое вмѣшательство читателя было бы весьма невыгоднымъ для Филолога, потому что предположенное имъ *аксіомическое единство* происхожденія вѣтвей рушилось бы съ перваго раза, подобно тому, какъ *однокровность* послѣднихъ потомковъ какой нибудь древней фамиліи съ знаменитымъ ея праотцемъ, утверждающаяся на одинакости *имени* и завѣтныхъ

(устныхъ) преданіяхъ, сохраненныхъ ими—изчезаетъ при первомъ холодномъ вопросѣ геральдика, спрашивающаго для доказательства этой *однокровности* — документовъ, данныхъ *дипломатическихъ* ! . . . Какъ бы то ни было, но Шишковъ, *предположивъ* этотъ общій корень, какъ бы извѣстный читателю, *существующимъ во всѣхъ вѣтвяхъ*, сосредоточивается на показаніи сродства не *разныхъ* колѣнъ вѣтвей съ однимъ и тѣмъ же корнемъ, но *колѣнъ* съ *колѣнами* же: и такъ, генеалогическій выводъ у него простирается не на прямую, *восходящую* линію, но на линіи побочныя, *нисходящія*.— Но и тутъ даже не выдерживаетъ онъ себя вполнѣ. Описавъ первое колѣно: *вѣщать* и показавъ, что вѣтви: *обѣщать*, *возвѣстить*, *благовѣстъ*, *совѣтъ* выражаютъ одну и туже мысль: «говорить, изъявлять мысль свою голосомъ, словами или знаками,» Шишковъ старается вывести отсюда же и корень втораго колѣна; *освѣщать*, *свѣтъ*. — Но какъ онъ дѣлаетъ это? «Свѣтъ» говоритъ онъ—«прогоняетъ мракъ и «открываетъ зрѣнію нашему вещи, которыхъ безъ него не «можемъ мы видѣть и различать, которыя для насъ не суще- «ствуютъ, пока свѣтъ не *возвѣститъ* намъ о нихъ, какъ бы «сказывая или *вѣщая*: это—камень, это—дерево и проч.»— Сродство 2-го колѣна съ 1-мъ представляетъ очевидную натянутость! — Сродство третьяго колѣна *свят* съ первымъ не представляетъ никакой вѣроятности и потому Филологъ не рѣшился даже искать его въ первомъ а опустился ступенью ниже и нашелъ—какъ ему казалось—сродство 3-го колѣна со вторымъ: *свѣтъ*: »Можемъ-ли мы иначе«—говоритъ онъ— «представить себѣ *святость*, какъ не въ лучахъ, въ сіяніи, въ свѣтѣ? (¹) Оба глагола *освѣщаю* и *освящаю* выражаютъ

(¹) Очень легко можемъ себѣ представлять иначе: религіозныя понятія народовъ представляли высочайшую святость— Бога, чѣмъ то премірнымъ, непостижимымъ, недоступнымъ и чувственно изображали эту идею или колоссальными чудовищными формами или же таинственнымъ, ужасающимъ *мракомъ*. Символическое изображеніе *святаго* свѣтомъ—явилось только съ пришествіемъ *Свѣта тихаго* слѣд., гораздо позже тѣхъ чувственныхъ, на-

«сіяніе, съ тою только разностію, что глаголъ *освѣщаю*, изъ-«являетъ вещественный отъ огня *свѣтъ*, а глаголъ *освящаю*, «умственный духовный свѣтъ, несравненно яснѣйшій, высо-«чайшій вещественнаго».

И здѣсь такая же натяжка! 4-е колѣно: *цвѣтъ*, Филологъ старается привести въ сродство со 2-мъ и 1-мъ «когда слову «*свѣтъ* соприсущно понятіе *вѣтую* (вѣщаю) то и слову *цвѣтъ* «оно же самое соприсущно. *Свѣтъ*, освѣщая вещи *вѣщаетъ* «намъ: *это бѣлая, это зеленая* и проч.; но и сама вещь, «озаренная *свѣтомъ*, не вѣщаетъ ли намъ: *я бѣлая, я зеленая* «и проч? Разность между *свѣтомъ* и *цвѣтомъ* токмо въ томъ, «что свѣтъ вѣщаетъ о цвѣтѣ, а цвѣтъ о самомъ себѣ, но «не иначе, какъ при свѣтѣ (?!)»... 4-е колѣно, какъ читатель видитъ, не имѣетъ сродства ни съ 1-мъ ни со 2-мъ и остается самостоятельнымъ. 5-е: *вѣдать* приводится Филологомъ въ сродство съ 1-мъ *вѣщать*, потому, что «мы не «можемъ иначе пріобрѣтать *вѣденія*, какъ посредствомъ нѣ-«коего *вѣтованія* или *вѣщанія* нашимъ чувствамъ».... VI колѣно: *видѣть* приводится въ сродство со 2-мъ и, чрезъ него, съ 1-мъ и другими колѣнами, ибо «*свѣтъ* (вмѣщающій «въ себѣ понятіе о *вѣтованіи*) есть причиною, что мы *ви-«димъ* предметы, которые *вѣщаніемъ* своимъ производятъ въ «насъ *вѣденіе*.» — Изъ этаго бѣглаго обзора можно видѣть, что въ обозначенныхъ Шишковымъ 6-ти колѣнахъ одного и того же корня *вѣщ* скрываются 6-ть отдѣльныхъ корней *аналогическихъ*, если угодно, но во всякомъ случаѣ не сродныхъ между собою, образовавшихся не изъ одного звука и одной идеи, но изъ разныхъ звуковъ, выражавшихъ разныя самостоятельныя идеи, которыя въ послѣдствіи уже

туральныхъ представленій, какія должно предполагать въ корняхъ языка, относящихся къ незапамятной древности. У дикихъ народовъ святость, святое выражаются словомъ: *табу*—заповѣдное, запретное, неприкосновенное (см. *Дюмонъ Дюрвиль*—Путеш.). Ср. еще sanctus, sancire (установлять); heilig и heblen—скрывать, утаивать, отъ котораго *Аделунгъ* производитъ первое (Wörterb. II 1071—73).

времени силою употребленія (usus abusus) смежились звуками и, потомъ отъ части и самымъ смысломъ—что можно видѣть изъ словъ: *вѣдать, извѣщать, вѣсть, увѣдомлять, совѣсть, невѣжда, вѣжда,* (глаза) и др.; съ смеженіемъ корневыхъ звуковъ: *вѣщ, вѣд, вѣст, вид, вѣж,* въ этихъ словахъ произошло и смеженіе значеній: *говорить, знать, видѣть,* между которыми сродство прямое, существенное, натуральное чрезвычайно неявственно даже для напряженнаго вниманія мысли.— Что у самаго Шишкова предполагается не *одинъ* корень но *два,* это читатель могъ замѣтить изъ рѣшительной невозможности, какую находилъ Филологъ въ проведеніи сродства 5-ти колѣнъ съ 1-мъ колѣномъ: *вѣщать,* принужденъ будучи прибѣгать къ посредничеству втораго колѣна: *свѣтъ,* которымъ связуется генеалогически 3-е *святъ,* 4-е *цвѣтъ* и 6-е *видѣть,* не безъ вмѣшательства, однакоже, колѣна перваго.— Сдѣлаемъ теперь небольшую критическую повѣрку; разберемъ главный выводъ нашего Филолога: выводъ корня *свѣтъ* изъ перваго колѣна: *вѣщать.* — Этотъ выводъ служитъ основою всѣхъ прочихъ генеалогическихъ произведеній; мы будемъ имѣть въ виду при повѣркѣ нашей не исправленіе ошибокъ Шишкова, но уясненіе двухъ весьма важныхъ для науки вопросовъ: 1.) почему Шишковъ, не смотря на всю невозможность произвести прямымъ, натуральнымъ образомъ корень *свѣтъ* изъ корня *вѣщать,* не остановился на этихъ двухъ корняхъ, не призналъ ихъ двумя отдѣльными, особыми, самостоятельными корнями, но непремѣнно хотѣлъ видѣть въ одномъ изъ нихъ вѣтвь, видоизмѣненіе другаго? 2.) ежели причиною тому было не случайное, произвольное, прихотливое стремленіе мысли Филолога, но недостатокъ научныхъ, теоретическихъ понятій, при которомъ самая напряженная, строго-послѣдовательная мысль принуждена бываетъ дѣлать скачки и натяжки, — то какихъ именно понятій недоставало нашему Филологу для того, чтобы вмѣсто натянутаго отвлеченнаго *единства* вѣтвей допустить натуральную, наглядную *смежность* между ними?—

§ 3-й.

Критическая повѣрка словопроизводнаго дерева, выходящаго изъ корня: Вѣщ.—

Припомнивъ себѣ выводъ 2-го колѣна (свѣтъ) изъ 1-го (вѣщать), читатель съ перваго же раза чувствуетъ ненатуральность, натянутость въ изъясненіи Филолога. Инстинктъ мысли, который въ лексикологіи языка имѣетъ гораздо большій авторитетъ, нежели утонченная метафизика мудрствованія, признаетъ тотчасъ же, что выводъ вѣтвей *свѣщ* и *свѣт* изъ корня: *вѣщ* и *вѣт* невѣренъ; ежели читатель попробуетъ сдѣлать выводъ обратно противуположный т. е. произвести *вѣщаніе* и *вѣтованіе* отъ *освѣщенія* и *свѣтанія*, то найдетъ, что и этотъ обратно-противоположный выводъ будетъ такъ же ненатураленъ: это покажетъ ему, что оба колѣна заключаютъ въ себѣ значеніе *переносное*, взятое отъ одной какой-то идеи или отъ одного какого-то общаго имъ *предмета*, прямой смыслъ котораго не сохранился, однакоже, ни въ томъ, ни въ другомъ, такъ, что оба колѣна суть двѣ самостоятельныя вѣтви одного какого-то корня или два корня, по происхожденію ихъ, представляющіе нѣчто общее, сродное но не имѣющіе между собою никакой *прямой генеалогической связи.*— Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ значенія корней: *вѣтить-вѣщать* и *свѣтить освѣщать*, мы находимъ, что они могутъ быть приведены къ одному началу только какъ *синонимическія сказуемыя* одного подлежащаго (неизвѣстнаго=x). *Вѣщать*—по изъясненію Шишкова—значитъ: «изъявлять мысль свою голосомъ, словами или знаками»; въ этомъ опредѣленіи довольно вѣрно указаны сказуемыя, но указано невѣрно ихъ подлежащее: *мысль*, потому что *вѣщать*, выражаетъ изъявленіе (обнаруженіе) не одной мысли, но, вообще, всего сокровеннаго, тайнаго, неизвѣстнаго намъ,—

всего, какъ существующаго уже или находящагося въ дѣйствительности, позади насъ, въ *прошедшемъ*, такъ и всего того, что еще не существуетъ, что сокрыто отъ насъ, что находится впереди, въ *будущемъ*. — Въ оправданіе мнѣнія нашего возьмемъ слова: *вѣсть, вѣстникъ;* они означаютъ признаки, предшествующіе тому, что уже *есть* въ природѣ, дѣйствительности, но что не наступило еще или, лучше сказать, что не дошло еще до насъ, что, такъ сказать, приближается только къ намъ. Напротивъ того, слова: *вѣщій*, польск. *wieszcz* (вѣщъ=гадатель, прорицатель), *вѣщунъ*, *вѣщевать* и др., означаютъ признаки, предшествующіе тому что еще *не есть*, но что будетъ, что готовится быть, до чего мы еще не дошли, къ чему мы приближаемся, такъ сказать. И такъ, *вѣтить-вѣщать*, понимаемыя въ смыслѣ *дѣйствій* человѣка (глаголовъ дѣйствит. значатъ: *предъузнавать* и *предсказывать*=знать и сказывать о чемъ-либо прежде, нежели оно явилось или явится чувствамъ человѣка или *обнаруживать*, дѣлать явною, извѣстною какую-нибудь вещь чувствамъ и, слѣд., мысли человѣка, или, однимъ словомъ, *узнавать* и *давать знать* о чемъ-либо отдаленномъ, сокрытомъ, недоступномъ чувствамъ человѣка, посредствомъ внѣшнихъ признаковъ, предшествующихъ оному или же неразрывно съ нимъ соединенныхъ.— Отсюда можно уже произвести и дальнѣйшее, переносное (метафорическое) значеніе глагола: *вѣщать*—«говорить, *обна*-«*руживать* голосомъ, рѣчью нѣчто *сокровенное* т. е. мысль, «желаніе и т. д. *затаенныя* въ душѣ, въ сердцѣ человѣка.»—(1).

(1) Читатель легко можетъ видѣть, что это послѣднее значеніе есть 1.) *позднѣйшее* но не первоначальное, 2.) *отдаленное* но не прямое значеніе корня: *вѣщать*, или — выражаясь словами Шишкова — это значеніе *вѣтвенное* но не *корневое*. Мы думаемъ такъ потому, что а) *подлежащее* его есть *человѣкъ* или его *мысль*, *знаніе* его о чемъ нибудь и т. д., б.) *сказуемое*— голосъ, рѣчь, слова, которыми онъ передастъ другимъ эту мысль и знаніе.— Ясно, что въ метафорическомъ наименованіи рѣчи *вѣщаніемъ*, *вѣтомъ* (*от-вѣтъ, при-вѣтъ*) т. е. обнаруженіемъ чего нибудь сокрытаго въ душѣ, чего-то существующаго въ тайнѣ, недоступно для мысли другаго человѣка, видно уже утонченное логическое соображеніе связи между *мыслію* и *зву*-

Перейдемъ къ другому значенію корня *вѣт–щ,* составляющему у Шишкова 2-е колѣно: мы найдемъ, что это значеніе *по подлежащему* его (=чему-то сокровенному) смежается или роднится съ первымъ, но по *сказуемымъ* своимъ (формѣ, въ которой обнаруживается это сокровенное) представляетъ особое, независимое, самостоятельное слово, значеніе котораго имѣетъ такой же характеръ *первообразности* или *первоначальности,* какъ и значеніе перваго корня. — Мы это увидимъ сей часъ же: просмотрѣвъ остальныя измѣненія нашего корня, соприкасающіяся съ первыми. — Соображая дальнѣйшія развѣтвленія основнаго корня Шишкова: *вѣст, свѣт, свѣщ, цвѣтъ, цвѣст,* мы видимъ, что они, будучи какъ бы разнообразными видоизмѣненіями одного и того же звука: *вѣт-вѣщ,* въ смыслѣ *дѣйствій предметовъ* или *предметныхъ состояній* (глаголовъ среднихъ) означаютъ: «обнаруживать извѣстнаго рода состояніе, таящееся въ предметѣ, «посредствомъ признаковъ, доступныхъ *зрѣнію* и *слуху* т. е. «посредствомъ *свѣта* и *звука.*»—Возьмемъ слово благо*вѣстъ:* вторая половина его означаетъ, собственно, *звукъ,* звонъ колокола, *предшествующій* началу богослуженія въ церкви и собранію народа въ храмъ Божій, слѣд. *предсказывающій* то и другое; сличимъ еще слова: *вече* и *вѣче*—которыя суть измѣненія того же корня *вѣт,* раствореннаго въ приведенномъ выше словѣ буквою *с* (от*вѣтъ,* от*вѣтствіе,* от*вѣчать*)— они, равнымъ образомъ, означаютъ звонъ колокольный, предшествующій собранію народному; (1) и такъ *вѣстъ, вѣч* оз-

---

комъ и между *вещію* и *признаками,* предшествующими появленію оной передъ чувства человѣка. Но логическое соображеніе предполагаетъ уже и углубленіе въ *мысль* и *слово,* соединенное съ нею — что трудно допустить въ *первоначальномъ,* по всей вѣроятности, чувственномъ, наглядномъ образованіи значенія корня: *вѣт;* правдоподобнѣе, по этому, что *первое* значеніе онаго простиралось не на дѣйствія мысли человѣка, но на дѣйствія и состоянія предметовъ природы.

(1) У насъ подъ *вѣчемъ* понимаютъ только *собраніе* народное. Мнѣ кажется, что прямѣе это слово означаетъ *созываніе* народа *посредствомъ звона коло-*

начаютъ: «звукъ, голосъ предваряющій какое-нибудь явленіе уже готовое, совершившееся или же готовое наступить, имѣющее совершиться.» Отсюда натурально и безъ натяжки можно производить: *вѣсть, повѣсть, вѣстникъ, привѣтъ, обѣтъ,* и др. слова. — Возвращаясь къ другимъ вѣтвямъ *свѣтъ, свѣча, освѣщать, свѣтать, разцвѣтъ, цвѣсть,* мы находимъ, что сходству звуковъ этихъ словъ съ звуками первыхъ словъ, повторяющихъ видоизмѣненія: *вѣт, вѣст, вѣщ, вѣч,* не соотвѣтствуетъ, однако же, сходство самаго *значенія* ихъ, потому что въ первыхъ трехъ вѣтвяхъ: *свѣтъ, свѣча, освѣщать* почти не видно различія, промежутка между тѣмъ, что *предшествуетъ* (обнаруживаетъ сокровенное) и тѣмъ, что бываетъ предшествуемо (что скрыто): явленіе свѣта совпадаетъ въ одномъ моментѣ съ явленіемъ свѣтящаго тѣла.—Въ 4-й только вѣтви: *свѣтаетъ* можно усматривать *нѣкоторую аналогію* съ *вѣстомъ* и *вечемъ,* потому что *свѣтъ* (польск. świt «сьвитъ,» раз*свѣтъ*) предъутренній есть разжиженіе атмосферы, происходящее отъ распространенія въ воздухѣ *бѣловатыхъ пылинокъ,* шариковъ, брызговъ, предваряющихъ *лучеобразное* распространеніе дневнаго свѣтила— самый *свѣтъ* (światło).—Отсутствіе прямаго сродства между двумя этими колѣнами, которое читатель, я думаю, вполнѣ признаетъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что эти два колѣна, какъ мы уже сказали, суть не вѣтви одного и того же корня *вѣщ*(ать) но два особые корня или вѣтви двухъ особыхъ корней, переносныя значенія которыхъ смежились, обобщились а потомъ передали отпечатокъ этой смежности и на значенія своихъ вѣтвей, къ открытію сродства которыхъ нѣтъ, однако же, никакой возможности.—Тоже самое должны мы сказать и о послѣднихъ двухъ вѣтвяхъ (принадлежащихъ у Шишкова къ 4-му колѣну): *цвѣтъ, цвѣсть.* Они

кола къ собранію на площади. Напр. выраженіе старинныхъ нашихъ лѣтописей: — *Сотвориша вѣче* значитъ: «сдѣлали *кличъ, зовъ, призывъ* къ собранію, ударили въ колоколъ» Сличи еще слово: *вечь*—(Польск. wieża) башня, колокольня (см. старый Словарь Акад. Т. I.).

должны быть признаны такими же самостоятельными корнями, какъ *вѣстъ, свѣтъ,* потому что смежность съ обоими послѣдними хотя и болѣе явственная нежели смежность между сими самими *(вѣста* съ *свѣтомъ),* все таки кажется скорѣе случайно-запавшею, зароненною въ нихъ, нежели проистекающею изъ самой натуры ихъ, изъ сущности. Анализъ этихъ корней покажетъ, что они представляютъ гораздо болѣе сродства съ корнями: *вить, вѣять* и др., нежели съ корнями: *вѣт-вѣст* и *свѣтъ.* Первая изъ приведенныхъ нами вѣтвей, кажется, находится въ довольно близкомъ сродствѣ съ вѣтвями 1-го и 2-го колѣнъ: *цвѣтъ* какъ бы совмѣщаетъ въ себѣ сродство *частное*—съ корнемъ *свѣтъ* и *общее*—съ корнемъ *вѣстъ,* потому, что означаетъ *бѣловатые лепестки* или листки, которые появляются на частичкахъ плодоносныхъ (фруктовыхъ) деревьевъ *предъ образованіемъ* оныхъ въ плоды, слѣд., *цвѣтъ* выражаетъ измѣненіе твердой части растительнаго вещества, *предшествующее* образованію его въ мягкую, питательную массу—плодъ и служитъ признакомъ, вѣстникомъ онаго, подобно тому, какъ бѣловатый передразсвѣтный свѣтъ служитъ вѣстникомъ яркаго солнечнаго свѣта.—Но и здѣсь внутреннее чувство истины въ читателѣ найдетъ такое же утонченное логическое соображеніе, какъ и въ словахъ: *вѣщать* (предузнавать сокровенное) и *вѣщать* (говорить, изъявлять сокровенное души голосомъ, рѣчью). Признавая, поэтому, указанное нами сродство *цвѣта* съ первыми 2-мя колѣнами—*случайнымъ* или, по крайней мѣрѣ, позднѣйшимъ отдаленнымъ, поищемъ сродства болѣе близкаго и первообразнаго. Возьмемъ другія значенія слова: *цвѣтъ,* — 1.) *цвѣтъ*=краска вообще, couleur, Farbe; 2.) *зеленоватая краска* (cf. *цвѣль, цвѣтетъ*—о водѣ: «покрывается зеленою оболочкою»); мы находимъ, что и эти слова означаютъ наружное измѣненіе вещества, предшествующее нѣкоторому внутреннему измѣненію онаго: но, хотя сродство между словами: *цвѣтъ* и *свѣтъ* и явственнѣе, нежели между словами: *свѣтъ* и *вѣтъ,* инстинктъ мысли читателя, все таки, не

находитъ, чтобы оно было прямое, безъ натянутости, чтобы оно *само* сказывалось уму, — а это лучшій признакъ того, что значенія этихъ словъ суть весьма отдаленныя сказуемыя какого-то подлежащаго (вовсе неизвѣстнаго), отдаленныя до того, что взаимоотношеніе ихъ по *содержанію* (сущности) совершенно въ нихъ изгладилось, оставивши за собою только нѣкоторое отношеніе *объема* т. е. отвлеченно-блѣдную, тусклую очертательность, въ которой самые разнородные и чуждые этимъ словамъ предметы могутъ быть сносимы съ ними такъ же точно, какъ и предметы, по видимому, одной съ ними категоріи.—Въ самомъ дѣлѣ, идея: «измѣненіе наружное, предшествующее внутреннему измѣненію» (но чего именно, когда именно?) такъ обща, что руководясь только ею одною, можно найти въ большей части глаголовъ среднихъ сродство съ словами: *свѣтъ* и *цвѣтъ!* — Пойдемъ далѣе, по отпрыскамъ нашего корня: не найдемъ ли въ нихъ ключа къ первообразному значенію онаго, которое до тла почти изглажено временемъ? Возьмемъ отрасли: *цвѣсти, цвѣтокъ;* они представляютъ довольно близкое сродство съ словами: *вѣтвь, вѣтка.* Что же означаютъ послѣднія? «Тонкія отрасли дерева изъ сторонъ суковъ выходящія» (Слов. Акад.)? Это значеніе, мнѣ кажется, все таки не прямое а переносное: здѣсь *содержимое* принято за *содержащее:* твердыя, дебелыя части выходящія изъ ствола растѣнія—за тонкія растительныя стрѣлки, *нити* (rayons) или *зеленые завитки,* изъ которыхъ эти отрасли выходятъ, какъ изъ первоначальнаго ихъ лона. — Въ этомъ я убѣждаюсь, сравнивая слѣдующіе 5-ть отпрысковъ слова: *вѣтвь*— 1.) млр. *вѣя* (вія), *вѣйка,* 2.) *цвнсл. вайя* или *вѣія* (Поликарп.) и *вѣня* (листъ древесный, Добр.) 3.) Вр. *вѣточка,* 4.) *вѣнокъ,* 5.) *вѣникъ.* — Во всѣхъ этихъ отпрыскахъ находимъ мы а) одинакость корня *вѣ,* который за исключеніемъ одного только цвнсл. *вайя* (¹) вездѣ является съ однимъ и тѣмъ же типомъ, разнообразящимся

(¹) Которое у *Поликарпова* имѣетъ форму *вѣія* (ramus, вѣтвь).

только наконечными гласными (*й, я*) и согласными *н, т* (*вѣн, вѣт*); б.) одинакость *объема* — всѣ приведенныя нами слова обозначаютъ принадлежности предметовъ *растительнаго царства* природы; в) одинакость *содержанія* (характеристическихъ чертъ)—ибо всѣ указываютъ на *радіусъ* и *кругъ*, двѣ главныя, элементарныя, первообразныя формы, служащія основою образованію формъ въ веществахъ растительнаго царства.—По этому мы можемъ считать эти 5-ть отпрысковъ видоизмѣненіями одного и того же, хотя намъ неизвѣстнаго, корня. Покажемъ взаимное сродство между ними.— Первый—*вѣя, вѣйка* — означаетъ а) рѣсницу т. е. волоски или *волосяныя нити* лучеобразно идущія по краямъ вѣждей или *полушаровыхъ оболочекъ* глаза; б) ростки или тонкіе прутики, *стрѣлки*, выходящія изъ растѣнія и служащія основаніемъ листкамъ, которые — не забудемъ — идутъ по сторонамъ этихъ нитей то прямыми паралельными *линіями*, то кругообразно, опоясывая собою стебль, или точнѣе выражаясь, *лучеобразно* (сферически). Второй — *вайя*, хотя за нимъ усвоено (не знаю, почему?) значеніе финиковой вѣтви, у *Памвы Берынды* ([1]) толкуется малороссійскимъ словомъ: *вѣйка*, слѣд. означаетъ тоже стебли растѣнія, покрытые листьями. — *Вѣнія*—означаетъ *листъ древесный* (Добр. Jnst. l. Slav.), который есть ни что иное, какъ совокупность безконечнаго числа *вѣекъ*, жилокъ, идущихъ *прямыми* и *кругообразными линіями* и въ чудно-прихотливыхъ сплетеніяхъ образующихъ растительную ткань то протяженно-стрѣльчатой, то округленной формы. — Третій отпрыскъ — *вѣточка* означаетъ «кисточку съ ягодами» т. е. пукъ стебельковъ въ *одной точкѣ* связанныхъ и образующихъ *шаровидную* массу, такъ сказать, *лучеобразно* изъ центра выходящихъ нитей: етотъ отпрыскъ сроденъ, по этому, съ двумя первыми: *вѣя* и *вайя* —Четвертый отпрыскъ— *вѣникъ* совмѣщаетъ въ себѣ

([1]) У *Поликарпова*, какъ мы сказали, есть другая форма: *вѣія*, означающая *вѣтвь* вообще (см. Лекс. треязычный).

отпрыски: *вѣя* и *вѣня* (прутъ и листъ), означая «связку древесныхъ *прутьевъ*, покрытыхъ *листьями*.» Пятый—*вѣнокъ* совмѣщаетъ въ себѣ значенія всѣхъ предъидущихъ отпрысковъ, потому что означаетъ «*связку*, сдѣланную изъ вѣтвей «и цвѣтовъ, расположенныхъ кругообразно около прутика, «свернутаго въ видѣ круга или обруча для надѣванія онаго «на голову (Слов. Акад., Церк.—Слав.—Росс. Слов. II. С.).» Вотъ значеніе пяти отпрысковъ, находящихся въ ближайшемъ сродствѣ между собою и съ словомъ: *цвѣтъ*, на которомъ мы остановились. — Спрашивается теперь: гдѣ *корень* этихъ словъ или гдѣ то *корневое*, первоначальное и общее всѣмъ имъ значеніе, изъ котораго можно было бы произвести частное, особенное значеніе, характеризующее каждый отпрыскъ порознь? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ, отвѣтъ, разумѣется, удовлетворительный, затруднителенъ для филолога добросовѣстнаго столько же, сколько и для читателя, я думаю; не знаю, впрочемъ, какъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ благосклонный мой читатель, но увѣренъ, что всякій добросовѣстный филологъ далъ бы отвѣтъ *двоякій*: «корня для приведенныхъ отпрысковъ *нѣтъ*» и «корень приведенныхъ отпрысковъ содержится съ самыхъ же отпрыскахъ»—смотря по тому, что̀ будетъ понимать вопрошающій подъ *корнемъ*, какія условія, требованія будетъ онъ соединять съ *корнемъ* словъ? Ежели подъ корнемъ словъ онъ будетъ понимать какую-нибудь *простую, единичную идею*, чрезъ анализъ, раздробленіе которой можно было бы получить всѣ частныя идеи (значенія) вѣтвей,—то смѣло можно сказать, что такого корня нельзя отыскать ни въ одномъ изъ языковъ человѣческихъ, подобно тому какъ нельзя отыскать ни въ одной категоріи (совокупности) предметовъ природы какъ живыхъ, одушевленныхъ такъ и бездушныхъ, такого *единаго* и *всеобщаго* начала, въ которомъ бы содержалась основа всѣхъ порознь предметовъ одной какой-нибудь категоріи, такъ что каждый изъ этихъ предметовъ былъ бы *частію* этого простаго начала, раздѣлившагося въ нихъ или вошедшаго въ

составъ ихъ одною какою-нибудь изъ своихъ сторонъ, качествъ, принадлежностей и т. п. Въ природѣ вообще и въ каждой категоріи ея существъ и веществъ (царствѣ, классѣ, семействѣ, родѣ, видѣ) есть только особыя, слѣдовательно частныя, *простыя начала* а не единое всеобщее начало,—*начала,* которыя всюду являются въ соединеніи или сосуществованіи съ другими же простыми началами, но чистаго, отрѣшеннаго, *самоединаго* бытія вовсе неимѣютъ, такъ что всякій предметъ представляетъ соединеніе *простаго* начала съ сложнымъ, общаго съ *частнымъ, родоваго* съ *видовымъ* и т. д. Общее, простое, родовое — въ чистомъ своемъ видѣ не является нигдѣ, потому что нигдѣ мы не можемъ застигнуть его внѣ *полюсовъ* его, независимо, отрѣшенно отъ *полюсовъ,* существованіе которыхъ указываетъ уже на *раздѣленіе* этого простаго начала въ самомъ себѣ. Не желая, однакоже, ограничиться одною этою ссылкою въ оправданіе перваго моего отвѣта, я могу подтвердить его фактически—ссылкою на любой словарь русскій, въ которомъ читатель не отыщетъ корня для приведенныхъ мною отпрысковъ. Онъ найдетъ въ нихъ три только глагола одинаковаго съ ними звука и отчасти аналогическаго значенія: *вѣять, вить* и *ваять.* Но первый, по звуку своему ближе всѣхъ прочихъ подходящій къ нашимъ отпрыскамъ *(вѣя, вѣн', вѣт')*—далѣе всѣхъ по смыслу... Второй ближе другихъ по смыслу (скручивать, сучить, *шарообразно* сплетать *нити,* напр. *вить гнѣздо),* но за то далѣе другихъ по звуку корневому *и, гю* (Црк. вити, вію); третій (=вырѣзывать и выдалбливать на деревѣ, камнѣ и пр., проводить черты, линіи) въ половину только приближается къ нашимъ отпрыскамъ какъ по звуку (развѣ черезъ *вайя* только), такъ и по смыслу (черта, линія=*вѣя).*—Но ежели мы будемъ принимать здѣсь *корень* аналогически (по подобію) съ простыми первообразными началами природы, то найдемъ что онъ существуетъ въ самыхъ же отпрыскахъ. Въ самомъ началѣ обозрѣнія пяти нашихъ отпрысковъ я характеризовалъ ихъ значеніе, сказавши что всѣ

они указываютъ на *радіусъ* и *кругъ*—двѣ первообразныя формы, служащія основаніемъ происхожденію и образованію тѣлъ растительнаго царства. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ жизненный процессъ предметовъ этого царства природы, мы находимъ что эти двѣ черты составляютъ столь точный, существенный, рѣзкохарактеристическій признакъ *собственно-растительной* (прозябаемой) жизни, что имъ однимъ только можно опредѣлить ея особенность *видовую* и отличить отъ общаго *родоваго* характера, съ какимъ представляется періодическое образованіе физическихъ тѣлъ съ одной стороны въ высшемъ органическомъ царствѣ природы — *животномъ*, съ другой — въ низшемъ неорганическомъ ея царствѣ: *минеральномъ*. Опредѣленія идеи растительнаго процесса, глагола: *расти*, въ словаряхъ нашихъ такъ *общноформальны*, что мы легко можемъ прилагать ихъ какъ къ тѣламъ животнымъ, такъ и къ тѣламъ неорудньмъ, ископаемымъ и даже къ періодическому (постепенному) *увеличенію объема* физическихъ тѣлъ безъ различія, — потому, что понятіе «растенія, возрастанія тѣлъ прозябаемыхъ» отождествлено въ обыкновенныхъ опредѣленіяхъ лексикологическихъ съ «*увеличеніемъ объема*.» Соколовъ опредѣляетъ въ словарѣ своемъ глаголъ: *расти*, такъ: «*прибавляясь вверхъ, мало по малу выше становиться, дѣлаться;*» Линде — «większym się stać.» Юнгманъ «rozstupowánjm se ze wnitř na del a na šjř weličeti (увеличиваться чрезъ расширеніе изъвнутрь въ длину и въ ширину); Шимкевичь: «мало по малу становиться выше посредствомъ *внутреннихъ силъ;*» наконецъ Аделунгъ: «durch Ansetzung neuer Theile von innen grösser werden» (увеличиваться чрезъ присоединеніе *новыхъ частей изъвнутри*) — Изъ всѣхъ этихъ опредѣленій, обнаруживающихъ плохую физику и физіологію, одно только опредѣленіе Аделунга имѣетъ сколько нибудь характеристическаго, но и оно далеко еще отъ достоинства точнаго опредѣленія, потому что опирается на одной только чертѣ: *изъвнутри*, которая ежели и будетъ отличать увеличеніе объема растительныхъ тѣлъ (прозябаемыхъ) отъ увели-

ченія объема тѣлъ ископаемыхъ, то нисколько не можетъ служить отличіемъ возрастанія прозябеній (plantes) отъ возрастанія животныхъ: и у тѣхъ и у другихъ объемъ увеличивается, расширяется,— но а) животное съ первой минуты своего существованія на свѣтѣ и воздухѣ увеличивается во всемъ цѣломъ своего состава (потому что и появляется въ цѣломъ составѣ на свѣтъ, съ самымъ его рожденіемъ)— растѣніе же увеличивается не во всемъ цѣломъ, а въ *частяхъ:* сперва въ стеблѣ или стволѣ, потомъ въ вѣтвяхъ, выходящихъ изъ ствола, потомъ въ листьяхъ, выходящихъ изъ вѣтвей и т. д. б) Увеличеніе объема въ животномъ и совершеніе сопряженныхъ съ тѣмъ отправленій (fonctions) идетъ непрерывно-періодически: въ растѣніи — напротивъ того— оно представляетъ перерывы или періодическую смѣну *начала, средины* и *конца* (весною, лѣтомъ, зимою), возвращающихся въ постоянномъ порядкѣ. — Не стану здѣсь распространяться объ общей, генетической (родовой) чертѣ, которыми естествознаніе (Naturkunde) различаетъ процессъ возникновенія и образованія въ двухъ полярныхъ областяхъ природы: *органической* и *неорганической,* говоря, что вещества и существа первой образуются *изъвнутри* чрезъ питаніе и усвоеніе себѣ чуждыхъ веществъ (assimilation),—вещества же послѣдней *изъвнѣ,* чрезъ накопленіе внѣшпее, наружное (aggregatio, juxtapositio): довольно мнѣ, ненатуралисту, но здравомыслящему ученому, замѣтить, а) что самое *усвоеніе,* безъ котораго не состоится процессъ растительной жизни какъ въ прозябеніяхъ такъ и животныхъ, ясно говоритъ, что тѣ и другія растутъ посредствомъ дѣятельности изъ внутри такъ же, какъ и при помощи дѣятельности изъ внѣ: глядя на распускающіеся завитки листочковъ, цвѣтковъ, на наливающіяся зерна колосьевъ, ядра плодовъ, ботаникъ добросовѣстный — я увѣренъ — остановится въ раздумьи о томъ: что гонитъ зеленѣющій или бѣловатый завитокъ въ верхъ, въ даль, въ доль и ширь: *внутренняя* ли *образующая* сила жизни или *внѣшнеобразовательная* сила стихій, живот-

ворное вѣяніе вешняго воздуха и теплое дыханіе солнца? — б) Что *накопленіе внѣшнее* — есть чистый фантомъ теоріи — безсильной проникнуть въ таинства образовательнаго процесса неорганической природы, которая самую низшую, по мнѣнію теоріи — самую несовершенную организацію веществъ сдѣлала совершенно-недоступною наблюденію и мысли человѣка; ни одинъ добросовѣстный минералогъ — я увѣренъ — не скажетъ, чтобы онъ или кто-нибудь изъ собратій его подстерегъ когда-нибудь то *внѣшнее движеніе частичекъ*, которыя, подобно пылинкамъ снѣга оседая одна на другой, строятъ чудную кристаллическую ткань минералла: всюду застаемъ мы минераллъ оконченнымъ, готовымъ, вполнѣ образованнымъ и по разложеніи его, находя въ основѣ его *ядро* — какъ зародышъ, начало, аналогическое съ зародышемъ животнаго (яйцемъ) и зерномъ растѣнія — можемъ думать (на основаніи непогрѣшительнаго закона *аналогіи*), что расширеніе объема минералловъ происходитъ *изъвнутрь* такъ же точно какъ и *изъвнѣ*. — При такой невозможности отличить растеніе прозябеній отъ растенія животныхъ и минераловъ по *матеріи* т. е. самой сущности жизненнаго процесса, невполнѣ доступнаго нашему наблюденію, что остается уму? Отличить ихъ по *формѣ* этого процесса, по наружнымъ чертамъ, въ которыхъ явственнѣе, нагляднѣе онъ выражается, по *движенію* образовательной силы въ каждомъ изъ трехъ царствъ природы, особенность котораго — въ самомъ дѣлѣ — составляетъ характеристическую черту видоваго отличія въ каждомъ порознь. — Естествознаніе замѣчаетъ, что «видъ недѣлимыхъ органическаго царства ограниченъ «*криволинейною поверхностію;* недѣлимыя же неорганическаго «царства имѣютъ видъ, ограниченный *прямолинейною поверх-«ностію.*» (¹) — Не позволяя себѣ дѣлать никакихъ поправокъ въ наукѣ, чуждой намъ въ ея подробностяхъ, не считаемъ однакоже самоуправствомъ замѣтить, что болѣе пол-

(¹) Общая Ориктогнозія Э. Гофманна. Кіевъ, 1840. § 3. стр. 4—5.

ное развитіе характеристической черты (которая теряется въ числѣ другихъ, указываемыхъ естествознаніемъ) дало бы болѣе удовлетворительную характеристику *животныхъ, прозябаемыхъ* и *ископаемыхъ* тѣлъ по *движенію* образовательной силы, которое отпечатлѣвается, правда, и въ *видѣ (формѣ)* ихъ, но характеристическая особенность котораго является еще явственнѣе въ возникновеніи и дальнѣйшемъ возрастаніи оныхъ. Три основныя геометрическія формы: *линія, кругъ*, и *сфера* замѣчаются въ образованіи животныхъ, растѣній и минераловъ; формы, въ которыхъ проявляется образовательная сила каждаго порознь изъ этихъ трехъ царствъ природы, суть ни что иное какъ разнообразныя видоизмѣненія этихъ трехъ формъ геометрическихъ.—Основою образованія царства минеральнаго служитъ *линія горизонтальная*, проходящая чрезъ центръ минерала (¹) *ось* и, по этому, поверхность *четыре*—и *многоугольная*, однимъ словомъ фигура, со всѣхъ сторонъ ограниченная *прямыми линіями* и *углами*. Основою образованія въ царствѣ растительномъ служитъ *линія перпендикулярная* (стволъ и корень растѣнія), пересѣкаемая горизонтальною поверхностію (землею) на два радіуса: *верхній*, обращенный къ свѣту и воздуху (стволъ) и *нижній*, погружаемый въ нѣдра влаги и темноты (корень) (²); *лучеобразное, радіальное* (rayonnant) движеніе растительной

(¹) Въ каждой кристаллической формѣ можно представить себѣ извѣстныя «чрезъ центръ проходящія линіи, вокругъ которыхъ всѣ плоскости «формы расположены симметрически. Эти воображаемыя линіи назы«ваются *осями кристалла*» Общ. Ориктогнозія Э. Гофманна § 11 стр. 18.

(²) Эти особенности воззрѣнія, пренебреженныя наукою, сохранившіяся только въ *языкахъ* (отъ корней которыхъ я и отвлекаю оныя) давно уже, испоконь вѣка были низложены не только въ *слова языка*, но и въ прекрасные поэтическія миѳы, глубоко-научный смыслъ которыхъ одни поэты умѣли оцѣнить и постигнуть. Стихотвореніе Шиллера: *Klage der Ceres* изображаетъ въ превосходныхъ стихахъ философію растительнаго процесса по воззрѣнію древнихъ. Въ дополненіе къ моему описанію приведу здѣсь эти стихи Шиллеровой элегіи въ переводѣ Жуковскаго:

силы, то выходящей изъ *одной точки* пукомъ ростковъ (въ корнѣ, многихъ цвѣткахъ), то изъ *многихъ точекъ*, находящихся на круговой или круговидно, периферически-извивающейся линіи (на стволѣ, стеблѣ растенія, вѣткахъ и проч.), но во всѣхъ случаяхъ сохраняющей отпечатокъ *радіуса* и *круга*—своихъ нормальныхъ, типическихъ формъ, составляетъ характеристическую черту растительнаго царства природы. Отъ того въ формѣ растѣній замѣчается господство фигуры треугольника, смѣшанной съ круговою фигурою (фигуру сферическую представляютъ только нѣкоторые плоды.—(¹) Что основою образованія животныхъ служитъ *сферическая форма*, которую физіологія находитъ въ самомъ зародышѣ животнаго (образованіе сердца и проч.), смѣшеніе которой съ *цилиндрическою* (уклоненіемъ отъ первой) въ самой фигурѣ животнаго тѣла находитъ глазъ всякаго, объ этомъ я не нахожу нужнымъ распространяться болѣе.—Теперь мы знаемъ характеристическую особенность растительной жизни и легко можемъ понять, почему *умъ языка* выразилъ ее корнемъ *вѣй* (cf. *вить, вью*), въ разнообразныхъ измѣненіяхъ котораго (*вѣн, вѣт, вѣст=цвѣсть*) постоянно указываются двѣ формы: *радіусъ* и *кругъ* или *кружащійся радіусъ*, какъ норма, какъ типъ движенія, совершаемаго растительно-обра-

---

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня
И приходитъ отъ Коцита
Милой вѣстью для меня . . . . .
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы земной:
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень—Стиксовой струей . . . . .

(¹) Не опасаемся, если характеристика наша не вполнѣ будетъ точна: не пишемъ ботаники, но опредѣляемъ первобытныя ботаническія формы, чтобы прояснить себѣ смыслъ искомаго корня: *вѣт*. Не боимся никакого упрека естествознателей потому, что они сами не похвалятся точностію *теоретическихъ характеристикъ*, примѣръ которой мы имѣли случай видѣть выше.

зовательною силою. Ежели бы мы, для большей наглядности нашего объясненія, составили изъ описанныхъ нами выше отпрысковъ корень гипотетическій (хотя несуществующій), глаголъ: *вѣти, вѣити, вѣсти* (cf. *цвѣтъ, цвѣсти*), то онъ значилъ бы: «пускать вверхъ, внизъ и по всѣмъ сторо-«намъ лучеобразно-расходящіеся ростки или растительныя «стрѣлки (вѣйки)»; — въ оправданіе гипотезы моей сошлюсь на два слова, по всей вѣроятности, отпрыски этаго корня: *весь* (поле, покрытое травою, cf. Wiese, лугъ) и *весна*—время, въ которое начинают пробиватся ростки, растительныя стрѣлки; *цвѣсти*, равнымъ образомъ, подтверждаетъ мою гипотезу, потому что сущность цвѣтенія состоитъ въ *испусканіи* бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ вѣекъ, жилокъ, стрѣлокъ (=радіусовъ). прошибающихъ зеленую чашечку самаго цвѣтка или зеленый лиственный завитокъ; *вѣя, вѣйка, вѣтка* и другіе отпрыски суть разностороннія, частныя выраженія той общей идеи, которая раздробилась въ нихъ. Вотъ прямое, первообразное значеніе корня *вѣт-вѣст*, сколько можно предполагать по анализу его вѣтвей. Посмотримъ теперь, какъ это первообразное значеніе нисходило по разнымъ ступенямъ къ значеніямъ метафорическимъ, позднѣйшимъ, отпечатокъ которыхъ сохранился на другихъ словахъ того же типа: *вѣт*, словахъ, которыя, быть можетъ, сначала были вѣтвями одного корня, но теперь по крайней мѣрѣ, для насъ имѣютъ значеніе отдѣльныхъ корней, въ теченіе времени смежившихся, обобщившихся звукомъ, а потомъ отчасти и самымъ смысломъ. Изъ корня *вѣти, вѣсти* (пускать вѣйки, развѣиваться, завѣиваться) легко могло образоваться и переносное значеніе: быть въ порѣ, предшествующей образованію листьевъ, цвѣтовъ, вообще—полному раскрытію растительной жизни, усыпленной въ оцѣпенѣвшемъ *тѣлѣ* растѣнія,—предварятъ, предъуказывать возрожденіе растѣнія, быть предтечею, *вѣстникомъ наступающей*, но еще *сокровенной*, необнаружившейся жизни растѣнія, сомкнутой въ *вѣйкахъ*. Отъ растительнаго царства таже идея съ тѣмъ же звукомъ могла быть перене-

сена къ стихійному царству прироры: къ *воздуху* и *свѣту*. Отсюда слова: 1) *вѣять* (cf Вимц. *wehen*, въ стар. Нѣмц *waien*, у Ульфилы *waian*)—не *дуть* (по словарямъ нашимъ), но а.) пускать *струи (вѣи)* воздуха, приводить въ *круговратное* движеніе струи воздуха (*вѣять на кого нибудь*=обвѣвать), б.) извиваться волнистыми линіями отъ движенія воздуха (« *вѣютъ стязи* (знамена) *Игоревы*» Слово о полку Игор.); 2) *вѣстить, вѣщать, вѣчать* (въ разныхъ сложныхъ рѣченіяхъ) расходиться звуковыми струями, лучами (вѣйками), отдавать, отражать, повторять, разносить гулъ звучащаго тѣла=звучать о чемъ нибудь, такъ сказать, особенномъ=звукомъ выражать, предъуказывать что нибудь особенное, сокровенное=возвѣщать и т. д; 3) свѣтать (cf Польск. *świt*)—пускать бѣловатыя струйки, вѣйки, брызги въ предъутреннемъ туманѣ, какъ предтечи, вѣстники яркихъ лучей солнца=предварять, предвозвѣщать дневной свѣтъ. Движенія *свѣта, воздуха* и *звука* могли быть сроднены въ обозначеніи ихъ однимъ и тѣмъ же звукомъ: *вѣт'* потому, что *лучеобразное, сферическое* распространеніе каждаго изъ нихъ есть общая, родовая черта ихъ. Дальнѣйшія ступени переносныхъ значеній: *вѣтовать, вѣщевать* (по извѣстнымъ признакамъ предъузнавать, угадывать отдаленное, будущее), *вѣдать* (узнавать сокровенное), *видѣть* (постигать отдаленное), — потомъ. *вѣщать* (говорить)—читатель можетъ объяснить себѣ собственнымъ соображеніемъ. Заключая критическую повѣрку нашу, скажемъ однакоже, что не смотря на то, что выводъ нашъ обратно-противоположенъ съ выводомъ Шишкова, что онъ имѣетъ на сторонѣ своей болѣе правдоподобности, менѣе натянутостей, — но мы останавливаемся однако же на немъ, не какъ на *несомнѣнновѣрной* истинѣ, но только какъ на послѣдней, возможнобольшей *вѣроятности*, которая, при отсутствіи полныхъ фактовъ (корней первообразныхъ), все таки не даетъ намъ права считать слова: *вѣщать, свѣтъ, цвѣтъ* и др. вѣтвями одного корня и заставляетъ насъ, потому, признать оныя самостоятельными *корневыми формами*.

первоначальное родство которыхъ въ *первой*, такъ сказать, *линіи* утратилось и смѣнилось сродствомъ позднѣйшимъ, смежностію ихъ въ линіяхъ побочныхъ.

§ 4-й

Выводъ понятій, которыя предполагаются при лексикологическомъ выводѣ корней, какъ необходимая основа онаго, и которыхъ недоставало въ выводѣ Шишкова.

Критическая повѣрка наша, независимо отъ того однакоже, заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что при лексикологическихъ выводахъ должно имѣть въ виду слѣдующія понятія—какъ основу, какъ необходимую опору опыхъ: 1) *объемъ* корневаго значенія и *содержаніе* его находятся въ обратно противоположномъ отношеніи къ генеалогической степени онаго, т. е. чѣмъ болѣе, выше, шире объемъ значенія—тѣмъ менѣе, ниже, отдаленнѣе (отъ первообразной идеи) степень онаго, тѣмъ *позднѣе* самое значеніе; напротивъ того, чѣмъ менѣе, ниже, тѣснѣе объемъ значенія, тѣмъ болѣе, выше, ближе (къ первообразной идеѣ) степень значенія, тѣмъ *древнѣе*, первоначальнѣе самое значеніе. Такъ *вѣщать*—говорить вообще, сказывать, выражать словами что бы то ни было—самое отдаленное и позднѣйшее значеніе корня: *вѣт; вѣщашь*=изъявлять, обнаруживать голосомъ мысль, затаенную въ душѣ—ниже, позднѣе значенія: *вѣщевать*=сказывать о чемъ либо будущемъ; это—ниже, позднѣе значенія: *извѣщать*, *вѣствовать* (сказывать о чемъ либо случившемся, наступившемъ, наступающемъ и т. д.), это—ниже значенія: *вѣстить* (ef. благовѣстъ), *вѣчать* (предварять звукомъ о чемъ либо особенномъ), это—ниже *вѣсти, цвѣсти*—предъуказывать бѣлыми ростками появленіе цвѣтовъ, плода и пр.; это—ниже *вѣти* (развѣиваться)—обнаруживать возоб-

новленіе усыпленной, сокровенной жизни=пускать ростки, расти. Однимъ словомъ, чѣмъ *мысленнѣе, общѣе* и *сложнѣе* значеніе слова—тѣмъ оно отдаленнѣе отъ корня: чѣмъ *чувственнѣе, нагляднѣе, частнѣе,* (индивидуальнѣе) значеніе слова—тѣмъ оно ближе къ корню. —2). Простыхъ, единичныхъ корней нѣтъ въ языкѣ, подобно тому какъ нѣтъ простыхъ идей въ мысли, въ духѣ, какъ нѣтъ *простыхъ, единичныхъ* началъ въ природѣ. Такъ, мы видѣли напр., что въ языкѣ нѣтъ корня: *вѣить,* который значилъ бы «испусканіемъ лучей обнаруживать раскрытіе, расширеніе внутри сокрытой силы во внѣшность;» нѣтъ даже корня: *вѣить,* въ смыслѣ, напр. глагола: «расти, пускать *вѣйки*» не только въ значеніи: «испускать лучеобразно растительныя стрѣлки, какъ первые признаки расширенія сокрытой внутри жизненной силы во внѣшность»,—есть только слова: *вѣйка* (лучь, выходящій изъ круговой поверхности), *вѣточка, вѣнокъ:* (связка, пукъ лучей) и др. Съ другой стороны мы находимъ корни: *свѣтать, вѣтовать, вѣстить, вѣять*—въ которыхъ первоначальная наша идея почти уже исчезаетъ въ характеристической особенности *свѣта, воздуха, звука.* 3) Измѣненіе значеній каждаго корня т. е. движеніе первообразнаго значенія съ одной ступени на другую къ значеніямъ переноснымъ, метафорическимъ совершается двумя путями: по линіямъ *прямымъ* и *побочнымъ;* выражаясь нагляднѣе можно сказать, что корень нисходитъ въ измѣненіяхъ своихъ *не прямою линіею,* но *зигзагами,* т. е. каждый напр. изъ обозначенныхъ нами корней (*вѣй'–свѣт'–кѣт–вѣщ'* и т. д.) пускаетъ значенія переносныя, непосредственно изъ него проистекающія; эти второстепенныя значенія встрѣчаются между собою, пересѣкаютъ другъ друга и образуютъ третестепенныя значенія, которыя снова пускаютъ отрасли, возвращающіяся изъ 4–й напр. степени во вторую и первую, оттуда опять нисходятъ и т. д. переплетаясь, смежаясь до безконечной разнообразности. Это *кругообразное движеніе* отраслей, идущихъ сверху внизъ и снизу вверхъ, можно легко

замѣчать по прихотливому усвоенію корневыми вѣтвями одного порядка—звуковъ вѣтвей другаго порядка напр. въ отрасляхъ корня *вѣй-вѣт*(ка) мы находимъ звукъ: *вит (витвина, вйтина, витдкъ)*, принадлежащій собственно корню *вить*, подлѣ него—*вих: вихнуть*, (вы)*вихать, вих*(орь)—потомъ *вѣх* (вѣхоть=пукъ сухихъ стеблей, *вѣха* шестъ, съ пукомъ соломы, или сѣна на верху), которые представляютъ какъ бы помѣсь отраслей: *вить* и *вихать* съ первообразнымъ отпечаткомъ *вѣ*.— Такъ въ корнѣ: *вѣтовать*, находимъ звукъ *вит* (витія), какъ бы занятый отъ корня: *вить;* въ корнѣ: *видѣть* звукъ *вѣжд*(а)= рѣсница, занятый отъ *вѣдать* и т. д. И такъ, въ образованіи переносныхъ значеній корней непремѣнно должно предполагать много періодическихъ промежутковъ, изъ которыхъ каждый, въ теченіи какихъ нибудь тысячелѣтій, повторился не одинъ разъ, и послужилъ къ образованію новыхъ пересѣченій, новыхъ метафоризмовъ: поэтому, чтобы не потеряться въ этомъ лабиринтѣ генеалогическихъ линій прямыхъ и побочныхъ, не за чѣмъ начиная съ родоначальниковъ нисходить къ безвѣстнымъ потомкамъ или на оборотъ; довольно имѣть тѣхъ или другихъ въ виду, какъ точки опора и останавливаясь на узлахъ (переплетеніяхъ словъ со словами), идти по прихотливымъ направленіямъ ихъ нитей *куда онѣ ни поведутъ* насъ (вверхъ ли, или внизъ, или всторону) до тѣхъ поръ, пока не придемъ къ новому узлу и т. д. Въ такомъ только случаѣ можно будетъ найти, со временемъ, аріаднину нить для этого чуднаго лабиринта исторической формаціи словъ: стараться же все сводить къ одному началу, даже стараться связать отпрыски съ первообразными вѣтвями оныхъ посредствомъ прямыхъ генеалогическихъ линій—значитъ: навѣки запутать себя въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ. 4.) Наконецъ нужно принять, какъ *основныя положенія*, въ опору всей нашей работы, слѣдующія истины, или, если угодно, *убѣжденія*: а) что языкъ не есть произведеніе человѣка, но произведеніе высшей, творческой Мысли, низложившей въ немъ все богатство, всѣ тайны познанія природы; в) что въ

этотъ языкъ, *усвоенный* человѣку, человѣкъ низложилъ также и свои мысли, свое познаніе; г) что поэтому, идя по знакомымъ себѣ слѣдамъ и приходя къ извѣстнымъ точкамъ, служившимъ точками начала, отправленія (points de départ) для *мыслившаго* (то-другое) *ума человѣческаго*, человѣкъ нисколько не долженъ считать ихъ точками *первоначальными*, началами *ума мыслящаго*, которыя восходятъ выше природы: онъ долженъ, потому, искать ихъ далѣе и далѣе и при этомъ исканіи только—ежели оно будетъ постоянно-правильно и усердно—придетъ онъ къ результатамъ, могущимъ удовлетворить любознательность человѣческую. Этихъ именно понятій не доставало Шишкову,—чему мы не станемъ, конечно, удивляться, принявъ въ соображеніе состояніе науки нашей какъ въ отечественномъ такъ и иноземномъ ученомъ мірѣ во время Шишкова: она доживала—какъ мы уже сказали (1 кн. стр. 222—223)—свои младенческіе годы, покоясь на наивныхъ вѣрованіяхъ въ то, что Слово было *подражаніемъ природѣ*, что языки человѣческіе были произведеніемъ *умовъ человѣческихъ*, сопрягавшихъ съ извѣстными, случайно найденными или изобрѣтенными звуками и извѣстныя, условныя понятія и т. д. Шишкову—къ несчастію—не были извѣстны теорія и трактаты языка первобытнаго, (¹) не была извѣстна и *сенсуальная* теорія происхожденія *идей*, не допускавшая въ человѣкѣ ничего *даннаго, врожденнаго*, но выводившая всѣ лучшія, высшія понятія и убѣжденія изъ *натуры*, т. е. изъ слѣпаго опыта и слѣпаго же произвола разсудка, въ которомъ фило-

---

(¹) Въ 1-й книгѣ моей (стр. 169 примѣч.) я замѣтилъ, что въ сочиненіяхъ Шишкова, по рѣдкой добросовѣстности своей никогда не умалчивающаго объ источникахъ, изъ которыхъ почерпалъ онъ свои филологическія познанія—нѣтъ слѣда сочиненій о *первобытномъ языкѣ*, о натуральномъ, эмпирическомъ происхожденіи Слова и т. п. Все, что мы находимъ у него объ этихъ предметахъ—было плодомъ собственныхъ его трудовъ, соображеній и догадокъ. Ср. примѣчанія Шишкова, подъ выпискою изъ Словаря *Линде*, Ч. V. стр. 566 и къ первой статьѣ въ VII Ч. стр. 1—2.

софы XVIII вѣка видѣли независимое, *свободное мнѣніе разума*, неподчиняющагося ничему, кромѣ самаго себя. Я думаю, что ложная философія этихъ теорій не устояла бы противъ критики здраваго ума Филолога, но обличеніе ея заблужденій содѣйствовало бы къ разъясненію собственныхъ идей Шишкова.—При болѣе внимательномъ изученіи словарей этимологическихъ и философскихъ трактатовъ Слова, Шишковъ непремѣнно пришелъ бы къ заключенію, что въ человѣчествѣ есть двоякій рядъ идей: рядъ идей *первоначальныхъ*—врожденныхъ-ли, или нѣтъ? неизвѣстно, но искони находящихся у человѣковъ и всюду представляющихъ поразительное сходство, и рядъ идей *позднѣйшихъ* — по всей вѣроятности составленныхъ самымъ человѣкомъ и у каждаго особенныхъ. Противорѣчія, замѣчаемыя между этими идеями привели бы его къ необходимости различать въ ткани языковъ два ума: *первоначальный*, всюду себѣ вѣрный, органически связующій частности понятій *единствомъ мысли* и позднѣйшій (человѣческій), безпрерывно противорѣчащій себѣ и стремящійся раздробленное и утраченное имъ самимъ первообразное *единство* словъ связывать какъ-нибудь, механически, хотя бы случайнымъ, поверхностнымъ *сходствомъ* звука и матеріальнаго значенія. — Отверженіе языка первобытнаго сенсуалистовъ XVIII вѣка, оставленіе безполезныхъ поисковъ *единства* въ происхожденіи словъ — были бы неминуемыми результатами, которые повлекли бы за собою значительный прогрессъ нашей филологіи.—Но, между тѣмъ однакоже, Шишковъ остался на сторонѣ языка первобытнаго или, точнѣе выражаясь, *единоосновнаго* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на сторонѣ единства или *единичной простоты* корня, которой жертвовалъ—какъ мы видѣли — фактами, натурою, правдою самаго языка. Это объяснить себѣ легко. Шишкову, какъ современнику эпохи, раздѣлявшей мнѣніе объ *эмпирическомъ* происхожденіи языка, возникшаго изъ случайнаго совпаденія понятій съ извѣстными звуками рѣчи,— не могло остаться неизвѣстнымъ это мнѣніе: столкновеніе его съ

карамзинистами, защищавшими новое начало языка литтературнаго: *изобрѣтеніе новыхъ словъ и выраженій* для выраженія новыхъ понятій и оставленіе старыхъ словъ, какъ неспособныхъ къ тому—это столкновеніе, приведшее обѣ стороны (см. 1. кн. стр. 185—190.) къ оправданію началъ каждой доказательствами, фактами, познакомило нашего филолога съ эмпирическою идеею языка и вызвало въ умѣ его противоположную, самостоятельную и новую идею.— Простое наблюденіе надъ составомъ словъ языка книжнаго, церковно-славянскаго, употребленіе которыхъ Шишковъ защищалъ, какъ употребленіе завѣтнаго, вѣковаго достоянія— убѣдило его въ томъ, что слова языка не суть случайное, произвольное произведеніе людей говорящихъ или пишущихъ, что смыслъ, однажды имъ данный въ извѣстномъ нарѣчіи, сохраняется въ теченіи тысячелѣтій, что въ самыхъ разнообразныхъ метафоризмахъ и словосочетаніяхъ звуковъ, они не выходятъ, однакоже, изъ орбиты первоначальнаго, коренного ихъ смысла, что удивительное сходство, тождество смысла словъ въ одномъ нарѣчіи языка (напр. русскомъ) съ словами другихъ нарѣчій (чешскаго, польскаго и др.) не есть нисколько плодъ случайности или заимствованія, умысла, взаимоусловленности и т. д. Все это привело его къ той мысли, что въ основѣ словъ и языка видны *не мнѣнія людей*, изобрѣтавшихъ звуки съ извѣстными значеніями, которые непремѣнно представляли бы *разность*, но *единый мыслившій умъ*, который «разсуждалъ и чрезъ соображеніе вещей да«валъ имъ имена.» — Для полнаго развитія этой идеи недоставало одного только: положенія, что этотъ *мыслившій умъ языка* во всѣхъ раздробленіяхъ своихъ простыхъ, первоначальныхъ идей сохраняетъ, однакоже, *внутреннее тождество* (единство) съ самимъ собою, хотя и не всегда обнаруживающееся во внѣшнемъ, очевидномъ тождествѣ первоначальныхъ словъ, часто представляющихся расторгнутыми, разъединенными членами какой-то неизвѣстной, быть можетъ, нѣкогда цѣлой и единой мысли. — Находя это *разъединеніе*, Шишковъ

должень былъ останавливаться на немъ, какъ на фактѣ, долженъ былъ искать сродства въ побочныхъ линіяхъ— между *вѣтвями*, но не долженъ былъ восходить выше фактовъ языка, не долженъ былъ усиливаться отыскать сродство очевидное, положительное, въ линіи прямой—между *вѣтвями* и самымъ *корнемъ*, не долженъ былъ выводить всѣ вѣтви изъ *одного корня*. Сличеніе дальнѣйшее вѣтвей, принимаемыхъ за корни, по неизвѣстности самаго корня ихъ, съ другими словами (языковъ иноземныхъ), показало бы Филологу, что многія изъ *вѣтвей-корней* были бы чистыми вѣтвями по отношенію къ новымъ *вѣтвямъ корневымъ*, эти— по отношенію къ дальнѣйшимъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока послѣднія *вѣтви-корни*, не оказались бы ближайшимъ образомъ сродными съ тѣми, корня которыхъ искалъ Филологъ.—Это *круговое вращеніе* словъ, взаимно-сцѣпляющихся между собою звукомъ и значеніемъ — дало бы Филологу твердыя, фактическія данныя для отысканія въ этомъ періодическомъ движеніи звука, возвращающагося изъ точки исхода снова къ самому себѣ — *преемственность* значеній, которая послужила бы къ отысканію чистаго, настоящаго корня, корня въ собственномъ смыслѣ слова. — Но остановиться на предположеніи, еще не оправданномъ фактами, остановиться на *вѣрованіи* въ то, что разъединеніе въ первоначальныхъ идеяхъ, выражаемыхъ корнями словъ, есть не разъединеніе ума языка, даже не идей этого ума, но только разнообразность отношеній между одними и тѣми же идеями, неизмѣнными въ *сущности*, измѣняющимися только въ *формахъ*,—остановиться, повторяю, на этомъ— Шишкову было трудно, даже невозможно. Признать корнями языка *многія вѣтви*, не имѣющія видимаго внутренняго единства и *видимаго* (а не предполагаемаго вѣрою) *корня*, изъ котораго онѣ образовались — значило опровергнуть, въ очахъ вѣка, дышавшаго еще *сенсуализмомъ* XVIII столѣтія, требовавшаго во всемъ чувственнаго, нагляднаго убѣжденія, идею о *общеединой мыслящей основѣ* языковъ человѣческихъ. — Вотъ по-

чему Шишковъ не остановился на разъединеніи вѣтвей (*вѣт–щ, свѣт, вѣд* и пр.) не искалъ *побочнаго* сродства между ними, пугаемый, быть можетъ, безвѣстностію результатовъ, не предчувствуя того, что оно именно доставило бы ему полное оправданіе его идеи, —но сталъ примирять разъединеніе вѣтвей, сталъ искать въ нихъ, даже съ насиліемъ натурѣ языка, *единства* очевиднаго, усиливался произвести изъ одного слова всѣ прочія вѣтви.

§ 5-й.

Возвращеніе основной идеи Шишкова отъ косвеннаго ея движенія (къ старому, синтетическому направленію) къ направленію аналитическому. Второй моментъ этого направленія: сличеніе вѣтвей языка русскаго съ вѣтвями языковъ европейскихъ. Сравнительное дерево: вѣщ.

Это косвенное (аберративное) движеніе основной идеи Шишкова: о *корнѣ* и *вѣтви*, увлекши его съ пути *аналитическаго* направленія въ лексикологическихъ его изслѣдованіяхъ на прежнюю стезю, къ направленію *синтетическому*, не могло быть продолжительнымъ, долговременнымъ. По самымъ законамъ *органическаго* развитія идеи въ мыслящемъ умѣ (§ 28, стр. 189), —движеніе косвенное, доходя до одного полюса идеи, тотъ часъ же вызвало реакцію (противодѣйствіе) другаго полюса и возвратилось отъ *синтетическаго* направленія къ *аналитическому*, отъ обще-единаго, отвлеченнаго *корня* къ отдѣльнымъ, предметнымъ или реальнымъ корнямъ=*вѣтвямъ, кольнамъ*, отъ изысканія генеалогическаго сродства разныхъ вѣтвей съ однимъ и тѣмъ же корнемъ— къ показанію сходства этихъ вѣтвей между собою. —Это

возвращеніе основной идеи Шишкова къ нормальному ея направленію: *аналитическому*, обнаруживается въ концѣ той же 3-й статьи *Опыта о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ* (Ч. V. стр. 386—418), въ которой Шишковъ, вооружившись мыслію: «что въ разборѣ корней надлежитъ быть «весьма осторожну, и не иначе утверждать единство ихъ, «какъ по соображеніи онаго со всѣми исходящими изъ одного «корня вѣтвями, показующими естественную между собою «связь» — [1] собираетъ для примѣра «нѣсколько иностран-«ныхъ къ сему же корню принадлежащихъ словъ» и показываетъ «сходство понятій между ихъ и нашими произведен-«ными отъ сего корня вѣтьвями.» — Въ этомъ *сравнительномъ деревѣ* встрѣчаемъ мы вѣтви, взятыя изъ языковъ *древнихъ:* Греческаго и Латинскаго, изъ языковъ *романскихъ:* Французскаго, Италіанскаго и языковъ *германскаго племени:* Нѣмецкаго, Шведскаго, Датскаго и Голландскаго, но не находимъ здѣсь тѣхъ языковъ, которые должны бы предполагать непремѣнно: *нарѣчій славянскихъ*. Такое обстоятельство приведетъ всякаго въ недоумѣніе: но, между тѣмъ, объяснить оное легко. Шишковъ, можно думать, не внесъ славянскихъ вѣтвей въ свое сравнительное дерево потому, что онѣ, представляя собою только новые экземпляры однихъ и тѣхъ же вѣтвей, не прибавили бы ничего существеннаго къ генеалогическому древу ихъ въ языкѣ русскомъ: сходство между ними не было бы нисколько поразительнымъ,

---

(1) Эта мысль была явнымъ опроверженіемъ всего предъидущаго вывода — въ высшей степени неосторожнаго, неразборчиваго и неестественнаго. Филологъ, кажется, не замѣтилъ этого, думая, что приведенная нами мысль явствуетъ изъ его изслѣдованій: «Сіе разсужденіе показываетъ, что въ разборѣ корней» и т. п. говоритъ онъ въ заключеніи своего разсмотрѣнія корня *вѣщ* (стр. 384). Замѣчательна эта безсознательность внутренняго противорѣчія идей самимъ себѣ, — безсознательность, легко объясняемая состояніемъ научной идеи, которая *зараждалась* только, слѣд., была синтезомъ всѣхъ разнородныхъ ея элементовъ, слѣд., таила въ себѣ внутреннее противорѣчіе съ самой собою (см. ниже, *о цѣли* лексикологическихъ изслѣдованій Шишкова).

не говорило бы о *единствѣ происхожденія* — завѣтной идеѣ Шишкова — съ такою убѣдительностію, какъ того желалъ Филологъ; нарѣчія славянскія суть вѣтви, произшедшія изъ одного и того же корня — языка Славянскаго: это всякому въ то время, какъ и теперь, представляло очевидность аксіомы; не удивительно, потому, что и слова нарѣчій представляютъ единство съ *корнемъ*. Но единство вѣтвей языковъ иноземныхъ съ вѣтвями языка русскаго не могло не поразить собою всякаго мыслящаго человѣка, не могло не вызывать у всякаго какой-нибудь идеи, для изъясненія этого единства — столь непостижимаго при очевидности того, что языки иноземные не произошли изъ языка русскаго и на оборотъ. Вотъ почему, можно думать, Шишковъ перешагнулъ ближайшую область лексикологическаго сравненія — нарѣчія славянскія — и вступилъ въ область отдаленнѣйшую — языки европейскіе.—Но, независимо отъ этого предположенія, весьма натуральнаго, я подозрѣваю при этомъ еще и другую причину, по моему мнѣнію болѣе основательную, по которой Шишковъ, минувши славянскія нарѣчія, обратился къ сличенію языковъ европейскихъ: это — догадка, чутье инстинктъ мысли Филолога, которая ожидала для себя гораздо болѣе *положительнаго* въ языкахъ иноземныхъ, нежели въ языкахъ туземныхъ, сличеніе вѣтвей которыхъ съ вѣтвями корня *вѣщ* и самымъ корнемъ привело бы ее къ результату *совершенно-отрицательному,* т. е. вполнѣ ниспровергло бы то прямое генеалогическое *единство* корня, которое кое-какъ, при помощи натяжекъ и скачковъ, удалось установить нашему филологу въ области *одного только нарѣчія* — русскаго —Читатель легко пойметъ меня, вспомнивъ выводъ вѣтвей изъ корня *вѣщ,* критическую повѣрку онаго, сдѣланную мною и окончательные ея результаты. Мы видѣли, что вѣтви словопроизводнаго древа *вѣщ* представляютъ болѣе явственное и менѣе натянутое, ненатуральное сходство *между собою,* въ линіяхъ *побочныхъ,* и менѣе очевидное въ *линіи прямой:* такое сходство вѣтвей въ одномъ нарѣчіи, на осно-

ваніи *аналогіи*, смѣло можно распространить на вѣтви нарѣчій соплеменныхъ и вѣтви языковъ иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдованія сравнительной лингвистики, какъ увидимъ далѣе, показываютъ намъ, что въ словахъ *первообразныхъ* — въ которыхъ натуральнѣе всего предполагать единство, какъ въ названіяхъ коренныхъ понятій, по самой природѣ вещей, у всѣхъ народовъ *одинакихъ*—языки *отдаляются* другъ отъ друга, въ словахъ же *производныхъ* — въ которыхъ необходимо бы предполагать разность, несходство, какъ въ названіяхъ понятій искуственныхъ, условныхъ и, потому, у всякаго народа особыхъ — языки *сближаются* другъ съ другомъ. Практика показываетъ даже, что чѣмъ ближе, по сродству, языки народовъ одинъ къ другому, тѣмъ разительнѣе *несходство* ихъ въ корняхъ; чѣмъ отдаленнѣе они—тѣмъ разительнѣе *сходство* ихъ въ вѣтвяхъ, такъ что нарѣчія одного и того же языка часто разнятся въ тѣхъ вѣтвяхъ, которыя находятъ для себя сходное въ языкахъ иноплеменныхъ, не имѣющихъ съ ними никакого историческаго единства (напр. языки: Италіянскій, Французскій съ языкомъ русскимъ). — Это явленіе, которое было замѣчено Шишковымъ при лексикологическихъ его изслѣдованіяхъ, (¹) заставило его предпочесть голосу *теоріи*— глухо и обоюдно подсказывавшей ему о *единствѣ* корней въ нарѣчіяхъ славянскихъ, голосъ *практики*, которая не обѣщая ему успѣха въ *верху* языковъ (въ прямой линіи, въ *корнѣ* ихъ, въ истокѣ), гдѣ отыскалась бы, на мѣсто предполагаемаго единства, совершенная *разность*, представляла ему вѣрный, несомнѣнный успѣхъ въ *низу* языковъ (въ линіяхъ побочныхъ, въ вѣтвяхъ) — гдѣ Шишковъ, въ самомъ дѣлѣ, нашелъ натуральное, безъискуственное сходство. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, Шишковъ перешелъ отъ безплодныхъ поисковъ *генеалогическаго родства* вѣтвей съ корнемъ въ языкахъ славянскихъ къ наблюденію сходства

(¹) См. Ч. XI стр. 108—109.

или, лучше сказать, *параллельности* между вѣтвями языка русскаго и вѣтвями языковъ европейскихъ. — Взглянемъ на эту *параллельность*. — Шишковъ проводитъ ее между тремя только колѣнами словопроизводнаго дерева: *вѣщ*—первымъ: *вѣщать, вѣтовать,* пятымъ: *вѣдать* (вѣсть) и шестымъ: *видѣть*.

Первому нашему колѣну: *вѣщать*, *вѣтовать*—соотвѣтствуютъ слѣдующія шесть вѣтвей въ языкахъ *древнеклассическихъ* и *романскихъ:* 1) лат. *vates*, греческ. *φάτης*, Италіян. *vate*—пророкъ, предсказатель, стихотворецъ. Сродство этихъ вѣтвей съ нашею: *вѣтовать* весьма очевидно при посредствѣ стариннаго слова: *вѣтій* (=рѣчникъ, красомолвъ, хитрословецъ, по стариннымъ Словарямъ), которое сближается съ ними ежели не въ первой, то по крайней мѣрѣ во второй степени родства. [1] Какъ ни трудно опредѣлить степени измѣненія корня *вѣт'*, особенно же при разнообразномъ смеженіи его съ созвучными ему корнями: *вѣсти* (вѣя, вѣйка), (с)*вѣтить*, *вить* и другими, — но съ достовѣрностію можно полагать, что значеніе: «*звукомъ обнаруживать что либо сокровенное*» есть *первоначальное* значеніе корня *вѣт* и, потому, *первая степень* родства между проистекающими изъ него вѣтвями; значеніе: «*звукомъ голоса, рѣчью, словами* обнаруживать, изъявлять что либо неизвѣстное, отдаленное, *будущее* или, однимъ словомъ, предсказывать, прорицать»—есть *второе* значеніе корня *вѣт* или *вторая степень* родства для вѣтвей его: наконецъ—значеніе: «звукомъ обнаруживать *мысль*, гласить, говорить, вѣщать»—есть третье значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, третья или послѣдняя степень родства между происходящими изъ корня *вѣт* вѣтвями.— Ежели, поэтому, иноземныя: *vates, φάτης* и *vate*—занимаютъ средину между

---

[1] У Шишкова сродство этого слова съ вѣтвями иноземными не проведено надлежащимъ образомъ: дополняемъ этотъ недостатокъ собственными соображеніями.

первою и *второю* степенями, выражая обнаруживаніе, изъявленіе звукомъ какъ *будущаго* такъ и *мысли*, — то наше *вѣтій* занимаетъ средину между *второю* и *третьею* степенями: такимъ образомъ вторая степень, на которой пресѣкаются иноземныя вѣтви и съ которой начинаются наши — служитъ имъ чертою смежности, сродства.—2.) Лат. *fatum*, Ит. *fato*, Фр. *fatalité* рокъ, судьба, опредѣленіе. Этимъ вѣтвямъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ нашемъ языкѣ словъ, но сродство ихъ съ вѣтвію: *вѣтовать* очевидно, при соображеніи а.) вѣтви *вѣтъ*, попадающейся въ сложныхъ: *извѣтъ* (изреченіе противъ кого либо, доносъ), *навѣтъ* (наговоръ, клевета), б.) сослова: *рокъ* (судьба, *fatum*), — откуда видно, что латинское *fat* (*um*)=нашему *вѣт*. т. е. изреченіе будущаго, предъизреченіе, предназначеніе, предопредѣленіе. Это сродство еще явственнѣе изъ вѣтвей дальнѣйшихъ, приводимыхъ Шишковымъ: Лат. *fatalitas*—рокомъ, судобою опредѣленная неизбѣжность, нещастіе, Ит. *Fatare, fatato* — обречь, опредѣлить, обреченный, назначенный, роковый. — 3.) Ит. *fata*, Фр. *feé* — волшебница, колдунья, Лат. *fatilegus* — волшебный, которымъ соотвѣтствуетъ, по Шишкову, наше слово отъ того же корня: *вѣдьма* (и еще кромѣ того, польск. *wieszcz* и русск. *вѣщій*, *вѣщецъ*=тайнознавецъ, такъ сказать). 4-я вѣтвь представляющаяся въ двухъ отрасляхъ: а.) Ит. *fatagione, fatamento*—прелесть, очарованіе — происходящихъ непосредственно изъ *fata*, ибо волшебство есть очарованіе, и б.) Лат. *fatuus*, Ит. *fatuo*, Фр. *fat* — простакъ, дурачекъ: имъ соотвѣтствуетъ употребляемое у насъ въ простонародномъ языкѣ слово: *фатюй*; происхожденіе сихъ отраслей изъ 3-й вѣтви: *fata* — очевидно, потому, что человѣкъ очарованный теряетъ естественный умъ и разсудокъ. 5.) Лат. *veto, vetitus, vetatio*, Ит. *veto, vetato, vetamento* — запрещаю, запрещенный. Въ этихъ словахъ корень *vet* говоритъ точно тоже что и нашъ *вѣт-д* въ словахъ: *завѣтъ*, *завѣтный*, запо*вѣдь*, запо*вѣд*ный, и проч. означающихъ тоже самое, т. е. запрещеніе (зареканіе). 6.) Лат. *vox*, Ит. *voce*, Англ. *voice*, Франц. *voix* — голосъ, Греч. *φωνη*.

Сродство этой вѣтви съ корнемъ *vet*, *vat* видно какъ изъ звука, выступающаго явственно въ производныхъ вѣтви: *vox* напр. *votum*, такъ и изъ значенія, ибо *голосъ* и *вѣтованіе* суть смежныя понятія.

Второму нашему колѣну: *вѣдаю, вѣдать* соотвѣтствуютъ слѣдующія слова, встрѣчающіяся только въ языкахъ германскаго племени: 1.) Нѣм. *wissen*, Голл. *weeten*, Швед. *weta*, Дат. *vide*—вѣдать; 2.) Нѣм. *witzig* (остроуменъ) Дат. *wittig*—свѣдущъ; 3.) Нѣм. *gewiss, gewisslich*, Дат. *wist*—вѣстимо, извѣстно; 4.) Нѣм. *Gewissen*, Дат. *samvittehed*—совѣсть; 5.) Нѣм. *Weisheit*. Дат. *wittighed* вѣдѣніе, мудрость, знаніе; 6.) Нѣм. *unwissend*, Дат. *uvittig* невѣжда.

Третьему колѣну нашему: *видѣть, вижу, вижду* соотвѣтствуютъ слѣдующія вѣтви въ языкахъ *древнеклассическихъ* и *романскихъ*: 1-я Лат. *videre*, Греч. *εἴδειν*, Ит. *vedere*, Франц. *voir*—съ дальнѣйшими ихъ отпрысками: Лат. *videor* (видѣться=казаться), Ит. *veduta* (видъ, зрѣніе, лице, образъ, явленіе), Франц. *évidence, évidement* (видимо, очевидно, очевидность) и др.; 2-я) Лат. *visitare*, Ит. *visitare*, Франц. *visiter*—*навѣстить*, навѣдаться (о комъ), увидѣться (съ кѣмъ): здѣсь, явно, смежились два корня: *вид*(ѣть) и *вѣд*ать). 3-я) Лат. *invidia*, Ит. *invidia*, Франц. *envie*—зависть, сильное желаніе чего: сродство сихъ вѣтвей съ корнемъ *вид*(ѣть) особенно видно изъ латинскаго: *invidia, invidere*, которое значитъ кромѣ *зависти, завидовать*, еще и *ненавидѣть*, коситься, косо на кого смотрѣть, такъ же—осматривать, оглядывать. 4-я) Лат. *praevidere*, Ит. *prevedere*, Франц. *prévoir*—предвидѣть, предчувствовать съ различными ея отраслями: *providere, providentia, provisio* и т. п.

Сказавъ, въ заключеніи этого *разноязычнаго древа*, что «вѣтьви онаго, при всемъ разнообразіи означаемыхъ ими ве«щей, всѣ, безъ изъятія, при частномъ значеніи своемъ, удер-

«живаютъ коренную или первоначальную всѣмъ имъ общую «мысль» Шишковъ говоритъ:» могло ли бы сіе случиться, «если бы всѣ вообще языки не влекли начала своего «отъ общаго всѣмъ имъ отца, первобытнаго языка?» Результатъ вовсе не вытекаетъ изъ просмотрѣннаго нами сличенія вѣтвей нашего языка съ вѣтвями языковъ иноземныхъ, которыя представляютъ *родство* только въ *частномъ* ихъ значеніи и не обнаруживаютъ никакого единства въ коренной, *общей* имъ всѣмъ мысли, потому что мы не находили ни одного даже слова, которое указывало бы на обозначенные нами выше корни: *вѣсти, вѣиться* и т. п. какъ источники *первоначальнаго* значенія всѣхъ вѣтвей, помѣщенныхъ въ словопроизводномъ деревѣ *Вѣщ*.—Отъ чего же Шишковъ, безъ всякаго основанія, безъ всякой причины, даже повода, высказалъ приведенную въ заключеніи мысль? Въ умѣ, мыслящемъ логически, послѣдовательно—это неможетъ не быть странностію!—Согласенъ; но эта странность не будетъ противорѣчіемъ логичности ума нашего Филолога, ежели мы вспомнимъ только, что «колебаніе основной идеи его между органическими ея полюсами» составляетъ общую, родовую черту ея развитія.—Въ *словопроизводномъ деревѣ Вѣщ* Шишковъ перешелъ отъ аналитическаго направленія къ синтетическому; въ *сравнительномъ деревѣ* Вѣщ—онъ возвратился отъ синтетизма къ анализу, отъ *единаго корня* къ *разнымъ вѣтвямъ*. Разность въ ткани языковъ, представляющая, по мѣстамъ, совершенные перерывы, пробѣлы въ сродствѣ языковъ—не могла быть терпима мыслію Филолога, стремившагося все приводить къ единому, цѣлому, простому—вынуждаемому завѣтною его идеею *о единствѣ логической основы* въ построеніи языковъ. Вотъ отъ чего Шишковъ, не смотря на живые факты сравнительнаго анализа языковъ, говорившіе ему о частномъ, второстепенномъ, *видовомъ* родствѣ между языками, но не сказывавшіе ему нисколько *о родовомъ*, общемъ сродствѣ ихъ: въ первоначальной, единой мысли и *единомъ* корнѣ, все таки усиливается видѣть это общее, ро-

довое сродство и предполагаетъ *единый языкъ*, какъ источникъ и причину онаго. Читатель видитъ, что основная идея Филолога, вышедшая *внѣ себя*, на свѣтъ, ставшая въ *анализѣ* на почву реальности—снова *начинаетъ тяготѣть* къ *себѣ* или, лучше сказать, къ той пучинѣ *синтетизма*, которая въ послѣдствіи поглотила ее собою, доведши—какъ мы сказали въ концѣ первой нашей книги — «заблужденія *атомизма* филологіи XVIII вѣка до послѣднихъ его крайностей.» Послѣ этого послѣдняго поворота или, точнѣе выражаясь, *сворота* (détour) съ пути аналитическаго направленія, основная идея нашего Филолога ступила на почву органической системы языкознанія или Естественной Исторіи Слова.—Замѣтимъ же это *начинающеевся тяготѣніе* мысли Шишкова къ движенію возвратному: мы будемъ видѣть, при разсмотрѣніи послѣдовавшихъ за деревомъ *Вѣщ* сравнительныхъ деревъ, въ которыхъ филологъ, продолжаетъ направленіе аналитическое, что движеніе возвратное *сквозитъ* изъ за анализа все явственнѣе и явственнѣе и къ концу онаго является во всей своей *цѣлости*, какъ яркая, діаметральная противоположность онаго, исключающая его собою.

§ 6-й.

Сличеніе колѣнъ корня: мал' съ колѣнами языковъ иноземныхъ.

Обозрѣніе колѣнъ корня: *Мал'*, помѣщенное въ VI Ч. сочиненій Шишкова (1826), представляетъ продолженіе того момента въ сравнительно-аналитическомъ методѣ Шишкова, который мы видѣли въ предъидущемъ §-ѣ, при разсмотрѣніи корня *вѣщ*. — Стремленіе къ отысканію сродства *вѣтвеннаго* между словами (въ линіяхъ *побочныхъ*) преобладаетъ надъ усиліемъ провести между ними сродство *корневое* (въ *прямой*

генеалогической линіи); но послѣднее не отказывается, однако же, отъ правъ своихъ: встрѣтивъ въ рядахъ вѣтвей русскихъ, параллельныхъ съ иноземными, какіе-нибудь перерывы, не находя въ языкахъ иноземныхъ—словъ, соотвѣтствующихъ какому-нибудь колѣну языка русскаго, Шишковъ не останавливается на этой *разности*, или, лучше сказать, на этихъ *аномаліяхъ* языковъ какъ на фактѣ, какъ на свойствѣ самой натуры ихъ; нѣтъ, онъ усиливается всѣми способами восполнить эти перерывы и хотя въ отдаленныхъ отпрыскахъ колѣнъ найти такія слова, которыя указывали бы на взаимное сродство колѣнъ между собою. — Такія усилія, правда, не могли остаться тщетными и филологъ нашъ выносилъ иногда изъ глубины вѣковой почвы языковъ такіе экземпляры словъ, которые *нѣкогда* были живыми, органическими частями въ составѣ колѣнъ корня, но потомъ, съ разрушеніемъ цѣлаго состава, выпали, заронились въ другіе составы (слова сложныя) и сохранили тамъ то самостоятельное но *одинокое* бытіе безъ связи съ прежнимъ и послѣдующимъ, безъ предковъ и потомства, какое представляютъ намъ допотопныя насѣкомыя, запавшія въ прозрачные слитки янтаря. Не вездѣ, однакоже, можно находить такія *восполняющія частицы:* многія утратились совершенно, другихъ и вовсе не было въ языкѣ; Шишковъ, находя въ *аномальныхъ колѣнахъ* на мѣстѣ вѣтвей разсматриваемаго имъ корня совершенно другіе звуки, взятые отъ другаго корня старался возстановлять сродство между ними, опровергаемое *тѣломъ и кровью* ихъ т. е. самыми звуками—*единствомъ духа,* т. е. тѣмъ, что разнозвучныя вѣтви произведены отъ одной и той же мысли, какъ изъ первоначальнаго и общаго всѣмъ корнямъ языковъ *корня!!* Мы видимъ изъ этого, что корень синтетическій, въ которомъ таится источникъ отрицательнаго, косвеннаго, *возвратнаго* движенія основной идеи нашего филолога — доходитъ до послѣдней своей крайности, обращаясь въ *абстрактъ абстракта* (отвлеченіе самой отвлеченности), слѣд. въ пустоту, въ ничто! — Будемъ же имѣть въ виду,

при обзорѣ слѣдующихъ сравнительныхъ деревьевъ, эти два случая во второмъ моментѣ аналитическаго направленія метода Шишкова: мы увидимъ какъ второй случай — стремленіе къ *чистомысленному единству* вѣтвей, *разныхъ по звуку* довелъ нашего Филолога къ невѣрному, въ высшей степени нелогическому результату: происхожденію вѣтвей *одинакихъ по звуку* и, вмѣстѣ съ ними, самыхъ языковъ не изъ одного общаго имъ источника=мысли-корня, какъ бы слѣдовало, но одного изъ другаго т. е. напр. языка нѣмецкаго изъ русскаго, изъ которыхъ каждый—по теоріи Филолога—долженъ бы имѣть происхожденіе независимое отъ другаго, роднясь между собою только по *духу* — единому, общему *мысли-корню*. Этотъ возвратъ аналитическаго метода отъ *сродства вътвеннаго* къ сродству *коренному*—въ прямой генеалогической линіи, былъ послѣднимъ *поворотомъ* основной идеи Шишкова, которая, совершивъ оный вступила наконецъ въ область *точнаго* сравнительнаго языкоизслѣдованія, стала твердо и прочно на почвѣ Естественной Исторіи языковъ. Пробѣжимъ, хотя наскоро, сравнительное дерево: *Мал'*, въ которомъ виденъ переходъ втораго момента аналитическаго направленія, который мы теперь преслѣдуемъ— къ третьему, окончательному моменту онаго.

Въ развѣтвленіяхъ корня: *мал'*, изъявляющаго понятіе, противное понятію, изъявляемому словами: *великій, огромный*—Шишковъ отличаетъ слѣдующія XI *колънъ*: I. *малый—малю*, II. *мелю—молоть*, III. *молотъ—млатъ*, IV. *молотить*, V. *мелкій*, VI. *мель—мелъть*, VII. *молнія*, VIII. *мелькаю*, IX. *малина*, X. *меньше*, XI. *мизинецъ*, *мизирно*. — Выведши значеніе вѣтвей перваго колѣна изъ значенія *корня: мало*, Шишковъ производитъ значеніе втораго колѣна: *мелю—молоть* изъ раздвоенія въ смыслѣ глагола: *малю*, который сталъ означать два смысла: *первый*—относящійся ко всѣмъ вещамъ вообще т. е. дробить, дѣлать что нибудь малымъ, мелкимъ; *второй*—относящійся уже не ко всѣмъ предметамъ а только

къ превращенію хлѣбныхъ зеренъ въ муку. Третье колѣно производится отъ перваго: *малю*, ибо *молотъ* есть орудіе, служащее къ превращенію большихъ вещей въ малыя или толстыхъ въ тонкія;—вотъ первый *перерывъ* въ сродствѣ вѣтвей русскаго языка между собою! Четвертое колѣно производится отъ третьяго: *молотъ*, ибо «дѣйствіе, производимое «сими орудіями (біеніе, удареніе) совершенно одинаково»; и такъ они сродны уже не по родовому понятію: *дѣлаю малымъ*, но по видовому, обстоятельственному: *бью, ударяю*?—вотъ второй *перерывъ*! Пятое и шестое колѣна произведены отъ *мало*; *молнія*, *мелькаю* и *малина* (VII, VIII, IX кол.) тоже отъ *мало*, *малѡ*, потому что первая продолжается *малое* время; едва появится и уже изчезаетъ,—второй означаетъ *малость* пребыванія, скорость прехожденія, третья—состоитъ изъ *малыхъ* частицъ, вкупѣ соединенныхъ. Въ десятомъ колѣнѣ повторяется V-ое *мелкій*, въ которомъ буква *л* смѣнена только буквою *н* (мельше=меньше); одинадцатому колѣну соприсущно также понятіе о *малости*.—Ища въ иноземныхъ языкахъ словъ, соотвѣтствующихъ симъ развѣтвленіямъ корня: *мал'*, Шишковъ нашелъ въ нихъ только *пять* слѣдующихъ колѣнъ: 1-ое *male*—худо-мало (Лат., Итал., Франц., Англ.,) соотвѣтствующее словамъ перваго нашего колѣна: *мало;* II-е соотвѣтствующее словамъ нашего 2-го колѣна: *мелю*, *молоть:* Греч. *μυλη*, Лат. *mola*, Итал. *molino*, Франц. *moulin*, Нѣм. *Mühle*, Англ. *mill*, Датс. *molle*=мельница; III-е колѣно, соотвѣтствующее вѣтвямъ нашего 3-го колѣна: *молотъ:* Латин. *malleus*, Итал. *malleo-maglio*, Франц. *maillet:* молотъ, молотокъ; IV-е соотвѣтствующее словамъ нашего X-го колѣна: *меньше*: Латин. *minuo*, Итал. *minorare*, Франц. *diminuer*, Нѣм. *mindern*, Англ. *to diminish*=меньшѵ, умаляю; V-ое колѣно, соотвѣтствующее вѣтвямъ нашего XI-го колѣна: мизирный: Лат., Итал. *miseria*, Франц. *misère*, Англ. *misery*=бѣдность, худость, малость.—Предоставляя читателю просмотрѣніе этого сравнительнаго дерева, я не буду самъ входить въ подробности сличенія вѣтвей языковъ иноземныхъ

съ вѣтвями языка русскаго, которое представляетъ здѣсь гораздо менѣе натянутости, скачковъ и перерывовъ, нежели сличеніе колѣнъ русскаго корня *мал'* между собою. Считаю долгомъ обратить вниманіе читателя на два только примѣра, изъ которыхъ онъ можетъ составить себѣ понятіе о тѣхъ двухъ *случаяхъ* во второмъ моментѣ аналитическаго направленія Шишкова, какіе я обозначилъ въ началѣ этого §-а. Въ самой главѣ иноземныхъ вѣтвей, въ 1-мъ колѣнѣ: *male* Филологъ нашъ встрѣтилъ перерывъ въ паралельномъ теченіи нашихъ словъ съ словами иноземными: у насъ первое колѣно: *мало* означаетъ степень количества, въ языкахъ же иноземныхъ—*male* означаетъ степень качества (*худо, худость, зло*). Этотъ перерывъ весьма удачно восполненъ филологическими соображеніями Шишкова. Значеніе иноземнаго колѣна: *male* (худо) представляетъ сродство съ значеніемъ нашего: *мало*; потому что эти два понятія имѣютъ смежность: «при отрицаніи добра естественно раждается понятіе о злѣ.»—Эту смежность, впрочемъ, нужно было доказать фактами, и они-то составляютъ главное достоинство въ изысканіяхъ нашего Филолога.—Обративъ вниманіе на слова производныя и, преимущественно, сложныя, Шишковъ нашелъ, что какъ въ языкахъ иноземныхъ *male*, означая: *худо*, употребляется въ смыслѣ нарѣчія: *мало*, такъ и въ языкѣ русскомъ *мало* означая: *parum, peu*, употребляется и въ смыслѣ нарѣчія: *худо*.—«Латинцы въ словаряхъ своихъ»—говоритъ Филологъ—«при разныхъ рѣченіяхъ объясняютъ иногда «слово: *male* словами: *non multum* (не много), какъ напри«мѣръ: *facundum sed male forte ingenium*: *красноръчивый, «но малосильный умъ* (см. Целларіевъ словарь) Въ сложныхъ «словахъ ихъ смѣшеніе понятій о *малости* и *худости* вездѣ «видно, ибо ежели они говорятъ: *maledico* (злословлю, про«клинаю), *malefactor* (злодѣй, преступникъ), *malevolus* (зло«желательный, завистливый), и проч.; то говорятъ также «*malefidus* (маловѣрный, невѣрный), *malesanus* (малоумный, «безумный), *malebarbis* (малобородый) и проч.—Въ нашихъ

«вѣтьвяхъ сіи понятія также часто смѣшиваются, а именно: «когда говорится о простыхъ (ненравственныхъ) вещахъ, «какъ напримѣръ, *малорослый, малолѣтній, маловременный* «и проч., то разумѣется одна малость (безъ худости); когда «же говорится о вещахъ, относящихся къ душевнымъ свой-«ствамъ, утверждая недостатокъ оныхъ, какъ то: *малоду-«шіе, малоуміе, маловѣріе,* и проч., тогда при словѣ *малость* «подразумѣвается вмѣстѣ и *худость* или *зло*, поелику при «отрицаніи добра естественно раждается понятіе о злѣ. «Равнымъ образомъ и *худость* принимается иногда за *малость*. «какъ напримѣръ *худорослый*, есть тоже что *малорослый* «и проч. ([1]) Латинское *male audire* есть столькоже *мало «слышать* сколько и *худо слышать*. Италіанское *malvolen-«tieri* есть столько же *маловольно, малоохотно,* сколько и «*худоохотно* или неохотно. Французское *malcontent* есть «столько же *малодоволенъ*, сколько и *худо доволенъ* или не-доволенъ.»—Но это мастерское, превосходное изысканіе сродства между *мало* и *male* не вездѣ было увѣнчеваемо такою счастливою удачностію: между многими колѣнами языка русскаго и языковъ иноземныхъ сама натура языка не представляла никакой параллели и Шишковъ, увлекаемый завѣтною идеею о происхожденіи всѣхъ языковъ изъ *одного общаго* источника, усиливался найти между языками родство даже въ *разнозвучныхъ вѣтвяхъ* по чисто-отвлеченному корню: *мысли*, изъ которой произведены вѣтви какъ одного такъ и другихъ языковъ. Такъ напримѣръ, въ IV колѣнѣ: *minuo* (меньшу, умаляю), между многими производными словами онаго, которымъ Филологъ указываетъ *подобнозвучныя* параллельныя слова въ языкѣ русскомъ, Шишковъ находитъ въ Итал. языкѣ *mencio* и во Франц. *mince*, которымъ въ языкѣ русскомъ

([1]) Удивляюсь какъ Шишкову не пришли на память слова: *худоумный, худоуміе* (малоумный, малоуміе), *худогласный* (Поликарп. parum vocem habens) и др. представляющія самые лучшіе примѣры для подтвержденія его выводовъ?

соотвѣтствуютъ слова отъ другаго корня: *тонокъ*, *сухощавъ*. Казалось бы, Филологу должно было остановиться на этомъ *перерывѣ параллельности*: но онъ, однакоже, усиливается и здѣсь возстановить сродство между *тонокъ* и *tencio*, *mince*. Этимъ часто встрѣчающимся обстоятельствомъ, по мнѣнію Шишкова, *еще болѣе обнаруживается единство языковъ*. «Нерѣдко въ языкахъ бываютъ два слова отъ разныхъ корней, но выражающія одно и тоже понятіе: напримѣръ, въ «нашемъ языкѣ *меньше* и *тонѣе* суть нѣкоторымъ образомъ «сословы; ибо что меньше толщиною, то и тонѣе. Первое «(меньше) происходитъ отъ корня *мал'*, измѣнившагося въ «*мел* и *мен*; второе (тонѣе) отъ корня *тян'* господствующаго «въ словахъ: *тяну*, *тянуть*, *вытянуть* и проч. Иностранные «языки выражаютъ сіе понятіе тѣми же словами, отъ тѣхъ «же самыхъ корней происходящими, какъ то: Латинцы говорятъ *minutus* и *tenuis*; Италіянцы *tencio* и *tenue*, Французы *mince* и *tenu*, Англичане *small* и *thin*, Нѣмцы *schmall* «и *dünne*, Датчане *smaa* и *tyndee* (слова: *small*, *schmall*, «*smaa* очевидно имѣютъ одинъ съ нами корень: мал').»—Всякій спроситъ при этомъ *случаѣ*: какой же результатъ выходитъ изъ этого? Не ужели тотъ, что корень *мал'* и *тян* есть одно и тоже?—Сродство слова: *тонкій* съ *tenuis*, *tenu* и другими словами видитъ всякій, но сродство его съ *мал'* едва ли кто признаетъ, потому что *тянуть* и *малить* родственны между собою такъ же, какъ всѣ люди—дѣти Адама и Еввы. Такія натяжки сродства читатель еще явственнѣе можетъ видѣть въ общемъ обозрѣніи колѣнъ иноземнаго корня *мал* (Ч. VI стр. 32—38), въ которомъ онѣ доходятъ до странностей, такъ напр. синонима латинскаго: *mola* (мельница): *pistrinum*, родственна съ русскимъ корнемъ, потому что *pistrinum* и *pistillum* (пестъ) происходятъ отъ *pinso*—толку; по *толку* есть тоже, что *толкаю* или *пинаю*; и такъ *pinso* и *пинаю* суть единокорненныя и единозначащія слова, слѣд. Латинск. *pistrinum* по корню своему есть русское *пинарня*—ежели бы такое слово произведено было отъ *пинаю* . . . . . Къ чему все

это? . . . Филологъ, я думаю, и самъ не замѣчалъ, что основная идея его, въ круговомъ движеніи ея, выходившемъ уже *изъ орбиты* языковъ, все болѣе и болѣе выходила *внѣ себя* и рѣяла уже надъ тою темною пучиною мысленнаго, отвлеченно-общаго единства языковъ, которое, вмѣсто того, чтобы сближать языки узами единокровнаго родства, удаляло ихъ другъ отъ друга *пространствомъ безконечнымъ:* опасеніе—упустить изъ рукъ нити этого родства, уходившія въ эту темную пучину или самой изчезнуть въ оной, заставило ее вдругъ *поворотить* къ себѣ, *остановиться* и въ точкѣ своего покоя найти ту ложную *точку отправленія*, которою опровергалось все предъидущее.—Чтобы дать видѣть читателю этотъ послѣдній моментъ поворота основной идеи Шишкова, я пропускаю сравнительныя деревья: *пин* (Ч. VI. стр. 60—106), *бить*, *st* (Ч. XI. стр. 61—105) и обращу его вниманіе на сличенія нѣсколькихъ корней, взятыхъ изъ языковъ европейскихъ и восточныхъ, съ корнями языка славянскаго, доказывающія, по мнѣнію Шишкова, что всѣ иноземныя слова приведенныя имъ въ примѣръ, имѣютъ свой *корень*, свое начало—въ языкѣ славянскомъ.

§ 7-й.

Второе и послѣднее уклоненіе основной идеи Шишкова съ пути аналитическаго направленія (отъ многихъ корней) къ старому направленію: синтетическому (обще-единому корню). Выводъ корней Нѣмецкаго языка изъ языка Славянскаго.

Приводя себѣ на память первоначальное движеніе основной идеи Шишкова, обнаружившееся въ первомъ направленіи его метода—*синтетическомъ*, и слѣдя ея скрытый, подавлен-

ный ходъ во второмъ направленіи — *аналитическомъ*, читатель можетъ замѣтить, что эта идея, колеблясь между органическими ея полюсами: *корнемъ* и *вѣтвями*, *принуждена была* отставать отъ перваго и перейти на сторону послѣднихъ. Какъ языкъ русскій, такъ и языки иноземные представили Шишкову сродство частное, второстепенное—между *вѣтвями*, но не показали ему сродства общаго, основнаго — въ *корняхъ*. Съ этимъ направленіемъ первой идеи Филолога сопряжено было непосредственно направленіе и второй его идеи: о *нарѣчіяхъ* и *языкѣ*; результатъ, вытекающій изъ первой: «есть только *вѣтви* или многія слова, «взаимно сходствующія во многихъ нарѣчіяхъ и языкахъ, «но нѣтъ *корня*, въ которомъ бы сходны были какъ всѣ на«рѣчія одного языка, такъ и всѣ языки разныхъ народовъ»— велъ за собою другой результатъ, проистекавшій изъ второй идеи: «есть только *нарѣчія*, сродныя между собою въ «нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но нѣтъ *языка*, съ которымъ бы «эти нарѣчія представляли полное, совершенное *сродство*».— Всякій легко можетъ догадаться, какіе результаты вытекали изъ этихъ положеній для исторіи языковъ: ежели *нарѣчія* не представляютъ намъ полнаго, совершеннаго *обще-единаго сходства* ни въ одномъ изъ словъ (корней), то явно, что они не имѣютъ обще-единаго источника, слѣд. каждое изъ нихъ произошло своимъ особымъ путемъ, независимо отъ другого, слѣд. *языка* этихъ нарѣчій не было; ежели же нарѣчія представляютъ намъ только *частное* сходство, которое съ одной стороны—не могло быть *случайнымъ*, съ другой стороны—*первоначальнымъ* (отъ одинакости происхожденія,) то явно, что оно произошло въ слѣдствіе взаимообщенія нарѣчій, изъ которыхъ каждое заимствовало что нибудь отъ другого нарѣчія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало ему что нибудь отъ себя.—При такихъ заключеніяхъ, которыя необходимо должно предположить по законамъ логической послѣдовательности, основная идея нашего Филолога находилась въ двоякомъ затрудненіи: признать первое положеніе:

«есть только нарѣчія — нѣтъ языка» значило отвергнуть *разумное* происхожденіе Слова человѣческаго изъ *единаго* мыслящаго Ума и допустить случайное, слѣпо-эмпирическое его возникновеніе; остановиться на второмъ—значило предать себя безвыходному круговращенію въ подземномъ лабиринтѣ языковъ человѣческихъ, ибо преслѣдуя извилины одной какой нибудь вѣтви напр. Франц. *tenu* (тонкій), пришлось бы безпрерывно переходить отъ Французскаго къ Латинскому: *tenuis*, положимъ, отъ Латинскаго къ Датскому: *tyndee*, отъ Датскаго къ Нѣмецкому: *dünne* и т. д. Въ одномъ языкѣ мы видѣли бы заимствованіе отъ другаго, въ другомъ—отъ третьяго и т. д. и заходили бы безъ отдыха далѣе и далѣе, все таки не находя *перваго* языка, въ которомъ искомая нами вѣтвь не была бы заимствована, но составляла бы его исконное достояніе.—Читатель согласится, что филологъ нашъ, для того чтобы съ одной стороны сохранить свою завѣтную идею о *единствѣ* происхожденія человѣческаго Слова, съ другой стороны, чтобы найти выходъ изъ *вѣтвеннаго лабиринта* языковъ,—долженъ былъ призвать въ помощь какія нибудь *примирительныя идеи,* которыя послужили бы средою между сими двумя полюсами: *корнемъ* и *вѣтвію, языкомъ* и *нарѣчіями,* между которыми вѣчно колебалась идея Шишкова, не находившая для себя покоя.—Первою идеею—была мысль о *единомъ, первобытномъ языкѣ*: «всѣ языки народовъ»—утверждалъ Шишковъ—«произошли «изъ языка первобытнаго и суть ни что иное, какъ болѣе «или менѣе отдаленныя нарѣчія онаго»: но разность ихъ между собою служила очевиднымъ опроверженіемъ этого мнѣнія.—Филологъ обратился бы къ мнѣнію противоположному: «всѣ языки человѣческіе суть особыя, самостоятельныя нарѣчія, произшедшія независимо одно отъ другого»: но объясненіе сходства между ними непремѣнно бы воротило это мнѣніе къ мнѣнію первому, потому что отыскивая *начало словъ*, отъ которыхъ пошли заимствованія въ другіе языки, для одной какой нибудь вѣтви мы нашли бы это

начало въ языкѣ напр. русскомъ, для другой—въ языкѣ нѣмецкомъ, для третей—въ языкѣ еврейскомъ и т. д., находя въ каждомъ изъ языковъ человѣческихъ безъ исключенія какое либо *начало* словъ. Но *начало*—источникъ, корень языка—есть нѣчто *первобытное*, слѣд. ежели бы каждый языкъ человѣческій оказался въ нѣкоторыхъ частяхъ *первобытнымъ* по отношенію къ другимъ языкамъ, то всѣ языки человѣческіе были бы съ нѣкоторой стороны *языками первобытными* или, лучше сказать, языками, сохраняющими въ себѣ *части первобытнаго* Слова; но *части*—по общей аналогіи вещей—предполагаютъ непремѣнно *цѣлое, единое*, слѣд. присутствіе оныхъ въ языкахъ человѣческихъ повело бы непремѣнно къ предположенію о нераздѣльно-единомъ первобытномъ языкѣ, потомъ раздѣлившемся и образовавшемъ изъ себя разныя нарѣчія (языки народовъ).—Невозможность перейти съ *послѣдовательностію фактическою* отъ одного полюса къ другому т. е. невозможность, съ одной стороны, произвести изъ единаго языка многія нарѣчія, столь разныя между собою, съ другой стороны—свести къ *одному* языку нарѣчія, *сходствующія* только во многомъ, но не во всемъ—заставила Шишкова допустить, что «первобытный «языкъ изчезъ самъ по себѣ, но существуетъ во всѣхъ язы-«кахъ, въ иныхъ больше, въ иныхъ меньше. Онъ суще-«ствуетъ въ нихъ не словами своими, но корнями, изъ «которыхъ каждый языкъ произвелъ свои вѣтви.» (Ч. XI. стр. 31).— Эта мысль о *корнѣ* языка первобытнаго—мы видѣли—высказывается довольно явственно въ предъидущемъ §-ѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Шишковъ, находя въ параллели колѣнъ вѣтви *разнозвучныя* напр. *mince* и *тонокъ*, прибѣгаетъ къ посредству отвлеченнаго представленія: *дѣлаю малымъ* (*minuo*) и *дѣлаю нетолстымъ, плоскимъ* (=тонкимъ), которымъ, какъ обще-единымъ корнемъ, роднитъ онъ вѣтви: *мал* и *тян, mince* и *tenu, тонокъ.*—Эта идея объ отвлеченномъ *мысли-корнѣ*, будучи развиваема послѣдовательно, привела бы нашего филолога неминуемо къ тому, что каждое

наръчіе (языкъ человѣческій) есть *языкъ первобытный*, потому, что если бы и не было въ немъ *корней* для всѣхъ тѣхъ вѣтвей, которыя существуютъ въ другихъ нарѣчіяхъ, но вмѣсто того нашлись бы другія *инозвучныя* слова, выражающія эти несходныя съ его словами вѣтви, то все таки *мысль*, изъ которой проистекаютъ эти вѣтви, была бы *одна* съ мыслію, отъ которой произведены вѣтви языковъ чуждыхъ. — Но принимая положеніе: «всѣ нарѣчія суть языки первобытные не произшедшіе одинъ изъ другого, но образовавшіеся независимо» мы отвергаемъ уже мысль о единомъ первомъ языкѣ и допускаемъ, опять, случайное, эмпирическое ихъ возникновеніе!! Попавши въ такой круговоротъ отъ *корня къ вътви*, отъ *языка къ наръчіямъ*, которыя никакъ не вытекали другъ изъ друга, мысль Шишкова, чтобы дать себѣ отдыхъ, покой, чтобы остановиться на какой нибудь точкѣ, допустила безъ всякаго основанія и послѣдовательности —бытіе такого *наръчія*, въ которомъ заключается съ одной стороны—*языкъ первобытный*, съ другой—корни всѣхъ прочихъ нарѣчій, которое, однимъ словомъ, есть *цълое* и *части*, языкъ и нарѣчіе вмѣстѣ. Это всепримирительное нарѣчіе есть *языкъ славянскій*.—Вотъ нѣсколько примѣровъ лексическаго вывода, изъ которыхъ читатель можетъ составить себѣ болѣе ясное понятіе о томъ косвенномъ, возвратномъ движеніи основной идеи Шишкова, которое дошло до послѣднихъ своихъ крайностей.

Филологъ беретъ слово: *языкъ* и поставляя оное въ параллель съ нѣмецкимъ: *Zunge*, при посредствѣ областной формы послѣдняго: *Gezunge*, взятой имъ въ коренныхъ ея слогахъ: *ezug* сближаетъ нѣмецкое слово съ славянскимъ: *языкъ*. Нѣмецкое слово не имѣетъ корня; славянское же, по разложеніи, представляетъ два слова: *я-зыкъ* т. е. я есмь звукъ, голосъ, звонъ, гулъ или *я есмь орудіе голоса*. И такъ славянское слово «показываетъ *само собою* т. е. заключаю«щимся въ немъ разумомъ описуемую вещь; но такъ какъ

«другіе языки не могли по произволу давать имена вещамъ, «но всегда или почерпали или заимствовали ихъ отъ нѣко«его понятія, то и ихъ слова должны имѣть свое начало, «ежели не у себя, то въ другомъ языкѣ», слѣд нѣмецкое *Zunge* имѣетъ корень свой въ славянскомъ: *языкъ.* Но не одинъ Нѣмецкій языкъ, и другіе иноземные языки найдутъ корень для словъ, выражающихъ эту вещь — въ языкѣ славянскомъ. — Вотъ названія *языка* въ разныхъ нарѣчіяхъ древняго и новаго міра:

по Славянски, Сорабски,		по Эллински и Ново-	
Малороссійски	языкъ	греческі	глосса.
по Иллир., Серб., Винд.	язикъ	по Кубачински . . .	госъ.
по Кашубски, Польски...	ензыкъ	по Персид.	зубанъ, зубунишъ
по Богемски	іазикъ	по Бухарски ...	зюбанъ, шиль.
по Староперсидски . . .	гезуе	по Курдски.	себанъ.
по Осетски	абзагъ	по Инд. въ Мультанѣ.	джубанъ.
по Дугорски	афзаге	по Индост. въ Бенгалѣ.	джибъ.
по Ассирійски	абсагъ	въ Деканѣ ...	жибу
по Черкесъ — Кабард . .	бзекъ	по Авгински	жиба.
по Германски	цунге	по Балабански.	шиба.
по Тевтонски	цунгунъ	по Пеельски	губія
по Цимбрски	цунгъ		гозуанъ
по Фризски и Н. Герм....	тунгъ	по Арабски ...	лизаанъ, лезанъ
по Датски, Англосакс.	тунге	по Сирійски	лешонъ
по Исландски и Швед.	тунга	по Еврейски.	лашонъ
по Голландски и Англ.	тонгъ	по Халдейски	лишну
по Готтійски	тугго	по Карасински. . . .	лакша.

«Слова, помѣщенныя въ первомъ столбцѣ, суть очевидныя «видоизмѣненія славянскаго корня: *языкъ*, который въ восточ«ныхъ языкахъ разбавляется вставкою губныхъ буквъ: *б, ф* «(cf. *абзагъ=азагъ=*(і)*языкъ*), въ языкахъ германскихъ — посо«вой: *н* (cf. *Zunge=Zug*=(я)*зыкъ*). Названіе греческое: *глосса*

«совершенно сходствуетъ съ нашимъ: *гласъ* или *голосъ*, слѣд. «должно быть славянское, которое перенесено только къ «языку, какъ *орудію голоса*. Названія: *зубанъ—шиба* сход-«ствуютъ съ нашимъ словомъ: *зубы* и очень легко могли быть «заимствованы изъ языка славянскаго, потому, что *языкъ* «есть орудіе *зубовъ*, столько же какъ и голоса. Пеельское «названіе: *гуобія* очевидно есть славянское *губы*, отнесенное «такимъ же образомъ какъ и въ другихъ языкахъ къ раз-»умѣнію подъ нимъ орудія *губъ*, т. е. языка. Каждый на-«родъ—заключаетъ Филологъ—принималъ какую нибудь часть »голосоваго органа за орудіе голоса и по имени ея называлъ «языкъ: мы приняли кусокъ тѣла во рту нашемъ за орудіе «звука или зыка и назвали оный *языкъ*; но ежели бы взяли «оный за орудіе *голоса*, или *зубовъ* или *губъ* т. е. когда бы «отъ сихъ предметовъ произвели его имя, то назвали бы «его, какъ Греки, *голосникомъ* (глосса), или какъ Персіяне «*зубникомъ* (зубанъ), или какъ Пеельцы *губникомъ* (гуобія). «Равнымъ образомъ, когда бы произвели имя онаго отъ гла-«головъ *лизать*, *локать* то назвали бы его, какъ Арабы, *ли-«зуномъ* (лизаанъ), или какъ Карасинцы *лакшею* (лакша).»— Выводъ Филолога, какъ читатель можетъ замѣтить, не имѣетъ твердаго результата, потому, что если славянское слово *языкъ*, положимъ, и будетъ корнемъ для названій, помѣщенныхъ въ первомъ столбцѣ, то названія, помѣщенныя во второмъ столбцѣ рѣшительно не могутъ быть приняты за вѣтви славянскихъ корней: *зубы*, *губы*, *лизать*, *локать*, потому что 1) въ опредѣленіи: *орудіе зубовъ*, *губъ* трудно найти какой нибудь здравый смыслъ, а тѣмъ труднѣе еще перенести его къ понятію *о языкѣ*, какъ орудіи рѣчи; представленія же *лизанія* и *локанія* никакимъ образомъ не могутъ быть связаны съ *орудіемъ зыка*, *голоса*—какъ основнымъ значеніемъ славянскаго корня; 2) распространяя аналогію образованія славянскаго корня (отъ слова: *зыкъ*) и на другіе языки (что допускается и самымъ Филологомъ) нѣтъ основанія утверждать, что названія иноземныя почерпнуты изъ славянскихъ корней

(*губы, зубы* и проч.), ежели *не доказано*, что въ языкахъ иноземныхъ *вовсе нѣтъ* такихъ же корней. Шишковъ самъ, противъ воли своей, быть можетъ, сознавалъ это, сличая послѣднія 5 названій не только съ русскимъ: *лизать*, но и съ французскимъ *lécher*, италіанскимъ *leccare* и нѣмецкимъ *ecken*, указывая этими сличеніями на то, что «одно и тоже «слово, съ нѣкоторыми измѣненіями въ произношеніи, слу«жило у разныхъ народовъ, *заимствовавшихъ оное отъ общаго «ихъ предка*, ([1]) къ изъявленію одного и того же дѣйствія.» Заключеніе Филолога показываетъ довольно явственно ослабленіе той догматической силы положенія, которую онъ придалъ ему въ самомъ началѣ, сказавши, что корень иноземныхъ названій *языка* заключается въ языкѣ славянскомъ.— Избѣгая опроверженій фактическихъ, противопоставляемыхъ большимъ семействомъ языковъ, Шишковъ въ дальнѣйшихъ сличеніяхъ ограничился однимъ только языкомъ—нѣмецкимъ, слова котораго легче было ему вывести изъ славянскихъ корней, потому что первенство послѣднихъ не было у нихъ оспариваемо другими соискателями. Онъ взялъ, для сличенія, слова: *Jahr* (годъ), *Räbhuhn*, (рябчикъ) *Stein* (камень=стѣна?), *Gatte* (*хотя*=супругъ), *Zinn* (свинецъ), *Bley* (олово), *Blech*, *Blitz* (бляха, блескъ), *kaufen* (купить), *Garde* стража=*градъ*), *Lager* (лагерь, станъ), *Schrank* (шкафъ= *схранкъ*?), *Kutsche* (коляска, *коча*, *кочъ*) и др.—Всѣ эти слова, по изслѣдованіямъ Филолога оказываются первоначально славянскими, перешедшими въ послѣдствіи времени въ языкъ нѣмецкій и *усвоившимися* ему какъ бы коренное его достояніе.—Такъ, наприм. въ словѣ: *Iahr*, говоритъ Шишковъ, Нѣмецъ не найдетъ первоначальной мысли: въ славянскомъ же языкѣ она есть, ибо корень *яр* означаетъ свойство огня или солнечную теплоту, откуда произведено *яро* (весна=время теплоты воздуха) и *яровое*, *ярка* и др. Нѣмецкое *Iahr*,

---

([1]) Этотъ предокъ не наименованъ; но видно, однакоже, что подъ нимъ Филологъ не разумѣетъ языка славянскаго.

есть, поэтому, славянское *яро*—часть года, взятая за цѣлый годъ. *Frühling* (=cf. *früh-Iahr*), подобнымъ же образомъ, почерпнуто изъ языка славянскаго, потому что составлено изъ *früh*—раннiй и *ling*—лѣто (раннее лѣто). *Räbhuhn* взято изъ славянскаго: *рябъ* и означаетъ *рябую курицу*. *Stein* есть славянское: *стѣн(а)*, перенесенное къ *камню* (цѣлое вмѣсто части)—cf. *Schornstein* (печная труба=шорнъ—стейнъ=*черна стѣна*, стѣна, закоптѣлая отъ дыма. *Gatte* есть славянское: *хотя* (супругъ), произведенное отъ *хотѣнiя* (желанiя, вожделѣнiя), подобно тому, какъ *милый* отъ *умиленiя* души. *Zinn*—*свинецъ*, отъ славянскаго *синь* (*синецъ*) и т. п. Не буду приводить здѣсь другихъ сличенiй: они, какъ читатель самъ видитъ, не должны даже подлежать критикѣ; притомъ, я не имѣю въ виду замѣнить читателю моею книгою чтенiе самыхъ сочиненiй Шишкова: довольно будетъ для меня привести результатъ лексикологическихъ сличенiй Филолога, высказанный имъ на стр. 125: «Нѣмецкiй языкъ былъ нѣ«когда Славенскiй, и хотя съ теченiемъ времени весьма измѣ«нился, однакожъ многiе слѣды его въ себѣ сохраняетъ, и «для отысканiя первоначальнаго въ словахъ своихъ смысла «имѣетъ въ немъ, какъ въ праотцѣ своемъ, великую надобность.»—Не одному изъ читателей моихъ этотъ результатъ покажется *забавнымъ*, не одинъ—быть можетъ—пожалѣетъ о заблужденiяхъ *старца—Филолога*; но будемъ же справедливы, вспомнимъ современную *санскритоманiю*: гдѣ бóльшая доля вѣроятности: въ слѣпой ли вѣрѣ въ то, что Славяне вышли изъ Индiи и, потому, вынесли съ собою остатки языка санскритскаго или во мнѣнiи, что Славяне, живши долгое время смежно съ Нѣмцами (что доказываетъ исторiя) *могли* передать имъ и многое изъ своего языка ? . . . . Пройдемъ же съ вниманiемъ снисходительнымъ мимо этого *поворота* въ направленiи лексикологическихъ изысканiй Шишкова, поворота—какъ мы видѣли—необходимаго и по самымъ заблужденiямъ даже полезнаго для Науки; утѣшимъ себя тѣмъ, что этотъ поворотъ былъ *послѣднiй* и перейдемъ къ разсмо-

трѣнію послѣдняго момента въ аналитическомъ направленіи Шишкова—*сравнительнымъ семействамъ словъ.*

§ 8-й

Третій моментъ въ аналитическомъ направленіи метода Шишкова Предметъ изслѣдованій Филолога въ области Сравнительнаго языкознанія.

Въ первой книгѣ нашей (§ 32-й, стр. 208), при общемъ обозрѣніи втораго направленія въ лексикологическомъ методѣ Шишкова — *аналитическаго,* мы сдѣлали перечень статей, относящихся исключительно ко *всеобщему сравнительному изслѣдованію* языковъ. Эти статьи помѣщены въ XIII, XIV и XV частяхъ полнаго собранія сочиненій Шишкова вышедшихъ въ промежуткѣ времени съ 1829—1832 годъ. Третій и послѣдній моментъ аналитическаго направленія въ трудахъ нашего Филолога заключается, такимъ образомъ, въ пространствѣ *трехъ лѣтъ,* которыми завершилось филологическое поприще Шишкова. — (¹) Мы не будемъ входить

(¹) См. слова Филолога въ заключеніи XV части его сочиненій.—При хронологическомъ распредѣленіи поприща Шишкова я основывался на времени выхода въ свѣтъ разныхъ частей его сочиненій, при всемъ томъ, что годъ, выставленный на каждой части, не можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ во времени, въ которое *написана* статья. Что же дѣлать? кромѣ *Извѣстій, Сочиненій и переводовъ,* изданныхъ Росс. Академіею (въ которыхъ можно отыскать нѣкоторыя статьи Шишкова) — для опредѣленія времени составленія остальныхъ статей я не находилъ никакихъ данныхъ. Одобреніе Академической Цензуры *1817 года Мая 12,* выставленное на всѣхъ частяхъ—не могло мнѣ служить пособіемъ, представляя явное противорѣчіе съ годомъ изданія нѣкоторыхъ статей, напр. послѣдняя статья *Опыта о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ,* (дерево St, сличеніе корней нѣмецкаго языка съ славянскими) напечатана въ 1822 (Извѣст. Акад. кн. X) а въ XI части Соч. Шишкова, вышедшей въ 1827 году одобреніе Цензуры дано въ 1817 г., Мая 12.

въ подробное разсмотрѣніе послѣднихъ лексикологическихъ трудовъ Шишкова, при всемъ интересѣ, какой они представляютъ намъ, показывая, какъ мысль труженика Науки, оставаясь постоянно-вѣрною предположенной ею цѣли, не смотря на безпрерывныя затрудненія, противопоставляемыя ей новостію и неизвѣстностію предмета, шла неутомимо въ глубь вѣковаго, историческаго лабиринта языковъ и наконецъ пробила для себя путь выхода изъ этаго лабиринта. Предоставляя самому читателю прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ это движеніе мысли Шишкова, мы, предпочитая и здѣсь интересъ *теоретическій* интересу *историческому*—обратимъ вниманіе только на главныя, *общія* черты онаго, т. е. 1) покажемъ, на чемъ сосредоточился здѣсь лексикологическій анализъ Шишкова; 2) на какихъ основаніяхъ опирается онъ или—другими словами—въ какомъ видѣ является *основная идея* Шишкова, которая должна была сопутствовать Филологу на каждомъ шагу лексикологическихъ его изслѣдованій; 3) къ чему устремленъ лексическій анализъ Шишкова, какихъ результатовъ ожидалъ онъ отъ своей работы?—Объясненіе этихъ трехъ пунктовъ будетъ уясненіемъ *предмета*, *метода* и *цѣли* лексикологическихъ изслѣдованій Шишкова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить къ уясненію существенныхъ сторонъ *Филологическаго изученія русскаго языка*— главнаго предмета нашихъ изысканій.

Предметомъ лексикологическихъ изслѣдованій Шишкова въ послѣднемъ ихъ періодѣ суть *корни языковъ;* мы не говоримъ: *корни языка*—а) это значило бы что работа Филолога сосредоточивалась на генетическомъ выводѣ разнообразныхъ видоизмѣненій одного и того же слова (вѣтвей) и вращалась въ предѣлахъ *одного* только языка—русскаго или славянскаго; б.) это предполагало бы самую основу этаго вывода (т. е. *корни языка*)— уже данною, извѣстною, опредѣленною,—между тѣмъ, какъ она въ лексикологическихъ изслѣдованіяхъ Шишкова, о которыхъ мы говоримъ теперь,

составляетъ именно *искомое*, неизвѣстное = X. Отысканіе этой основы предполагаетъ непремѣнно *корни* языковъ и, слѣд., *многіе языки*, потому, что вывести происхожденіе самаго *корня* въ какомъ бы то ни было языкѣ т. е. найти то *первоначальное понятіе*, которое послужило источникомъ понятію, изображаемому даннымъ корнемъ, нельзя, какъ мы уже видѣли, не коснувшись, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлаго круга или цѣлой цѣпи другихъ *смежныхъ* понятій, выражаемыхъ словами того же корневаго звука; а преслѣдуя искомую, неизвѣстную идею по всѣмъ извилинамъ этой аналогической цѣпи—Филологу приходится сличать слова своего языка не только съ словами нарѣчій ему соплеменныхъ но и съ словами языковъ, совершенно ему чуждыхъ. И такъ, говоря, что предметомъ изслѣдованій Шишкова суть *корни языковъ*, мы этимъ самымъ указываемъ на то, что лексикологическій анализъ его а) сосредоточивается не на сличеніи *звуковъ* корневыхъ, но на сличеніи *понятій*, выражаемыхъ видоизмѣненіями одного и того же корневаго звука въ разныхъ языкахъ человѣческихъ и на опредѣленіи, посредствомъ преемственности, первенства, первоначальности этихъ понятій—первоначальности самыхъ корней; что б) матеріалами ему служатъ не русскій языкъ съ соплеменными ему нарѣчіями, но всѣ языки человѣческіе, извѣстные Сравнительному языкознанію. Такое понятіе *о предметѣ* лексикологическихъ изслѣдованій давно уже было у Филолога: оно было примѣнено имъ, однако же, къ практикѣ только въ послѣднемъ періодѣ его изысканій. Въ заключеніи статьи: *корень пил'*, разсмотрѣнный въ сравненіи съ колѣнами его въ языкахъ иноземныхъ, Шишковъ для подтвержденія мысли, что «въ «разборѣ или соображеніи всѣхъ произведенныхъ отъ корней «разноязычныхъ вѣтвей представляется вѣрное средство къ «выводу изъ нихъ ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ» о единствѣ происхожденія всѣхъ языковъ, указываетъ трoякаго рода сравненія языковъ или, лучше сказать, *троякія стороны*, на которыя можетъ быть обращено сравнительное

языкоизслѣдованіе: 1.) сличеніе словъ одного значенія и одного звука въ языкахъ, ближайшимъ образомъ сродныхъ между собою или *вѣтвенное сравненіе* языковъ; 2.) сличеніе однозначащихъ и однозвучныхъ словъ въ языкахъ отдаленныхъ—*корневое сравненіе* языковъ по внѣшней сторонѣ ихъ—*звуку;* 3.) сличеніе *корней* языковъ по внутренней сторонѣ ихъ—по мысли, по значеніямъ корней или разысканіе самыхъ корней, выводъ самаго происхожденія ихъ —Вотъ, что говоритъ Филологъ нашъ о каждой изъ этихъ трехъ сторонъ предмета Сравнительной лингвистики, называемыхъ у него *доказательствами* единаго происхожденія всѣхъ языковъ. «*Первое доказательство.* Возмемъ нѣсколько языковъ «и на нихъ однозначащее слово, напр. Латин. *opponere*, «Итал. *opporre*, Француз. *opposer*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, «что всѣ сіи три слова не иное что суть, какъ одно и тоже «различно, измѣняя тотъ же корень, произносимое. Всякъ «знаетъ близость и сходство сихъ языковъ. А потому таковое «доказательство было бы весьма слабое; ибо показываетъ «токмо сродство между сими языками, но не ведетъ къ за«ключенію о единствѣ всѣхъ языковъ вообще. *Второе дока«зательство.* Возмемъ больше языковъ и гораздо между со«бою отдаленнѣйшихъ, напримѣръ: Славянск. *дочерь*, Тевтонск. «*дотеръ*, Англійск. *датеръ*, Готійск. *даутеръ*, Голланд. *до«хтеръ*, Нѣмецк. *тохтеръ*, Персид. *духтаръ*, Эллинск. *ѳи«гатиръ*, Корельск. *тютеръ*, Лопарск. *доктаръ*.—Сіе доказа«тельство больше перваго; ибо показываетъ на многихъ «отдаленныхъ языкахъ одному и тому же предмету одно и «тоже названіе съ малыми токмо въ произношеніи отмѣнами. «Изъ сего довольно уже явствуетъ, что когда столько различ«ныхъ языковъ, въ которыхъ отнюдь не примѣчается вели«каго сходства, согласны между собою въ названіи одной «и той же вещи одинакимъ именемъ, то конечно уже и во «всѣхъ языкахъ долженствуетъ существовать нѣкоторое со«гласіе. И такъ единство всѣхъ языковъ при сличеніи мно«гихъ оныхъ и одинъ отъ другаго весьма отдаленныхъ ста-

«новится очевиднѣе. Но и сіе доказательство не открываетъ «намъ ни *совершеннаго въ томъ увѣренія,* ни *состава языковъ,* «ни *разума оныхъ.* Словомъ, мы видимъ только сходство и «больше ничего. Таковое примѣчаніе въ языкахъ больше «любопытное, нежели полезное, хотя и побудило многихъ уче«ныхъ людей искать въ томъ нѣкотораго свѣта, однакожъ «по сіе время не видимъ мы извлеченныхъ изъ того вели«кихъ успѣховъ и открытій. Посему надлежало обратиться «къ иному пути, надежному, вѣрному, основанному на ясныхъ «доказательствахъ, и который не безплодно одному только «любопытству удовлетворяетъ, но ведетъ насъ по тѣмъ точно «слѣдамъ, камими при составленіи языковъ шелъ умъ чело- вѣческій. Сей путь есть не сличеніе одного токмо сходства «словъ,» (т. е. звука)« но разысканіе корней, показующихъ, «какимъ образомъ каждый языкъ извлекалъ изъ одного и «того же общаго всѣмъ имъ корня, одну и туже мысль въ себѣ «содержащаго, разныя вѣтви, которыя всѣ, означая тысячи «разныхъ предметовъ, показываютъ однакожъ, что всѣ сіи «названія предметовъ, во всѣхъ языкахъ, не иначе произве«дены, какъ по *смежности* и *сцѣпленію понятій* съ перво«начальною, заключающеюся въ корнѣ, одною и тою же «всѣмъ языкамъ общею мыслію. Такимъ образомъ сіе *третье* «доказательство есть совсѣмъ отличное и особое отъ двухъ «первыхъ, требующее несравненно глубочайшихъ изслѣдо«ваній и соображеній; но за то несравненно вѣрнѣйшее и «полезнѣйшее; ибо не токмо открываетъ составъ, разумъ и «свойство своего языка, но и всѣхъ языковъ вообще, пре«творяя ихъ какъ бы въ одинъ и тотъ же языкъ.» (Ч VI. 1826 стр. 109—111. (¹) Вспомнимъ, что эти мысли были

(¹) Не привожу дальнѣйшихъ мѣстъ изъ этой статьи Шишкова, въ которыхъ онъ излагаетъ сущность этаго третьяго способа сравнивать корни отдаленныхъ языковъ: мысли Шишкова представляютъ здѣсь совершенную противоположность съ практикою — съ лексикологическими изслѣдованіями его въ 3-мъ періодѣ — въ области Сравнительной Лингвистики. Здѣсь Шишковъ вноситъ въ кругъ сравненія корни изъ всѣхъ языковъ

*

высказаны 24 года тому назадъ, въ то время, когда ученый міръ *ожидалъ* только сочиненій *Беккера* и *Гримма*, внесшихъ кое-какой свѣтъ въ хаосъ санскритизма; сличимъ эти мысли Шишкова съ блѣдною, тощею, жалкою санскритоманіею нашихъ ученыхъ, для которой довольно одной буквы, безъ всякаго толка, чтобы показать происхожденіе корня,—и мы должны будемъ согласиться, что идеи Шишкова о *предметѣ сравнительнаго языкоизслѣдованія*, далеко опередили просвѣщенный нашъ вѣкъ.—Мысль, что не выводъ однозначащихъ *звуковъ* одного изъ другаго, но генетическій выводъ *значеній*, выражаемыхъ словами одинакаго звука и слѣд., опредѣленіе *преемственности* происхожденія, развитія *понятій*—составляетъ настоящій, существенный *предметъ* Филологіи или сравнительнаго языкознанія; недопущеніе первенства или первородства ни въ одномъ изъ языковъ человѣческихъ и признаніе каждому изъ нихъ своей части или своей доли въ этомъ дѣлѣ, сравненіе ихъ въ правахъ членовъ одной и той же *семьи*, (¹) поставленіе на сценѣ сравнительнаго языкознанія не *языковъ* или *нарѣчій*, но *корней языковъ*, отысканіе которыхъ приведетъ непремѣнно къ опредѣленію границъ, области самыхъ нарѣчій, *начала* и *конца* каждаго, какъ мы это

древняго и новаго міра, извѣстныхъ Наукъ, — въ приводимой же мною статьѣ онъ говоритъ, что при *третьемъ способѣ* нельзя употребить *древнихъ языковъ и еще меньше такихъ, которыхъ буквы различны съ Европейскими, какъ то Еврейскія, Китайскія и т. п. въ коихъ мы не токмо значенія словъ, но даже звука ихъ не знаемъ*. Такое противорѣчіе Филолога самому себѣ показываетъ, что понятіе о *настоящемъ предметѣ* лексикологическаго анализа, предварявшее за нѣсколько лѣтъ примѣненіе онаго къ практикѣ, не созрѣло, не опредѣлилось еще тогда совершеннымъ образомъ.

(¹) Шишковъ, какъ увидимъ ниже, разсматриваетъ корни по *семействамъ словъ* одного значенія и одинакаго звука, слѣд. сравниваетъ самые языки по разнообразнымъ *семейственнымъ* связямъ, какія образуются въ нихъ при разнообразномъ соучастіи ихъ въ произведеніи извѣстныхъ корней.

видѣли уже изъ сличенія *Краинскаго нарѣчія съ русскимъ* (см. 1 кн. стр. 275)—все это должно быть признано значительнымъ шагомъ, какой наука слѣлала въ трудахъ Шишкова и который не теряетъ своего достоинства и теперь, при всемъ томъ, что Сравнительная Лингвистика не должна остановиться на немъ, но должна идти далѣе, должна продолжать и дополнять начатое Шишковымъ. Сообразно съ такими понятіями о *предметѣ* лексикологическихъ изслѣдованій, Шишковъ не избиралъ случайно, произвольно какихъ нибудь словъ одинаковыхъ по звуку и значенію въ извѣстныхъ языкахъ, но взялъ слова, выражающія *первоначальныя понятія* или понятія, по всей вѣроятности, первой, насущной необходимости для человѣка, который безъ нихъ не могъ имѣть общительнаго сношенія съ себѣ подобными. Изъ этихъ первоначальныхъ словъ, которыя въ Палласовомъ Сравнительномъ словарѣ простираются до 273 и наименованы на *двухъ стахъ языкахъ*, Шишковъ взялъ 100 словъ, заключающихъ въ себѣ 1.) названія Бога и членовъ *семейства*, 2.) названія частей, членовъ и отправленій тѣлеснаго организма человѣка (чувствъ); 3.) названія нѣкоторыхъ способностей, дѣйствій и состояній человѣка въ нравственномъ и общественномъ его быту; 4.) названія стихій природы и стихійныхъ перемѣнъ ея. Вотъ перечень этихъ словъ: 1.) *Богъ*, 2.) *небо*, 3.) *отецъ*, 4.) *мать*, 5.) *сынъ*, 6.) *дочь*, 7.) *братъ*, 8.) *сестра*, 9.) *мужъ*, 10.) *человѣкъ*, 11.) *жена*, 12.) *дѣва*, 13.) *мальчикъ*, 14.) *дитя*, 15.) *люди*, 16.) *голова*, 17.) *лице*, 18.) *носъ*, 19.) *ноздри*, 20.) *глазъ*, *око*, 21.) *брови*, 22.) *рѣсницы*, *вѣжди*, 23.) *ухо*, 24.) *лобъ*, 25.) *волосъ*, 26.) *щеки*, 27.) *ротъ*, 28.) *горло*, 29.) *зубъ*, 30.) *языкъ*, 31.) *борода*, 32.) *шея*, 33.) *плечо*, 34.) *локоть*, 35.) *рука* 36.) *персты*, 37.) *ногти*, 38.) *брюхо*, 39.) *спина*, 40.) *нога*, 41.) *колѣно*, 42.) *кожа*, 43.) *мясо*, 44.) *кость*, 45.) *кровь*, 46.) *сердце*, 47.) *молоко*, 48.) *слухъ*, 49.) *зрѣніе*, 50.) *вкусъ*, 51.) *обоняніе*, 52.) *осязаніе*, 53.) *голосъ*, 54.) *имя*, 55.) *крикъ*, 56.) *шумъ*, 57.) *вопль*, 58.) *слово*, 59.) *сонъ*, 60.) *любовь*, 61.) *болѣзнь*, 62.) *трудъ*, 63.) *работа*, 64.) *сила*, 65.) *мочь*, 66.)

власть, 67.) *бракъ*, 68.) *жизнь*, 69.) *ростъ*, 70.) *духъ*, 71.) *смерть*, 72.) *стужа*, 73.) *кругъ*, 74.) *шаръ*, 75.) *солнце*, 76.) *мѣсяцъ*, 77.) *звѣзда*, 78.) *лучъ*, 79.) *вѣтръ*, 80.) *вихрь*, 81.) *буря*, 82.) *дождь*, 83). *градъ*, 84.) *молнія*, 85) *снѣгъ*, 86.) *ледъ*, 87.) *день*, 88.) *ночь*, 89.) *утро*, 90.) *вечеръ*, 91.) *лѣто*, 92.) *весна*, 93.) *осень*, 94.) *зима*. 95.) *годъ*, 96.) *время*, 97.) *земля*, 98.) *вода*, 99.) *море*, 100.) *рѣка*.

§ 9-й.

Методъ, служащій основаніемъ изслѣдованіямъ Шишкова въ области Сравнительнаго языкознанія; значеніе онаго въ Наукѣ.

Методъ лексикологическихъ изслѣдованій Шишкова опирается на примиреніи двухъ моментовъ основной его идеи: *языкъ—нарѣчіе, корень—вѣтвь*, которыя въ прежнихъ ег: изысканіяхъ, какъ мы видѣли, то были принимаемы имъ одинъ отдѣльно отъ другаго, то были сливаемы, смѣшиваемы до безразличія,—изъ чего происходило періодическое преобладаніе одного момента надъ другимъ, безпрерывныя колебанія между полярно-противоположными направленіями лексикологическаго анализа и тѣ односторонности взгляда, тѣ заблужденія, послѣднюю крайность которыхъ мы видѣли въ томъ, что Филологъ, усиливаясь стоять неподвижно на своей завѣтной идеѣ: *общеединомъ корнѣ* и обращать всѣ слова языковъ въ вѣтви этого корня, усиливался потомъ сводить даже разнозвучныя слова одинакаго значенія (синонимы) къ одному и тому же корню и наконецъ, ища реальности для этаго *мысли-корня*, остановился на языкѣ славянскомъ, въ которомъ онъ—какъ ему казалось—нашелъ источникъ языка Нѣмецкаго и другихъ язы-

ковъ человѣческихъ. Такое заблужденіе, какъ читатель видитъ, проистекало изъ того, что Филологъ заключилъ всю сущность своей идеи въ одной только сторонѣ ея: *внутренней, логической*, которая поглотила собою *внѣшнюю* сторону—звуковую, фонетическую; въ отвлеченномъ единствѣ мысли-корня изчезли живыя, реальныя, предметныя разности вѣтвей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общеединомъ *языкѣ* потерялись *нарѣчія*. Здравый умъ Филолога скоро далъ ему замѣтить заблужденія его ученыхъ выводовъ: Шишковъ въ тоже самое время, когда выводилъ изъ славянскаго языка корни языковъ нѣмецкаго и другихъ, (Ч. XI. 1827) отказывался уже отъ мысли о *общеединомъ языкѣ*, праотцѣ всѣхъ нарѣчій и склонялся къ той мысли, что первобытный языкъ не составлялъ особаго, отдѣльнаго цѣлаго, которое существовало въ видѣ опредѣленнаго какого нибудь нарѣчія, что онъ не содержится въ *одномъ* изъ языковъ человѣческихъ—славянскомъ, но что каждое нарѣчіе человѣческое хранитъ въ себѣ извѣстныя части, стороны, элементы общеединаго, первобытнаго Слова или, лучше сказать, примыкаетъ къ общей первоначальной основѣ и соприкасается, такимъ образомъ, съ другими человѣческими нарѣчіями, представляя собою съ одной стороны *цѣлое*—отдѣльный, самостоятельный языкъ, и съ другой стороны—*часть* другаго, высшаго цѣлаго—одно изъ *нарѣчій* человѣческихъ, сродныхъ между собою. Такое признаніе каждому языку человѣческому двоякихъ правъ: *языка* и *нарѣчія* не могло не отразиться и въ нераздѣльно-связанныхъ съ сими двумя понятіями понятіяхъ: *корня* и *вѣтви*, изъ которыхъ каждое должно было получить свою самостоятельность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свою долю участія въ изслѣдованіи общаго сродства между языками человѣческими. Счастливая средина, которую занялъ Филологъ между этими полюсами лексикологическаго анализа: совершеннымъ *сліяніемъ корня и вѣтви* и совершеннымъ *отдѣленіемъ корня и вѣтви*, облегчила ему тѣ переходы отъ общаго къ частному, отъ сходнаго къ разному—въ которыхъ прежде безпрерывно

запутывалась мысль его, принужденная дѣлать скачки и, такимъ образомъ, нарушать какъ логическую такъ и историческую или фактическую послѣдовательность заключеній. Этотъ новый, *примирительный* взглядъ на отношеніе *языка* къ *нарѣчію* былъ высказанъ Филологомъ еще въ заключеніи статьи:« корень *st* (*ст*—ою)», совпадающей съ послѣднимъ поворотомъ идеи Шишкова къ старому направленію (Ч. XI. стр. 86—87).« Слово *языкъ* даетъ намъ два понятія, которыхъ какъ совершенное соединеніе, такъ и совершенное раздѣленіе, противно разсудку и можетъ вовлекать «насъ въ ложныя умствованія и заключенія. Естьли мы всѣ «языки возмемъ за *одинъ*, то несходство ихъ будетъ тому «противорѣчить; естьли же каждый изъ нихъ возмемъ за «*особый языкъ*, то отвергнемъ примѣчаемое въ нихъ самихъ «общее ихъ начало, разорвемъ неразрывную цѣпь постепеннаго ихъ порожденія, и вмѣсто слѣдовъ ума человѣческаго «будемъ видѣть въ нихъ нѣкое слѣпое изобрѣтеніе пустыхъ «звуковъ. Не станемъ утверждать, что Японской и Русской «языкъ есть одинъ и тотъ же: но не станемъ и то почитать за несбыточное дѣло, чтобъ въ Японскомъ и Русскомъ «языкахъ могли быть слѣды, показующіе единство ихъ происхожденія. Иначе мы впадемъ въ такое же заблужденіе, «какъ Японцы, которые думаютъ, что земля ихъ, изшедшая «изъ глубины водъ, есть особая отъ земли другихъ народовъ.»—Опираясь на этой вѣрной, здравой мысли о двоякомъ сродствѣ языковъ человѣческихъ, *общемъ* и *частномъ*, *корневомъ* и *вѣтвенномъ*,—мысли, вытекающей изъ двойственнаго понятія о каждомъ языкѣ, какъ *языкѣ* и *нарѣчіи*, какъ источникѣ *корня* и *вѣтви*, столь превышающей собою жалкія понятія санскритомановъ, видящихъ въ одномъ только языкѣ *корень*, въ другихъ же—одни только *вѣтви* этого корня, Шишковъ сравнивалъ приведенныя нами 100 словъ языка русскаго съ названіями на всѣхъ языкахъ человѣческихъ, внесенныхъ въ *Сравнительный Словарь* Екатерины II-ой. «Выбирая изъ сего словаря сіи названія» говоритъ

«Шишковъ (Ч. XV стр. 2—3) «мы, *для* показанія часто «примѣчаемаго, *даже между* самыми отдаленнѣйшими языками, единства и связи, раздѣляемъ ихъ на разные корни «или *семейства*, то есть, причисляемъ къ одной и той же «семьѣ всѣ тѣ слова, которыя коренными буквами сход«ствуютъ между собою, или суть очевидные отрывки одного «отъ другаго. Такимъ образомъ составляется цѣпь словъ, «подобная изобрѣтенной Лафатеромъ цѣпи лицъ, въ которой «первое лице есть образъ Аполлона, а послѣднее образъ «лягушки. Не взирая на сіе крайнее различіе красоты съ безо«бразіемъ, всѣ промежуточныя лица, смотря на нихъ по по«рядку отъ верха къ низу, или отъ низа къ верху, одно на «другое похожи Такъ точно и въ семействѣ или цѣпи словъ, «хотя бы первое изъ нихъ не имѣло ни малѣйшаго сходства «съ послѣднимъ, но тѣ, которыя находятся между ними. «покажутъ, что всѣ онѣ суть не иное что, какъ одно и «тоже слово, чрезъ перехожденіе отъ одного народа къ другому «постепенно измѣнявшееся. За первымъ семействомъ слѣ«дуетъ второе, третіе, и такъ далѣе, сколько ихъ окажется. «Разсматривая порознь сіи различныя, то есть, разныхъ кор«ней семейства, мы постараемся замѣчать, какое каждое «изъ нихъ имѣло начало, и нѣтъ ли между ими чего-либо общаго» и проч. Приведемъ здѣсь, *для* примѣра, разноязычныя семейства (1) слова: *отецъ*, которое представляетъ *четыре семейства: первое* характеризуется слогомъ *ате* съ наращеніями губныхъ буквъ: *б, п, в, ф,* въ началѣ и буквъ: *р, с, ц,* въ концѣ (*атецъ—патеръ*); второе характеризуется слогомъ *аб* съ наращеніями буквъ *б* и *п* въ началѣ (*або—пап—баба*), *третье*—слогомъ: *ам—мат*, *четвертое*—слогомъ: *да—дад.*

---

(1) У Шишкова приведено болѣе 150 названій на *стѣ сорока пяти* языкахъ: мы сокращаемъ, разумѣется, выписку, ограничиваясь только болѣе характеристическими видоизмѣненіями корня въ каждомъ изъ семействъ.

Первое семейство.

1. На разныхъ Слав. нарѣчіяхъ. . . . отецъ. отацъ. атецъ.
2. По Татарски . . Хивински, Киргизски, Трухменски. } ата.
3. по Албански . . . ате.
4. по Тевт., Готійски . . . . . . атта.
5. по Кельтски . . . атъ.
6. по Латышски и Кривинго-Ливовскитэсъ
7. по Кашубски . . . тата.
8. по Бретански. . . татъ.
9. по Вальски . . . . таадъ
10. по Корнвальски таазъ
11. по Зырянски . . батъ.
12. по Ирландски ... атеръ.
13. по Лат., Греч ... патеръ
14. на языкахъ романскихъ . . . патре. падре. пэръ.
15. по Персидски.. педеръ
16. по Цимбрски... ватаръ,
17. по Германски. фатеръ,
18. по Англ., Датски, Исланд, Швед. Голланд. Н.—Герман... } фадеръ

Второе семейство.

1. по Пеельски. . абидеръ
2. по Моторски. . аббеда.
3. по Койбальски аббада.
4. по Тайгпнски абыдда.
5. по Сингальски аппаа.
6. по Камчад. . . . апачъ.
7. по Кубачински. . . або.
8. по Халдейски . . абу
9. по Еврейски . . . абъ.
10. по Сирійски . . . або.
11. по Арабски . . . . аббъ.
12. по Курдски . . . бабъ.
13 по Ассир., Турецки, Татарски баба
14. по Индѣйски ... баабъ.
15. по Майски . . . баппа.
16. по Явански паппа.

Третье Семейство.

1. по Ламутски, } ама̀
2. по Чапогирски }
3. по Манджурски . . ама
4. по Магиданскн . . амма
5. по Тунгузски . . . амму амннь ами
6. по Карталин. . . . мамма
7. по Имеретински.. мума
8. по Ново-Калед .. маторе
9. по Ново-Зеланд. матуатеине
10. на Островѣ Таннѣ ... мадуатане
11 на Остр. Друж. и Маркизскихъ ... мадуа.

Четвертое семейство.

1. по Вотяцки . . . дадяй
2 по Лезгински. . . дади, деде́.
3. по Тушетски . . . дада
4. по Цыгански . . . дади, дадъ.
5. по Чеченгски и по Ингушевски . . . да

Такое разсмотрѣніе корней языковъ, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе *Естественной исторіи Слова*, потому, что слова разсматриваются здѣсь, подобно предметамъ и существамъ природы: послѣднія описываются въ Естествознаніи не въ той *внѣшней совокупности*, какую представляютъ они глазу наблюдателя на извѣстномъ пространствѣ земли, связующемъ разнородныя недѣлимыя природы случайными узами совмѣстнаго ихъ *происхожденія* и *сосуществованія*; они изображаются въ Естественной исторіи незави-

симо отъ пространственной, мѣстной совокупности, въ томъ внутреннемъ, родовомъ (генетическомъ) единствѣ, какое образуется между ними ихъ *строеніемъ*, составомъ, анатомическимъ типомъ и т. д. Одинакость строенія или однообразныя видоизмѣненія анатомическаго типа служатъ, такъ сказать, точками единенія, въ которыхъ сходятся разнообразныя существа природы, образуя *единичныя группы* существъ или членовъ одной семьи, связанныхъ такъ сказать, узами нравственнаго *первобытнаго родства,* хотя теперь разрозненныхъ мѣстностію и различными судьбами физическаго ихъ существованія. Подобно тому и филологъ нашъ разсматриваетъ слова языковъ не въ той видимой, внѣшней совокупности, какую представляютъ они въ нарѣчіяхъ языка одного племени: онъ отыскиваетъ между ними внутреннее, родовое единство, обнаруживающееся въ одинакости звуковаго ихъ скелета и этою одинакостію связываетъ въ одно *семейство* языки, раздѣленные мѣстностію, временемъ и судьбами ихъ образованія. Преслѣдуя видоизмѣненія звуковаго типа напр. *ат*, Филологъ ведетъ насъ изъ юга Руси въ Азію, оттуда переходитъ въ средину Европы, потомъ на сѣверъ, далѣе—на югъ ея, снова переходитъ въ Азію, наконецъ опять возвращается въ Европу и т. д., открывая непрерывную цѣпь сродства между ея полюсами, такъ сказать, не представляющими почти никакого сходства.—Кто скажетъ, что *отецъ* и *père* имѣютъ между собою что нибудь общаго, кромѣ одинакости значенія? Попытка—показать между ними какое нибудь, даже внѣшнее, случайное соотношеніе, показалась бы всякому забавною: между тѣмъ внутренняя, родовая связь ихъ дѣлается несомнѣнною по изысканіямъ Филолога. Обозрѣвая видоизмѣненія слова: *отецъ* (по Врус. выговору: *атецъ*) «мы видимъ» говоритъ Шишковъ «что одинъ народъ говоритъ «*ата*, другой *ату*, третій *ате*, четвертый *атъ*; пятый къ «концу сихъ первоначальныхъ словъ прибавилъ букву *ц*; «*отацъ*, *атецъ*, *отецъ*; шестый вмѣсто *ц* произноситъ *р*: *атеръ*; «седмый къ началу сего послѣдняго присовокупилъ букву *ф*:

«*фатеръ;* осмый вмѣсто *ф* выговариваетъ *п: патиръ, патеръ,* «девятый изъ *патеръ,* чрезъ перестановку буквъ *ер* въ *ре* сдѣ-«лалъ *патре* или *падре;* десятый *падре* сократилъ въ *пере»* cf. *pair*=паэръ=пэръ) «и произноситъ оное *перъ.* Сличимъ «теперь *перъ* съ *ата:* есть ли между ними какое сходство?» Этотъ сравнительный анализъ звуковой стороны корней, разнообразные примѣры котораго читатель можетъ найти въ XV Ч. соч. Шишкова, можетъ служить прекраснымъ образцемъ подражанія для нашихъ филологовъ: они думаютъ, что звуки языковъ человѣческихъ суть случайно-произвольное произведеніе *говора* людей, но не живые, реальные типы натуры, которые, подобно всѣмъ генетическимъ ея типамъ, имѣютъ въ основѣ своей нѣчто простое, *элементарное,* остающееся неприкосновеннымъ во всѣхъ вещественныхъ, индивидуальныхъ измѣненіяхъ; руководясь ложнымъ понятіемъ о *случайности* звуковыхъ измѣненій корня, филологи наши дозволяютъ себѣ необузданное самоуправство въ лексикологическихъ выводахъ словъ русскихъ изъ Санскрита, обрѣзывая, уродуя тѣ и другія, въ простосердечной вѣрѣ, что какія нибудь *чіндмас, гаура-зара* перешли въ наши *чясть, злато* (¹). Анализъ Шишкова показываетъ, что и въ звуковыхъ измѣненіяхъ корней натура остается вѣрною тѣмъ непреложнымъ законамъ, которымъ слѣдуетъ она въ постепенномъ строеніи всѣхъ существъ и веществъ, что она нисходитъ отъ одного типа къ другому не крутыми поворотами или скачками, но въ той гармонической постепенности, въ которой сліяніе противоположностей дѣлается почти непримѣтнымъ. Ежели бы филологи наши обходились съ звуками языковъ такъ, какъ обходится напр. энтомологъ съ микроскопическими даже экземплярами своихъ животныхъ, описывая вѣрно, «*не мудрствуя лукаво»* все то, что есть въ нихъ, не дозволяя себѣ при-

(¹.) *Катковъ*—Объ элементахъ и формахъ Славянорус. языка; *Буслаевъ*-О вліяніи Христіанства на Славян. языкъ 1848 г. 11—12 стр.

ставлять головку или крылышка отъ другихъ видовъ, подкрашивать и т. п. *для того*, чтобы наполнить перерывы въ систематическомъ ряду экземпляровъ извѣстнаго рода, ежели бы—повторяю—филологи наши такъ обходились съ экземплярами корней, *не выдумывая* переходныхъ звѣньевъ между неблизкими одинъ къ другому экземплярами, но останавливались бы на каждомъ изъ нихъ, какъ на смежныхъ только, но не сродныхъ звукахъ, или же искали бы въ другихъ языкахъ звуковъ, болѣе сродныхъ,—то точный сравнительный анализъ привелъ бы ихъ къ открытію первообразныхъ, *натуральныхъ* свойствъ языка. Эти свойства до сихъ поръ остаются подъ спудомъ, скрываясь за искуственною передѣлкою оныхъ позднѣйшимъ поколѣніемъ людей, которое затрудняясь вникаціемъ въ лексическій составъ словъ, требующимъ постояннаго вниманія, разсудочнаго соображенія, изученія, и стараясь облегчить употребленіе оныхъ—*сокращало* слова и звуки, дѣлая изъ двухъ словъ одно, изъ двухъ-трехъ слоговъ одинъ, смежало слова, принадлежащія къ разнымъ корнямъ но подобныя значеніемъ и звукомъ, наконецъ *перелагало* цѣлый составъ слова съ стариннаго, древняго текста, такъ сказать, на новый—въ которомъ полножизненный организмъ перваго истощался до скелета отвлеченныхъ, искуственно, механически составленныхъ представленій. Кто повѣритъ, что *ничто*, на примѣръ,—слово, которое теперь заключаетъ въ себѣ вполнѣ отвлеченное, чуждое всякой *предметности* значеніе, которое состоитъ изъ двухъ частей: *ни*—отрицанія и *что*—мѣстоименія относительнаго—въ древнѣйшемъ текстѣ своемъ заключало *образный, предметный* смыслъ и состояло изъ имени существительнаго и прилагательнаго, слѣд. заключало въ себѣ полное предложеніе, цѣлую мысль, фразу? А этотъ составъ такъ легко обнажается, чуть только мы не будемъ механически разсѣкать слово на части, но станемъ *анализировать* оное *сравнительно*, дорожа при этомъ каждою буквою, ибо часто оказывается, что одна буква хранитъ въ себѣ цѣлую тему (слово), поглощенною ею. Сравнивая приведен-

ное мною слово съ формами его въ нарѣчіяхъ славянскихъ и языкахъ иноземныхъ, я разлагаю onoe не на *ни—что*, но на *нич—то*, потому, что частица *то* есть случайная, но не принадлежащая къ темѣ слова: въ косвенныхъ падежахъ она отбрасывается (*ниче-го*, *ниче-му*, а не *ничто-го*, *ничто—му*). Всматриваясь въ тему *нич'* я вижу и въ ней сложный составъ: буква *ч* есть слѣдъ сокращеннаго или поглощеннаго слова, которое выступаетъ наружу изъ Польскаго *nic* (*rien*) сличеннаго съ *niwecz* (*néant*), изъ малороссійскаго *сьчо*, *що* (что) въ сложеніи съ предлогомъ *на: на-вôщо* (*на вищо*=на что?), наконецъ изъ старинной формы Нѣмецкаго *nichts* (cf *nic*): *niwichts*, которое разлагается на *ni* и *wicht*, гдѣ *wicht* (употребляемое только въ сложныхъ словахъ напр. *Bösewicht*=злая тварь т. е. злодѣй) означаетъ созданіе, твореніе, тварь. Имѣя, такимъ образомъ, тему: *вечъ* (*niwecz*), *вищъ* (вôщъ), *вихтъ* (*niwichts*), означающую: *тварь*, *предметъ*, *вещь*, мы можемъ ее подставить на мѣсто *ч*, и хотя примемъ первую часть слова: *ни* за отрицаніе, то все же получимъ даже изъ такого опредѣленія: «то, что не есть *вещь*, *тварь*, *сотворен*-«*ное*=что не имѣетъ, по этому, признаковъ, качествъ сотвореннаго: *матеріи*, *формы*, *количества* и т. п.» смыслъ, болѣе удовлетворительный, нежели изъ этого пустаго отвлеченія, изъ этого тождесловія: «*ничто*=то, что не есть что.» ([1]) въ которомъ опреляющее (*что*) есть повтореніе опредѣляемаго. Но и на этомъ разложеніи не останавливается еще сравнительный анализъ: онъ разыскиваетъ еще смыслъ второй части слова: *вещь* и частицы начальной: *ни*. *Вещь* можно сличить съ *вѣтую*, *вѣщаю*, слѣд *ввщь*=все то, о чемъ можно сказать, что можно назвать, обозначить, опредѣлить (*qualifier*) какимъ нибудь именемъ; но такъ какъ названіе какого нибудь предмета извѣстнымъ именемъ предполагаетъ уже и опредѣленное поня-

---

([1]) Разумѣется—*нибудь*, *что—либо* изъ совокупности вещей вообще, которыя мы для краткости или при неизвѣстности ихъ намъ, обозначаемъ названіями: *что*, *нѣчто*.

тіе, мысль, знаніе этаго предмета, то *вещь*=все то, что я знаю, что я могу ясно, опредѣленно себѣ представить, о чемъ я мыслю, что воображаю себѣ съ аттрибутами дѣйствительнаго (чего-то) т. е. матеріею, формою, количествомъ и проч. Въ этомъ выводѣ меня совершенно убѣждаютъ факты языковъ: въ чешскомъ *wěc* отъ *weceti*, въ польскомъ *rzecz* отъ *реку, rzekę*; въ нѣмецкомъ *Sache* отъ *sagen* говорить, въ латинскомъ *res* отъ *ῥέω* (говорю), какъ думаетъ Юнгманъ или—какъ мнѣ кажется—отъ *reor*, мнить, думать, судить; во французскомъ *chose* отъ *cause* (C. de Geb. «*sujet*, raison; tout ce qui produit un effet, qui en est la raison) и *causer* (*jaser*, produire quelqu' effet) и т. п. Оставляемъ разъясненіе частицы *ни*—это завлекло бы насъ далеко, при томъ мы предложимъ полный анализъ этого слова на своемъ мѣстѣ. Изъ примѣра нашего читатель видитъ всю важность точнаго сравнительнаго анализа корней, первые опыты и образцы котораго представилъ намъ незабвенный нашъ Филологъ: въ этомъ именно и заключается его неотъемлемая великая заслуга въ Наукѣ. Но анализъ *звуковой стороны* корней не есть еще анализъ *самыхъ корней*: первый приготовляетъ только матеріалы для послѣдняго. По сличеніи названій какого нибудь предмета или понятія на разныхъ языкахъ человѣческихъ, Филологъ долженъ остановиться на искомомъ корнѣ и анализировать логическій его составъ т. е. отличать въ немъ значенія *позднѣйшія* и *первоначальныя*, или общія, отвлеченныя, *переносныя* значенія и значенія частныя, *прямыя* и, вмѣстѣ съ тѣмъ реальныя, *предметныя*, потому что *первое значеніе* всегда проистекаетъ отъ *одного* опредѣленнаго предмета, характеристическія, существенныя качества котораго оно выражаетъ; *позднѣйшее* же значеніе происходитъ отъ *многихъ* предметовъ или отъ цѣлой массы, категоріи предметовъ и потому выражаетъ не характеристическія качества но отдаленныя, общія, поверхностныя ихъ черты, которыми сближаются вещи разныхъ категорій, областей, царствъ природы. Различеніе *первыхъ* и *позднѣй*-

шихъ, предметныхъ, *единичныхъ* (individuels) и отвлеченныхъ, собирательныхъ значеній (collectifs), можетъ служить единственнымъ средствомъ къ опредѣленію *преемственности* или постепенности происхожденія корней: этого различенія не достаетъ еще въ методѣ Шишкова, при всемъ томъ, что необходимость онаго Филологъ предчувствовалъ уже, какъ видно напр. изъ объясненій его къ корню: *отецъ*, въ экземплярахъ котораго замѣтилъ онъ смѣшеніе названій разныхъ членовъ семейства: *матери, тетки, бабки* и проч. (см. Ч. V. стр. 307) и корни котораго разлагалъ онъ уже на слоги: *аб, ба, ма, ат*, сличая каждый корневой слогъ съ аналогическими названіями въ разныхъ языкахъ, напр. *abba*, Греч. *авва* (отецъ), *abbas* (священникъ, духовный отецъ) и проч. Ч. XV стр. 29—39. Но результаты, полученные Шишковымъ изъ сличенія разныхъ отпрысковъ съ темою корня малоудовлетворительны; слова: *babe* (Англ.) и *Bube* (Нѣмец.)—мальчикъ, *mamelle, mamelon*—титька, сосецъ у титьки,—нисколько не проясняютъ намъ кореннаго значенія: *отецъ*, представляя очевидныя производныя слова втораго корня: *мать, мама*, вплетеніе котораго въ первую тему (атер'=матерь остается неизъясненнымъ. Шишковъ остался, такимъ образомъ, при значеніи звука: *атеръ*=отецъ, какъ при значеніи корневомъ, первообразномъ, тогда какъ оно оказывается, при дальнѣйшемъ сличеніи *корней съ корнями* же (только другаго порядка, разумѣется) —значеніемъ переноснымъ и самый корень, признаваемый *простымъ*, оказывается словомъ *сложнымъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только обратить вниманіе на слогъ: *теръ*, въ которомъ Шишковъ первую часть: *те* считаетъ принадлежностію темы: *ата, ате, ату*, а букву *р* наращеніемъ, подобно буквамъ: *с, ц* (ате-цъ, тэсъ). Этотъ слогъ повторяется во многихъ корняхъ, означающихъ основные, первообразные предметы природы напр. *αιϑὴρ* эѳиръ, воздухъ, *water* (Голл., Англ., Н.—Герм.: cf. *ὕδορ*) вода, *mater-ia*—вещество, *mater*—мать, *вѣтеръ* (*aether*)—движеніе воздуха и *вёдро*—ясная погода, ясное состояніе атмо-

сферы (cf. *Wetter*—погода) и т. п. Смыслъ этого слога: *теръ—деръ* можетъ быть объясненъ при помощи сокращенной формы онаго: *тро—дро*, которая выступаетъ въ словахъ а) русскихъ: нѣ*дро*—1) лоно, *сферическое* пространство, грудью и округленными для объятія руками образуемое (потомъ уже—грудь, перси); 2) внутренность вообще; 3) выемъ, округленное углубленіе въ землѣ, въ которое вода собирается—*губа, заливъ; ядро*—1) шаровидная плотная ткань, облекающая сердцевину орѣха и сѣмя напр. человѣческое; 2) самая внутренность сѣмянъ и плодовъ; б) краинскомъ: *jedro*—шаровидная оболочка глаза, глазное яблоко, в) малоросс. пуз*дро* и маз*дро*—круглый стеклянный сосудецъ и деревянный сосудъ для коломази, г) наконецъ Нѣмец. *Ader* (теперь—жила), Алем. *adara*, Верхне-Швабск. *athar*, Англосакс. *aeddre*, Исландск. *aedr*, которые (по Аделунгу) прежде означали оболочку, кожу физическихъ и животныхъ тѣлъ, потомъ—трубку, каналъ, стволъ, жилы и т. п Изъ сличенія этихъ корневыхъ отпрысковъ можно полагать, что слогъ *теръ* или *атеръ* означалъ *сферическую оболочку*, яичную оболочку, яичникъ (*ovarium*), или первоначальное лоно, носящее въ себѣ сѣмя, зерно, зародышь творенія какъ одушевленнаго такъ и бездушнаго, изъ котораго выходитъ все живое и сущее, лоно, которое есть *началомъ* и *производителемъ* всего живаго и сущаго. Теперь понятно, почему эѳиръ, окружающій отовсюду *ядро* нашей планеты названъ *айтеръ, аэтеръ=атецъ*, такъ сказать, земли, содержащій ее въ своемъ лонѣ, въ своихъ нѣдрахъ; почему тѣмъ же именемъ названа *вода* (ватеръ), обливающая собою землю и питающая ее влагою; почему тотъ же корень усвоенъ *матеріи* (веществу вообще), облекающей собою всякій зародышъ живаго; почему, наконецъ, перенесенъ онъ къ мужчинѣ, содержащему въ себѣ сѣмя, которымъ онъ оплодотворяетъ женщину и вмѣстѣ съ тѣмъ къ женщинѣ, носящей въ утробѣ

своей зародышъ младенца и т. д. (¹) Такое разложеніе значенія корня на значенія *единичныя*, первоначальныя и *сложныя*, позднѣйшія — оставалось еще сдѣлать Шишкову для того, чтобы изъ сличенія корней можно было получить какіе нибудь окончательные выводы о *началѣ* ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о *первыхъ началахъ* языковъ человѣческихъ вообще. *Лексическій анализъ Шишкова* — заключимъ — *представляетъ первые, самые необходимые матеріалы для Естественной Исторіи Слова и первые начатки систематической обработки оныхъ*, которые должны быть довершены теперешнею Наукою.

Мы познакомились, кажется, во всей подробности съ лексикологическимъ методомъ Шишкова: теперь перейдемъ къ третьему и послѣднему пункту: *цѣли*, какую предполагалъ Филологъ при лексикологическомъ изслѣдованіи языковъ. Этимъ мы заключимъ обозрѣніе трудовъ нашего Филолога.

§ 10-й.

Цѣль лексикологическихъ изслѣдованій языка а) частная—практическая, б) общая—теоретическая. Замѣчаніе о возможности достиженія послѣдней и условіяхъ онаго.

Цѣль, какую Шишковъ усматриваетъ въ *лексикологическомъ* (²) изслѣдованіи русскаго языка, можно привести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) лексическое изученіе языка служитъ основаніемъ и пособіемъ теоретическому и практическому

(¹) Этотъ общій корень, какъ читатели могутъ замѣтить, разнообразится наращеніями: *а* (*αἰθηρ*), *п* (*pater*), *м* (*mater*) и проч. Каждое наращеніе имѣетъ свое особенное значеніе, которое вноситъ и особенную черту характеристическую въ одну и туже общую всѣмъ идею: *первоначальное лоно*; такъ напр. въ корнѣ: *αἰθὴρ*, *а* есть сокращеніе слова *αἴω* — дышу, слѣд. образуетъ смыслъ: *отецъ дыханія* или начало, источникъ дыханія и проч.

(²) Внимательный читатель, надѣюсь, не будетъ приведенъ въ недоумѣніе выраженіемъ *лексикологическое изслѣдованіе языка*, которое я употре-

занятію языкомъ литтературнымъ или, вообще, занятію литтературою: 2) къ уразумѣнію логическаго состава языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ узнанію *происхожденія* или *первыхъ началъ* языка. Первую цѣль можно назвать *практическою цѣлію* или, лучше сказать, *современно-практическимъ результатомъ*, получаемымъ изъ филологическаго изслѣдованія языка; вторую цѣль — собственно-научною или *теоретическою цѣлію* онаго. Приводимъ здѣсь, въ поясненіе указанныхъ нами цѣлей, собственныя слова Шишкова, выбранныя нами изъ *разныхъ мѣстъ* его сочиненій, потому что Шишковъ говоритъ по нѣскольку разъ о каждой изъ нихъ порознь, нигдѣ не обозрѣвая ихъ въ связной, систематической совокупности.

1. *Практическая цѣль филологическаго изученія* состоитъ въ томъ, что оно, разъясняя посредствомъ анализа словъ, *первоначальныя идеи*, низложенныя въ нихъ—приводитъ насъ къ познанію первообразнаго, *здраваго*, такъ сказать, *разума языка* и дѣлая оный основною нормою (образцемъ, закономъ), съ которою должно соображаться употребленіе языка въ литтературѣ—даетъ правильное, разумное направленіе вкусу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *изъящной словесности*. «Разсмотрѣніе въ «составѣ словъ» говоритъ онъ въ статьѣ: *Нѣчто о сокращеніи словъ* (ч. IX. стр. 375—377) «первоначальныхъ частей «ихъ, какими всѣ наши понятія разнообразятся и дѣлятся «на тысячи разныхъ видовъ, есть еще нужнѣйшій, нежели «*обыкновенныя наши Грамматики*, ключь, отверзающій двери «къ *познанію силы, свойствъ и правилъ языка*, познанію, безъ «котораго легко можемъ мы заблуждаться, внимать съ из-

---

бляю здѣсь вмѣсто общаго, родоваго названія науки: *филологическое изученіе языка*, какъ частное, *видовое* названіе оной; оно означаетъ первую, основную часть Филологіи—Лексикологію, занимающуюся изученіемъ *матеріи* языка или *началъ* его (корней).

«лишествомъ невѣжественному гласу навыка и по его часто «противнымъ здравому разсудку внушеніямъ принимать хо-«рошее за худое и худое за хорошее. Упражненіе въ Сло-«весности, безъ упражненій въ языкѣ, и даже самый даръ «стихотворства, не защититъ насъ отъ сихъ заблужденій. «Новѣйшіе наши писатели, учители краснорѣчія, разбирате-«ли въ сочиненіяхъ красотъ и погрѣшностей, далеко отсту-«паютъ отъ истинныхъ началъ въ преподаваніи сихъ уроковъ. «Они толкуютъ объ *изящномъ*, о *прекрасномъ*, о *вкусѣ* и проч., «не разсуждая никогда о томъ, безъ чего нельзя понимать и «чувствовать *изящнаго* и *прекраснаго*, т. е. о составѣ, пра-«вилахъ и свойствахъ языка, или еще хуже, хотятъ чрезъ «истребленіе въ немъ всѣхъ важныхъ словъ и выраженій «унизить оный до единообразія Французскаго языка, въ кото-«ромъ нѣтъ или очень мало различія между высокими и про-«стыми словами, такъ что книжный ихъ языкъ почти оди-«наковъ съ разговорнымъ. Намѣреніе сколько безразсудное, «столькоже и невозможное, однакожъ не взирая на то мно-«гими проповѣдуемое и распространяемое, соблазняющее тѣмъ «ложнымъ мнѣніемъ, что на немъ легче будетъ писать, сло-«вно какъ бы въ сочиненіяхъ *не умъ долженъ былъ распола-«гать языкомъ, но языкъ умомъ*, и что достоинство всякаго «произведенія состоитъ не въ выборѣ приличныхъ, *выра-«жающихъ мысли* словъ, но только въ томъ, чтобъ онѣ бы-«ли обыкновенныя, въ разговорахъ употребляемыя.—Сіе на-«зываютъ они гладкостію и чистотою, и всякую другую рѣчь, «какъ бы она сильно ни выражала мысли, почитаютъ обы-«кновенною, Славенскою, какъ скоро найдутъ въ ней такое «слово, или нѣсколько словъ, которыя въ простыхъ раз-«говорахъ рѣдко употребляются. На семъ премудромъ пра-«вилѣ основываютъ они всѣ свои сужденія о красотѣ слога, «часто сами себѣ противурѣча, и не разсуждая о томъ, что «сіе противное истиннымъ познаніямъ мнѣніе ведетъ ихъ къ «презрѣнію всего древняго, и къ загражденію чрезъ то *всѣхъ «источниковъ созидавшаго языкъ человѣческаго ума.*»

2. *Теоретическая цѣль филологическаго изученія.* Обозначивъ практическую цѣль филологическаго изученія, Шишковъ *указываетъ* потомъ на основную, теоретическую цѣль онаго: но, къ сожалѣнію, указанія его такъ не многочисленны и такъ кратки, что изъ нихъ мы можемъ заключить только, что Шишковъ *постигалъ* ту цѣль, которая *должна была бы* сдѣлаться исходною точкою (point de départ) всего русскаго филологическаго изученія и *органическимъ центромъ* всей филологической системы Шишкова.—Но по страннымъ причинамъ, или, лучше сказать, по тѣмъ страннымъ для обыкновеннаго взора но неизбѣжнымъ *судьбамъ*, которымъ всегда подпадаетъ мысль, зараждающаяся въ огромномъ цѣломъ еще не существующаго *знанія*, Шишковъ обѣжалъ смѣлымъ взоромъ своимъ орбиту (окружность) этого цѣлаго и увлекаемый глубокимъ, по смутнымъ предчувствіемъ *всего*, что она можетъ обнимать,—потерялъ свою точку опоры, центръ тяготѣнія . . . . Вмѣстѣ съ тѣмъ и мысль его потеряла свое равновѣсіе, свое *единство*, свой спокойно-послѣдовательный ходъ развитія: безкормная — она ринулась впередъ и очутилась, вмѣсто *орбиты* русскаго филологическаго изученія (т. е. собственной его области)—на его *периферіи* т. е. на послѣднихъ гpаняхъ области всеобщаго языкознанія, въ томъ подземномъ лабиринтѣ *языка первобытнаго,* неизвѣстная почва котораго проходитъ *подъ основой* всѣхъ языковъ человѣческихъ, смежая, правда, но ни сколько однакоже не *связуя* ихъ другъ съ другомъ, подобно тому, какъ одна и таже почва матери-земли, на которой жили попеременно поколѣнія разныхъ племенъ и народовъ, въ которую складывали тѣла и кости оныхъ—*смежаетъ*, но не связуетъ никакими узами *родства* или другаго какого бы то ни было *единства* никого изъ людей этихъ разныхъ племенъ и народовъ.—Шишковъ, нашедши эту *смежность почвы* (Grundboden), которая виднѣлась, проглядывала, сквозила изъ за туземной *основы* одного языка — съ почвою другаго, третьяго

и т. д., заключилъ отсюда не только о *смежности* этихъ языковъ, но и о *родствѣ* ихъ между собою, наконецъ о *единствѣ* ихъ *происхожденія* изъ этой общей, повсюду смежной почвы языковъ. Шишковъ ошибался или, лучше сказать, обаялся оптическими призраками *первобытнаго языка* (¹): кто этого не видитъ?.. Думать, что языки, *разнородная* основа которыхъ дер-

---

(¹) Для устраненія всякаго недоразумѣнія долгомъ считаю объяснить читателю, что понимается здѣсь подъ именемъ *первобытнаго языка*. Ученые прошедшаго вѣка, извѣстнаго своею ложною философіею и атеизмомъ, отвергнувъ всѣ драгоцѣнныя истины, сохраненныя для насъ въ догматахъ и сказаніяхъ откровенныхъ, преимущественно же о божественномъ происхожденіи человѣка, его языка, о паденіи человѣка и проч. должны были, вмѣсто того, поставить какія нибудь другія убѣжденія, потому, что безъ извѣстій о *началѣ* своемъ человѣчество обойтись не могло. Стараясь всячески при этомъ, чтобы философскія убѣжденія не сошлись какъ нибудь съ истинами откровенными, философы-натуралисты XVIII вѣка отвергли божественное происхожденіе человѣка, принявъ, что человѣкъ, какъ произведеніе Натуры, явился на землѣ такимъ же порядкомъ, какъ прочія существа той же Натуры. Но эта гипотеза философской теоріи нашла для себя сильное противорѣчіе въ фактахъ исторіи человѣка, которая показываетъ, что а) многіе народы древняго міра имѣли у себя такія *начала* нравственнаго и умственнаго образованія и такія *понятія* (о Богѣ, душѣ человѣка и проч.), которыя никакимъ образомъ не могли быть выведены ни изъ духа самаго человѣка, ни изъ Натуры, но могли быть *даны* ему откуда-то *изъ внѣ*, *свыше;* б) что языки этихъ народовъ, изъ которыхъ каждый, какъ особое существо и произведеніе Натуры, не долженъ бы былъ имѣть единства съ другимъ—представляютъ поразительное сходство между собою. Философія XVIII вѣка не могла отвергнуть этого неблагопріятнаго для нея свидѣтельства исторіи и потому должна была принять оное, но чтобы оно не оправдывало истинъ откровенныхъ и не опровергало ея убѣжденій,—она *объяснила* оное *по своему*, допустивъ бытіе *одного народа*, прежде другихъ и болѣе другихъ образовавшагося, народа *первобытнаго*. Образованность и языкъ этого народа перешли, потомъ, къ остальнымъ народамъ міра: отсюда сходство въ образованности и языкахъ. И такъ *первобытный языкъ* не значитъ у ученыхъ *перваго языка* т. е. свыше даннаго человѣку Слова, но языкъ въ первые *изобрѣтенный народомъ*, прежде другихъ достигшимъ къ образованію. Эту разницу между языкомъ вообще, какъ произведеніемъ не человѣка, но Творящей Натуры т. е. Бога, и между мнимымъ языкомъ первобытнымъ,

жится или, собственно говоря, примыкаетъ къ какой-то общей имъ всѣмъ, *единой* почвѣ—*произошли* изъ этой единой почвы,—не то-же ли самое, что находя разные народы, живущіе съ незапамятныхъ временъ на одной почвѣ земли—утверждать, что всѣ эти народы произошли т. е. *вышли на свѣтъ* изъ этой почвы и потому находятся между собою въ родствѣ, въ единствѣ происхожденія,—тогда какъ все это единство, на самомъ дѣлѣ, ограничивается только тѣмъ, что эти народы *пришли* на одну почву или *сошлись* на одной почвѣ,—оставшись все таки, не смотря на тысячелѣтнее *сожительство*, каждый при собственномъ его *родствѣ*, при особомъ его *происхожденіи*. (²) Но и ошибки и обаянія ума мыслящаго сохраняютъ всегда характеръ движенія *мыслящаго* т. е. послѣдовательности: мысль Шишкова, ринувшись изъ своего исходнаго центра т. е. *славянорусскаго языка*—въ безконечную сферу *общечеловѣческаго языкознанія*, пробѣжавъ *безпослѣ-*

какъ произведеніемъ человѣка, я высказалъ отчасти въ первой моей книгѣ, на стр. 222—223. Читатель замѣтитъ, что я, раздѣляя первое мнѣніе о происхожденіи языка, не только не допускаю, но даже преслѣдую *языкъ первобытный*, какъ ложную идею: въ концѣ моей книги будетъ *доказано*, надѣюсь, что языкъ не есть произведеніе человѣка, но имѣетъ высшее начало, высшій источникъ своего происхожденія. Но я преслѣдую противоположное мнѣніе, какъ читатель замѣтитъ вездѣ, *собственнымъ же его оружіемъ* т. е. съ начала раздѣляю его *положенія*, но потомъ, идя съ нимъ вмѣстѣ и приходя къ *неосновательнымъ результатамъ*—этимъ именно опровергаю оное. Съ этой точки зрѣнія прошу читателя смотрѣть на всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ я говорю о *языкѣ первобытномъ* или языкѣ *первыхъ людей*. Я долженъ защищать *мое* мнѣніе безъ пренебреженія мнѣніями другихъ.

(²) Разумѣю здѣсь эмпирическую идею о происхожденіи народовъ, господствовавшую въ прошедшемъ вѣкѣ въ мнѣніяхъ ученыхъ, которые, находя извѣстные народы, существующіе съ незапамятныхъ временъ на одной какой нибудь почвѣ земли, считали ихъ *туземцами*, *аборигенами*, какъ бы думая, что они явились здѣсь-же на сцену исторіи но не перешли туда изъ какой нибудь другой стороны или общей колыбели рода человѣческаго—Азіи. Впрочемъ и у древнихъ народовъ господствовала таже идея; Греки, напр., также считали себя *αὐτόχθονοι*.

довательно, такъ сказать, въ одно нераздѣльное мгновеніе, все пространство этой сферы, не могла, по самой природѣ движенія, пробѣжать *черезъ края* оной и—*остановилась* на этихъ краяхъ, на периферіи. Точка *остановленія* (point de station) сдѣлалась для нея снова точкою *исхода* (point de départ): выходя отсюда—она кружилась, такъ сказать, около самой себя, всегда возвращаясь на прежніе свои слѣды, приходя постоянно туда, откуда она и выходила: нашедши единство произхожденія между однимъ языкомъ и другимъ, другимъ и третьимъ,—Шишковъ находилъ такое же единство между третьимъ, десятымъ, сотымъ и наконецъ, между всѣми языками человѣческими, потому, что всѣ они примыкаютъ къ одной, всеобщей почвѣ,—которая окружаетъ ихъ отовсюду, подобно тому, какъ атмосфера воздуха окружаетъ отовсюду шаръ нашей земной планеты. «Всѣ языки происхо«дятъ отъ единаго языка первобытнаго и суть ни что иное, «какъ отдаленныя нарѣчія онаго»—таково было заключеніе, сдѣланное Шишковымъ, по разсмотрѣніи нѣсколькихъ корней, одинаковыхъ во всѣхъ языкахъ человѣческихъ. Оставалось опредѣлить: какой языкъ не получилъ эти корни отъ другаго т. е. отъискать языкъ, который имѣлъ эти корни въ себѣ, языкъ *первый*; это было необходимо, потому что переходить отъ одного языка къ другому, отъ другаго къ третьему, и т. д. не *приходя* ни къ одному, вездѣ видѣть болѣе или менѣе отдаленныя *нарѣчія* какого то единаго языка, не видя самаго *языка*,—было для мысли смертно-томительнымъ, подобно тому, какъ для человѣка было бы убійственно-безъотраднымъ движеніе по периферіи круга, при которомъ онъ вѣчно вращался бы *около центра*, вѣчно—по видимому—*шелъ бы* къ этому центру и вѣчно *уходилъ* бы отъ этаго центра . . . . Не находя выхода въ такомъ же круговомъ движеніи по орбитѣ языковъ человѣческихъ, всюду находя *концы* языка первобытнаго, нигдѣ не встрѣчая *начала* его,—мысль Шишкова томилась: потому то филологъ нашъ, нашедши въ нѣкоторыхъ корняхъ нарѣчій славянскихъ, болѣе полные

и, какъ ему казалось, первообразные типы корней другихъ языковъ человѣческихъ,—принялъ, что *первобытный языкъ* былъ языкъ славянскій . . . . . т. е. онъ въ одинъ прыжекъ, въ одно безраздѣльно-послѣдовательное мгновеніе очутился изъ периферіи въ центрѣ, какъ прежде—въ одно же мгновеніе очутился изъ центра на периферіи. Мысль Шишкова въ этомъ двойственномъ, полярномъ ея движеніи представляетъ намъ слѣды того первоначальнаго движенія или, лучше сказать, того широкаго круговаго размаха, который дѣлаетъ *идея науки* только-что зарождающаяся; какъ все живое, органическое, она проявилась разомъ, вдругъ, вся, всецѣло,—отъ одного ея полюса до другаго, отъ края до края, отъ начала до конца ея, проявилась во всемъ ея цѣломъ—но *идеальномъ*: это цѣлое есть *очеркъ*, фигура геометрическая, въ которой есть только полюсы пространственные, но нѣтъ центра ихъ т. е. нѣтъ самой пространственности (continuité) наполняющей разстоянія между этими полюсами, въ которой есть, однимъ словомъ, *все* и *ничего*.— Такимъ образомъ, филологическая система Шишкова т. е. идеи и результаты всѣхъ лексикологическихъ трудовъ его, взятые въ общемъ ихъ соотношеніи, представляютъ, такъ сказать, одинъ огромный, исполинскихъ, допотопныхъ размѣровъ, *организмъ*, въ которомъ нѣтъ еще центральной сущности, самосознанія, живой души. Такова была судьба *теоретической цѣли* филологическаго изученія, которая наконецъ поглощена была *историческою* его цѣлію, подобно тому, какъ прежде поглощала собою послѣднюю.— (¹) Покажемъ первую цѣль частнѣе, подробнѣе, руководствуясь тѣми немногочисленными и краткими указаніями, которыя представляются, какъ мы уже сказали, *порознь* и въ разныхъ мѣстахъ

(¹) Въ сравнительныхъ деревьяхъ словъ, какъ мы видѣли, Шишковъ показываетъ разнообразную *логическую постепенность* въ *колѣнахъ* корней разныхъ языковъ, не дѣлая, однако же, изъ того никакихъ заключеній объ *исторической преемственности* самыхъ корней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, языковъ, которымъ принадлежатъ они.

филологическихъ статей Шишкова.—Вотъ отрывочныя мысли, въ которыхъ высказывается *теоретическая цѣль* филологическаго изученія. Защищая *сокращеніе словъ* (см. приведенную выше статью, стр. 385—386), гонимое Карамзинистами, тѣмъ, что этимъ сокращеніемъ словъ («чрезъ кото«рое часто закрывается ихъ корень и темнѣетъ первоначаль«ная, произведшая слово мысль») должно руководствоваться для отысканія *потемненной* мысли, Шишковъ, приведши въ примѣръ нѣсколько сокращенныхъ словъ, говоритъ: «многія «подобныя сему слова, до которыхъ начала не стараемся «мы добираться, вовлекаютъ насъ въ ложное, несвойствен«ное разумному существу мнѣніе, что будьто бы языкъ не «былъ плодъ размышленій человѣческихъ, но состоялъ только «изъ пустыхъ звуковъ, къ которымъ люди, подобно безсло«веснымъ животнымъ, чрезъ навыкъ прилагаютъ свои понятія; «ибо такимъ образомъ и птицы, или звѣри разнообразятъ голосъ «свой, и разумѣютъ одни другихъ.—Измѣненіе, такожъ сокра«щеніе и растяженіе, (т. е. убавка и прибавка буквъ) сіи необхо«димо нужные способы, которыми умъ человѣческій, для раз«дробленія мыслей своихъ на множество понятій, при составле«ніи языка дѣйствовалъ, могутъ быть намъ вѣрными руководи«телями къ открытію сихъ таинствъ словопроизводства, обнару«живающихся при вниканіи, и помрачающихся при невниканіи «въ оныя». Смыслъ этого мѣста такой: *полныя* и *сокращенныя* формы словъ суть разнообразныя ступени послѣдовательныхъ измѣненій въ *смыслѣ* словъ, слѣдоват. и послѣдовательныхъ измѣненій въ первой идеѣ или первоначальномъ понятіи человѣка, заключенномъ въ первоначальной формѣ слова-*корнѣ;* слѣдоват. по симъ ступенямъ одного слова мы можемъ взойти къ первому смыслу слова = первой идеѣ = мысли человѣка; взявъ же цѣлую массу словъ (языкъ), мы такимъ же путемъ можемъ взойти и къ совокупности первыхъ смысловъ въ словахъ (корняхъ) = совокупности первыхъ идей человѣка = *уму человѣка.*—Потому-то Шишковъ, представивъ нѣсколько примѣровъ вывода той отдаленной, первой идеи,

которая бываетъ затаена въ сократившемся организмѣ слова, такъ заключаетъ статью свою: «вотъ какъ человѣкъ глубоко «умствовалъ и разсуждалъ при составленіи словъ! Далеко «отъ того, чтобъ быть пустыми звуками, *онѣ содержатъ въ* «*себѣ умъ его и мысли*, которыхъ не познавать — есть отчу-«ждать себя отъ знаній языка». — Ту же мысль о цѣли, какую имѣетъ лексическое изслѣдованіе языка, Шишковъ высказываетъ въ статьѣ: *Нѣчто о недостаткахъ и погрѣшностяхъ Академическаго словопроизводнаго Словаря* (Ч. VI. стр. 124 — 126). — Сказавъ, что каждый просвѣщенный народъ старается имѣть полный словарь своего языка и различивъ двоякій родъ словарей: *словарь словопроизводный* или по *корнямъ* составленный и *словарь по азбучному порядку* или по *вѣтвямъ* составленный, — Шишковъ такъ характеризуетъ *содержаніе* и *форму* каждаго изъ сихъ словарей: «*Словарь по* «*корнямъ*, или *коренный*, есть тотъ, въ которомъ ставятся «по азбучному порядку одни токмо коренныя слова или про-«сто корни. Производныя же отъ каждаго корня слова или «вѣтьви ставятся подъ нимъ. *Словарь по вѣтьвямъ*, или *вѣтьвен*-«*ный*, есть тотъ, въ которомъ всѣ слова, безъ разбора про-«исхожденія ихъ одного отъ другаго, словно какъ бы оныя «были всѣ коренныя, ставятся по азбучному порядку.—Ясно, «что первый изъ сихъ словарей показываетъ, какимъ обра-«зомъ умъ человѣческій разсуждалъ и чрезъ соображеніе ве-«щей давалъ имъ имена. Другой, напротивъ, ничего не по-«казываетъ, словно какъ бы умъ не имѣлъ никакого участія «въ составленіи языка, и что языкъ есть не иное что, какъ «множество неизвѣстно откуду взявшихся звуковъ, подъ «условными значеніями затвердившихся въ памяти людей. «Изъ сего легко усмотрѣть можно, что первый словарь есть «единственный путь, ведущій къ открытію *состава* и *разума* «языка, и слѣдственно къ познанію свойствъ его, и къ уста-«новленію онаго на твердомъ основаніи разсудка». Соображая вышеприведенную мысль Шишкова о языкѣ, какъ совокупности не случайныхъ, условныхъ звуковъ, но звуковъ

содержащихъ въ себѣ умъ и мысли человѣка, звуковъ, въ малѣйшихъ раздробленіяхъ которыхъ хранятся слѣды раздробленія этаго ума и этой мысли на множество понятій,— съ тѣмъ, что Шишковъ говоритъ о словопроизводномъ словарѣ, — читатель придетъ къ такимъ заключеніямъ: если высшее, *теоретическое* изслѣдованіе языка имѣетъ своею цѣлію открытіе *состава* и *разума* (т. е. логическаго организма) языка, ежели вѣрными руководителями къ тому служатъ намъ *измѣненія* словъ, въ которыхъ мы провидимъ раздробленіе *мысли ума* человѣческаго на множество *понятій*, то имѣя словопроизводный словарь, мы легко можемъ извлечь изъ него логическій организмъ языка. Стоитъ употребить для тото вмѣсто *анализа*, при помощи котораго мы получили *корни* словаря, — *синтезъ* т. е. намъ остается только *совокуплять* корни, соображать, сравнивать понятія, ими выражаемыя и такія, которыя покажутся намъ частнѣе, второстепеннѣе, приводить къ болѣе и болѣе общимъ, высшимъ, первообразнымъ, — до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ понятій *первыхъ*, которыя представятъ намъ нѣчто *простое*, нѣчто уже нераздѣльно-цѣлое, *единое*. — Это *единое* — будетъ средоточіе всего состава языка, *душа* его организма. Мы непремѣнно должны прійти къ этому *единому*, ежели только языкъ есть *организмъ* . . . . ибо, что есть составъ, организмъ? Совокупность разнородныхъ частей и сторонъ: *наружныхъ* и *внутреннихъ*, тѣлесныхъ и динамическихъ, напр. мясо, кости, кровь, жилы, нервы, нервная жидкость и проч. Эти части и стороны различнымъ образомъ сплетаются, входятъ одна въ другую, сочленяются одна съ другою и составляютъ *наружную сторону* — внѣшній объемъ органическаго тѣла; потомъ, отъ наружной стороны онѣ идутъ *во внутрь*, сплетаясь все тѣснѣе и внутреннѣе, до тѣхъ поръ, пока не сомкнутся въ *одномъ* какомъ-нибудь мѣстѣ органическаго тѣла, въ *средоточіи* его; расходясь оттуда во всѣ стороны, по всѣмъ направленіямъ, эти части образуютъ *единое*, непрерывное по внутреннему (а не наружному) существу *цѣлое* — организмъ.

Ежели *языкъ*, повторяемъ, есть *организмъ*, то и его наружныя части (корни) представляющіяся намъ въ словарѣ въ ихъ внѣшней, разрозненной, *искуственной* постепенности (въ какой представляются намъ напр кости скелета, расположенныя на полкахъ анатомическаго кабинета) а не въ ихъ внутренней, *натуральной* совокупности (какую тѣ же кости имѣютъ въ самомъ скелетѣ) — должны имѣть другую, болѣе глубокую, внутреннюю и общую связь между собою, должны ихъ логическими сочлененіями образовать нѣчто единое, *цѣлое*. — Это цѣлое мы получимъ тогда, когда совокупность такихъ корней, которые выражаютъ различныя стороны однихъ и тѣхъ же понятій — приведемъ къ корнямъ, выражающимъ цѣлыя *понятія*; эти корни къ такимъ, которые выражаютъ различные *моменты мысли*, изъ коихъ составляются цѣлыя понятія; эти, наконецъ, къ такимъ, которые выражаютъ самую *мысль*, *умъ* или *мыслящее* Я человѣка. Это— будетъ организмъ языка: и такъ, открыть организмъ языка— значитъ указать такія слова, которыя выражаютъ собою *коренныя идеи* т. е. идеи, проистекшія изъ *мыслящаго* Я человѣческой природы и созерцанія окружавшихъ его предметовъ или изъ *мыслящаго взгляда*, брошеннаго человѣкомъ на Природу. — Открытіе *первыхъ началъ* т. е. происхожденія языка, будетъ, поэтому, высочайшая *цѣль*, какую можетъ предположить себѣ лексическое изслѣдованіе онаго и на какой оно должно остановиться, какъ на крайнемъ, *конечномъ* предѣлѣ, выше котораго не восходитъ никакое знаніе человѣческое.

Размыслимъ объ этомъ предѣлѣ нашей науки; хотя онъ намъ, пока, совершенно неизвѣстенъ, но мы предполагаемъ его необходимо, мы знаемъ, что онъ *долженъ быть*, мы знаемъ, можно сказать, что онъ есть, потому что все существующее въ мірѣ имѣетъ свое *начало*.—Но гдѣ именно этотъ *предѣлъ?* Тамъ, — гдѣ *начинается* мысль человѣческая; а гдѣ *начало* этой мысли? тамъ, гдѣ начала бытія *видимаго*; слѣдовательно, ежели начало мысли совпадаетъ съ началами бытія види-

маго, — то можно сказать, что *первыя начала* языка или тотъ крайній предѣлъ, до котораго можетъ доходить лексическое изслѣдованіе его состава, тамъ — гдѣ мы найдемъ выраженіе отвлеченно-чувственныхъ, *стихійныхъ* представленій бытія, которыя предшествуютъ всѣмъ другимъ представленіямъ человѣческой мысли, какъ *отвлеченнымъ*, духовнымъ (о *душѣ*, о самой *мысли* и проч.) такъ и *чувственнымъ* (о мірѣ или природѣ) — Высказывая эту мысль, мы находимся въ двоякомъ затруднительномъ положеніи: 1.) употребляемъ здѣсь выраженія: *стихійныя представленія бытія*, *духовныя* и *чувственныя* представленія; 2.) говоримъ, что первыя предшествуютъ двумъ послѣднимъ, какъ высочайшее *начало*, изъ котораго выходитъ мысль человѣческая. Первое можетъ показаться малопонятнымъ для нѣкоторыхъ изъ читателей; второе — можетъ привлечь упрекъ нѣкоторыхъ философовъ, которые считаютъ отвлеченныя, метафизическія, чисто-духовныя (какъ имъ, впрочемъ, воображается) *идеи* о какой-то *перво-причинѣ* идеями высочайшими, предшествующими всякимъ, какъ чисто-чувственнымъ такъ и отвлеченно-чувственнымъ представленіямъ.—Объяснимъ коротко первое,— оправдаемся во второмъ.—Въ мысли человѣческой есть двоякаго рода представленія: о *существѣ* и о *веществѣ*; первое мысль представляетъ съ признакомъ движенія свободнаго, произвольнаго и считаетъ его чѣмъ-то *одушевленнымъ*; второе она представляетъ себѣ или мертвымъ или движущимся отъ какой-то посторонней ему силы и потому считаетъ оное *бездушнымъ*. — Изъ перваго проистекаютъ представленія отвлеченныя или *духовныя*, изъ втораго — тѣлесныя или *чувственныя* (sensuels, sinnlich). — Такъ какъ тѣ и другія образуются мыслію человѣка по *вещамъ* или *существамъ*, которыя она наблюдаетъ въ природѣ, и такъ какъ всякая вещь и всякое существо имѣютъ свой опредѣленный *образъ*, которымъ они отличаются какъ одни отъ другихъ, такъ и каждое порознь отъ себѣ подобнаго (вещь отъ вещи, существо отъ существа), — то эти представленія вѣрнѣе всего можно бы

назвать *образными*, *пластическими*, *наглядными*. — Но есть еще особеннаго рода представленія: мы ихъ не составляемъ, но раждаемся, такъ сказать, съ ними или, по крайней мѣрѣ, постоянно находимъ оныя въ основѣ нашей мысли—это представленія о чемъ-то *вещественномъ* (протяженномъ) и *существующемъ* (измѣняющемся). Мы можемъ объяснить себѣ эти представленія чрезъ отвлеченіе отъ представленій *образныхъ* того, что характеризуетъ каждое существо и каждую вещь; отвлеките отъ вещей ихъ различныя *тѣла* и *образы*— вамъ представится одна сплошная масса матеріи, *безконечно-протяженная* (покоющаяся); отнимите и отъ существъ ихъ тѣла, образы — вамъ представится непрерывная ткань дѣйствій или движеній, нѣчто безконечно-продолжающееся, *безконечно-измѣняемое* (движущееся). — Эти два представленія: о чемъ-то *всюду протяженномъ* и всегда *измѣняющемся* будутъ уже мало отличаться одно отъ другаго, будутъ нераздѣльны: ибо какъ мы, не видя уже того, что движется, замѣтимъ его движенія? натурально, что только чрезъ разнообразныя перемѣны, происходящія на сплошной массѣ протяженнаго, изъ которыхъ одна возникаетъ *здѣсь*, другая— *тамъ*, одна *прежде*, другая *послѣ*,—подобно тому, какъ мы замѣчаемъ движеніе въ воздухѣ и свѣтѣ по врѣнію пылинокъ, видимому намъ въ лучѣ свѣта, проходящемъ сквозь щель въ темное пространство. — И такъ представленіе о чемъ-то *покоющемся* (пространственномъ) и *движущемся* (временномъ) будетъ представленіемъ не о *веществѣ* и не о *существѣ*, но о *бытіи*. Это представленіе лучше всего назвать *стихійнымъ*, потому что два главныя качества его: безконечная *протяженность* и безконечная *движимость* являются нераздѣльно въ *стихіяхъ* природы: воздухѣ, свѣтѣ и др. Мы сказали, что слова, выражающія эти *стихійныя представленія*, будутъ первыми *началами* языка, потому, что эти же представленія составляютъ и первыя начала мысли, изъ которыхъ она выходитъ. Что бы намъ ни говорили противъ этого философы - метафизики, но они не опровергнутъ нашей истины, что мысль человѣче-

ская не имѣетъ въ себѣ никакой другой, высшей, болѣе чистой и отвлеченной формы, кромѣ этой стихійной формы, подъ которою она представляетъ какъ *бытіе* вообще такъ и самое *начало* бытія. Въ подтвержденіе этого намъ достаточно сослаться на факты самой же философіи. Исторія мысли человѣческой (системъ философскихъ), критическій анализъ ея, сдѣланный однимъ изъ величайшихъ философовъ (Кантомъ), убѣждаютъ насъ въ томъ, что мысль наша облечена въ нѣкоторыя собственныя ей какъ бы одной, *прирожденныя* формы, безъ которыхъ она ничего не можетъ себѣ представить, слѣд., ничего не можетъ и мыслить: но эти формы—суть представленія о *пространствѣ* и *времени*.— О чемъ бы мы ни помыслили,—мы можемъ не иначе представить его себѣ, какъ *воображая* прежде всего *мѣсто*, гдѣ оно существуетъ или *предѣлы* (хотя бы и невидимые), внутри которыхъ оно заключено. Ежели бы мы, мечтая, подобно философамъ, о первомъ началѣ міра, представили себѣ то, когда ничего еще не было или, лучше сказать, когда было только *ничто*, *пустота*, — то и это *ничто*, эту *пустоту* мы не иначе могли бы себѣ вообразить, какъ чѣмъ-то *невидимо-протяженнымъ;* но это протяженное—какъ бы оно ни произошло—предполагаетъ уже *дѣйствіе* или двѣ минуты времени: одну, которая предшествовала тому, когда оно явилось уже протяженнымъ т. е. минуту, когда оно *начало* протягиваться и другую — которая послѣдовала за тѣмъ, когда оно явилось протяженнымъ т. е. когда оно *окончило* свое протяженіе. Но двѣ минуты времени въ *протяженномъ* предполагаютъ и двѣ точки мѣста: первую— *откуда* оно начало простираться, и *послѣднюю* — куда, до которой оно простерлось и т. д. Однимъ словомъ, какъ бы мы ни напрягали наше воображеніе въ области мысленной, мы всегда будемъ останавливаться на какихъ-нибудь невидимыхъ точкахъ *пространства*, но за этими точками пространства будутъ скрываться невидимыя точки или минуты *времени*, за ними — снова моменты *пространства*, потомъ — мо-

менты *времени*, и т. д., до безконечности..... На этихъ стихійныхъ представленіяхъ мысли покоятся первыя начала языка: вывести изъ нихъ первые *корни* его, а изъ этихъ корней произвести всѣ послѣдующіе, значитъ — показать *логическое*, философское происхожденіе языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенное развитіе *познанія* народнаго. — Цѣль, самая достойная науки! Но *предположить* цѣль, — не значитъ еще *положить* ее т. е. утвердить, установить ее въ наукѣ,— потому что для этого нужно *основаніе*. А на чемъ основываемся мы, предполагая, что первыя слова языка произошли изъ высочайшихъ представленій мысли человѣка, который, вникая въ сущность природы и духа, выражалъ свое познаніе въ звукахъ рѣчи? На доброй вѣрѣ въ томъ, что первые люди народовъ, существовавшихъ по паденіи человѣка, *образовывая* языкъ, мыслили ясно и правильно, что они были, однимъ словомъ, существа *нормальныя*. Эта добрая вѣра для тѣхъ, которые ищутъ *доказательствъ* очевидныхъ— не имѣетъ большаго значенія. Для доказательства логическаго происхожденія языка они требуютъ убѣжденія въ *нормальномъ* развитіи мысли и познанія у *первыхъ людей*, говорившихъ извѣстнымъ языкомъ; а для этого, языкознаніе до сихъ поръ не только не имѣетъ опоры, но даже встрѣчаетъ факты, опровергающіе это мнѣніе. Эти факты суть: 1.) наблюденія опытныя, показывающія, что размышленіе развивается въ человѣкѣ слишкомъ поздно и что большая часть логическихъ понятій *пріобрѣтается* человѣкомъ при помощи опыта и наставленія другихъ людей, а не изъ собственнаго его *самомышленія*: ежели же люди *позднѣйшаго* поколѣнія человѣческаго, имѣющаго богатый запасъ образованности, не представляются нормально-мыслящими,—то не скорѣе ли должно предположить то же самое въ людяхъ *древнѣйшаго* поколѣнія, которые образовывали языкъ свой, не имѣя, подобно первымъ, готоваго запаса идей и понятій? 2.) Наблюденія надъ составомъ каждаго языка, древнѣйшая основа котораго, извѣстная съ давнихъ временъ подъ име-

немъ *аномаліи* — ([1]) носитъ на себѣ печать грубости и недостатковъ и столь рѣзко противорѣчитъ съ остальною частію состава языка, извѣстною подъ именемъ *аналогіи*, образованіе которой всѣ почти филологи относятъ къ эпохѣ позднѣйшей. — Шишковъ не могъ отвергнуть этого яркаго противорѣчія, какое представляли *факты* языковъ съ *теоріею* ихъ просхожденія и потому, чтобы примирить какъ-нибудь оное, онъ допустилъ бытіе единаго, первобытнаго языка, представлявшаго уже совокупность готовыхъ идей и звуковъ, которые, какъ общее, наслѣдственное достояніе, перешли ко всѣмъ племенамъ человѣческимъ. Отъ этихъ первоначальныхъ звуковъ люди производили, чрезъ размышленіе, новыя слова, кокорыя въ каждомъ народѣ уклонялись постепенно какъ отъ общаго корня такъ и отъ вѣтвей его, производимыхъ народами, такъ, что образовали наконецъ особые языки, непонятные одинъ для другаго.— Показать единство ихъ первоначальнаго *древнѣйшаго* происхожденія, показать, что не смотря на все различіе, они суть ничто иное, какъ отдаленныя нарѣчія языка первобытнаго,— вотъ что сдѣлалъ Шишковъ цѣлію своего лексическаго изслѣдованія: такимъ образомъ цѣль *теоретическая* соединилась, совпала у него съ цѣлію *историческою;* изслѣдуя сродство языковъ—нашъ Филологъ изслѣдывалъ единство ихъ происхожденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *логическое* образованіе своего роднаго языка.

Этимъ мы заключаемъ обозрѣніе филологическихъ трудовъ Шишкова и переходимъ теперь къ соображеніямъ о дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, какія необходимы для рѣшенія существенной задачи нашей науки, и, потомъ, искомыхъ ея моментовъ: *предмета*, *метода* и *цѣли.*

([1]) Всѣ слова *недостаточныя* т. е. неправильно измѣняемыя, не имѣющія единства корня, напр. *хорошій*, *лучшій; есмь, былъ; человѣкъ—люди; sum, fui; fero, tuli, latum* и проч. *Аналогія*—слова правильно измѣняемыя или представляющія одинакость корня.

§ 11-й.

Соображенія о предметѣ дальнѣйшаго изслѣдованія нашего, къ которымъ приводитъ насъ обозрѣніе филологической разработки русскаго языка, сдѣланной Шишковымъ.

Разсужденія наши о *цѣли*, какую должно поставить себѣ лексикологическое изслѣдованіе русскаго языка и которая должна быть для него крайнимъ предѣломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна обозначить, опредѣлить орбиту и *филологическаго изученія* нашего языка, эти разсужденія показали намъ весьма явственно съ одной стороны: все научное достоинство этой цѣли, съ другой стороны — всю трудность достиженія оной, проистекающую отъ недостатка необходимыхъ къ тому *средствъ* т. е. отъ совершенной неизвѣстности того, откуда проистекаютъ первыя начала языка, изъ нормальнаго-ли, духовнаго, *мыслящаго* познанія или же изъ случайнаго, *чувственно-эмпирическаго* наблюденія природы; изъ общихъ, простыхъ, *элементарныхъ понятій* или же изъ *частныхъ представленій*, однимъ словомъ: образуется ли языкъ изъ *цѣлаго*, слѣд. путемъ *органическаго происхожденія*, или же созидается мало по малу изъ накопленія *частицъ*, слѣд. возникаетъ *атомистически?* Читатель видитъ, что вопросъ о *языкѣ*, представляющійся въ двойственности мнѣній о его *началѣ:* то *органическомъ* то *атомистическомъ*, есть ни что иное какъ вопросъ о *корнѣ*, который, какъ мы видѣли, представлялъ такую же двойственность мнѣній ученыхъ, изъ которыхъ одни за корень словъ принимаютъ *слогъ* т. е. звукъ цѣльный, *органическій*, съ опредѣленнымъ значеніемъ, другіе — *согласныя буквы* т. е. безформенную, неорганизованную матерію слова съ отвлеченнымъ, *собирательнымъ* значеніемъ или, лучше сказать, съ идеею цѣлой совокупности, категоріи предметовъ, слѣд. *атомы* организованнаго звука, частицы члено-

составнаго слова. Эти два вопроса, столь тѣсно связанные одинъ съ другимъ, суть, поэтому, ни что иное какъ одинъ и тотъ же вопросъ или вопросъ объ одномъ и томъ же понятіи: *началѣ, происхожденіи языка*; *корень* и *языкъ* суть ни что иное какъ разныя стороны или моменты этого понятія, потому, что ежели опредѣленіе корня или рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ мы должны принимать за корень: *слово* или *буквы* слова? — зависитъ отъ опредѣленія начала языка или рѣшенія вопроса: произошелъ-ли языкъ изъ первообразныхъ, элементарныхъ понятій, выраженныхъ въ *цѣлыхъ словахъ* или же возникъ изъ случайныхъ, эмпирическихъ представленій, выразившихся въ грубомъ, нестройномъ *сцѣпленіи звуковъ*, то съ другой стороны, рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ уясненія перваго т. е. отъ изслѣдованія того, въ какомъ видѣ представляются намъ первыя, древнѣйшія слова языка: въ видѣ-ли *организованныхъ* логически и фонетически (по смыслу и звуку) частей слова или же въ видѣ нестройныхъ звуковыхъ слѣпковъ? Вопросъ о *началѣ языка,* такимъ образомъ, условливаетъ собою вопросъ о *корнѣ* и условливается послѣднимъ, подобно тому какъ *теорія,* опредѣляющая *практику,* въ то же время сама опредѣляется послѣднею. Отъ рѣшенія вопроса о *началѣ языка* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о *корнѣ,* зависитъ опредѣленіе и остальныхъ понятій нашихъ, неразрывно соединенныхъ съ двумя первыми: понятія о *нарѣчіи* и *вѣтви* и взаимномъ отношеніи ихъ къ *языку* и *корню.* Окончательнымъ опредѣленіемъ этихъ четырехъ понятій условливается, наконецъ, окончательное, точное и подробное опредѣленіе *предмета, метода* и *цѣли филологическаго изученія языка.* И такъ, теперешнимъ предметомъ изслѣдованій нашихъ будетъ разъясненіе о *началѣ языка,* какъ томъ основномъ понятіи, изъ котораго выводятся всѣ прочія понятія Науки и на которомъ опирается опредѣленіе трехъ существенныхъ ея моментовъ, обозначенныхъ нами.

Но здѣсь, быть можетъ, кто нибудь изъ читателей моихъ, менѣе терпѣливыхъ, изъявитъ неудовольствіе и, хотя въ

сердцѣ, сдѣлаетъ мнѣ упрекъ въ томъ, что *я*, окончивъ разсмотрѣніе трудовъ Шишкова, столь пространное и подробное, перехожу далѣе и не извлекаю никакихъ результатовъ *для* опредѣленія *предмета, метода* и *цѣли* филологическаго изученія русскаго языка. Признаю всю *натуральность* подобнаго упрека: *ученіе горько* и *трудно*; но какъ ученый, не сознаю основательности онаго: истины науки не даются съ перваго раза и изысканіе оныхъ требуетъ продолжительнаго изученія. Изученіе трудовъ Шишкова, сдѣланное мною вмѣстѣ съ читателемъ, не приводитъ меня къ окончательному уясненію *предмета, метода* и *цѣли* Филологіи русской: оно только очерчываетъ намъ—какъ я уже сказалъ (§ 1.)—весъ *объемъ* существеннаго вопроса нашей науки и даетъ намъ только возможность вникнуть въ *содержаніе* онаго т. е. труды Шишкова даютъ намъ чувствовать потребность тѣхъ именно *понятій*, безъ опредѣленія которыхъ невозможно сдѣлать никакого точнаго изслѣдованія въ области филологическаго изученія русскаго языка. Читатель согласится со мною, если попытается изъ обозрѣнія филологической разработки Шишкова извлечь какіе нибудь результаты для уясненія существенныхъ пунктовъ филологическаго изученія. Въ чемъ заключается *предметъ* онаго? Въ изученіи русскаго языка *сравнительно* съ нарѣчіями славянскими и *языками иноземными?* Но этотъ результатъ не высказываетъ болѣе того, что сказали мы еще въ самомъ началѣ первой нашей книги, въ *предварительномъ очеркѣ* a—priori. Научное, точное опредѣленіе *предмета* филологическаго изученія должно показать то, на чемъ *прежде всего* должна сосредоточиться его работа и обозначить то, къ чему она будетъ приведена въ послѣдствіи времени, слѣд. къ чему она должна идти постоянно и неуклонно, дабы остаться вѣрною самой себѣ и не потеряться *въ разъединенности направленій*, при которой, конечно, нельзя ожидать никакихъ положительныхъ результатовъ. Но показаніе того, *что чѣмъ* должно быть изучаемо, обозначеніе той *существенной*, основной и древнѣйшей но

еще *неизвѣстной* стороны языка, которая должна быть изучаема посредствомъ ближайшей къ нашему наблюденію, *извѣстной* стороны,—влечетъ неминуемо къ различенію въ языкѣ двухъ разрядовъ словъ: древнѣйшаго образованія или *корней* и позднѣйшаго происхожденія или *вѣтвей*. И такъ Филологическое изученіе должно изслѣдовать *вѣтви* языка, чтобы въ нихъ или посредствомъ нихъ отыскать *корни языка*. Въ чемъ же должно состоять изслѣдованіе *вѣтвей языка*? Въ изслѣдованіи разнообразнаго измѣненія ихъ а.) по внѣшней сторонѣ—*звуку*, б.) по внутренней сторонѣ—*смыслу*, изъ котораго можно бы было составить понятіе о періодическихъ измѣненіяхъ или переворотахъ самаго языка. Но, чтобы видѣть измѣненія необходимо имѣть въ виду простое, элементарное, *неподвижное начало*, которое служитъ основою (*substratum*) этихъ измѣненій и посредствомъ котораго только и можно опредѣлять послѣднія; въ противномъ случаѣ мы неизбѣжно потеряемся въ круговоротѣ измѣненій, будемъ видѣть въ одной вѣтви измѣненіе другой, въ другой измѣненіе третей и т. д. однимъ словомъ, будемъ видѣть *измѣненія измѣненій*, не находя однакоже того, изъ чего проистекаютъ эти измѣненія, что само остается неизмѣннымъ. И такъ, для изслѣдованія *вѣтвей* языка необходимо имѣть, въ пособіе, въ опору этого изслѣдованія, понятіе о *корнѣ*, которое помогло бы намъ отыскать самый корень; но пособіемъ понятію о *корнѣ* должно служить понятіе о *началѣ*, *происхожденіи языка:* и такъ, предметъ Филологическаго изученія не можетъ быть опредѣленъ ни въ малѣйшей части своей безъ опредѣленія *понятія о языкѣ*, какъ основнаго понятія всей Науки. Труды Шишкова служатъ намъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ того, какимъ заблужденіямъ, какому продолжительному, безвыходному круженію по *области языковъ* подвергаетъ себя Филологъ, приступающій къ изслѣдованію языка съ гадательными *представленіями* о корнѣ, но безъ точнаго *понятія* объ немъ. Опредѣленный кругъ изучаемаго имъ нарѣчія раздвигается въ безбрежную область языкозна-

нія, поглощающую существенный *предметъ* его изслѣдованій; прямое первоначальное *сродство* и позднѣйшая, случайная *смежность* вѣтвей становятся для него лабиринтомъ, котораго фантастическіе повороты вѣчно прерываютъ логическую послѣдовательность его *метода*; наконецъ развлеченіе силъ его между сравнительнымъ изученіемъ языковъ *иноземныхъ* и изученіемъ *языка туземнаго*, заставляя его смѣшивать на каждомъ шагу *историческіе перевороты* языка съ его *происхожденіемъ*, позднѣйшія судьбы его съ первоначальнымъ его состояніемъ,—уничтожаетъ единство *цѣли*—душу, самосознаніе Я цѣлой Науки. Вотъ почему мы, пользуясь драгоцѣннымъ опытомъ, представленнымъ намъ филологическою разработкою Шишкова, оставляемъ до времени опредѣленіе искомыхъ пунктовъ: *предмета*, *метода* и *цѣли* нашей науки и сосредоточимъ наше изслѣдованіе на опредѣленіи *начала* или *происхожденія* языка, слѣд. коснемся основныхъ началъ сравнительнаго языкознанія вообще.

Эта задача представляется гораздо болѣе сложною, нежели какъ кажется съ перваго раза; вдумываясь въ вопросъ: откуда проистекаютъ *первыя начала* языка или какъ образовался языкъ человѣческій? мы находимъ, что съ этимъ вопросомъ соединены два другіе, не менѣе важные вопросы: вопросъ *философскій* и вопросъ *историческій*. Языкъ есть выраженіе идей, понятій, мыслей, слѣд. спрашивая: откуда проистекаютъ первыя начала языка, какъ *произошелъ* и *образовался* языкъ?—мы спрашиваемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, откуда проистекаетъ мысль человѣка, какъ *начинается*, какъ *происходитъ* познаніе человѣческое вообще? Основной филологическій вопросъ переходитъ, такимъ образомъ, въ вопросъ *философскій*. Но ни теорія философіи—*метафизика* (теорія познанія), ни исторія философіи (исторія человѣческаго познанія) не даютъ намъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ: съ незапамятныхъ временъ представляютъ они *двойственность* мнѣній относительно этаго краеугольнаго пункта исторіи

Человѣка. *Идеалисты*—послѣдователи Платона—вѣруютъ въ *идеи врожденныя*, предъопытныя или предшествующія чувственному наблюденію и изученію природы и человѣка, и думаютъ что въ основѣ духа нашего заключаются уже первообразныя, элементарныя понятія обо всемъ и что человѣкъ развиваетъ (анализируетъ) только эти понятія, *нисходя* отъ духовнаго къ чувственному (матеріальному), отъ *цѣлаго* къ *частямъ*, отъ единаго, простаго къ разнообразному, сложному. Реалисты или эмпирики—послѣдователи Аристотеля—отвергаютъ, напротивъ того, *врожденность идей* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, врожденность *началъ познанія*: они убѣждены въ *пріобрѣтаемости* онаго и думаютъ, что въ основѣ духа, кромѣ *способности* мыслить и познавать, нѣтъ никакихъ готовыхъ началъ ни мысли ни познанія, что то и другое человѣкъ созидаетъ самъ себѣ, мало по малу, восходя отъ чувственнаго (матеріальнаго) къ духовному, отвлеченному, отъ *частнаго* къ *цѣлому*, отъ разнообразнаго, сложнаго—къ простому и единичному. Между этими двумя противоположными мнѣніями возвышается драгоцѣнное сказаніе Священной Исторіи Человѣка, говорящей намъ, что *первозданный человѣкъ* былъ существо вполнѣ нормальное т. е. явившееся на свѣтъ съ готовымъ даромъ мысли и познанія; но отъ этого сказанія о Человѣкѣ нельзя сдѣлать, къ прискорбію, никакого заключенія къ *человѣкамъ*, исторіею мысли и языковъ которыхъ занимается наука, потому что они низошли съ высоты той первозданной нормальности, на которой находился *первый человѣкъ*—въ чемъ удостовѣряетъ насъ не только священная но и естественная исторія человѣка. И такъ наука наша должна остановиться на противоположности двухъ приведенныхъ нами мнѣній о началѣ познанія человѣческаго и провѣрить истинность каждаго, для того, чтобы избрать какое нибудь одно изъ нихъ основою дальнѣйшихъ своихъ выводовъ о началѣ языка. Мы не будемъ повѣрять, однакоже, этихъ мнѣній въ *теоретической* ихъ сторонѣ: это отвлекло бы насъ далеко отъ предмета; мы сосредоточимъ по-

вѣрку нашу на *практической* сторонѣ этихъ мнѣній, на приложеніи ихъ къ *исторіи человѣка* и *языка*, въ которомъ ихъ взаимная противоположность выступаетъ еще явственнѣе, нежели въ теоріи. Въ приложеніи своемъ къ исторіи человѣка, первое мнѣніе, защищающее *врожденность идей*, должно предполагать, непремѣнно, и *нормальность* первыхъ человѣческихъ поколѣній т. е. должно допустить, что первые люди были существа нравственно и умственно-развитыя, что они имѣли уже *начала* образованія — имъ-ли врожденныя или искони у нихъ существовавшія, но во всякомъ случаѣ доставлявшія имъ готовый матеріалъ для дальнѣйшаго *человѣчнаго* ихъ усовершенствованія. Это мнѣніе должно предположить, вмѣстѣ съ тѣмъ, что первыя поколѣнія человѣческія, которыя имѣли начала образованія, которыя уже *мыслили* и *знали*, имѣли такъ же и *начала языка* т. е. были существа *говорящія*, слѣд. не изобрѣтали Слова, но развивали, образовывали и совершенствовали данное имъ достояніе. Второе мнѣніе, защищающее *пріобрѣтаемость* идей и постепенное возникновеніе познанія, должно, непремѣнно, предполагать отсутствіе всякихъ *началъ образованія* въ первыхъ поколѣніяхъ человѣческихъ, должно предполагать оныя находящимися въ первоприродной грубости и дикости; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно предположить также и то, что первые люди не имѣли никакого языка, что каждый народъ *изобрѣталъ* звуки Слова, начиная отъ грубыхъ и неудачныхъ попытокъ и восходя мало по малу къ členосоставной, разумной рѣчи. Развитіе этихъ мнѣній дастъ намъ, какъ увидимъ, два противоположные результата: «первыя начала языковъ состоятъ изъ *многосложныхъ* словъ» — это будетъ результатъ мнѣнія перваго; «первые начатки языковъ состоятъ «изъ *односложныхъ* звукоподражательныхъ звуковъ» — это будетъ результатъ втораго мнѣнія. Эти результаты, очевидно, будутъ ни что иное какъ два противоположныя понятія о корнѣ: *корень органическій* и *корень атомистическій*, приложенные къ исторіи языковъ человѣческихъ. Мы обозначи-

ли только самыми главными, существенными чертами основный вопросъ нашей науки: сдѣлаемъ теперь *предварительное обозрѣніе* онаго т. е. сдѣлаемъ, такъ сказать, попытку рѣшенія этаго вопроса, дабы видѣть всѣ повороты мысли, возможные при этомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣть весь объемъ онаго; потомъ мы перейдемъ къ критической повѣркѣ каждаго изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, которыя основываясь на сравнительно историческомъ изслѣдованіи языковъ человѣческихъ, образуютъ двѣ различныя теоріи Слова: одну можно назвать *психологическою теоріею* языка, потому, что она выводитъ происхожденіе языка изъ души человѣка, не предполагая никакой предварительной, *данной основы* языка, другую должно назвать теоріею *натуральнаго происхожденія* языка или *Естественною исторіею* Слова потому, что она, отъчасти признавая человѣку изобрѣтеніе языка, предполагаетъ при томъ необходимымъ условіемъ а) нормальность мышленія, б) общественное, устроенное его состояніе—какъ *данную основу*, безъ которой не могъ быть изобрѣтенъ языкъ; слѣд. болѣе или менѣе примыкаетъ къ *идеалистической теоріи познанія*. Первая, явившаяся въ началѣ настоящаго вѣка (1809), принадлежитъ Нѣмецкому филологу *Аделунгу*, вторая, возникшая въ концѣ прошедшаго столѣтія (1773), принадлежитъ Англійскому ученому *Монбоддо*.

§ 12-й.

Предварительное обозрѣніе вопроса о происхожденіи языка.

Мы предположили себѣ сдѣлать предварительное обозрѣніе основнаго вопроса науки языкознанія: о *происхожденіи языка* съ тѣмъ, чтобы обозрѣть весь его *объемъ* и видѣть всѣ *повороты мысли*, какія она дѣлаетъ, преслѣдуя нить своего искомаго неизвѣстнаго (= x), во всѣхъ ея изгибахъ, по ткани

языковъ. Чтобы мысль наша прошла всѣ эти повороты съ возможною послѣдовательностію, мы должны, какъ говорятъ Французы, *commencer par le commencement* — начать съ самаго начала т. е. должны попытаться искать *корня* для какого-нибудь изъ словъ нашего языка, не предполагая никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о *корнѣ* и *вѣтви, языкѣ* и *нарѣчіи,* зная только, что языки народовъ представляютъ между собою разительное сходство въ корняхъ, которое, конечно, не можетъ быть безъ какого нибудь основанія. *Корень* и *языкъ* — мы видѣли—суть понятія тождественныя; что можно сказать о первомъ, то смѣло можно распространить на второе, слѣд. отыскивая *корень* или *начало* слова, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, будемъ отыскивать начало или происхожденіе языка. И такъ, положимъ что мы беремъ коренное славянское слово: *оухо*. Ежели мы станемъ выводить генеалогію этого слова, то увидимъ, что предъ нами откроется *безконечная* лѣстница, на *послѣдней* даже ступени которой разумъ нашъ, все таки, не остановится удовлетворительнымъ для себя образомъ. Положимъ, славянское: *оухо-ушесе* произошло изъ Готскаго *аушо* (auŝo). Спрашивается: откуда взято *auŝo?* Изъ Литовскаго, положимъ, слова: *ausis*. Откуда Литовское? Изъ Нѣмецкаго *ohr* (оур.). Откуда Нѣмецкое? Изъ Латинскаго *auris?* Откуда Латинское? Положимъ изъ Персидскаго *ghuŝ* (гушъ). Откуда Персидское? Положимъ изъ Санскритскаго *ghoŝa*. Откуда это? Изъ Мидскаго, Ассиріійскаго, Финикійскаго, положимъ, наконецъ, изъ Китайскаго слова. А все таки мы будемъ спрашивать: откуда произошло Китайское? . . . Для того, чтобы положить конецъ этому безконечному восхожденію по генеалогической лѣстницѣ, остается одно изъ двухъ, или 1) принять, что то древнѣйшее слово, на которомъ мы остановимся, взято отъ *перваго* человѣка, который *началъ* употреблять оное и что, слѣд., языкъ, разсматриваемый нами, и всѣ другіе языки изъ которыхъ мы оный выводимъ, — произошли отъ одного древнѣйшаго языка — отъ языка *перваго человѣка,* перехо-

дившаго по наслѣдству отъ однихъ людей къ другимъ, или же 2) что искомое нами слово произошло *само собою*, образовалось у того самаго народа, въ языкѣ котораго оно находится и что, слѣд., разсматриваемый нами языкъ и всѣ прочіе языки народовъ произошли у каждаго народа своимъ *особымъ*, натуральнымъ путемъ, образованы имъ самимъ, безъ помощи другаго, чуждаго народа, однимъ словомъ, что языкъ у каждаго народа имѣетъ свое собственное *начало*. Казалось бы, что какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ мы должны *остановиться* въ отысканіи *начала* нашего корня, потому что, съ одной стороны *первый человѣкъ*, начавшій употреблять наше слово или, съ другой стороны *первые люди* народа, образовавшіе оное — показываютъ уже намъ *источникъ* нашего корня. Но на самомъ дѣлѣ открывается совершенно противное: эти два *первыя начала* открываютъ намъ только новую ступень, на которую восходитъ мысль наша съ тѣмъ, чтобы идти далѣе, въ глубь происхожденія корня. Она повинуется въ этомъ случаѣ неотразимому требованію своей разумной природы, ищущему вездѣ *достаточнаго основанія* (principium rationis sufficientis), слѣд. не можетъ остановиться на простомъ убѣжденіи въ томъ, что корень изобрѣтенъ *первымъ человѣкомъ* или *первыми людьми* народа, но должна знать, *какъ* изобрѣтенъ, откуда взятъ этотъ корень, потому что ни съ того, ни съ сего не могъ же онъ взяться въ языкѣ или же возникнуть самъ собою, изъ ничего. Взглянемъ теперь на каждое изъ этихъ двухъ предположеній и проведемъ каждое порознь. И то и другое предположеніе имѣетъ, *для разума*, свою долю вѣроятности, имѣетъ свою выгодную и не выгодную сторону. Можно полагать, что всѣ языки міра произошли изъ *одного*, перваго языка: это подтверждается аналогіею общаго происхожденія вещей въ природѣ, которое, по предположеніямъ разума, должно имѣть единую высшую причину, слѣд. *одно* начало и слѣд. начало *первое*: ибо, ежели бы было *много* началъ, то они, конечно, не могли бы быть всѣ *первыми*. Но допустивши, что всѣ языки произошли отъ

одного *перваго* языка а) мы все таки не удовлетворимъ разума, который не остановится на этомъ и пойдетъ далѣе, спроситъ: какъ, откуда *произошелъ первый языкъ*? б) ежели онъ найдетъ невозможнымъ рѣшить это и признаетъ, что языкъ данъ былъ человѣку непосредственно отъ Бога, то все таки будетъ спрашивать, какъ изъ перваго языка произошли всѣ другіе? Гдѣ историческіе слѣды этого происхожденія? При первой попыткѣ *провести* это происхожденіе, нить историческаго, наслѣдственнаго перехода перваго языка къ языкамъ позднѣйшимъ—прервется и факты языковъ, намъ извѣстныхъ, не оправдаютъ этого предположенія. (1) Съ другой стороны разумъ можетъ полагать, что языки народовъ произошли не отъ одного языка, не отъ *перваго человѣка*, который началъ говорить, — но отъ *первыхъ людей* того народа, который употребляетъ извѣстный языкъ, т. е. что языкъ каждаго народа произошелъ путемъ натуральнымъ, былъ образованъ самымъ этимъ народомъ. Это предположеніе имѣетъ, какъ бы, ту выгодную сторону, что вмѣсто того, дабы относить происхожденіе языка въ темную и неопредѣленную область доисторическаго прошедшаго, оно выводитъ его на свѣтъ опыта, натуры, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на сцену Исторіи. Но невыгода этого предположенія въ томъ, что 1) принимая *эмпирическое* начало языка оно должно будетъ принять, или а) что мысль и познаніе, безъ которыхъ языкъ не можетъ существовать, быть, *предшествовали* изобрѣтенію языка, или же б) что мысль и познаніе *послѣдовали* за языкомъ, или же в) что мысль и познаніе шли одновременно, совмѣстно съ языкомъ. Допуская первое т. е. принимая, что человѣкъ, прежде нежели имѣлъ языкъ, говорилъ — былъ уже *мыслящимъ* и *знающимъ*, слѣд. существомъ совершеннымъ, *нормальнымъ*, мы должны

---

(1) И однакоже эти факты симъ самимъ ясно подтверждаютъ 1) утрату первозданной (нормальной) природы человѣка, 2) всеобщій переворотъ, произшедшій въ языкахъ человѣческихъ, — событія, о которыхъ повѣствуетъ намъ священная исторія человѣка и міра.

допустить аа) что языкъ былъ вовсе ему не нуженъ, что онъ сообщался съ себѣ подобными *непосредственно-духовнымъ* а не чувственно-душевнымъ образомъ (посредствомъ звуковъ—какъ символовъ, знаковъ мысли), что мысль другаго онъ понималъ *мыслію* же, что мысль свою другому онъ сообщалъ *мыслію* же и т. п., однимъ словомъ, что первый человѣкъ жилъ по особымъ законамъ, превышающимъ теперь намъ извѣстные *естественные* законы человѣческаго существованія; въ такомъ случаѣ изобрѣтеніе языка, который ему не былъ нуженъ, останется *безъосновательнымъ*; для удовлетворенія разума, который тотъ часъ же спроситъ: за чѣмъ же человѣкъ изобрѣлъ себѣ языкъ, мы должны будемъ непремѣнно допустить, что *нормальное* состояніе человѣка неизвѣстно какъ, отъ чего? прекратилось, что онъ утратилъ эту *высшую* природу и принужденъ былъ изобрѣсть себѣ языкъ. Этотъ языкъ *произойдетъ,* такимъ образомъ, изъ остатковъ *мыслящей* и *познающей силы,* слѣд. будетъ имѣть данную основу, данное *начало,* начало *предъопытное*, а не опытное, эмпирическое, — т. е. показываемое исторію человѣка, которая въ *естественномъ* состояніи народовъ, не получившихъ образованія отъ другихъ, уже просвѣщенныхъ націй—нигдѣ почти не находитъ *остатковъ,* началъ умственнаго и нравственнаго развитія. И такъ мы должны будемъ допустить бб) что человѣкъ, бывши *мыслящимъ* и *знающимъ,* не имѣлъ языка не потому, что онъ ему не былъ нуженъ, но потому, что онъ не могъ еще изобрѣсть его: въ такомъ случаѣ это предположеніе будетъ явнымъ противорѣчіемъ его *нормальности:* человѣкъ *мыслилъ* и *познавалъ,* но не сообщалъ своихъ мыслей и познаній другимъ!! что же онъ дѣлалъ? жилъ какъ безсознательное животное, заключенное въ самомъ себѣ, одиноко и бездѣятельно-пребывающее?.... Итакъ, намъ остается допустить вв) что ежели человѣкъ былъ *мыслящимъ* и *знающимъ*, то былъ уже и *говорящимъ*, имѣлъ уже *языкъ:* происхожденіе языка совпадетъ, такимъ образомъ, въ одно нераздѣльное время съ происхожденіемъ *мысли* и *познанія*;

но приходя къ такому результату мы очутились уже въ области перваго предположенія т. е. что языкъ былъ данъ человѣку непосредственно, что языкъ произошелъ сверхъестественнымъ, непостижимымъ для опытнаго наблюденія путемъ. Допустить второй случай: что мысль и познаніе явились послѣ языка — явная нелѣпость, ибо какъ можно было изобрѣтать слова для выраженія того, чего человѣкъ не зналъ, о чемъ онъ не имѣлъ никакого понятія? Остается, развѣ, защищая эмпирическое происхожденіе языка противъ *сверхъестественнаго,* допустить, что происхожденію языка не предшествовала никакая *данная основа,* что человѣкъ, не бывши еще *говорящимъ,* не былъ такъ же ни *мыслящимъ,* ни *знающимъ* слѣд. былъ грубое, дикое существо природы и мало по малу только, развивая мысль свою—созидалъ языкъ. Опять недостатокъ *онованія:* языкъ не могъ взяться изъ ничего! И такъ нужно этому грубому существу природы дать хотя *возможность* мышленія и познанія, *Vermögen,* т. е. способность къ чему-то. Но допуская это скудное эмпирическое начало языка, это предположеніе — какъ увидимъ — ни какъ не будетъ въ состояніи прояснить имъ дальнѣйшаго развитія языка, окончательнаго его *образованія,* которое, все таки, возникнетъ *изъ ничего.* . . II) Это натуральное происхожденіе языка у каждаго народа, совершавшееся независимо отъ другихъ народовъ, опровергается частію здравымъ смысломъ человѣка, частію свидѣтельствомъ Священной Исторіи происхожденія рода человѣческаго отъ одного праотца. Ежели народы міра произошли отъ размноженія перваго человѣческаго поколѣнія, а оно отъ *одного человѣка,* — то какъ же языки этихъ народовъ произошли не отъ одного языка, а возникли у каждаго народа сами собою? Послѣднее ведетъ къ двоякому предположенію: или что а) народы міра произошли не отъ одного, но многихъ родоначальниковъ, *нѣскольких первыхъ* людей міра, созданныхъ Богомъ или явившихся (неизвѣстно какъ?) въ разныхъ странахъ свѣта; или же, что б) ежели народы міра произо-

шли отъ одного человѣческаго семейства, а языки ихъ произошли не отъ одного перваго языка но образовались у каждаго особымъ путемъ своимъ, то нѣкоторое время эти народы были *безъязычны* (*ἄγλωσσοι* — какъ думали Греки), не имѣли вовсе языка и потомъ уже, съ теченіемъ времени, образовали оный? Попробуемъ пойти тѣмъ и другимъ путемъ, т. е. какъ *ѳеологическимъ* такъ и *эмпирическимъ*.

§ 13-й.

Ѳеологическій выводъ происхожденія языка.

И такъ «всѣ языки міра произошли отъ одного *перваго* «языка — языка *первозданнаго* человѣка». Но и здѣсь пытливый разумъ опять скажетъ: откуда взялъ первый человѣкъ это слово? почему именно органъ слышанія назвалъ онъ слогомъ *ух–уш'*, а не *губ, шум* и тому подобными? Для рѣшенія этаго вопроса остается принять одно изъ двухъ: или 1) *первое слово* перваго человѣка явилось сверхъестественнымъ путемъ, т. е. *создано* было съ нимъ, лежало уже готовое въ органахъ его рѣчи, или 2) первое слово перваго человѣка явилось путемъ *натуральнымъ*, т. е. произошло, возникло, образовалось. Въ первомъ случаѣ не умѣстенъ вопросъ: *откуда, какъ?* Во второмъ случаѣ можно отвѣтить не на то, откуда, какъ именно произошло Слово, но развѣ на то только, какъ оно *могло*, откуда оно могло произойти. Посмотримъ на выгоды и невыгоды соображеній разума относительно перваго предположенія.

Первое слово произошло вмѣстѣ съ человѣкомъ. Съ перваго разу это предположеніе представляется весьма вѣроятнымъ и вполнѣ сообразнымъ съ самымъ происхожденіемъ человѣка — *божественнымъ*. Богъ создалъ человѣка и далъ ему отъ себя *душу*, съ нею *мысль*, а съ мыслью *Слово*, т. е.

разумные, мыслящіе или мысленно-образные звуки. Это предположеніе, это вѣрованіе въ божественное происхожденіе Слова оправдывается и свидѣтельствомъ исторіи перваго человѣка, которая говоритъ намъ, что Адамъ давалъ названія каждому изъ животныхъ, которыхъ Богъ приводилъ къ нему — Царю земли, названія, которыя съ того времени навсегда уже и остались при животныхъ; анализъ лексикологическій вполнѣ подтверждаетъ такое происхожденіе Слова человѣческаго ([1]) и самый разумъ, который, стремясь къ удовлетворительному уразумѣнію всякаго факта, долженъ раздроблять его по своимъ категоріямъ ([2]), съ смиреніемъ долженъ принять этотъ первый фактъ происхожденія Слова, какъ истину непререкаемую. Эту истину разумъ стремится перенести и къ фактамъ позднѣйшимъ Слова человѣческаго, къ происхожденію языковъ людей, явившихся на землѣ послѣ перваго человѣка и спрашиваетъ: получили ли они отъ перваго человѣка *весь* языкъ его, или же только нѣкоторую *часть,* нѣкоторые остатки онаго? Такъ какъ Исторія здѣсь безмолствуетъ, то разумъ, не находя возможности сказать *исторически: получили* ли они что нибудь и что именно *получили?* — въ состояніи гадать только, *могли* ли они получить и *что именно могли* получить? Первое онъ не подвергаетъ сомнѣнію, потому что съ продолженіемъ поколѣнія перваго человѣка, спасшагося въ семействѣ Ноевомъ отъ потопа — непремѣнно сохранился и языкъ перваго человѣка. Но вопросъ о второмъ: *могли* ли поколѣнія перваго человѣка получить *весь* языкъ или только нѣкоторую часть его?—

([1]) Примѣры этаго анализа будутъ приведены въ третьей книгѣ; впрочемъ и разборъ двухъ выше приведенныхъ корней: *вѣй-вѣт* и *атер* (стр. 21—30 и 80—82) могутъ, мнѣ кажется, убѣдить читателя въ томъ, что *понятія*, выраженныя въ нихъ, далеко привышаютъ собою умъ и познанія *естественнаго*, намъ извѣстнаго чел вѣка.

([2]) См. 109—111 стр. Мы вѣдили тамъ ясно, что разумъ, отвергая сверхъестественное происхожденіе Слова и выступая изъ своего эмпирическаго начала, *самъ собою* приходитъ, однакоже, къ первому (см. конецъ 110 стр.)

зависитъ еще отъ рѣшенія того: получилъ ли самъ первый человѣкъ *весь* языкъ или *нѣтъ?* т. е. данъ ли былъ первому человѣку языкъ во всемъ его составѣ, данъ ли былъ ему языкъ вполнѣ, окончательно образованный, заключавшій въ себѣ всѣ тѣ звуки, которые нужны были для обозначенія всѣхъ предметовъ и для выраженія всѣхъ понятій и представленій человѣка, или же нѣтъ? Но развѣ можно здѣсь установить какія либо историческія *положенія*?.. и такъ разуму остается прибѣгнуть къ *предположенію,* т. е. *могъ* ли быть данъ человѣку весь языкъ или же *нѣтъ? Могъ быть данъ,* могъ быть *не данъ,*—разумъ можетъ предполагать съ одинаковою достовѣрностію, потому что это зависѣло отъ воли Бога, для котораго равно возможно какъ то такъ и другое. Но изъ двухъэтихъ возможностей разуму нужно принять одну какую нибудь,—нужно предпочесть одну другой: какъ это онъ сдѣлаетъ? Соображаясь съ тѣмъ, какая удовлетворительнѣе для него. Какъ же это ему узнать? По тому, какая изъ нихъ оправдывается разумнымъ *основаніемъ* (причиною) и разумною *цѣлію* (слѣдствіемъ). Разумъ беретъ первое предположеніе и обращаетъ его въ положеніе. «*Первому человѣку данъ былъ языкъ въ* «*полномъ, окончательнообразованномъ его видѣ*». Почему? Потому, что человѣкъ не могъ самъ его образовать? — Но свидѣтельство священной исторіи говоритъ противное тому,—слѣд. *причины разумной* этому не было. — *Для чего* человѣку данъ былъ языкъ *весь*, окончательно образованный? Для того, чтобы онъ пользовался имъ, какъ готовымъ уже орудіемъ, нисколько не прибавляя къ нему отъ собственнаго труда, отъ собственныхъ усилій и дѣятельности? — Или, можетъ быть, для того, чтобы онъ *не могъ* расширить его круга, не смѣлъ выйти изъ очерченной ему области и т. п.? На сихъ гаданіяхъ останавливается разумъ. Но *здравый смыслъ* замѣчаетъ здѣсь *разуму*, что какъ то такъ и другое, совмѣстно съ идеею Бога, ибо Онъ 1) далъ человѣку свободу, 2) давъ *начало* — предоставилъ человѣку продолжать собственными силами дальнѣйшее твореніе или творческую дѣя-

тельность, но провидя Премудростію Своею судьбы человѣка, повелѣлъ ему не выходить за предѣлы спасительнаго познанія, не предоставилъ ему и *дополнять* данное ему Слово, которое, какъ всецѣло–совершенное и не нуждалось въ томъ. И такъ, ежели для разума вѣрнѣе то, что «*Первому человѣку данъ былъ языкъ не въ полномъ, окончательномъ его видѣ*», слѣд. что онъ нѣчто творилъ, создавалъ, образовывалъ въ немъ самъ, то для здраваго смысла, утверждающагося на вѣрѣ, вѣрнѣе то, что «*Первому человѣку Слово дано было вполнѣ*» т. е. въ томъ именно объемѣ, въ какомъ Божественная Премудрость находила это потребнымъ для перваго человѣка, какъ существа совершеннаго. Мы видимъ уже здѣсь, что перенесеніе сказанія Священной Исторіи (о началѣ Слова), принимаемаго разумомъ, къ исторіи человѣческой, представляетъ для разума чрезвычайныя затрудненія. Всякому понятно, что они происходятъ отъ недостатка *посредствующихъ* фактовъ, которые могли бы соединять безпрестанные перерывы въ послѣдовательныхъ заключеніяхъ разума и прояснять дальнѣйшія судьбы языка т. е. фактовъ, сохраненныхъ намъ въ той же Священной Исторіи. Не прибѣгая къ помощи этихъ фактовъ, разумъ безпрерывно запутывается въ своихъ гаданіяхъ и опровергается явленіями исторіи языковъ человѣческихъ. Прослѣдимъ дальнѣйшій ходъ соображеній разума о переходѣ Слова человѣческаго къ другимъ народамъ, дабы видѣть, въ какую темноту впадаетъ разумъ, усиливаясь провести *натуральнымъ путемъ* то, что произошло путемъ *сверхъ-естественнымъ*. Отъ перваго человѣка получили языкъ позднѣйшіе народы; но языки ихъ не имѣютъ полнаго, аналогически–образованнаго вида, (см. стр. 98.) слѣд. они могли произойти частію изъ языка или, лучше сказать, изъ *начатковъ* языка перваго человѣка, частію же были свободно, самостоятельно *образованы* ими. Какъ же происходило это свободное образованіе нѣкоторыхъ словъ въ этихъ языкахъ? Оно могло происходить по *аналогіи* (подражанію) съ свободнымъ образованіемъ Слова

перваго человѣка, — но при неизвѣстности разума о томъ, сохранилась ли эта способность въ позднѣйшихъ народахъ? ему приходится оставить въ сомнѣніи *подобное* первому образованіе словъ народами позднѣйшими и допустить, что оно происходило путемъ натуральнымъ, эмпирическимъ. И такъ, разумъ принужденъ допустить *двоякое* происхожденіе языковъ, принявъ, что они *произошли* частію отъ языка перваго человѣка, творчески воспроизводившагося въ немъ, частію же отъ позднѣйшихъ людей (народовъ), *натурально,* по законамъ природы или при пособіи природы образовывавшихъ языкъ. Теперь посмотримъ на дальнѣйшіе результаты этого предположенія: они обнаруживаются сами собою тогда, когда мы, принявъ это *двойственное гипотетическое* начало языка, будемъ итти сверху въ низъ, чтобы соединить историческую нить перваго языка съ нитью языка даннаго, разсматриваемаго нами. Народы, явившіеся на землѣ послѣ перваго человѣка, съ одной стороны получили часть языка уже готоваго, съ другой стороны присовокупили къ нему часть языка ими самими, при пособіи натуры, образованнаго. Народы, происшедшіе отъ первыхъ, равнымъ образомъ, получили въ наслѣдство готовую, прежде уже образованную часть языка; но также точно, какъ ихъ предшественники, умножили это наслѣдственное достояніе человѣческаго Слова собственнымъ ихъ присовокупленіемъ и т. д. Такъ наконецъ и народъ, разсматриваемый нами. — Изъ этаго наслѣдственнаго перехода языка перваго человѣка къ другимъ, позднѣйшимъ поколѣніямъ людей, и изъ этого безпрерывнаго приумноженія онаго у послѣднихъ вытекаютъ два слѣдствія: 1) языки народовъ позднѣйшихъ, выступающихъ на сцену исторіи, должны были быть языками, ежели не окончательно, то по крайней мѣрѣ значительно образованными; 2) эти языки должны представлять между собою двоякое сходство: а) *совершенное* — въ тѣхъ словахъ, которыя перешли къ нимъ изъ первоначальнаго языка человѣческаго и которыя, по этому, должны быть во всѣхъ языкахъ и притомъ въ *оди-*

наковомъ видѣ, б) *относительное* — въ тѣхъ словахъ, которыя раждались отъ первоначальнаго языка собственною дѣятельностію каждаго народа и которыя, потомъ, переходили къ другому народу, отъ другаго къ третьему; это относительное сходство должно быть тѣмъ явственнѣе, чѣмъ древнѣе происхожденіе языка, т. е. каждый языкъ долженъ быть болѣе близокъ къ языку ему предъидущему, нежели къ языку, за нимъ послѣдующему. Исторія языковъ человѣческихъ, или всеобщее языкознаніе, не подтверждаетъ, однакоже, этихъ догадокъ. Напротивъ того, она находитъ: 1) что всѣ языки указываютъ намъ на первые грубые начатки ихъ происхожденія и древнѣйшіе языки еще болѣе нежели языки позднѣйшіе напр. Еврейскій, Манджуйскій, Нѣмецкій (¹). Первые опыты языковъ, — по мнѣнію *Аделунга,* состояли въ чистыхъ гласныхъ звукахъ и хотя нѣтъ языка, который бы состоялъ изъ однихъ гласныхъ звуковъ, но есть много древнихъ языковъ, сохранившихъ въ себѣ многочисленные признаки этаго младенческаго возраста въ ихъ развитіи, такъ напр. *Зендъ,* языки западныхъ острововъ южнаго Океана, языки Басковъ, Гуроновъ, Альгонкиновъ, Галиби, Караибовъ, Эскимосовъ и т. д. Даже языки извѣстнѣйшихъ народовъ заключаютъ въ себѣ множество остатковъ этихъ первыхъ опытовъ въ языкѣ напр. Греческія слова *ἄω*-дую, *ἔω*-есмь, *ἔει*-онъ есть, *ἔαω*-дозволяю, допускаю, *ἀΐω*-слышу, *ἠω-ος*-утро, *οἴω*-несу, *ὢα-ovis,* овца; *ἀει*-всегда, *αἶα*-земля, *αἰων*-пребываніе, бытіе; Таитскія слова: *Е-а* корень (*о* и *е* впереди словъ суть члены), *Ао*-день, *Е-іоw носъ,* *Ноа*-другъ, *аі*-ѣсть, *о-аі*-камень, *ео*-кричать, *е-ао*-облака и т. д. — Но лучшимъ *фактическимъ* опроверженіемъ того мнѣнія, что языки народовъ, получившихъ слово отъ перваго человѣческаго поколѣнія, должны быть значительно образованными, — служатъ языки Тибетскій, Китайскій и языки смежныхъ съ сими государствами областей: Ава, Пегу, Сіама,

(¹) *Mithridates* von Adelung; Berlin, 1806, 1 Th. VI.

Тонкина и Кохинхины. Всѣ эти языки обнаруживаютъ несовершенства, которыми отличается первоначальное образованіе языковъ вообще. Подобно тому, говоритъ Аделунгъ, какъ первый языкъ дитяти состоитъ въ лепетѣ односложныхъ словъ, такъ языки и первыхъ взрослыхъ дѣтей природы состоятъ изъ такого же лепета и Тибетецъ, Китаецъ также точно лепечутъ еще и теперь, какъ они лепетали еще лѣтъ тысячу тому, въ самой колыбели ихъ рода. Въ этихъ языкахъ нѣтъ рѣшительно никакого раздѣленія словъ на классы, изъ которыхъ въ языкахъ образованныхъ произошли части рѣчи. Одинъ и тотъ же звукъ, означающій напр. *радостный*, означаетъ у него и *радость*, и *радоваться* и притомъ со всѣми измѣненіями сихъ частей рѣчи въ лицахъ, числѣ и временахъ. Въ этихъ языкахъ не замѣтно никакого искуства присоединять къ грубымъ односложнымъ корнямъ различныя отношенія и второстепенныя понятія и чрезъ то сообщать бѣдному языку богатство, ясность и благозвучіе. Напротивъ того, въ каждомъ языкѣ грубыя односложныя, корневыя понятія ставятся отрывочно одни подлѣ другихъ и слушателю предоставляется самому угадывать понятія посредствующія. Такъ какъ односложность этихъ языковъ не знаетъ никакихъ измѣненій, то падежи и числа въ нихъ или вовсе не обозначаются, или же въ случаѣ крайней нужды, замѣняются описаніемъ, оговоркою. Множественное число эти языки образуютъ подобно дѣтямъ или чрезъ повтореніе слова напр. *дерево — дерево*, или чрезъ присоединеніе словъ: *много, другой* напр. *дерево много, дерево другой, я—много* или *я—другой* въ этихъ языкахъ значатъ: *деревья, мы* и т. д. 2) Исторія языковъ, сравнивая ихъ одни съ другими, показываетъ намъ, что они не представляютъ между собою не только *совершеннаго* сходства въ такихъ словахъ, которыя—какъ можно полагать—перешли или должны были перейти къ нимъ изъ первоначальнаго языка,—но даже *приблизительнаго*. Изслѣдованія знаменитаго нашего Лингвиста Адмирала Шишкова, сравнивавшаго одни и тѣже названія,

принадлежавшія первѣйшимъ кореннымъ понятіямъ и предметамъ слова человѣческаго, напр. *Богъ*, *небо*, *отецъ*, *мать*, *сынъ*, *земля*, *рука* и проч., выраженныя на *двухъ-стахъ* языкахъ древнихъ и новыхъ, образованныхъ и дикихъ народовъ,—показываютъ намъ, что одно и тоже слово имѣетъ нѣсколько (отъ 4—8) корней, изъ которыхъ образуются семейства словъ: эти корни иногда имѣютъ между собою нѣкоторое сродство, а иногда представляются совершенно отличными другъ отъ друга и не имѣютъ ничего общаго. *Относительное* сходство словъ, т. е. сходство въ названіяхъ обозначенныхъ нами выше понятій и предметовъ, замѣчаемое не между всѣми языками, но только между нѣкоторыми изъ нихъ (семейства словъ), нисколько не говоритъ въ пользу умозаключеній разума и можетъ вести къ той только догадкѣ, что предполагаемое имъ *пріумноженіе* первоначальнаго языка (слѣдовъ котораго однакоже не открываетъ языкознаніе) позднѣйшими человѣческими языками—въ иныхъ изъ нихъ сохранило слѣды свои, въ другихъ нѣтъ. — И такъ исторія языковъ человѣческихъ не даетъ намъ фактовъ, подтверждающихъ то предположеніе разума, что всѣ языки произошли частію отъ *первоначальнаго* языка, переходившаго по наслѣдству къ языкамъ позднѣйшихъ поколѣній человѣческихъ, частію отъ пріумноженія онаго собственною дѣятельностію каждаго народа. Разумъ долженъ, поэтому, чтобы остаться послѣдовательнымъ, или а) принимая первый фактъ Священной Исторіи Слова — принять и всѣ остальные, слѣд. оставить въ сторонѣ всѣ *свои* соображенія о судьбахъ перваго Слова, или же б) отвергая эти остальные факты Св. Исторіи, отвергнуть, вмѣстѣ съ тѣмъ и первый т. е. сверхъестественное происхожденіе Слова, и обратиться къ эмпирическому выводу онаго. И такъ, не считая *рѣшительнымъ* свидѣтельства исторіи языковъ, которая сказывая намъ, что *перваго языка теперь нѣтъ* въ языкахъ человѣческихъ, нисколько, однакоже, не можетъ опровергать этимъ основной нашей истины т. е. нашего убѣжденія въ томъ, что онъ *былъ* и

этимъ самимъ оправдываетъ только истину Св. Исторіи о паденіи человѣка и всеобщемъ переворотѣ въ языкахъ человѣческихъ, — мы обратимся ко второму предположенію разума т. е. мнѣнію объ эмпирическомъ происхожденіи Слова и будемъ слѣдить оное во всѣхъ его результатахъ. Мы будемъ видѣть и здѣсь безпрестанные перерывы въ послѣдовательномъ ходѣ соображеній разума и невольное возвращеніе его, въ каждомъ важномъ случаѣ, къ тому первому началу, которое онъ отвергаетъ.

§ 14-й.

Эмпирическій выводъ происхожденія языка: психологическая теорія Аделунга. Первый періодъ языка: происхожденіе его. Односложность, какъ характеръ этаго періода.

Языкъ человѣческій произошелъ не сверхъестественнымъ путемъ, но образовался натуральнымъ способомъ. Самый первый вопросъ при этомъ, конечно, есть тотъ: какимъ именно? И такъ посмотримъ какъ *психологическая* теорія изъясняетъ намъ *эмпирическое* происхожденіе языка.

«Первый сынъ природы (человѣкъ)—говоритъ она—(¹) по«добно тому какъ и теперь каждый человѣкъ — принесъ съ «собою на свѣтъ одну только *способность*, или возможность «ко всему тому чѣмъ онъ могъ и долженъ былъ быть, слѣд. «онъ имѣлъ, явившись на свѣтъ, одну только *способность* «*къ Слову*, т. е. способность сознательно воспринимать впеча«тлѣнія тѣлеснаго міра, лежащаго внѣ его, собирать при«знаки ихъ, выражать ихъ также точно, какъ онъ ихъ во-

(¹) *Adelung's* Mithridates. Einleitung. III.

«сприпялъ, и чрезъ это пріуготовлять *для* себя все богат-«ство будущаго своего познанія. Для воспринятія этихъ впе-«чатлѣній, различенія ихъ и выраженія, приспособлены только «два высшія чувства человѣка: одно–неполное и несовершен-«ное, невыходящее изъ предѣловъ видимой чувственности— «*зрѣніе*, другое — болѣе быстрое, глубже впечатлѣвающееся «въ памяти и болѣе способное къ выраженію внѣшнихъ «впечатлѣній— *слухъ* и вспомогательный его органъ— *языкъ*, «слово. — Языкъ и разумъ идутъ рука объ руку и взаимно «проясняютъ другъ друга: но оба присоединяются къ *тем-«нымъ впечатлѣніямъ* и только мало по малу, постепенно, «восходятъ къ болѣе *яснымъ понятіямъ*. Вотъ моменты этого «постепеннаго образованія слова.

I-й *Періодъ языка: происхожденіе его; односложные звуки какъ подражаніе слышимому (Nachbildung des Gehörten).*

«Первыя попытки языка состояли въ подражаніи слыши-«мому посредствомъ голоса, т. е. человѣкъ, наблюдая раз-«личные предметы природы, находилъ, что каждый изъ «нихъ производитъ изъ себя извѣстное дѣйствіе, а каждое «дѣйствіе сопрягается съ извѣстнымъ *звукомъ*. Стараясь ско-«пировать этотъ звукъ, онъ издавалъ органомъ голоса своего «нѣчто ему подобное и этимъ подобнымъ звукомъ или сло-«гомъ не только отличалъ одно дѣйствіе отъ другаго для «себя, но старался этимъ же звукомъ произвести и въ дру-«гихъ людяхъ то впечатлѣніе, которое произведено было «въ немъ самомъ. Такимъ образомъ эти первые *подража-«тельные звуки* служили не только къ различенію однихъ «звучащихъ или слышимыхъ дѣйствій природы отъ дру-«гихъ, — но и къ обозначенію каждаго слышимаго дѣйствія «природы порознь. Такъ напр. змѣя *шипитъ*, пчела *жуж-«житъ*, вѣтеръ *шумитъ*, громъ *гремитъ*, буря *бушуетъ*,

«вѣтръ *завываетъ* въ ущельяхъ. Неопытный еще сынъ «природы слушаетъ, изумляется и безъ отчетливаго еще «стремленія воли — издаетъ звуки: *шип.... жуж... шум....* «*гром.... буш... вой*— и чрезъ это уже получаетъ ясное по«нятіе о явленіи природы, которое удерживается въ его «памяти и которое даетъ ему возможность не только от«личать оное, въ послѣдствіи времени, отъ другихъ явленій, «но дѣлать его яснымъ и замѣтнымъ и для другихъ спут«никовъ его жизни. Противъ такого происхожденія языка «дѣлали много возраженій напр. 1) ежели слова произошли «чрезъ подражаніе слышимому, то отъ чего это подражаніе «замѣтно въ столь маломъ количествѣ словъ, представляе«мыхъ языками человѣческими? 2) что тамъ, гдѣ замѣтно «это подражаніе т. е. гдѣ какой-нибудь опредѣленный звукъ «природы выражается *одинаково*, — онъ долженъ бы имѣть «и одинаковое значеніе: между тѣмъ одинаковые звуки въ «каждомъ почти языкѣ имѣютъ различныя значенія; 3) что «есть безчисленное множество такихъ понятій, въ назва«ніяхъ которыхъ мы не примѣчаемъ никакого, даже отда«леннаго сходства съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ звукомъ «природы, то-есть такимъ звукомъ, который имѣлъ бы «хотя кое-какое сходство съ самымъ понятіемъ.» На эти возраженія психологическая теорія отвѣчаетъ такъ: «1) Въ «тѣхъ случаяхъ, когда звукъ природы имѣетъ точную *опре«дѣленность* и остается всегда себѣ равенъ (постояненъ, не«измѣненъ), — и *значеніе* этаго звука имѣетъ *опредѣленность* «и остается неизмѣннымъ. Таково напр. названіе кукушки — «Нѣмецкое *Kuckuk*, Латинское *cucullus*, Греческое *κοκκυξ*, «Ирл. *cuach*, Баск. *cucua*, Коряк. *kaikuk*, Камчадальск. «*koakutschith*, Курильск. *kakkok*, Татарское *kauk*, Славян«скія: *kukulka*, *kukačka*, *kukawa*; Венгерское *kukik*, Еврей«ское *cacatha*, Сирійское *coco*, Арабское *kuchem*, Персид«ское *kuku*. Но это бываетъ рѣдко. По большей части, «*опредѣленные* звуки природы сами въ себѣ уже весьма «разнообразны, представляютъ много оттѣнковъ и видо-

«измѣненій: отъ того одинъ народъ подражаетъ такому видо-«измѣненію, другой другому — разительный примѣръ тому «представляютъ названія грома: по Еврейски רעם раамъ, по «Славянски громъ, по Нижненѣмецки *Gromm-el*, по Сканди-«навски *Hor*, по Швабски *Thorn*, по Верхненѣмецки *Donner*, «*(Donnr)* по Латинѣ *tonitru (tonitr)*, по Персидски *tounder*, «по Гречески *βροντη*. 2) Иногда звукъ природы по самой «сущности своей бываетъ зыбокъ *и неопредѣленъ*, слѣд. и «копированіе его въ каждомъ языкѣ, который идетъ своимъ «особымъ путемъ, становится тѣмъ еще неопредѣленнѣе, «а потому и *несходнѣе*. 3) Неопытные, несовершенные «органы—какіе мы должны предполагать въ первыхъ обра-«зователяхъ языковъ, суть причиною того, что звукъ при-«роды воспринимается и выражается ими *невполнѣ* — какъ «разнятся напр. лепеты дѣтей, когда они повторяютъ ка-«кое-нибудь услышанное ими слово, отъ подлиннаго звука «слова! Это несовершенство органовъ, въ самой ли природѣ «ихъ или въ первоначальномъ навыкѣ оныхъ заключающееся, «ведетъ иногда къ такому далекому уклоненію отъ перво-«начальнаго звука природы, что иногда сходство звуковъ «человѣческихъ съ звуками природы совершенно заглушается; «Китайцы, Гренланды и Мексиканцы вмѣсто r выговари-«ваютъ всегда l; — потому громъ по Китайски *lei*, по Грен-«ландски *kallak*, а по Мексикански *tlatlanitzel* Замѣнивъ въ «этихъ словахъ букву *l* буквою *r* мы найдемъ, что они представ-«ляютъ уже болѣе сходства съ звукомъ природы: *рей*, *карракъ*, «*тратранитцеръ*. Многіе народы напр. Гренландцы и Китайцы «не могли произнести ни одной согласной, не опирая ее на «какой-нибудь гласной, — отъ того звукъ природы часто «ослабляется и становится непримѣтнымъ и т. д » Этими изъясненіями разрѣшается только первое возраженіе и отча-сти только второе: но какъ рѣшить послѣднее, т. е. то, что во многихъ словахъ, выражающихъ понятія извѣстнаго рода звуки не представляютъ никакого сходства съ самыми по-нятіями, слѣд. не оправдываютъ предполагаемаго теоріею

происхожденія этихъ словъ чрезъ подражаніе звукамъ природы. Для изъясненія этого теорія допускаетъ второй моментъ въ натуральномъ происхожденіи языка.

«II. *Метафоризмъ* или перенесеніе значенія звуковъ. Здѣсь «языкъ является какъ выраженіе не чисто слышимаго при-«роды, но какъ выражаніе *мысленно слышимаго* или вооб-«ражаемаго слышимаго (Sprache, das Ausdruck des als hörbar «gedachten). Происшедшіе чрезъ подражаніе звукамъ природы «звуки человѣческаго голоса были только грубыми начат-«ками языка; подобно тому, какъ первое впечатлѣніе, произ-«веденное тѣлеснымъ міромъ на чувства человѣка, было «однимъ только *ощущеніемъ* предмета, но не было еще *по-«нятіемъ* о предметѣ, такъ и то, что было произведено «органомъ человѣческой рѣчи было нагой звукъ, воспринятый «ощущеніемъ, (der blosse empfundene Schall), междометіе, «но еще не слово: *трес*.... *бух*.... *шум*..., подкрѣпляемые «тономъ, рукою и тѣлодвиженіями. При небольшомъ раз-«мышленіи человѣкъ могъ дознать, что звукъ или междо-«метіе можетъ обозначать не только звукъ, производимый «дѣйствіемъ предмета, но и нѣчто сродное съ самымъ дѣй-«ствіемъ. Это ближайшее сродное, которое представилось «ему, было—*существо, предметъ*, отъ котораго происходилъ «звукъ; отъ этаго звука оно получило свое названіе и дало «человѣку, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первое *существительное имя*. «Сильное движеніе воздуха, выраженное звукомъ: *шум*.... «у перваго человѣка стало навсегда означать *шумъ* и послу-«живъ къ обозначенію *разныхъ* дѣйствій, обнаруживающихся «подобнымъ сему звукомъ, открыло ему путь къ образова-«нію глагола: *шумѣть*. Такимъ образомъ, при руководствѣ «природы, человѣкъ восходилъ со ступени на ступень по «лѣстницѣ *сходства* и учился дѣлать шагъ за шагомъ отъ «слышимаго міра въ міръ менѣе слышимый. Значительнымъ «открытіемъ для него было то, когда онъ уловилъ, постигъ «тайну: переносить впечатлѣнія другихъ чувствъ на чувство

«слуха. Для такого перенесенія прежде всего представилось «чувство зрѣнія. Человѣкъ замѣтилъ, что тѣло, падая въ глу-«бокую пропасть, издаетъ нѣкотораго рода глухой звукъ и этотъ «глухой звукъ сдѣлался у него названіемъ *пропасти*. Но, такъ «какъ глубина предмета въ другомъ отношеніи или съ другой «стороны есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *высота* его, то человѣкъ «удержалъ тоже названіе и для обозначенія *высоты*. Отъ «того-то мы часто встрѣчаемъ одинаковыя названія для по-«нятій, по видимому, противоположныхъ. Извѣстныя тѣла, «проносившіяся мимо человѣка съ нѣкоторою *легкою быстро-«тою*, дали ему для обозначенія этаго рода движенія звуки: «*blitz*..., *licht*...; человѣкъ примѣтилъ эту быстроту въ из-«вѣстныхъ явленіяхъ тѣлеснаго міра и получилъ слова *Blitz* «(молнія), *Licht* (свѣтъ), послужившія для обозначенія со-«стоянія и дѣйствія *атмосферы*, подобно тому какъ и *hell*, «(яркій) *klar* (свѣтлый) — слова, которыя собственно слу-«жили къ обозначенію высокихъ тоновъ звука. Когда стезя «была проложена уже однажды, то легко уже было идти «по ней далѣе и понимая подъ копіею звука природы «не самый звукъ природы, но нѣчто ему подобное, пере-«ходить отъ одного подобнаго къ другому до тѣхъ поръ, «пока наконецъ всякое сходство съ первымъ звукомъ при-«роды совершенно изчезало, — особенно же, когда при каж-«домъ предметѣ, сходствовавшемъ съ предметомъ первона-«чальнымъ, человѣкъ старался *отвлекать* т. е. оставлять «безъ вниманія нѣчто тѣлесное, сопряженное съ онымъ, «и вмѣсто того представлялъ себѣ нѣчто безтѣлесное.— «Какъ далеко можетъ простираться это отвлеченное сходство— «показываетъ Нѣмецкое слово: *Geist*—духъ, въ которомъ «человѣческій разумъ отъ первоначальнаго значенія этого «слова, выражавшаго *движеніе воздуха* или состояніе пред-«мета *дышущаго* (*gähnen*—*зіять*), восходя многоразличными, «незамѣтными ступенями, взошелъ наконецъ къ обозначе-«нію, посредствомъ этаго слова, существа разумнаго, безтѣле-«снаго.—Но перенесеніе звуковъ, обозначавшихъ предметы

«*слышимые*, къ предметамъ *видимымъ*—раждало иногда обоюд-«ность, темноту въ значеніи звука *первоначальнаго* и *перенос-«наго;* хотя связь этаго звука съ другими звуками рѣчи и «мимика, которая въ этомъ первоначальномъ состояніи чело-«вѣка была весьма жива,—устраняла эту темноту часто, но «не устраняла оной, однакоже, *всегда:* человѣкъ и здѣсь по-«собилъ себѣ. Онъ замѣтилъ, что одинъ и тотъ же звукъ «природы, разсматриваемый только со стороны согласныхъ «элементовъ своихъ, можетъ быть весьма разнообразимъ «высотою, глубиною, долготою и краткостію тона, т. е. буквою «*гласною* и различнымъ ея произношеніемъ (*piff, puff, paff; «platz, pletz, blitz, plotz, plutz*). Выучившись давать перенос-«ныя значенія натуральному звуку, — человѣкъ выучился «давать такія же значенія и различнымъ видоизмѣненіямъ «онаго» и т. д. Вотъ слѣдствія, выводимыя изъ всего этого психологическою теоріею происхожденія языка: «1) Ежели «языкъ въ первомъ моментѣ своемъ является изображеніемъ «слышимаго (Nachbildung des hörbaren), — то во второмъ «является онъ выраженіемъ *мысленно-слышимаго* (des als «hörbar gedachten). Съ первыми шагами метафоризма пре-«кращается *звукоизображеніе* и мѣсто онаго заступаетъ *уподоб-«леніе,* которое, раждая изъ себя новыя и новыя уподоб-«ленія, продолжается до тѣхъ поръ, пока языкъ *живетъ,* «при всемъ томъ, что *слышимое,* изъ котораго проистекли «первоначальныя и позднѣйшія уподобленія, уже давно «умолкло и забыто. *Стволъ умираетъ, а невидимый корень «его живетъ еще въ своихъ отпрыскахъ.* — 2) *Уподобленіе «и сходство*, играющія такую роль въ этомъ образованіи «языка, зависятъ совершенно отъ особеннаго способа чув-«ствовать, принадлежащаго каждому обществу людей, жи-«вущихъ вмѣстѣ,—способа, который учитъ ихъ этому сход-«ству безъ особенныхъ примѣровъ и истолкованій, точно «также какъ и самое сходство предметовъ. Отъ того раз-«ность языковъ обнаруживается чаще всего и рѣзче всего «въ переносныхъ понятіяхъ или значеніяхъ словъ. Въ близко-

«сходныхъ понятіяхъ сходны слова самыхъ отдаленныхъ «другъ отъ друга народовъ; но въ другихъ понятіяхъ игри-«вый, еще необразованный разумъ открываетъ или, лучше «сказать, *изобрѣтаетъ* такія сходства, нить которыхъ позд-«нѣйшій потомокъ едва — едва открываетъ при самомъ на-«пряженномъ вниманіи своего разума. 3) Значенія каждаго «слова, какъ бы разнообразны и отвлеченны они ни были, всѣ «происходятъ отъ какого-нибудь *чувственнаго представленія;* «а это чувственное представленіе отъ какого-нибудь ощути-«маго *звука* и только мало по малу развиты были въ значе-«нія менѣе и менѣе чувственныя. Понятіе: *духъ* (*Geist*, *spiritus*) «произошло изъ представленія *вѣянья* (*дх-дых*) и т. д. *Tugend*, «*virtus*, *ἀρετή* (добродѣтель)—первоначально означали *силу*, *крѣ-«пость*; *Sünde* (грѣхъ), *Schande* (стыдъ), *Laster* (порокъ)—перво-«начально означали тѣлесные недостатки, искаженія. 4) Слова, «которыя первоначально были копіею зыбкаго, неопредѣлен-«наго звука природы болѣе всего способны къ переноснымъ «понятіямъ и во всѣхъ языкахъ чаще всего употребляются «для этого. — Ежели они означали тихое, едва примѣтное «движеніе, напр. *gehen* — идти, то они переносились легко «на всѣ движенія, которыя не обнаруживались никакимъ «характеристическимъ или особеннымъ звукомъ.» Остановимся на время и не будемъ слѣдовать за дальнѣйшими подроб-ностями этой психологической теоріи происхожденія языка, которая выступая всегда изъ одной и той же исходной точки: *dunkele Begriffen*, *dunkele Gefühlen*—этаго мистическаго *fac-totum* — показываетъ намъ, что человѣческое слово постепенно перешло отъ односложности звуковъ къ многосложности, къ различенію частей рѣчи, числу, склоненію, спряженію и т. д.— Посмотримъ, что представляетъ намъ примѣненіе началъ этой теоріи къ нашей существенной задачѣ, т. е. къ тому, какъ про-изошли языки народовъ, извѣстныхъ намъ исторически. Мы видѣли, что гипотетическая теорія происхожденія языковъ не представляетъ согласія съ Св. Исторіею Слова, потому что ежели языки человѣческіе произошли частію изъ одного

языка, частію сами собою, то они должны представлять сходство въ общей именно части ихъ состава, но между тѣмъ — въ тѣхъ именно словахъ, которыя, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ первоначальнымъ элементамъ языка, которыя мы должны предполагать у всѣхъ народовъ, ибо безъ нихъ не могъ обходиться ни одинъ человѣкъ въ ежедневномъ своемъ быту (напр. Богъ, мать, рука и проч.), въ этихъ именно словахъ и оказываются языки народовъ *несходными*. Такимъ образомъ начала *гипотетической* теоріи опровергаются невозможностію провести непрерывную историческую нить происхожденія языка отъ самаго начала его до языковъ позднѣйшихъ. Посмотримъ теперь, въ какомъ соотвѣтствіи будутъ находиться результаты, выводимые изъ теоріи психологической съ фактами исторіи языковъ человѣческихъ. «Слово человѣческое образовалось натуральнымъ пу«темъ, чрезъ подражаніе звукамъ природы» утверждаетъ теорія психологическая, слѣд. каждый языкъ порознь произошелъ своимъ собственнымъ путемъ, имѣлъ свое особенное начало и свое особенное образованіе. Непосредственнымъ результатомъ этого положенія будетъ *разность* языковъ, которые—какъ и весьма понятно–образуясь одни независимо отъ другихъ и не могли или, по крайней мѣрѣ, не имѣли нужды и достаточной причины образоваться *одинаково*. Но не отрицая нисколько этой разности каждаго языка, мы можемъ спросить теорію психологическую: откуда происходитъ то разительное сходство, какое сравнительное языкознаніе ([1]) находитъ въ извѣстныхъ названіяхъ, повторяющихся въ двадцати, тридцати языкахъ, древняго и новаго міра, языкахъ какъ образованныхъ такъ и дикихъ народовъ? Не ужели это сходство, наблюденное нашимъ Лингвистомъ во *ста* словахъ, слѣд. почти въ цѣлой трети корней слова человѣческаго — ( ) есть сходство *чисто-случайное?* Ежели нѣтъ,—

([1]) См. XV часть соч. А. Шишкова.

([2]) Принимаемъ это число за среднее между извѣстными до селѣ суммами корней (300, 350, 400 и др.).—См. далѣе.

то отъ чего оно происходитъ? — Не ужели отъ того, что тѣ языки, въ которыхъ это слово повторяется одинаково, или по крайней мѣрѣ, представляетъ *корневое сходство*, развились изъ одного языка или суть нарѣчія одного древнѣйшаго языка, въ послѣдствіи времени раздѣлившагося? Но этого никакъ нельзя допустить: 1) потому, что языки, въ которыхъ замѣчается сходство какого-нибудь слова, ни по географическому положенію народовъ, ими говорящихъ, ни по извѣстному намъ историческому происхожденію ихъ или ихъ появленію на сценѣ свѣта, никакимъ образомъ не могутъ быть признаны происходящими изъ одного семейства или принадлежавшими нѣкогда къ одному семейству. Такъ напр. слово: *земля* въ языкахъ древнихъ и новыхъ имѣетъ четыре корня: *зем, тер, эрд,* и *мулд;* по сходству названія: *земь* въ славянскихъ языкахъ съ названіями *земли* въ Персидскомъ, Пеельвскомъ и Индостанскомъ (въ Деканѣ) языкахъ, мы заключимъ—положимъ— что славянскіе языки суть нарѣчія, развившіяся изъ какого-нибудь древнѣйшаго языка Востока. Но зачѣмъ же въ языкахъ Сирійскомъ, Арабскомъ и Еврейскомъ, о которыхъ съ большею достовѣрностію можно сказать, что они произошли изъ этаго древнѣйшаго языка Востока, нежели о языкахъ славянскихъ — тотъ же предметъ называется иначе: *арето, эрзъ, эрецъ?* Отъ чего въ двухъ нарѣчіяхъ одного и того же языка Индостанскаго: Деканскомъ — земля называется *зимминь,* а въ Бенгальскомъ— *марто?* 2) Это сходство не бываетъ постоянное: въ одномъ словѣ, напр , замѣчаемъ мы, что эти языки представляютъ разительную близость между собою; въ другомъ же словѣ, напротивъ того, они не представляютъ почти ничего сходнаго. Возьмемъ слова: *земля, вода, человѣкъ.* Первое одинаково звучитъ въ двѣнадцати славянскихъ нарѣчіяхъ и въ языкѣ Кривинго-Ливонскомъ (земля), Персидскомъ (*заминь*), Старо-Персидскомъ (*земо, земено*), Бухарскомъ (*зуминь*), Малабарскомъ (*земинь*), Индостанскомъ въ Деканѣ (*зимминь*). Второе и третье представляютъ сходство только въ славян-

скихъ нарѣчіяхъ; что же касается иноземныхъ языковъ, представляющихъ какъ бы сродство по первому слову,— то *вода* едва слышится только въ Кривинго-Ливонскомъ: *уденсъ* и Индостанскомъ въ Деканѣ — *удакъ;* а человѣкъ— только въ Кривинго-Ливонскомъ: *цилексъ;* въ Персидскомъ же *мардъ, адемъ*, въ Малабарскомъ — *маницекъ,* въ Индостанскомъ въ Деканѣ — *мурдъ, манутъ* и т. д. Эти явленія *сходства* языковъ человѣческихъ не могутъ быть изъяснены положеніемъ психологической теоріи, *что каждый языкъ произошелъ и образовался своимъ особеннымъ путемъ*, независимо отъ другихъ языковъ. Далѣе, ежели языки произошли, какъ утверждаетъ теорія психологическая, чрезъ *подражаніе* природѣ, путемъ *простонатуральнымъ*, ежели авторомъ языка есть не Богъ, не природа, но одинъ *человѣкъ*,—то образованіе лексическаго состава языка *не можетъ* и не *должно* имѣть *періодическаго предѣла,* слѣд. и *корни* ни въ одномъ языкѣ *не могутъ* и *не должны* имѣть опредѣленнаго объема, т. е. число простыхъ словъ языка не должно быть опредѣленно, постоянно, неизмѣнно; оно не только можетъ, но и должно приращаться и чѣмъ образованнѣе становится народъ, тѣмъ и болѣе замѣтнымъ должно быть приращеніе языка. Но въ исторіи всѣхъ съ *точностію* (изъ лексиконовъ и грамматикъ) извѣстныхъ намъ языковъ міра мы находимъ совершенное опроверженіе того, ибо чуть только исторія застигаетъ развитіе какого-нибудь языка, т. е. чуть только застанетъ его уже на степени языка книжнаго, литературнаго, — то находитъ, что *лексическое* образованіе языка (въ его составѣ, въ корняхъ) уже *окончилось*, остановилось на извѣстной чертѣ и не подвигается нисколько впередъ: новыхъ корней, новыхъ словъ не сочиняютъ —ни народъ, ни даже самые геніальные писатели.... Спрашивается: отъ чего же это? Ежели люди извѣстнаго народа *прежде* могли сочинять слова,—то почему не могутъ они сочинять ихъ и *послѣ?* Развѣ эта способность *творчества* дана была человѣку только въ *началѣ*, а потомъ вдругъ прекратилась, умерла въ немъ? Но геніальныя произведенія въ области

искуствъ, геніальныя изобрѣтенія наукъ, наконецъ безпрерывное самоусовершенствованіе человѣчества, свидѣтельствуютъ о томъ, что способность или сила творящая остаются принадлежностію духа человѣческаго и по выходѣ народа изъ того первоначальнаго *дико-естественнаго* состоянія, въ которомъ, какъ думаетъ теорія психологическая, онъ творитъ языкъ и въ которомъ именно менѣе всего можно предполагать эту способность, судя по недостатку *человѣчнаго* развитія въ первоприродномъ поколѣніи всякаго народа вообще. Отъ чего же творящая сила позднѣйшаго человѣка простирается на все, *кромѣ изобрѣтенія звуковъ,* предоставленнаго исключительно одному первому, грубому сыну природы?—Для этого страннаго явленія нѣтъ логическаго, разумнаго основанія, слѣд. предположенію теоріи психологической повѣрить нельзя. Въ оправданіе того, что мы сказали, мы ссылаемся на фактъ, замѣчаемый во всѣхъ языкахъ міра, что «лексическій составъ каждаго языка имѣетъ опредѣ«ленный объемъ, т. е состоитъ изъ извѣстной суммы кор«ней, которая бывъ дана однажды не увеличивается потомъ «уже никогда». Приведемъ здѣсь слова самой теоріи психологи ческаго происхожденія языка, которая замѣтила это явленіе и думая изъяснить оное принимаемымъ ею *началомъ звукоподражанія*, служившимъ человѣку основою при образованіи имъ языка,—противъ воли своей, сама себя *обличаетъ* въ противорѣчіяхъ —«Одно изъ важнѣйшихъ явленій «въ области языка» говоритъ Аделунгъ—«это малое количе«ство корней во всѣхъ языкахъ. Лейбницъ въ своей *Ars com«binatoria* вычислялъ, сколько разъ 24 основныя буквы «извѣстныхъ языковъ могутъ быть переставляемы одна на мѣ«сто другой: онъ получилъ въ результатѣ число, превосхо«дившее половину квадрилліона. Эта сумма звуковъ доста«вила бы богатѣйшій запасъ для неизмѣримаго множества по«нятій всѣхъ родовъ, ежели бы только языки были и могли «быть *произвольнымъ сочетаніемъ тоновъ,*—какъ часто утвер-

«ждали многіе. (¹) Тогда стоило бы только обратиться къ «этой сокровищницѣ и для каждаго новаго понятія доставать «изъ нея любое названіе. Но природа не такъ расточительна, «однако же, въ своихъ сокровищахъ. Она *ввѣрила человѣку* «очень небольшой капиталъ для оборота. Она не научила «его съ перваго же разу, какъ построить стопушечный ко-«рабль, но указала ему на *челнокъ*, примолвивъ: «смотри, «до чего ты доведешь, преобразуешь его,» и она сказала «не напрасно. Когда мы сочтемъ различные корни всѣхъ «языковъ, то найдемъ, что есть не болѣе нѣсколькихъ сотенъ «корней, которые повторяются (*wiederkommen*) во всѣхъ язы-«кахъ, отъ Гангеса до рѣки св. Лаврентія, и въ каждомъ «достаточны для того, чтобы выразить необъятное множе-«ство понятій не только тѣхъ, которыя *имѣетъ уже* родъ «человѣческій подъ всѣми возможными поясами и на всѣхъ «возможныхъ степеняхъ образованности, но и тѣхъ даже, «которыя онъ *можетъ* пріобрѣсть себѣ во всѣ будущіе «вѣка. Нѣкоторые принимали на себя трудъ изчислить эти «корни во многихъ языкахъ. *Fulda* нашелъ ихъ въ Нѣмец-«комъ отъ 300—400, *Court de Gébelin* не нашелъ во Фран-«цузскомъ и 400; *Fourmont* въ Греческомъ, столь богатомъ «языкѣ—нашелъ только 300; *Bayer* и *Fourmont* въ Китайскомъ «нашли отъ 330—350. Нельзя съ точностію опредѣлить этого «числа, потому что при близкомъ сродствѣ многихъ звуковъ «остается неизвѣстнымъ, что̀ различно и что́ нѣтъ. Довольно «того, что число корней ни въ одномъ языкѣ не простирается «свыше нѣсколькихъ сотенъ; каждый изъ этихъ звуковъ «снова встрѣчается (jeder dieser Laute kommt in jeder «Sprache vom neuen vor) въ каждомъ языкѣ и этотъ небольшой «запасъ, вмѣстѣ взятый, составляетъ основу всего *настоящаго* «и *будущаго* богатства языковъ. Это явленіе должно зависѣть

(¹) А что̀ же такое есть языкъ по смыслу или разумѣнію самой теоріи, какъ не произвольное сочетаніе тоновъ?

«отъ какого нибудь *всемощнаго* закона природы, ибо иначе «нельзя понять, почему безчисленные народы и народцы, «которые подъ столь различными небами образовывали язы-«ки, всегда должны были выступать изъ одного звука и «хотя они въ примѣненіи этаго звука, уклоняются одинъ «отъ другаго, но уклоняются, однакоже, всегда *одинаковымъ* «образомъ. Это явленіе изъясняется само собою, какъ скоро мы «примемъ въ основаніе звукоподражаніе или подражаніе (Nach-«bildung) слышимому.—Число звуковъ природы, которые «человѣкъ можетъ уловить и выразить удѣленными ему орга-«нами, весьма ограничено, и такъ какъ каждый народъ въ «кругу его дѣятельности, какъ бы онъ тѣсенъ ни былъ, «слишкомъ скоро истощаетъ этотъ запасъ, то и рано пола-«гаетъ онъ основу для всего будущаго богатства этаго рода. «Но какъ скоро бываетъ истощенъ и этатъ запасъ,—народъ ««не можетъ уже образовать ни одного новаго слова, но бу-детъ стараться послѣдующее богатство новыхъ понятій вы-«ражать какимъ нибудь другимъ образомъ» . . . .

§ 15-й.

Второй періодъ языка: образованіе его. Многосложность (Mehrsylbigkeit), какъ черта, характеризующая второй періодъ.

1. «Въ первомъ періодѣ языкъ представлялъ только массу «*односложныхъ* звуковъ и хотя эти звуки не были уже про-«стымъ сколкомъ звуковъ природы и замѣтнымъ уже обра-«зомъ восходили въ область сверхъчувственнаго (des Unsinn-«lichen), — но какъ представленіямъ языка, такъ и выраже-«нію ихъ (самымъ словамъ) недоставало еще *ясности, опре-«дѣленности* и *связи*. Изъ челнока сдѣлалась великолѣпная «ладья, но у нея не было еще веселъ и потому она съ тру-

«домъ плавала только у самыхъ береговъ. Подобно тому и «языкъ пробирался робкими шагами, держась видимаго міра, «едва осмѣливался упускать оный изъ виду и такимъ обра«зомъ все еще зависѣлъ отъ тона и тѣлодвиженій. При го«сподствѣ грубой *односложности* всѣ понятія представляли «безпорядочную, хаотическую совокупность. *Предметъ* дѣй«ствующій ни чѣмъ еще не отличался отъ самого *дѣйствія*,— «*существенное*, самостоятельное (Substantia) ни чѣмъ еще не «было отличаемо отъ *случайнаго*, свойство — отъ обстоятель«ства и отношенія. Однимъ словомъ, *части рѣчи* не были «еще отличены одна отъ другой; каждый корневой звукъ «былъ и существительнымъ именемъ, и глаголомъ, и прила«гательнымъ, — вообще, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ ему нужно было «быть. Конечно, люди смутно предчувствовали уже многое «и старались это выразить особыми звуками, — но все таки «выражали неясно, такъ, что цѣлая рѣчь или цѣлый языкъ «ихъ все еще состоялъ изъ простыхъ звуковъ, въ которыхъ «самыя замѣтныя представленія, часто даже одни ощущенія «были, такъ сказать, грубо и безсвязно сгруппированы одни «подлѣ другихъ; всѣ же болѣе утонченныя понятія и отно«шенія оставались безъ обозначенія. Съ такою грубою одно«сложностію рѣчи живутъ и до сихъ поръ еще цѣлые мил«ліоны людей въ Югозападной Азіи, не подозрѣвая того, «что языкъ ихъ способенъ къ большему образованію, къ «большему усовершенствованію. Какое темное побужденіе «(ибо сознательнаго, свободнаго движенія въ этомъ случаѣ, «какъ и во всякомъ другомъ фактѣ языка, и предполагать «нельзя) заставило другіе народы древняго міра сбросить «оковы *односложности*, разъяснять темныя представленія, «обозначать понятія все болѣе и болѣе ускользающія отъ «глазъ чувственности и сообщать языку, вмѣстѣ съ *много«сложностію*, ясность, точность, связность и благозвучіе— «этого, конечно, нельзя объяснить, потому что для того, дабы «найдти на живые, горячіе слѣды природы — время и мѣ«стность этого событія слишкомъ отдалены отъ насъ. До-

«вольно того, что теперь, кромѣ упомянутыхъ нами югоза-«падныхъ языковъ, всѣ языки свѣта — *многосложны,* и такъ «какъ эта многосложность основывается на большей ясности «и гибкости понятій, то всѣ эти языки чрезъ многослож-«ность проложили себѣ путь къ дальнѣйшему, безпрерывному «усовершенствованію. Китаецъ своею тугою, дебелою одно-«сложностію закрылъ для себя дорогу ко всякому дальнѣй-«шему образованію духа; но языкъ Гурона и Гренландца «имѣетъ въ себѣ все, чтобы возвыситься къ языку Платона «или Вольтера. И такъ безполезенъ споръ о преимуществѣ «одного языка предъ другимъ: всѣ они имѣютъ одинаковое «устроеніе, всѣ они образованы на одной основѣ; по этому «изъ каждаго изъ нихъ можетъ быть все, что только сдѣ-«лаютъ изъ нихъ время, обстоятельство и образованность».

2. «*Образованіе языка происходило по неяснымъ ощуще-«ніямъ.* Мы можемъ постигнуть догадкою только кое-какіе «моменты той постепенности въ образованіи языка, путемъ «которой слѣдовалъ человѣкъ, предоставленный самому себѣ, «восходя отъ одного момента къ другому, дальнѣйшему. «Само собою разумѣется, что все могло и должно было про-«исходить только мало по малу, по темнымъ ощущеніямъ «*необходимости* и *сообразности* (съ нормою?), и такъ какъ «для человѣка, развитаго при помощи вѣковаго человѣчнаго «образованія и съ раннихъ уже лѣтъ навыкшаго къ яснымъ, «отчетливымъ понятіямъ, не только трудно, но почти не-«возможно войти въ чувства и мысль дикаго сына природы «и преслѣдовать ихъ постепенныя движенія, — то мы, раз-«сматривая эту постепенность образованія языка во второмъ «періодѣ его, не находимъ достаточнаго основанія и причины «и для самыхъ незначительныхъ явленій онаго; мы должны «ограничиться, поэтому, въ большей части встрѣчаемыхъ «нами случаевъ, одними догадками; но даже и для догадокъ «часто не найдемъ никакихъ намековъ, которые облегчили «бы намъ оныя. И такъ, мы скажемъ только, что *основаніе*

«и *причина* всего того, что мы только могли замѣтить въ «языкѣ — *были уже даны;* потому, что то, что заставляло «подчиниться *одинаковой* нормѣ, *общеединому правилу* цѣлую «массу людей, вмѣстѣ живущихъ, одинаково чувствующихъ «и мыслящихъ, не могло быть *произвольнымъ*» (т. е. не было мнѣніе, прихоть, произволъ *одного* или *нѣсколькихъ* людей) «но должно было дѣйствовать одинаково, равномѣрно на «всѣхъ» (слѣд. должно было быть нѣчто *общее,* непреложное, нормальное ?). «Но, ежели мы принимаемъ за то, что «служило *началомъ* (Prinzip), *основою* при образованіи языка — «неясное ощущеніе какой то *общей* и *необходимой нормы,* «то съ другой стороны, находимъ совершенно безразсуднымъ «искать въ основѣ образованія языка отвлеченныхъ тонко- «стей ума и, вообще, на мѣсто натуральной философіи гру- «баго, но здраваго человѣческаго разсудка, которая выраба- «тывала языкъ — ставить систематическую, строго-послѣдо- «вательную философію, настоящую философію школы».

3. «*Моменты образованія языка.* Подробное ученое изслѣ- «дованіе *образованія* языка вообще и проистекающей отсюда «*многосложности* языка относится къ *философской* грамма- «тикѣ; примѣненіе же этихъ общихъ началъ къ историче- «скимъ, извѣстнымъ намъ, языкамъ, относится къ грамма- «тикѣ *всеобщей.* Здѣсь мы поименуемъ только главнѣйшіе мо- «менты образованія языка».

а) «*Различеніе частей рѣчи.* Однимъ изъ первыхъ шаговъ «въ образованіи языковъ человѣческихъ, конечно, было «стремленіе: грубыя, первоначальныя *ощущенія,* разъясненныя наконецъ до степени *представленій,* раздѣлить на та- «кіе классы, на какіе раздѣлила ихъ сама природа. Иное «было дѣйствующее существо (предметъ всего языкообразо- «ванія); иное — было то, что заключалось въ этомъ суще- «ствѣ; иное, опять — дѣйствіе самое, иное — образъ самого «дѣйствія (т. е. степень, качество его) и разнообразныя об-

«стоятельства онаго. Въ односложныхъ языкахъ все это лежало безъ порядка, одно съ другимъ. Одинъ и тотъже «звукъ былъ и существительнымъ и прилагательнымъ име«немъ, и глаголомъ и т. д. Что эти понятія были суще«ственно различны, это, конечно, скоро было замѣчено; «только не всегда легко было людямъ сдѣлать для себя «яснымъ это различіе, отмѣтить оное въ корневомъ звукѣ и «такимъ образомъ возвести этотъ звукъ на высшую степень, «на степень *слова*. Ежели была возможность уяснить себѣ «это различіе, то это дѣлали, перенося это ясное представ«леніе къ выраженію подобнаго же слышимаго представле«нія (*flieh, fluh, Flucht; reis, Reise, reisen*). Но очень часто «удерживали корневой звукъ безъ всякой перемѣны (*platz! «der Platz; bau, der Bau*). Такъ какъ всякое существитель«ное имя первоначально было и могло быть только именемъ «какого нибудь отдѣльнаго предмета; въ послѣдствіи же, «однако, должно было обозначать *всѣ* предметы того же «рода, то изъ *собственнаго* (¹) имени оно должно было сдѣ-

---

(¹) Чѣмъ доказывается дѣйствительность *собственныхъ* именъ? Развѣ тѣмъ только, что для насъ большая часть оныхъ непонятна, что мы никакъ не могли доискаться лексическаго ихъ состава, по незапамятной древности этихъ именъ и утратѣ *корней* или же по атомистической сокращенности тѣхъ словъ, которыя вошли въ составъ имени собственнаго и которыя, при разложеніи этаго состава, не окажутся даже *частицами*. *Донъ, Дунай, Днѣпръ, Днѣстръ*, напр. ясно обнаруживаютъ въ составѣ своемъ одинъ основной корень; но есть ли это глухой звукъ *дын* какъ думаетъ *Надеждинъ* (см. Записки Одесскаго общества Исторіи и Древностей 1845) или же *дон, дан?* мы не можемъ уже знать. Всѣ слова давались вещамъ по *признакамъ* существа или *дѣйствія*, слѣд. были *нарицательныя*, а не собственныя имена: ежели такія названія какъ *Богъ, мужъ, отецъ, земля*—значившія: *бывшій; узами* половыми или супружескими *соединенный;* въ утробѣ, въ нѣдрахъ *содержащій;* мать, *вмѣстилище влаги*,—суть названія нарицательныя,—то что сказать о другихъ?.... Правильнѣе было бы заключить, что изъ *нарицательнаго* или *родоваго* сдѣлано было *видовое* или *собственное*: Лексикологія можетъ это подтверждать; такъ названіе *отецъ*—по Вел. русскому выговору *атецъ* ('ater) означало *воду, воздухъ* и проч. и потомъ уже усвоилось

«латься именемъ *родовымъ* (Klassen-Nahme), или *нарица-* «*тельнымъ;* въ этомъ случаѣ нѣкоторые образователи языка «нашли лучшимъ обозначать это различіе именъ особымъ «словомъ: такимъ образомъ возникъ членъ (*le, la; der, die,* «*das* и проч.). Другіе же, не замѣчавшіе этихъ тонкостей, «не обратили на то вниманія и выбросили членъ изъ языка ([1])».

только человѣку и то одного только пола—мужескаго. Лучше бы, по крайней мѣрѣ, замѣнить здѣсь слово *собственное* словомъ: *опредѣленное,* а нарицательное—словомъ: *неопредѣленное.*

([1]) Появленіе члена служитъ новымъ опроверженіемъ психологической теоріи языка. Это появленіе имѣло причиною своею не *недостатокъ,* но напротивъ того—излишнее *обиліе* словъ, изъ которыхъ каждымъ особо обозначались *особы* какого нибудь класса предметовъ или же какого либо семейства животныхъ. Слѣды этого излишняго *обилія* словъ замѣтнѣе всего въ языкахъ дикихъ народовъ, въ которыхъ—какъ увидимъ ниже— а) есть многія слова, въ коихъ *implicite* содержатся цѣлыя фразы, предложенія; б) для разныхъ отношеній одной и той же вещи, выражаемыхъ у насъ падежами, т. е. измѣненіями одного и того же корня—употребляются разныя (особыя) слова; в) для выраженія разныхъ моментовъ дѣйствія употребляются *особые* глаголы. Можно указать на слѣды этого и въ языкахъ образованныхъ: стоитъ обратить вниманіе на *аномаліи* въ глаголахъ и существительныхъ. Въ Латинскомъ: *sum, eram, fui;* въ Нѣмецкомъ: *bin, war, gewesen, werden;* въ Славянскомъ *есмь* (Польск. *iestem,* cf. *essem,* Лат.), *быть,* (cf. Нмц. *bist*), *варяю* (Польс. *warować,* Мрс. *барйтись,* cf. Нмц. *war, werden*) *ожидаю*—кто не увидитъ здѣсь трехъ, четырехъ *особыхъ* глаголовъ существительныхъ, выражающихъ тончайшіе оттѣнки идеи бытія,—глаголовъ, уцѣлѣвшихъ только въ отрывкахъ, случайно сбереженныхъ при процессѣ *упрощенія?* Въ существительныхъ замѣчаемъ мы тоже: *волъ—корова. утка—селезень, мужъ—жена* или *женщина* и проч. Не служитъ ли это признакомъ того, что для каждой порознь *особы* были и особыя названія, данныя по признакамъ характеристическимъ; этихъ названій была бездна и память не могла удерживать. тогда стали удерживать названіе одной какой нибудь особы для названія особъ обоего пола и чтобы сдѣлать употребленіе онаго болѣе *простымъ,* удобнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понятнымъ, стали отличать оное *членомъ,* т. е. признакомъ половымъ или родовымъ, которымъ натура отличаетъ существа живыя. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, произошли: *le chien, la chienne,*—песъ, псица (въ книжн. яз. и въ нарѣч. Польс. Чешс. Виндск.; въ народномъ: *собака—сука*); *der Mensch, das Mensch* (мужчина—дѣвка); куръ—куря, *курица* (Цвпосл., въ народномъ языкѣ: *пѣтухъ, каплунъ— курица*); der Kater, die Katze (котъ—кошка); Польск. kaczor—kaczka (селезень—утка) и проч.

б) «*Сложность и сокращенность словъ.* Ближайшимъ средствомъ къ образованію языка было соединеніе двухъ понятій и словъ въ одно, частію для того, чтобы чрезъ это «самое составить, такъ сказать, третье понятіе (*Zusammensetzung*), частію же для того, чтобы совмѣстить въ одномъ «словѣ выраженіе не только главнаго понятія, но и извѣстныхъ отношеній онаго и другихъ второстепенныхъ или «смежныхъ съ нимъ понятій (*Zusammenziehung*). Въ этомъ «заключается основа всего словоизмѣненія и словопроизводства. Въ односложныхъ языкахъ слова, выражающія болѣе «замѣтныя отношенія и смежныя понятія, ставятся каждое «особо, одно подлѣ другаго (на болѣе тонкія не обращаютъ «вниманія); но при образованіи позднѣйшемъ языка эти второстепенныя слова соединяются въ одинъ составъ съ корнемъ главнаго слова (*Mann-es, Lieb-e, les-en, herr-lich*). При «неясности понятія, съ утратою цѣлости и самостоятельности звука или словца, вплетаемаго въ составъ главнаго «слова, скоро теряется также и первообразное понятіе, соединенное съ этимъ словомъ: отъ того позднѣйшіе языкоизслѣдователи принимаютъ всѣ эти сокращенныя слова за «произвольныя, безсмысленныя частицы».

«в) *Обозначеніе множественности. Образованіе числа множественнаго.* Предметъ дѣйствующій или страждущій т. е. «имя существительное, какъ называетъ его грамматика, былъ «или *единиченъ* или *множественъ:* въ послѣднемъ случаѣ необходимо было обозначить его *множественность.* Въ односложныхъ языкахъ это дѣлается или чрезъ повтореніе слова «(*дерево — дерево*) или чрезъ присоединеніе къ нему другихъ, «особыхъ словъ, выражающихъ идею множественности, какъ «то: *другой, много, болѣе* ([1]). Въ языкахъ же восходящихъ

([1]) Нельзя не сдѣлать здѣсь замѣчанія о слѣдахъ *опредѣленно-множественнаго* числа, сохранившихся въ языкѣ русскомъ, напр. *самъ другъ, самъ третей, пятъ, шестъ, и проч.* употребляются, говоря а) о картахъ одной масти, б) о зернахъ посѣва т. е. «одна карта съ другою, третьею и т. д. съ подобными и *кромѣ сихъ,* ничего болѣе»; два, три, пять зеренъ *ро-*

«на степень *многосложности* эти частицы присоединяютъ къ «составу самаго слова и такимъ образомъ происходитъ чи- «сло множественное. Утонченные умы (ибо и самый грубый «человѣческій умъ не чуждъ тонкостей)хотѣли еще отмѣ- «нить при томъ, что *два* не составляетъ ни *единицы*, ни *мно-* «*жества*; потому это обстоятельство во многихъ языкахъ

дившихъ на одно *посѣянное* зерно хлѣба. *Двои сани, трои дрожки, четверы лошади* (употребляются въ нарѣчіяхъ глубокой Руси вмѣсто: *двое саней, трое дрожекъ, четверо* или *четверка лошадей*) обозначаютъ, равнымъ образомъ, не множество предметовъ вообще, но количество опредѣленныхъ, извѣстныхъ, и притомъ *одинакихъ предметовъ*. Не даромъ и въ Грамматикѣ русской числительныя: *два, три, четыре* согласуются съ родительнымъ *единственнаго*, а не множественнаго числа; употребленіе единственнаго числа явно указываетъ на то, что этою формою первоначально обозначалась не множественность вообще, не безразличная масса, но множественность опредѣленная, множественность, составляющаяся изъ *единицъ* извѣстныхъ или изъ частей, такъ сказать, одной единицы,—т. е. *двойцы, тройцы, четверицы*. Эти *единичномножественныя числа* теперь утратили первоначальное свое значеніе и употребляются наравнѣ съ числомъ множественнымъ вообще, такъ точно, какъ двойственное число прежде употреблялось только о вещахъ *попарно* въ природѣ существующихъ, напр. *очи, уши, руки, ноги*—во очію, во ушію; руку̀, ногу̀ моею, т. е. въ *двухъ* очахъ, ушахъ *моихъ, его;* двухъ рукъ, ногъ моихъ, *его*; но потомъ тоже изчезло въ числѣ множественномъ и забыло свою первоначальную, характеристическую особенность. Ломоносовъ—единственный между нашими грамматистами *мыслящій* грамматистъ, признававшій *аномаліямъ* простонароднаго русскаго нарѣчія права, равныя съ правами *аналогій* нарѣчія образованнаго, обращалъ вниманіе на особенности древнихъ формъ нашего множественнаго числа, пояснивъ отъчасти, отъ чего говорятъ: *двое солдатъ, двое дѣтей* и отъ чего должно говорить: *два архіерея, два генерала;* въ первомъ случаѣ разумѣются люди нашаго званія, не составляющія *лицъ* или единицъ, предметовъ самостоятельныхъ; во второмъ—личности самостоятельныя. (см. Р. Грам. 1755. стр. 190). Съ своей стороны я укажу еще на одну разницу между *два* и *двое* въ выраженіяхъ напр. *онъ былъ женатъ на двухъ женахъ* (т. е. въ одно и тоже время, былъ *двоеженецъ*) и *онъ былъ женатъ на двоихъ женахъ* (сперва на одной а по смерти ея на другой). Всѣ эти примѣры приводятъ насъ къ заключеніямъ, противнымъ приведенному нами мнѣ-

«было отмѣчено особымъ словомъ, — для чего и употреблено «было числительное имя *два,* слитое съ самымъ составомъ «имени».

г) «*Склоненіе и спряженіе.* Подобнымъ же путемъ образовались и всѣ остальныя вѣтви словоизмѣненій, преимущественно же *склоненіе* и *спряженіе.* Склоненіе обозначало «тѣ отношенія самого имени, въ которыя дѣйствующій или «страждущій предметъ могъ быть поставленъ глаголомъ; эти «отношенія выражаемы были не пустыми звуками, но *слогами,* «часто даже цѣлыми словами (Laute) — которыя первоначально «имѣли *опредѣленное* хотя темное, *неясное* (¹) значеніе и которые «сохранили еще до сихъ поръ это значеніе въ языкахъ одно- «сложныхъ. Такъ какъ съ глаголомъ сопрягаются многоразличныя обстоятельства, какъ то: *время, лице,* наконецъ самый способъ или образъ, которымъ выражается идея глагола, то многіе народы, пришедши разъ къ образованію «языка при пособіи *сокращенія* или *сопряженія* (*Zusammenziehen),* были въ этомъ случаѣ, такъ сказать, *ненасытны* (²) «и навязывали преимущественно глаголу все то, чего они «не рѣшались навязывать другимъ частямъ рѣчи, напр. они

нію теоріи психологической: вѣроятнѣе можно предположить, что *обиліе формъ,* служившихъ къ обозначенію *числа* предметовъ, было *первоначальнымъ* свойствомъ языковъ, а устроеніе двухъ формъ онаго — *позднѣйшимъ* явленіемъ въ нихъ, нежели на оборотъ.

(¹) И здѣсь теорія впадаетъ въ видимое противорѣчіе: 1) какъ слогъ или слово можетъ имѣть *опредѣленное* и вмѣстѣ *темное* значеніе? 2) Ежели въ первомъ періодѣ существовали уже слова, выражавшія *элементы* или коренные *моменты* дѣйствія, то какъ же можно утверждать, что одинъ и тотъже корень выражалъ и дѣйствіе и предметъ дѣйствующій, и отношеніе, обстоятельство самого дѣйствія? Противорѣчіе явное!!

(²) Тщетно теорія этою плохою оговоркою силится изъяснить непостижимую тайну съ одной стороны излишней *полноты,* съ другой, чрезвычайной *аномальности* въ системѣ глаголовъ, представляемыхъ всѣми языками древняго и новаго міра.

«навязывали глаголу даже обстоятельство утвержденія и «отрицанія. Потому спряженіе во многихъ, даже еще не«образованныхъ языкахъ, чрезвычайно запутано и трудно; «напротивъ того, другіе сдѣлали оное чрезвычайно легкимъ «и простымъ, или совершенно опустивъ безъ вниманія мно«гія обстоятельства и отношенія дѣйствія, или же обозна«чивъ оныя особыми словами. Корень глагола, т. е. та часть «его, къ которой должны быть присоединяемы всѣ эти «второстепенныя представленія (*времени*, *лица* и пр.) по самому «существу дѣла, есть *наклоненіе повелительное*, потому что «въ большей части языковъ это наклоненіе имѣетъ видъ чи«стаго, односложнаго междометія, скопированнаго съ простаго «звука природы. Нельзя не узнать того въ Нѣмецкомъ, Гре«ческомъ, Еврейскомъ, часто даже въ Латинскомъ языкахъ; «и ежели въ Семитическихъ грамматикахъ корнемъ глагола «поставляется третье лице прошедшаго времени, то какъ бы «удачно ни было такое производство,—на это все таки дол«жно смотрѣть какъ на остатокъ Еврейскаго хитроумія, не «болѣе (1).

д) «*Повышеніе голоса на корневомъ слогѣ*. Въ односложныхъ «языкахъ каждое слово имѣетъ свой опредѣленный тонъ, «потому что оно имѣетъ свое опредѣленное и ясное значеніе. «Въ многосложныхъ словахъ одинъ только слогъ, собствен«но, имѣетъ этотъ тонъ; прочіе же имѣютъ или половину «тона или же не имѣютъ вовсе никакого. Во всѣхъ много«сложныхъ словахъ, за исключеніемъ словъ *составныхъ*, мно«госложность происходитъ или отъ *словоизмѣненія* (*Biegung*) «или отъ *словопроизводства*. Въ первомъ присоединяются къ «какому нибудь слову отношенія и обстоятельства, во вто-

---

(1) Неосновательно. Это Еврейское хитроуміе, признававшее *вокальные* элементы корнями словъ, есть такая же ученая гипотеза, какъ и теорія корней *консонантныхъ*; первая даже здравѣе и натуральнѣе послѣдней, сдѣлавшейся источникомъ всего зла въ языкознаніи сравнительномъ.

«ромъ же—смежныя или второстепенныя понятія. То слово «или тотъ слогъ, который принимаетъ въ себя эти прибавленія—называется *корнемъ* или *корневымъ слогомъ*. По существу самого дѣла казалось бы, что этотъ корневой слогъ, «такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ главное понятіе, на которомъ держатся всѣ прочія, долженъ быть отмѣченъ и по«вышеніемъ голоса, т. е. *удареніемъ* и слѣдовательно мы дол«жны бы находить это свойство во всѣхъ первообразныхъ «языкахъ; что въ смѣшенныхъ языкахъ, въ которыхъ строе«ніе словъ по большей части уже разрушено, это свойство «погибло—понятно всякому. По этому не зачѣмъ ожидать «намъ этого свойства ни въ Латинскомъ языкѣ, который «есть смѣсь Цельтскаго и Греческаго, ни въ сыновьяхъ Ла«тинскаго: Итальянскомъ, Испанскомъ, Французскомъ и т. д. «Нѣмецкій языкъ—безспорно, языкъ первобытный (?)—имѣетъ «это свойство и оно *господствуетъ даже въ немъ съ такою «повсемѣстностію и съ столь немногими исключеніями*, какъ ни «одно другое свойство. Напротивъ того, тоже свойство не «соблюдается во множествѣ другихъ языковъ, у которыхъ «нельзя однакоже оспаривать первобытности напр. въ язы«кахъ Семитическихъ и въ языкахъ: Греческомъ и Славян«скомъ. Въ большей ихъ части это происходитъ, конечно, отъ «образованія сихъ языковъ чрезъ словопроизводство, т. е. «накопляющіеся производственные слоги отодвигаютъ слиш«комъ далеко корневой слогъ отъ окончанія цѣлаго слова, «такъ, что онъ не можетъ господствовать удареніемъ своимъ «надъ цѣлымъ составомъ слова; удареніе въ такомъ случаѣ «по необходимости переходитъ на какой нибудь слогъ, смеж«ный съ слогомъ корневымъ; напр. въ словѣ: *libéllulus* кни«жечка, удареніе падаетъ на второй слогъ: *bel*, тогда какъ «собственно оно должно стоять на слогѣ *lib*. Тоже самое «бываетъ, кажется, и въ Греческомъ языкѣ; въ другихъ «же языкахъ тому могутъ быть другія причины.»

е «*Разность и сходство языковъ*. Этотъ способъ образова-

«нія языковъ чрезъ протяженіе корневыхъ слоговъ—въ суще-«ствующихъ теперь языкахъ царствуетъ въ необъятномъ раз-«нообразіи. Здѣсь можно подстерегать человѣческій умъ на «каждомъ шагу его дальнѣйшаго развитія. Въ языкахъ: «Малайскомъ, Монгольскомъ и Манджурскомъ, которые непо-«средственно соприкасаются съ односложными языками и, «вѣроятно, произошли отъ нихъ,это образованіе чрезъ слово-«производство является на самой низкой степени совершен-«ства; потому, что хотя *производство* и *составленіе словъ* есть «уже въ этихъ языкахъ, но *словоизмѣненіе* слишкомъ недо-«статочно, особенно же въ имени существительномъ. Подоб-«ное же можно сказать и о языкахъ западныхъ острововъ «южнаго океана и другихъ. Съ другой же стороны, опять, «грамматическое построеніе, не смотря на эту разность въ «языкахъ, и на огромное множество языковъ какъ суще-«ствующихъ теперь такъ и всѣхъ тѣхъ, которые когда либо «существовали — представляетъ такое сходство во всѣхъ «языкахъ, что мы легко убѣдимся въ томъ, что оно *не произ-«вольно*, но основано на особенномъ, всѣмъ вообще, даже самымъ «необразованнымъ людямъ, врожденномъ способѣ смотрѣть «на вещи. Таковы напр. число и родъ частей рѣчи, обра-«ботка имени существительнаго и глагола, понятіе о мѣсто-«именіяхъ и проч., которыя во всѣхъ почти языкахъ, начи-«ная отъ Аѳинъ до Пешереза *одинаковы*, какъ ни разнятся, «притомъ, всѣ они въ практическомъ ихъ примѣненіи».

Преимущество многосложности. «Образованію новыхъ «словъ при помощи *производства* и *составленія*, и новыхъ зна-«ченій чрезъ *перенесеніе* и *отвлеченіе* —съ *многосложностію* язы-«ковъ открывается необозримое, свободное поле и человѣческій «разумъ принужденъ наконецъ изумляться самому себѣ, — «какъ далеко онъ можетъ заходить въэтой безбрежной области. «Языкъ становится съ этой минуты не копированіемъ слы-«шимаго, даже не изображеніемъ мысленно слышимаго *(des «als hörbar gedachten)*, — но понятнымъ выраженіемъ всѣхъ

«нашихъ представленій и идей. Такимъ образомъ, изъ жал-«каго челнока сдѣлалась великолѣпная ладья и изъ нея сто-«пушечный корабль, который плаваетъ по необозримому «океану какъ доступнаго такъ и недоступнаго человѣчеству «вѣденія и подобно Александру сожалѣетъ о томъ, что нѣтъ «еще какихъ нибудь новыхъ міровъ для открытія».

И челнокъ все таки проглядываетъ изъ за корабля.

«Удивительно ли послѣ этого, что не одинъ философъ, во-«оружаясь этою творящею силою духа, мечталъ овладѣть «цѣлою областію *невидимаго?* Не худо въ такихъ случаяхъ «напомнить ему о жалкомъ челнокѣ, изъ котораго родился его «стопушечный корабль и который, не смотря на всѣ передѣлки «и украшенія, все таки проглядываетъ изъ за громоноснаго «корабля. Ибо, не говоря о томъ, что весь невидимый міръ «человѣка сколоченъ изъ обломковъ видимаго и есть ни что «иное какъ собственное его произведеніе, довольно указать «на то, что цѣлое построеніе языка, даже въ устахъ Цице-«рона и Ньютона, дышетъ необразованною чувственностію «грубаго человѣка природы. Этотъ человѣкъ, который въ «теченіе столѣтій, можетъ быть даже тысячелѣтій, мыслилъ «мало чѣмъ яснѣе нежели его собственное *я*,—этотъ чело-«вѣкъ судилъ обо всемъ, лежащемъ внѣ его, по тому же *я*. «Все было для него одушевлено, все жило, дѣйствовало, «мыслило. подобно ему самому. Вѣтеръ *бушуетъ*, солнце «*ходитъ*, громъ *ударяетъ*. Ѳалесъ, уже философъ, произво-«*дилъ* все таки притягательную силу янтаря отъ *живой души*, «заключающейся въ немъ. Даже, такъ какъ человѣкъ самъ «имѣетъ мужескій или женскій полъ, то и всякій предметъ «самостоятельный или же мыслимый имъ какъ предметъ са-«мостоятельный, является у него тоже мужескимъ или жен-«скимъ, смотря потому, есть ли онъ предметъ *дѣятельный* «или *страдательный*. Эти и подобныя симъ заблужденія, съ

10

«первымъ образованіемъ языка и разума такъ глубоко вкра-
«лись въ наше познаніе, что *теперь* мы ничего не можемъ
«себѣ представлять иначе и при всякомъ возможномъ отвле-
«ченіи все таки должны имѣть въ виду обманчивую, чув-
«ственную форму.»

§ 16-й.

Критика Аделунговой теоріи происхожденія языка.

Познакомившись съ Аделунговою теоріею происхожденія языка человѣческаго, мы должны теперь сдѣлать критическую повѣрку этой теоріи для того, чтобы видѣть, даетъ ли она намъ такіе результаты, которыми мы можемъ воспользоваться какъ истинами несомнѣнными и которые мы, обращая въ *положенія*, можемъ примѣнить къ постепенному образованію состава славянорусскаго языка, составляющаго главный предметъ нашего изученія. Для этой критической повѣрки мы должны прежде всего разложить всю Аделунгову теорію на составныя ея части, т. е. 1) привести ее къ нѣсколькимъ *основнымъ положеніямъ*, которыя хотя не высказаны ясно самымъ Авторомъ, но обнаруживаются сами собою изъ связи различныхъ частей его довольно фрагментарнаго и несистематическаго трактата; 2) получивъ *основныя положенія*, мы должны еще разъ сдѣлать разложеніе, т. е. поискать тѣхъ началъ (*principes*), на коихъ опираются эти положенія и обратить критическую повѣрку нашу преимущественно на испытаніе истинности этихъ началъ, т. е. на испытаніе общей, *логической* и особенной, *фактической* ихъ достовѣрности.

Аделунгова теорія можетъ быть приведена къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

I.) Языкъ или Слово человѣческое не есть достояніе *врожденное* человѣку, но *пріобрѣтенное* имъ; другими словами: авторомъ языка есть не Богъ, не природа, но *самъ человѣкъ.*

II.) Человѣкъ образовалъ свой языкъ *постепенно*, восходя отъ неудачныхъ, грубыхъ, безсознательныхъ попытокъ рѣчи къ правильному, логическому организму языка.

III.) Это постепенное образованіе языка имѣетъ какіе то предѣлы, на которыхъ останавливается творчество человѣка или далѣе которыхъ подвигаться оно не можетъ, потому, что умъ человѣчества, въ теперешнемъ даже его состояніи, при всей обширности его процесса въ области умозрѣнія, все таки не можетъ выходить изъ предѣловъ видимости или изъ формъ чувственнаго міра.

IV.) Первый историческій моментъ въ образованіи языка ограничивается *образованіемъ* безчленосоставныхъ звуковъ рѣчи, происходившимъ чрезъ подражаніе звукамъ природы (*Nachbildung des hörbaren*), при *непосредственномъ* пособіи перваго и главнаго фактора въ образованіи языка человѣческаго—*чувства слуха* и темныхъ неясныхъ *ощущеній* (*Empfindungen*).

V.) Второй моментъ въ образованіи языка состоитъ *въ преобразованіи* или разработкѣ и переработкѣ первыхъ элементарныхъ звуковъ человѣческой рѣчи или, собственно говоря, *значенія* этихъ звуковъ, чрезъ перенесеніе ихъ къ предметамъ соприкосновеннымъ или *смежнымъ* (хотя бы они были и несходны) и *сходнымъ* съ тѣми предметами, которые первоначально были обозначены этими элементарными звуками. Это преобразованіе звуковъ элементарныхъ происходило при пособіи новаго, втораго фактора: чувства *зрѣнія*, но пособіи *посредственномъ*, состоявшемъ только въ перенесеніи *слышимаго* на *видимое*, слѣд. не въ изображеніи *види-*

маго, но слышимаго же, только подъ формою видимости. Здѣсь языкъ есть *Ausdruck des als hörbar gedachten*. Вторымъ участникомъ въ образованіи языка является здѣсь разсудокъ или, лучше сказать, *инстинктъ разсудка* съ его первыми, неясными, не вполнѣ развитыми *понятіями* (*dunkele Begriffen*) и способностію *отвлеченія* (*Abstraction*). Оба первые моменты представляютъ, въ совокупности ихъ, первый періодъ образованіи языка—образованіе его *матеріальное*, лексическое или образованіе *матеріи* языка (корней); характеристическою чертою этого первоначальнаго состоянія языка есть *односложность* (*Einsylbigkeit*)

VI.) Третій моментъ въ образованіи языка состоялъ во второмъ и послѣднемъ, окончательномъ преобразованіи элементарныхъ звуковъ человѣческой рѣчи, т. е. въ *логическомъ* ихъ систематизированіи (распредѣленіи по частямъ рѣчи) и образованіи формъ *этимологическихъ* (словоизмѣненій): то и другое происходило такъже при руководствѣ темныхъ, неясныхъ ощущеній *необходимости и сообразности*, при которыхъ образована была и *матерія* языка. Это второй періодъ въ образованіи языка—образованіе его *формальное* или грамматическое; характеристическою чертою этаго періода во всѣхъ языкахъ человѣческихъ—есть *многосложность* (*Mehrsylbigkeit*).

Всматриваясь въ эти основныя положенія, мы находимъ, что они двоякаго рода: первыя три суть положенія *общія*, философскія и выведены *синтетически*, *a-priori*; послѣднія же три суть положенія или, лучше сказать, данныя *фактическія* и выведены *аналитически*, *a-posteriori*. Но какъ тѣ такъ и другія не представляютъ надлежащаго соотвѣтствія съ общими логическими законами истины и не оправдываются фактами опыта, т. е. исторіею языковъ человѣческихъ.—Раскроемъ эти противорѣчія основныхъ положеній психологической теоріи языка съ общими логическими началами, которыя предполагаются въ основаніи всякой научной теоріи

вообще. Первыя три положенія представляютъ явныя противорѣчія съ логическимъ закономъ *тождества* и хотя не чужды *основанія*, но не имѣютъ однакоже *основанія* достаточнаго (*ratio sufficiens*), какого требуетъ логика. Послѣднее можно сей часъ увидѣть. «Языкъ или Слово не есть даръ, *врожденный* человѣку но достояніе, *пріобрѣтенное* имъ и потому» заключаетъ теорія «принадлежащее самому человѣку, какъ изобрѣтателю, «творцу или автору языка.» На чемъ же основано положеніе, что языкъ не врожденъ человѣку? На томъ, что онъ не былъ врожденъ *первому сыну природы*, первому человѣку— такъ точно какъ онъ не врожденъ теперь ни одному человѣку, слѣд. на общей эмпирической аналогіи, свидѣтельствующей, что большая часть способностей или, лучше сказать, *свойствъ* физической и духовной природы не врождены человѣку, но въ послѣдствіи времени *пріобрѣтаются* имъ: человѣкъ не родится *говорящимъ* такъ точно, какъ не родится онъ *ходящимъ, мыслящимъ* и проч. Противъ этого положенія мы можемъ замѣтить слѣдующее: 1) *наведеніе* (*inductio*) отъ *нынѣшняго* человѣка *къ первому сыну природы* и вмѣстѣ съ тѣмъ къ первоначальному состоянію народа, образовывавшаго себѣ языкъ — было бы вѣрно только тогда, когда бы мы могли съ достаточною достовѣрностію принять теперешняго человѣка за *норму* человѣка вообще, слѣд. и явленія физической и духовной природы нынѣшняго человѣка (позднее и постепенное развитіе ума, Слова и т. д.) могли бы принять за *явленія нормальныя*, слѣд. одинаковыя во всѣхъ людяхъ безъ исключенія. Но первыхъ людей *нѣтъ*, а такъ какъ норма въ строгомъ смыслѣ этого слова предполагаетъ сличеніе образа съ *первообразомъ* или того, что *бываетъ* или что *можетъ быть* съ тѣмъ что *всегда есть*, слѣд., что *должно быть* то мы, имѣя только тѣ явленія языка, которыя теперь *есть*, но не имѣя тѣхъ, которыя *прежде были*, не можемъ никакъ считать *неврожденность* языка въ теперешнемъ человѣкѣ первообразнымъ, нормальнымъ свойствомъ человѣчества вообще. 2) Обративъ это зыбкое предположеніе

въ положеніе (*Satz*) и потомъ возведши оное на степень *осново-положенія* (*Grundsatz*), не требующаго никакихъ доказательствъ, ([1]) психологическая теорія, продолжая невѣрное свое наведеніе (отъ происхожденія языка въ *теперешнемъ* человѣкѣ къ происхожденію его въ *первомъ* человѣчествѣ), приходитъ къ такимъ заключеніямъ, которыя никакъ не содержались въ большой посылкѣ, слѣд. выходятъ уже за предѣлы общаго положенія, отвлеченнаго отъ опыта надъ теперешнимъ началомъ языка. «Языкъ не врожденъ человѣку, потому что теперь ни одно существо человѣческое не родится говорящимъ»! Хорошо: но откуда берется языкъ? Дѣти *не изобрѣтаютъ* языка, ([2]) но выучиваются ему у родителей или воспитателей своихъ, слѣд усвоиваютъ только, *пріобрѣтаютъ языкъ уже готовый;* и такъ, все что только мы можемъ логически вывести изъ перваго положенія, отвлеченнаго *a-posteriori*, должно ограничиться тѣмъ, что «языкъ «человѣка есть достояніе, *пріобрѣтаемое* имъ отъ другихъ «людей, имѣющихъ уже языкъ готовый, языкъ *вполнѣ уже* «*образованный.*» Теорія, заключая логически отъ этой посылки, должна была бы заключить такъ: «ежели образо«ваніе языка въ теперешнемъ человѣчествѣ, по всей справед-

---

([1]) «Das ist ein Satz, der sich bey ein wenig Nachdenken von selbst als ein «Grundsatz darstellet und keines weitern Beweises bedarf.» *Adelung's* Mithrid. I. III.

([2]) Опытъ, будто бы сдѣланный какими-то натуралистами надъ двумя младенцами: мальчикомъ и дѣвочкой, которые тотчасъ послѣ рожденія ихъ были воспитываемы въ заточеніи, внѣ людей и будто, со временемъ, начали *говорить* (иные утверждали что даже по Еврейски или, по крайней мѣрѣ, на языкѣ, сходномъ съ Еврейскимъ) — есть пуфъ, пущенный въ ходъ досужими головами фантазеровъ прошедшаго вѣка. Ученый *Фатеръ*, философская грамматика котораго полна еще бредомъ фантазеровъ, выводившихъ всячески *изобрѣтеніе* языка человѣческаго, превосходно доказываетъ невозможность наблюденія и невозможность полученія точныхъ результатовъ, по которымъ можно было бы заключать о первомъ *началѣ* слова человѣческаго, при помощи этаго нелѣпаго и безчеловѣчнаго опыта надъ *человѣкомъ* теперешнимъ. См. *Versuch einer allgem. Sprachlehre, von I. S. Vater, Halle, 1807. s. 34—36.*

«ливости, должно принять за *норму* и ежели теперешнее человѣчество не раждается съ Словомъ, но только усвоиваетъ «себѣ языкъ уже готовый, то и прежнее человѣчество не «родилось съ Словомъ, но усвоивало только себѣ языкъ уже «готовый, *данный.*» И такъ языкъ человѣческій *былъ уже данъ* до того времени еще, когда человѣкъ началъ его себѣ усвоивать, слѣд. и авторомъ языка *не есть человѣкъ.* Между тѣмъ теорія утверждаетъ, что человѣкъ именно *изобрѣлъ* себѣ языкъ, что человѣкъ именно есть авторъ языка; но развѣ логично такое заключеніе: «теперешній человѣкъ *пріобрѣтаетъ* языкъ чрезъ подражаніе *людямъ* говорящимъ; слѣд. первый человѣкъ *изобрѣлъ* языкъ чрезъ подражаніе звукамъ природы»....? *Первое положеніе эмпирической теоріи не имѣетъ логическаго основанія и логической послѣдовательности.* Оно не имѣетъ *и логическаго тождества,* потому, что представляетъ на каждомъ шагу противорѣчія съ самимъ собою. Такъ какъ эти противорѣчія обнаруживаются преимущественно въ трехъ *фактическихъ* данныхъ, кои суть ни что иное какъ результаты или выводы, сдѣланные изъ положенія общаго,—то мы и будемъ разсматривать общее положеніе въ связи съ фактическими его примѣненіями: противорѣчія перваго, какъ *причины,* тѣмъ легче будетъ намъ слѣдить въ послѣднихъ, какъ ея *слѣдствіяхъ.* Начнемъ однакоже съ критической повѣрки общаго положенія. «*Языкъ обязанъ своимъ началомъ, происхожденіемъ (Ursprung) самому человѣку, слѣд. изобрѣтателемъ, творцемъ, авторомъ языка есть человѣкъ,*» (а не Богъ и природа — должно прибавить къ тому, держась строго точности, опредѣленности логическаго основоположенія). Первый недостатокъ этого положенія, разсматриваемаго по отношенію къ его тождеству, т. е. согласію его предикатовъ *съ подлежащимъ,* — есть неопредѣленность этого подлежащаго, неопредѣленность главнаго понятія, которымъ выражается первое начало языка и слѣд. актъ человѣческой природы, бывшій причиною какъ этого перваго начала языка, такъ и дальнѣйшаго образованія Слова.

Теорія разъ употребляетъ слова: *Ursprung der Sprache*, *Entstehung der Sprache* (¹) — происхожденіе языка, возникновеніе языка; въ другой разъ — выраженія: *Bildung der Sprache, Sprachbildung, Ausbildung der Sprache* (²) — образованіе языка, развитіе, разработка языка. Въ самыхъ этихъ названіяхъ заключается уже противорѣчіе основному положенію теоріи: «изобрѣтателемъ, авторомъ языка есть человѣкъ». Въ названіяхъ: *происхожденіе*, *возникновеніе* — скрывается уже положеніе: языкъ *произошелъ, возникъ,* положеніе, которое прямо указываетъ на *начало* языка независимое отъ дѣятельности человѣка, на начало языка въ природѣ и которымъ вовсе не указывается на авторство человѣка, на то, что *онъ* изобрѣлъ себѣ языкъ; (³) въ названіяхъ: *образованіе, разработка, развитіе* языка, равнымъ образомъ, скрывается положеніе: человѣкъ образовалъ, развилъ языкъ,— положеніе, которое ясно указываетъ на то, что *вещество*, которому человѣкъ далъ *образъ*, или *зародышъ*, который былъ имъ развитъ, слѣд. *элементарное* языка *было уже дано* и что человѣкъ, поэтому, не изобрѣлъ языка, не былъ творцемъ его. Мы вдаемся въ эти тонкости словозначеній для того,

---

(¹) *Ursprung*—1. Der erste Anfang, das Entstehen, Entspringen eines Dinges, und die Art und Weise wie es entsteht. 2. Die wirkende Ursache eines Dinges. (*I. Chr. Adelung*. Wörterb. der Hochdeutsch. Mundart, Wienn, 1808).

(²) *Bilden*—(von Bild— Gestalt) 1. einem Körper seine äuszere Gestalt geben, 2. mit Ertheilung der äuszeren Gestalt verfertigen. (*Adelung*, ibid.).

(³) Для выраженія начала вещей во всѣхъ языкахъ человѣческихъ есть только два рода глаголовъ: 1) *глаголы существительные*, выражающіе первообразное начало, возникновеніе вещи изъ нѣдръ природы, изъ состоянія безсознательнаго (случайнаго),—по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстнаго съ точностію, таковы: *происходитъ*, *возникаетъ; entsteht, entspringt; fit, gignitur, nascitur, oritur* и проч.; 2) *глаголы дѣйствительные*, выражающіе начало вторичное, *извѣстное* намъ и указывающіе обстоятельно на автора, время и самый способъ начала вещи: таковъ отвлеченный глаголъ *дѣлать* съ безконечными его оттѣнками. Для выраженія единаго начала (отъ Бога) есть третій родъ глаголовъ: *создавать, творить* и проч.

чтобы выяснить себѣ *идею,* на которой должна опираться вся наша критическая повѣрка; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы тутъ же находимъ, что природа языка (въ этихъ словахъ) сама уже вопіетъ противъ несправедливости святотатца, похищающаго у нея то, что не принадлежитъ ему и обличаетъ *его собственными же его* словами въ неправдѣ. (¹) При какомъ же понятіи мы останемся или, лучше сказать, какое понятіе должны мы принять за основаніе для того, чтобы постулятами, выводимыми изъ этого понятія повѣрить: соотвѣтствуетъ ли съ этими постулятами (требованіями, условіями) постепенное развитіе языка, изображаемое теоріею психологическою? Примемъ ли за основаніе понятіе *творчества* или же понятіе *образовательной дѣятельности?* Теорія допускаетъ оба эти понятія, но, между тѣмъ, трудно принять какое-нибудь изъ нихъ за основаніе самой теоріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, критической ея повѣрки. Трудно принять первое, потому, что понятіе *творчества* находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ *постепеннымъ* образованіемъ языка, которое представляетъ намъ теорія. Твореніе предполагаетъ или возникновеніе вещи *изъ ничего,* въ одно мгновеніе, ежели мы составимъ себѣ понятіе о немъ по словамъ Св. Писанія, или же (если мы будемъ судить объ этомъ актѣ по аналогіи возникновенія на свѣтъ животныхъ)—*совокупное* образованіе *матеріи, формы* и органической *сущности,* появленіе оной въ видѣ *единаго цѣлаго.* И такъ, ежели какъ творчество *божественное,* такъ и творчество *натуры* представляютъ собою актъ, чуждый *очевидной* періодической постепенности, совершающійся, такъ сказать, въ *нераздѣльный* моментъ времени, то языкъ не могъ быть изобрѣтенъ человѣкомъ, ибо работа человѣка происходила мало по малу, постепенно и притомъ въ *опредѣленномъ* періодическомъ по-

---

(¹) Что въ языкахъ человѣческихъ нѣтъ слова, которымъ можно было бы выразить *творческій актъ самаго человѣка,*— это мы покажемъ въ послѣдствіи времени, въ анализѣ корней славяно-русскаго языка.

чества. (¹) Во вторыхъ—изображаемое теоріею развитіе или постепенное образованіе языка вовсе не представляетъ той разумной послѣдовательности, безъ которой нельзя и мыслить акта творческаго: онъ, какъ мы уже выше видѣли, предполагаетъ 1) три необходимыя данныя: *матерію* творимаго, *форму* его и *душу*, или живую индивидуальную сущность; 2) совокупную или совмѣстную дѣятельность этихъ трехъ факторовъ, образующихъ нераздѣльное, живое *цѣлое* (твореніе). Но эти три фактора могутъ составить нераздѣльное цѣлое только тогда, когда творящій субъектъ прежде самого творенія будетъ имѣть *идею* этого цѣлаго, т. е. когда онъ *обдумаетъ* сперва планъ этого цѣлаго, взаимное соотношеніе частей и составитъ себѣ идеальную норму или первообразъ, по которому будетъ творить. Ежели человѣкъ именно творилъ языкъ,—то въ человѣкѣ должно прежде всего предполагать 1) идеальную норму цѣлаго языка — синтезъ всѣхъ элементарныхъ частей онаго, 2) совокупное дѣйствіе факторовъ, участвующихъ въ образованіи языка; 3) логически стройное и правильное развитіе этой нормы или плана языка, обнаруживающее вездѣ связь между причиною и дѣйствіемъ, *основаніемъ* и *цѣлью*. Но постепенное творчество *языка*, изображаемое теоріею психологическою, не представляетъ ни всѣхъ факторовъ или *данныхъ*, необходимыхъ для акта творческаго, ни гармонической ихъ дѣятельности ни, наконецъ, логической послѣдовательности въ самомъ процессѣ образованія языка. Въ организмѣ языка, какъ и во всякомъ организмѣ вообще, три стороны: *матерія* языка—корни, элементарные звуки, *формы* языка—словозначенія и словоизмѣненія, *душа* языка—идеи, выражаемыя языкомъ или, лучше сказать, систематическое цѣлое языка. Теорія психологическая полагаетъ въ основу постепеннаго образованія языка

(¹) Есть только *воспроизведеніе* или *образованіе* чего-либо изъ *даннаго* вещества и по *данному* типу (формѣ) напр. произведеніе половыми индивидумами животныхъ другихъ животныхъ, имъ подобныхъ.

только два первыя условія: *матерію* языка — первые звуки, образованные чрезъ подражаніе природѣ, и *формы* — разнообразныя значенія этихъ звуковъ, сообщенныя послѣднимъ чрезъ перенесеніе, метафоризмъ (но безъ измѣненія еще самыхъ звуковъ). Души языка — самаго главнаго, кореннаго основанія, теорія не принимаетъ; она приписываетъ первому человѣку одни неясныя безсознательныя *ощущенія* и *представленія*, слѣд. только элементарныя частички идей, не допуская въ первоначальномъ состояніи человѣка разсудка нормальнаго, развитаго, содержащаго въ себѣ *цѣлое* или синтезъ тѣхъ понятій, которыя ему нужно будетъ потомъ выразить въ словахъ языка. Отъ этаго значительнаго промежутка въ матеріалахъ для образованія языка проистекаетъ съ одной стороны недостатокъ гармоніи въ дѣятельности факторовъ, образующихъ языкъ, съ другой стороны — недостатокъ послѣдовательности въ окончательномъ образованіи или развитіи языка. Теорія даетъ человѣку два главные фактора: *органъ слуха* — какъ главный, первостепенный, и *органъ зрѣнія*, какъ вспомогательный. Здѣсь теорія дѣлаетъ двѣ весьма важныя ошибки: она 1) признаетъ чувство слуха болѣе совершеннымъ нежели чувство зрѣнія и даетъ ему первую и главную роль въ образованіи языка; 2) она предполагаетъ отдѣльную, разрозненную дѣятельность этихъ факторовъ, такъ, что въ первомъ моментѣ исторіи языка — образованіи *матеріи* его, учавствуетъ исключительно *слухъ*, во второмъ моментѣ—образованіи *формъ*—учавствуетъ исключительно *зрѣніе*. Предполагая въ человѣкѣ-животномъ способность «воспринимать сознательно впечатлѣнія тѣлеснаго міра и «совокуплять признаки оныхъ (¹)» теорія, вмѣстѣ съ тѣмъ должна предполагать также а) *свободное* дѣйствіе силы представленія или воображенія,—которое человѣкъ могъ бы по своей волѣ обращать на предметы, имъ видѣнные, останавливать тамъ, гдѣ нужно и проч.,—иначе, память его была бы пестрымъ

(¹) Noch mehr als Thier, ward ihm auch das Vermögen, die Eindrücke der

калейдоскопомъ, грудою яркихъ образовъ; а при этомъ невозможно никакое представленіе, т. е. образъ вещи, *отдѣльный* отъ другихъ образовъ; б) *дѣйствіе мысли* — сличающей и различающей, слѣд. операція *отвлеченія* (*Abstraction*): ибо *совокуплять признаки* человѣкъ можетъ только тогда, когда есть уже у него признаки *сходные*, а признаки сходные могли быть у него тогда только, когда онъ отобралъ оные отъ признаковъ различныхъ съ ними, *несходныхъ*; в) дѣятельность *разсудка* или категоріи, общія идеи разсудка (напр. идеи лица, вещества, вещи, страданія и проч.)—безъ которыхъ невозможно никакое совокупленіе признаковъ *въ одно цѣлое*. Иначе,—*птица*, *жукъ* и проч. будутъ названы однимъ словомъ: *летающее*; человѣкъ, звѣрь, растѣніе — *воздушное* или *дышущее* и проч. Для этакой сложной дѣятельности разсудка, предполагающей нераздѣльную, единовременную работу трехъ силъ души: *воображенія, мысли и разсудка*,— теорія назначаетъ только два фактора и при томъ еще дѣйствующіе порознь другъ отъ друга!! Здравому смыслу каждаго человѣка ясно, что *зрѣніе* должно дѣйствовать *прежде всего:* ибо можемъ ли мы *представить* себѣ что-нибудь, *невидя* напередъ предмета? Ясно также, что зрѣніе *болѣе* всего помогаетъ составленію представленій: ибо лучше можно отличить одинъ предметъ отъ другаго по его *формѣ, цвѣту*, по его *движенію*, нежели по *звуку*, служащему неяснымъ, отвлеченнымъ признакомъ *дѣйствія* предметовъ (и то по большей части *приближенныхъ* къ человѣку), признакомъ, въ которомъ характеристическая особенность предметовъ иногда совершенно исчезаетъ, иногда же вовсе не обнаруживается, напр. въ предметахъ *покоющихся*, или по природѣ беззвучныхъ или же отдаленныхъ отъ слуха и только видимыхъ глазу. Какъ же можно утверждать, что «зрѣніе есть чув-

---

Körperwelt auszer ihm mit Bewusstseyn aufzufassen, sich Merkmale davon zu sammeln. *Adel*. I. IV.

«ство недостаточное и несовершенное, ибо очеркъ, цвѣтъ и «движеніе предметовъ, воспринимаемыя имъ, остаются тѣмъ «же, т. е. очеркомъ, цвѣтомъ и проч. и не ведутъ ни къ «чему дальнѣйшему; что при участіи зрѣнія міръ внѣшній «остался бы для человѣка міромъ глухонѣмаго, что чело-«вѣкъ никогда бы не вышелъ изъ предѣловъ грубой чув-«ственности, — ежели бы не было у него другаго чувства, «*болѣе* и *быстрѣе* воспринимающаго, *глубже* впечатлѣваю-«щагося въ памяти (?)» — однимъ словомъ, чувства слуха? — (¹) Какъ можно, при самомъ слабомъ познаніи въ психологіи, утверждать, что «предъ первороднымъ сыномъ времени, «который все видитъ, слышитъ и чувствуетъ смѣшанно, — «впечатлѣнія мчались бы, не оставляя по себѣ никакого слѣда, «какъ отраженіе образа въ зеркалѣ воды, если бы не было воз-«можности удерживать этихъ представленій *посредствомъ* «*звука?* (²)» Не странно ли думать, что человѣкъ, видя въ первый разъ *свѣтъ*, *розу*, не могъ ихъ удержать въ памяти просто, безъ всякаго особеннаго слышимаго признака, подобно тому какъ разъ видѣнное удерживаетъ онъ и теперь, какъ удерживаетъ памятью не только онъ, но и младенецъ, узнающій вещь, разъ ему показанную или лице, разъ, два имъ видѣнное; какъ удерживаютъ наконецъ даже собака, лошадь и другія животныя, припоминающія вещи безъ пособія звука? Не странно ли думать, что человѣкъ не могъ удерживать и возобновлять образовъ вещей, имъ видѣнныхъ, прежде нежели не придумалъ для нихъ какіе-то безмыслен-

---

(¹) Adel. I. IV. V.

(²) Мексиканцы посредствомъ ли *звука* удерживали память государственныхъ событій, обходясь, при недостаткѣ письменъ, *квиппосами* (шелковыми снурками)? — А дикіе островитяне, увидѣвшіе въ первый разъ Испанскій корабль, не посредствомъ ли *образа* удержали представленіе объ этомъ диковинномъ для нихъ предметѣ, *выкрасивъ* прибрежный тростникъ, сдѣлавъ уродливое подобіе корабля съ парусами и мачтами? — (см. *Глаголева*, Умозрит. и Опыт. Основ. Слов. Ч. I.).

ные, ничего опредѣленнаго не означающіе звуки? [1] И изъ этихъ-то звуковъ возникла *матерія* языка, которую образовало во всемъ ея объемѣ *чувство слуха*, ничего *не видѣвшее* и которую преобразовало или разработало только *чувство зрѣнія*, ничего *не могшее слышать?* Какъ же могли уладить это дѣло два фактора, работавшіе порознь другъ отъ друга, слѣд. принявшіеся за дѣло не уговорившись, не условившись между собою, не обдумавши напередъ, что они хотятъ сдѣлать? Что это за языкъ—*als Nachbildung des hörbaren, изображеніе слышимаго*? Въ массѣ его, которая была уже окончательно образована, такъ, что человѣкъ не прибавлялъ уже ничего,—должны были, по словамъ теоріи, содержаться *всѣ* [2] коренные звуки, служащіе достаточнымъ выраженіемъ *всѣхъ* понятій человѣчества, не только тѣхъ, которыя оно теперь имѣетъ, но и тѣхъ, какія оно пріобрѣтетъ во всѣ послѣдующіе вѣка; звуки были взяты отъ предметовъ, были сколкомъ звуковъ природы слѣд. всѣ элементарные предметы природы, вошедшіе въ эти звуки, были звучащіе, слышимые? Ясно, что языкъ, какъ совокупность *всѣхъ* знаковъ для представленій элементарныхъ и языкъ, какъ совокупность однихъ *слышимыхъ* знаковъ,—есть противорѣчіе! Но это еще ничего: что̀ сказать о перенесеніи *слышимаго* на *видимое*, что сказать о понятіи: *Spruche, als Ausdruck des als hörbar gedachten, языкъ, какъ выраженіе мыслимаго, какъ слышимое*, т. е. какъ выраженіе того, что мы мыслили, но представляя себѣ въ

---

(1) *Blitz, platz!* и тому подобныя междометія служили символомъ молніи, сверкнувшей въ воздухѣ или тѣла упавшаго на плоское мѣсто; спрашивается, что именно означали они? Молнію, сверканіе, воздухъ? тѣло, плоскость, паденіе? это остается неизвѣстнымъ.

(2) Die verschiedenen Wurzellauten der Sprachen, in allen Sprachen, von dem Ganges bis zum Lorenz-Flusse in jeder hinreichen müssen—die unermessliche Menge Begriffe, welche das menschliche Geschlecht nicht allein hat, sondern auch in allen künftigen Weltaltern noch erwerben kann,—auszudrucken. *Adel.* I. XVI.

тоже время, что мы это мыслимое слышали?... Это явная безсмыслица!... Матерія языка дана — какъ бы то уже ни было; теперь, человѣку остается только 1) привести въ порядокъ, разсортировать массу словъ по разрядамъ или частямъ рѣчи; 2) образовать словоизмѣненія (склоненія, спряженія и проч.). Для перваго необходимъ вполнѣ развитый разсудокъ, имѣющій понятія о *лицѣ, предметѣ, дѣйствіи, качествѣ* и проч., на коихъ основывается образованіе частей рѣчи: глагола, мѣстоименія и др. Для втораго необходимо нѣчто гораздо большее. Но развитаго разсудка въ человѣкѣ психологическая теорія не предполагаетъ, не смотря на *способность воспринимать впечатлѣнія и совокуплять признаки,* съ которою она застаетъ уже перваго человѣка и которая есть ни что иное какъ разсудокъ (см. выше, стр. 120, 158); она не предполагаетъ этого развитаго состоянія разсудка даже во второмъ періодѣ образованія языка (*Ausbildung*), потому что оно происходило по *неяснымъ ощущеніямъ* (*nach dunkeln Gefühlen*). Спрашивается: какъ же человѣкъ могъ раздѣлить массу словъ на роды или разряды словъ, выражающіе *субстанцію* или существо дѣйствующее, *дѣйствіе, качество* и отдѣлить, отличить каждый изъ этихъ разрядовъ, которые были прежде смѣшаны хаотически, когда онъ, кромѣ своихъ *dunkle Gefühle*, не имѣлъ логическихъ идей: *субстанціи дѣйствія* и проч. ? Опять явное противорѣчіе закону достаточнаго основанія и логической послѣдовательности: окончательное образованіе языка не только не имѣетъ *причины* удовлетворительной, но даже объясняется такою причиною, изъ которой никакъ не можетъ и не должно оно слѣдовать!— Теорія, чувствуя свою нелогичность, принуждена была прикрыть ее оговоркою: «человѣкъ раздѣлилъ слова на такіе «разряды, на какіе раздѣлила ихъ сама природа.» Но а) въ природѣ нѣтъ такого полнаго и систематическаго раздѣленія, какое дѣлаетъ человѣкъ только при помощи понятія о личности мыслящей, о *я:* въ ней субстанція не отдѣлена отъ свойства, качества, дѣйствія; въ ней нѣтъ *числа*, есть только

одинъ, одинъ и т. д. ([1]); б) ежели человѣкъ совершилъ и окончательное образованіе языка чрезъ подражаніе природѣ, то это будетъ, опять, противорѣчіемъ основному положенію теоріи: «авторомъ языка есть человѣкъ» и слѣд. новымъ противорѣчіемъ закону тождества. Отъ чего же психологическая теорія для избѣжанія этихъ логическихъ противорѣчій, не приняла въ основаніе образованія языка—разсудка *вполнѣ развитаго* въ человѣкѣ? Отъ того, что принятіе такого разсудка свело бы всю постепенность образованія языка къ нулю. Предположимъ ли, что человѣкъ имѣлъ одну только идею—Я, логически развитую, то должны будемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, допустить, что онъ имѣлъ уже и весь низшій рядъ идей второстепенныхъ, на которыя онъ разложилъ массу предметовъ внѣшняго міра. ([2]) Предположимъ ли, что человѣкъ имѣлъ *многія* идеи (понятія), то должны будемъ принять, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ имѣлъ уже и весь высшій рядъ идей болѣе простыхъ, отвлеченныхъ, которыя, опираясь одна на другой, завершаются высочайшею идеею — *субстанціи*, личности мыслящей, *Я*. Однимъ словомъ, чуть только примемъ мы, что въ человѣкѣ — прежде нежели онъ началъ образовывать себѣ Слово — разсудокъ былъ уже развитъ или даже только *былъ* въ дѣйствіи, то должны будемъ уже принять, что все цѣлое понятій, выразившихся въ цѣломъ языка—*было уже дано*; а ежели было дано цѣлое понятій, то за чѣмъ же было человѣку идти въ изобрѣтеніи звуковъ, долженствующихъ выражать эти понятія, такимъ труднымъ, медленнымъ, противуестественнымъ путемъ: за чѣмъ было идти ему мало по малу, на ослѣпъ, отъ *конца* (*dunkle Gefühle*)

([1]) См. остроумное замѣчаніе о томъ въ статьѣ Профессора *Новицкаго:* объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи въ практическомъ и теоретическомъ отношеніи, Кіевъ 1837 г.

([2]) Потому что въ идеѣ *я* заключается уже идея *субстанціи,* которая можетъ быть сознана только чрезъ противоположную идею — идею случайнаго, слѣд. въ первой идеѣ содержится уже и *идея случайнаго;* но эта черта бытія предполагаетъ другую, другая третью и т. д.

къ *началу* (*Begriffe*)?—Ясно, что предполагая здравое, нормальное дѣйствіе разсудка, мы должны предположить также и здравое, логически-послѣдовательное восхожденіе отъ *начала къ концу*, слѣд. должны предположить 1) образованіе названій *для субстанціи* слѣд. имена существительныя, мѣстоименныя и числительныя; [1] но субстанція предполагаетъ *тотъчасъ же* и случайное (accidens), слѣд. 2) въ тоже время должны мы предположить и названія *случайнаго* субстанціи; но случайное субстанціи состоитъ въ *двоякихъ* ея признакахъ или въ признакахъ относящихся къ двойному ея проявленію: а) въ *пространствѣ*—это *бытіе* (глаголъ существительный), б) *во времени—дѣйствіе, предметъ* его, слѣд. вмѣстѣ съ тѣмъ и страдательное состояніе (глаголъ дѣйствит. и страдат.) Но предполагая названія *бытія* въ пространствѣ—можно ли не предложить названія самого пространства и частей его (гдѣ ?)? Вотъ—имена прилагательныя, нарѣчія, предлоги и склоненіе; предполагая названія дѣйствія субстанціи во времени—можно ли не предположить названія самого времени и частей его (когда ?) ? Вотъ опять имена прилагательныя, нарѣчія, предлоги съ прибавленіемъ союзовъ и наконецъ полное спряженіе . . . . И такъ, предположивъ изобрѣтенныя человѣкомъ названія *субстанціи*, мы въ тоже время должны предположить изобрѣтеніе названій *случайностей*, слѣд. 3) прилагательныя, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, склоненіе и спряженіе,—однимъ словомъ, цѣлый языкъ въ полномъ его видѣ. Такова природа мыслящаго нашего разсудка, что ежели мы допустимъ только, что человѣкъ приступилъ къ образованію языка съ разсудкомъ уже мыслящимъ, то должны признать, что онъ долженъ былъ образовать языкъ въ *одинъ* нераздѣльный моментъ времени т. е. чуть только *сталъ* мыслить, то нашелъ уже въ себѣ вполнѣ образованный языкъ со всѣми грамматическими формами, слѣд. языкъ

---

(1) Имя есть прямое названіе субстанціи: *я*, *одинъ* есть тоже названіе субстанціи, только символическое, описательное.

готовый уже, данный ему съ возникновеніемъ его на свѣтъ, слѣд. возникшій съ нимъ, созданный (Кѣмъ-то) съ нимъ, но во всякомъ случаѣ *не созданный имъ*. Теоріи психологической, силящейся представить *историческое* образованіе языка (начало—средину—конецъ), непремѣнно нужно принять одно изъ двухъ, или что 1) языкъ человѣческій былъ образованъ разсудкомъ человѣка уже *мыслящимъ:* въ такомъ случаѣ языкъ долженъ былъ быть имъ образованъ вдругъ, *изъ ничего;* или же, что 2) языкъ человѣческій былъ образованъ разсудкомъ еще *немыслившимъ* но мало по малу *доходившимъ* до степени мыслящаго разсудка,—въ такомъ случаѣ мыслящее цѣлое языка, представляемое теоріею во второмъ и послѣднемъ періодѣ его, въ которомъ разсудокъ—по собственному сознанію ея—все таки еще не былъ *мыслящимъ,*—возникло не изъ человѣка, но *извнѣ его*. Но какъ и откуда?—*Вдругъ* и изъ *ничего*!—Мы видѣли, что теорія, для объясненія того, *какъ* огромная масса звуковъ могла получить вдругъ *правильныя* (для всѣхъ говорящихъ одинаковыя) измѣненія, сама должна была допустить, что то, что предъустановило эти правила, не могло быть нѣчто произвольное (человѣческое) (1) т. е. ни *одна* голова, ни *нѣсколько* вмѣстѣ условившихся головъ не могли придумать правилъ, которымъ слѣдовали *всѣ* люди; что всѣ эти правила *были уже даны* (2): но ежели разсортировка словъ на части рѣчи *была дана*, ежели правила словоизмѣненій *были даны*, ежели количество элементарныхъ звуковъ, опредѣленное какимъ то всемощнымъ закономъ природы, было *дано*,—то и *весь языкъ* былъ данъ человѣку, весь языкъ былъ уже приготовленъ Кѣмъ-то для человѣка. Но ежели *весь* языкъ былъ готовъ,—то вѣроятно и весь онъ вложенъ былъ Авторомъ въ человѣка, слѣд. и открывался въ немъ всецѣло, полною, органическою рѣчью, а немало по малу, безъ логическаго порядка выхо-

(1) Was eine Menge Menschen auf einerley Art bestimmen soll, kann nicht willkührlich seyn. Adelung, 1. XXVI.

(2) Grund und Ursache zu allem, was wir in der Sprache bemerken können, war indessen da . . . Adelung, ibid.

дившими изъ человѣка частичками—что въ *Авторѣ разумномъ* предполагать было бы *неразумно*. Обнаруживъ логическія противорѣчія психологической теоріи происхожденія языка, которая сама же опровергаетъ свое основное положеніе,—мы, кажется, имѣемъ право сказать, что теорія эта не имѣетъ никакого логическаго основанія для подкрѣпленія этихъ двухъ положеній: 1) языкъ человѣческій произошелъ путемъ извѣстнымъ, изъ человѣка, какъ Автора Слова, 2) языкъ человѣческій образовался *постепенно*, восходя отъ грубыхъ попытокъ членосоставной рѣчи до полнаго организма Слова.—Но ежели она не имѣетъ *никакихъ* данныхъ въ пользу того, что языкъ произошелъ отъ человѣка (ибо логическія говоритъ противъ, а фактическихъ нѣтъ вовсе),—то не имѣетъ ли она фактическихъ данныхъ, которыя показываютъ, по крайней мѣрѣ, что языкъ человѣческій не вдругъ возникъ, но образовался *мало по малу*? Отсутствія такихъ фактическихъ основаній или данныхъ и нельзя даже предполагать въ Аделунговой теоріи, которая составляетъ введеніе къ обозрѣнію языковъ всѣхъ пяти частей свѣта, сравненіе организма которыхъ, кажется, навело ученаго Автора на идею о *многосложности*, какъ признакѣ языковъ позднѣйшихъ и *односложности*, какъ признакѣ языковъ древнѣйшихъ, весьма немногихъ языковъ глубокой Азіи. Въ этихъ двухъ признакахъ человѣческаго слова Аделунгъ видѣлъ слѣды двухъ ступеней въ его исторіи и оттуда заключилъ о томъ, что языкъ человѣческій, по всей вѣроятности, былъ образованъ человѣкомъ и что это образованіе происходило мало по малу, *постепенно*. Что скажемъ мы противъ этого свидѣтельства самой исторіи слова человѣческаго?—Уважая авторитетъ ея болѣе, нежели авторитетъ разума, мы скажемъ прежде всего однакоже, что это свидѣтельство принадлежитъ *исторіи естественной* Слова, которая кромѣ двухъ признаковъ организаціи языковъ: *малой* и *большей*, низшей и высшей—не представляетъ въ опору и оправданіе періодической преемственности *двухъ* главныхъ эпохъ своихъ, никакихъ положи-

тельныхъ, собственно-историческихъ данныхъ, подобно исторіи человѣческой. Естественная исторія растѣній, животныхъ, даже самой земли, въ каждомъ моментѣ своемъ представляетъ самую точную, систематическую послѣдовательность формъ органическихъ и неорганическихъ; но послѣдовательности *систематической* она и *теперь* еще не рѣшается обратить въ послѣдовательность *историческую* и сочтетъ неосновательными не только мнѣнія о томъ, напр. что царство минеральное, какъ низшее, образовалось *прежде* растительнаго, какъ высшаго, но даже предположеніе о томъ, что въ природѣ есть или можетъ быть найдено начало, съ котораго началось творческое образованіе ея, которое составляетъ первую историческую ступень творящей силы природы. (¹) А вѣдь для того, чтобы представить какую бы то ни было историческую постепенность, прежде всего нужно имѣть *первый моментъ* ея, который бы былъ достовѣренъ и не подлежалъ никакому сомнѣнію.—Естественная исторія міра не находитъ этаго перваго момента (²) и потому отказывается отъ притязанія на строго-историческую послѣдовательность явленій природы, ею повѣствуемыхъ, а тѣмъ болѣе отъ генеалогическихъ выводовъ одного поколѣнія существъ ея отъ другаго, что̀ она, для блага и счастія науки, считаетъ чистою нелѣпостію, недостойною ума человѣческаго.—Но естественная исторія человѣка, къ сожалѣнію, не имѣетъ этой завидной доли; въ *этнографіи—furor genealogicus*, къ чести умовъ XIX вѣка, видимо уже охлаждается: ученые бросаютъ нелѣпую мысль: выводитъ одни народы изъ другихъ, по неволѣ обращаясь къ Шлецеровой идеѣ: *colluvies gentium*, которая отвлечена отъ естественной исторіи царства минеральнаго.—За то въ филологіи и преимущественно сравнительной, этотъ *furor*, къ стыду филологовъ и самой естественной исторіи

(¹) И въ Св. Исторіи все является по зиждительному Слову: *рече и бысть*, въ которомъ начало, средина и конецъ возникающаго бытія совпадаютъ въ нераздѣльномъ моментѣ.

(²) Въ землѣ находятся только слѣды различныхъ переворотовъ, но бывшихъ уже по сотвореніи міра, слѣдов. не *первый* моментъ.

слова человѣческаго, находится еще въ самомъ разгарѣ: ученые не перестаютъ выводить одни языки изъ другихъ ! ! И всѣ эти нелѣпости держатся на одномъ, самомъ безъосновательномъ постулятѣ, что языкъ человѣческій образованъ мало по малу *человѣкомъ*, слѣдов. что былъ прежде всего *одинъ* языкъ, (¹) напр. Санскритъ, изъ котораго *и проч.* Философія и логика, какъ мы видѣли, говорятъ совершенно противное тому; но естественная исторія слова не оправдываетъ заключенія логическаго, что языкъ человѣческій былъ данъ весь и вдругъ, что въ происхожденіи его никакъ нельзя даже представить періодической постепенности: напротивъ того, *односложностію* и *многосложностію* языковъ міра она какъ бы наводитъ на ту мысль, что образованіе языка совершалось постепенно, восходя съ низшей ступени на высшую. —Что скажемъ мы на это? то, что не смотря на всѣ видимые признаки *древности* въ языкахъ *односложныхъ*, все таки, нѣтъ твердаго основанія для того, что бы признать *односложность*—*первымъ* моментомъ въ образованіи языковъ человѣческихъ.—Односложность осталась въ языкахъ юговосточной Азіи: Тибетскомъ, Китайскомъ, въ языкахъ Пегуанскомъ, Сіамскомъ, Кохинхинскомъ и др. Племена, говорящія этими языками, принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ первобытному поколѣнію человѣковъ въ Азіи—колыбели рода человѣческаго; и такъ языки односложные принадлежатъ къ *древнѣйшимъ* языкамъ міра. Но можно ли ручаться, что они суть *первые* языки человѣческіе ?—Притомъ, если бы даже и было это вѣрно, то можно ли принимать *односложность*—явленіе, замѣчаемое нами во времена позднѣйшія, времена *историческія*, за явленіе не только древнѣйшее, но даже первоначальное ?—Принимая это, нужно также принять и то, что языки односложные остались до сихъ поръ такими, какими они были отъ созданія міра, слѣд. что они, какъ языки, *нисколько неизмѣнившіеся*, составляютъ исключеніе изъ всѣхъ языковъ человѣческихъ: но исключеніе уже не можетъ быть правиломъ, общимъ зако-

(¹) См. примѣч. къ стр. 86.

номъ для слова человѣческаго. Обращая же вниманiе на то, что языкъ Китайскiй съ незапамятныхъ временъ уже имѣлъ литературное употребленiе и соображая съ этимъ то обстоятельство, что всѣ вообще языки, переходя въ письменность, теряютъ первоначальный организмъ, упрощаясь и сокращаясь, и что подобно тому и языкъ Китайскiй утратилъ свою богатую, первобытную натуру, сдѣлался языкомъ искуственнымъ, условнымъ, — мы скорѣе можемъ принять, что односложность его или сокращенность въ его организацiи была явленiемъ позднѣйшимъ, но не первоначальнымъ. Мы тѣмъ менѣе можемъ дѣлать изъ этой односложности общее заключенiе о постепенномъ образованiи Слова человѣческаго, что это явленiе, кромѣ того, что оно есть позднѣйшее, есть еще и явленiе *частное* т. е. замѣчаемое только въ *письменномъ* языкѣ *немногихъ* народовъ, и притомъ *цивилизованныхъ*: принимая же въ соображенiе языки народовъ другой части свѣта, какъ совершенно необразованныхъ, такъ и имѣвшихъ кое-какое образованiе, народовъ, которые съ такою же достовѣрностiю мы можемъ причислять къ первобытному поколѣнiю человѣковъ (Гуроновъ, Мексиканцевъ, Перуанцевъ), мы находимъ въ нихъ *многосложность* и иногда въ чрезвычайно огромныхъ, исполинскихъ размѣрахъ. (Это мы увидимъ ниже). Это явленiе 1) можетъ быть поставлено какъ явленiе параллельное и одновременное съ первымъ; какъ явленiе, замѣчаемое въ *устномъ*, а не письменномъ языкѣ народовъ, при томъ народовъ, вовсе чуждыхъ человѣческаго образованiя ([1]); оно 2) можетъ быть даже признано явленiемъ *натуральнаго* состоянiя языка, слѣд. явленiемъ *первоначальнымъ*.—Перейдемъ къ разсмотрѣнiю другой теорiи происхожденiя Слова: она раскроетъ намъ другую, противоположную сторону нашего вопроса.

([1]) *Многосложностiю* характеризуются еще, кромѣ языковъ упомянутыхъ здѣсь народовъ, изъ которыхъ два послѣднiе не были чужды цивилизацiи, языки: *Караибовъ, Эскимосовъ, Галиби, Отаитянъ, Гарани, Альбинакойцевъ, Альгонкиновъ* — языки племенъ совершенно дикихъ, необразованныхъ.

§ 17-й.

Натуральная теорія происхожденія языка Монбоддо.—Общая характеристика: авторъ, сочиненіе его и теорія.

Эта теорія принадлежитъ одному изъ остроумнѣйшихъ и глубочайшихъ мыслителей прошедшаго столѣтія, оказавшему незабвенную, великую заслугу наукѣ человѣческаго Слова,—но къ сожалѣнію, не признанную ни въ неблагодарномъ отечествѣ, (¹) не простившемъ мыслителю смѣлыхъ нападокъ на авторитеты *Локка* и *Ньютона*, — ни въ равнодушномъ ученомъ мірѣ, который почти забылъ перваго *автора естественной исторіи Слова*, исторіи въ полномъ смыслѣ этого выраженія. Не распространяясь здѣсь объ этомъ предметѣ, принадлежащемъ исторіи языкознанія, пояснимъ только, въ чемъ сотоитъ заслуга теоріи Монбоддо въ языкознаніи во-

---

(¹) *James Burnet of Monboddo*, Шотландскій Лордъ, издалъ книгу: *On the origin and progress of language, Lond. and Edinb. 1773*, которая навлекла на него гоненія журналистовъ Британіи, философовъ и натуралистовъ.—Первые оскорблены были выходками Автора на напыщенный, кудреватый слогъ того времени, вторые—смѣлыми нападками на философію *Локка*, послѣдніе же — нападками на авторитетъ *Ньютона*.—Едва ли не одна Германія признала заслугу *Монбоддо*: ученый *Гердеръ*, носившій уже въ умѣ своемъ свои всеобъемлющія *идеи исторіи человѣчества*, отозвался своею симпатизирующею душею на идеи Шотландца, который, отыскивая происхожденіе Слова не въ пустой области умозрѣнія, не въ *псевдо-натурѣ* (какъ современники его—Французы), но въ чистой натурѣ человѣка, — встрѣтился съ Гердеромъ у одной цѣли. Гердеръ заботился о переводѣ сочиненія Монбоддо на Нѣмецкій языкъ и чрезъ 11 лѣтъ по выходѣ этого сочиненія въ свѣтъ въ Англіи, оно было издано *Шмидомъ*, подъ названіемъ: *Des Lord Monboddo Werk von dem Ursprunge und Fortgange der Sprache, übersetzt von C. A. Schmid, Riga, 1784.* При немъ приложено предисловіе написанное Гердеромъ. Этимъ переводомъ я пользовался при теперешнемъ моемъ изслѣдованіи.

обще, и потомъ, въ чемъ состоитъ преимущество его теоріи въ сравненіи съ теоріею предшествовавшею? Заслуга Монбоддо состоитъ въ томъ, что онъ первый положилъ основаніе *естественной исторіи Слова* въ собственномъ ея смыслѣ; онъ вывелъ языкознаніе, блуждавшее до того времени во тмѣ хаоса, на свѣтъ *точнаго опыта*, опыта натуры; онъ указалъ для этой науки, для этой важнѣйшей отрасли исторіи Человѣка — нѣкоторыя твердыя, опредѣленныя начала, которыхъ она вовсе не имѣла; онъ, наконецъ, *указалъ* намъ на то, что языкознаніе, которое до сихъ поръ, подобно блуждающей планетѣ, потерявшей центръ тяготѣнія, не знаетъ: куда пристать ему? не находитъ себѣ мѣста между науками, — должно войти въ систему естествознанія (*Naturgeschichte*), въ кругъ наукъ натуральныхъ, какъ часть въ составъ цѣлаго. Исторія науки должна, поэтому, признать, что Монбоддо былъ *первымъ* авторомъ естественной исторіи Слова въ собственномъ смыслѣ. Французы не рѣшатся въ этомъ случаѣ оспаривать у Шотландца пальмы первенства, не принадлежащей имъ ни по праву, ни даже по самому названію этой науки, которое возникло, правда, у нихъ только и не существуетъ у Монбоддо. Въ тоже самое время, когда въ Англіи вышло сочиненіе Монбоддо, въ Парижѣ *Court de Gébelin* издалъ огромное сочиненіе: *Le Monde primitif* (¹); но этого сочиненія нельзя назвать естественною исторіею языковъ человѣческихъ, при всей наружной формѣ *исторіи*, которую оно носитъ на себѣ: это не сравненіе лексическое языковъ древнихъ и новыхъ, въ которомъ они описывались бы какъ семейства животныхъ, растѣній и т. д.,—это словарь *одного* языка— *первобытнаго*, изъ котораго авторъ выводитъ чрезъ логическія, иногда натянутыя толкованія всѣ языки человѣческіе. Но *единый* первобытный языкъ человѣка, котораго нѣтъ въ природѣ, котораго исто-

(¹) *Court de Gébelin*—Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne, Paris, 1773; Histoire naturelle de la parole, 1776.

рикъ не видитъ и котораго, по этому, *и описывать* онъ не можетъ, находится внѣ предѣловъ естественной исторіи, которая знаетъ только *языки человѣческіе*, языки народовъ, а не Слово человѣческое вообще. Чрезъ три года, тотъже авторъ извлекъ изъ своего *Первобытнаго міра* нѣсколько общихъ постулятовъ, и связавъ ихъ въ нѣчто цѣлое, издалъ подъ названіемъ *естественной исторіи Слова*. Но одно названіе науки, правда удачное, не даетъ еще самой науки, и мы, соблюдая справедливость, не признаемъ въ этомъ случаѣ *Куръ де Жебелену* никакой заслуги, кромѣ одного наименованія науки настоящимъ ея названіемъ. Его сочиненіе не есть *естественная исторія* потому, что 1) общія начала ея основаны на плохихъ данныхъ логики и психологіи, (1) не извлеченныхъ ни изъ постепеннаго развитія души *въ нынѣшнемъ* человѣкѣ, отъ котораго авторъ не рѣшился дѣлать наведенія къ развитію души въ *первомъ* человѣкѣ природы, ни изъ развитія души въ *первомъ* человѣкѣ — котораго нѣтъ, и который, по этому, находится внѣ естественной исторіи; она *отвлечена* авторомъ отъ *воображаемаго* имъ перваго человѣка, слѣд. изъ собственной фантазіи автора; 2) эта натура человѣка есть натура почти мнимая, гадательная, гипотетическая, слѣд. и начала, на которыхъ опирается натуральная исторія Слова у Куръ де-Жебелена суть начала искуственно-натуральной, такъ сказать, исторіи Слова, но не естественной исторіи его въ собственномъ смыслѣ этого слова; 3) кромѣ *общихъ* началъ (апріорныхъ), и достаточнаго запаса перво-

---

(1) Я имѣлъ уже случай говорить о *К. де Жебеленѣ* или, лучше сказать, его *колоссальномъ* сочиненіи въ 1-ой моей книгѣ: *Предметъ, методъ* и проч. (§ 25, стр. 169). — *Histoire naturelle de la parole* — о которой я говорю здѣсь — далеко уступаетъ общему очертанію языка, его происхожденія и проч., предложенному въ предисловіи (discours préliminaire) къ *Всеобщей и Сравнительной Грамматикѣ* (Gramm. Univ. et comparée 1774), которая помѣщена въ одномъ изъ томовъ M. primit, (1778). Не говорю здѣсь о томѣ: *Origine du language et de l'écriture* (1775) — этомъ превосходнѣйшемъ *сравнительномъ букварѣ* языковъ человѣческихъ.

начальныхъ, хотя одностороннихъ *фактическихъ* данныхъ сравнительной топики (Lautlehre) языковъ, эта теорія не имѣетъ, однакоже, *собственно-историческихъ* данныхъ, которыя были бы извлечены изъ историческаго обозрѣнія и лексическаго сравненія человѣческихъ языковъ: (¹) эти данныя — какъ мы видѣли—сообщены были теоріи *Жебелена* Аделунгомъ *(односложностію* и *многосложностію)*, примѣнившимъ начала искуственно-натуральной, психологически-построенной исторіи Слова къ сравнительному языкознанію. Оставляя, по этому, имя автора *естественной исторіи Слова* за Монболдо, повторимъ здѣсь приговоръ Гердера: «Автору нашему» говоритъ онъ «особенно удалась, какъ мнѣ кажется, главная цѣль «его сочиненія: изслѣдованіе о происхожденіи и дальнѣйшемъ «развитіи языковъ, (²) такъ что я, прочитавши хорошо все «то, что было писано объ этомъ предметѣ и самъ писавши «объ этомъ,—охотно вручаю ему пальму первенства. Такъ «какъ онъ взялся съ особенною силою за неопредѣленныя «слова: *природа, сила, способность* и опредѣлилъ ихъ *съ точ«ностію,* то можно сказать, что эта матерія почти изчерпана «имъ, и я думаю, что и при другихъ предметахъ остается «только идти по этому же пути, чтобы прямо попасть на «природу человѣка и съ точностію развить его различныя «состоянія. Тоже самое можно сказать о сравненіи многихъ «языковъ. Можно присовокупить сюда еще нѣсколько язы«ковъ другихъ дикихъ и полудикихъ народовъ (что вѣроятно «и сдѣлается при дальнѣйшихъ успѣхахъ изученія исторіи

(¹) Куръ де Жебеленъ, правда, старается подтвердить историческіе моменты образованія Слова примѣрами, но приводитъ для того сравненія *гласныхъ, согласныхъ* звуковъ (см. Origine du lang. 152—267) и цѣлыхъ *словъ* изъ нѣсколькихъ языковъ, не дѣлая однакоже никакого сравненія между самыми *языками* (ихъ корнями, матеріею и грамматическимъ построеніемъ).

(²) У Гердера: der Sprache — Слова; но Монболдо не принимаетъ одного человѣческаго языка, а нѣсколько языковъ, образованныхъ нѣкоторыми народами и потомъ перешедшихъ къ другимъ.

«человѣчества; (¹) но довольно и того, что стезя уже про«ложена: не только основныя начала нашего автора и его «друга *Гарриса* кажутся мнѣ *единственно-истинными и твер«дыми*, — но даже *первыя попытки* его: сравнивать многіе «языки различныхъ народовъ, стоящихъ на различныхъ «ступеняхъ образованности, останутся навсегда *первыми об«разцами* (Vorarbeiten eines Meisters) въ этомъ родѣ».—Вотъ общая заслуга Монбоддо въ наукѣ языкознанія. Въ чемъ же состоятъ частныя достоинства его сочиненія или, лучше сказать, въ чемъ состоятъ *преимущества* теоріи Монбоддо въ сравненіи съ психологическою теоріею Аделунга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеристическая особенность оной? *Преимущества* Теоріи Монбоддо, разсматриваемой параллельно съ Аделунговою, состоятъ въ основательности и точности *философскихъ* и *опытныхъ* началъ, на которыхъ она построена: у Аделунга въ основаніи постепеннаго происхожденія языка вовсе нѣтъ твердыхъ началъ ни логики, ни психологіи; Монбоддо, напротивъ того, прежде нежели приступаетъ къ естественной исторіи происхожденія языковъ, устанавливаетъ *твердыя* и *точныя начала философскія*, которыя (особенное и рѣдкое достоинство!) не составляютъ у него *точки исходной* (point de départ), но служатъ только *точкою опоры* (point d'appui, Standpunkt). Монбоддо въ из-

(¹) Гердеръ обманулся! къ открытіямъ Монбоддо, основаннымъ единственно на сравненіи языковъ дикихъ народовъ, языковъ *чисто-натуральныхъ*, позднѣйшіе филологи не прибавили ничего и даже не обратили вниманія на *дикіе* языки, завязнувъ въ Санскритѣ—языкѣ *искуственномъ*.—Не болѣе какъ два года назадъ только начали думать объ этомъ: въ Германіи *Hoefer* помѣстилъ въ *Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprahe*, 1845—1846 (2 кн.): Очеркъ Новозеландской Грамматики, составленный Англичаниномъ *Норрисомъ*.—Изслѣдованія знаменитаго *В. Гумбольдта* о языкѣ *Кави* (Ueb. die Kawi Sprache auf der Jnsel Java. Berl. 1836—1839.) сюда не относятся: это тотъ же Санскритъ (чище *Палійскаго*—Pali), который на Индѣйскомъ Архипелагѣ, подъ вліяніемъ Малайскимъ, образовался въ поэтически-литтературный языкъ.—Краткихъ словарей языковъ островитянъ (напр. въ Voyage par J. Arago и др.) я тоже не отношу сюда.

слѣдованіи о происхожденіи языка выходитъ всегда изъ фактическихъ данныхъ—явленій, представляемыхъ древнѣйшими, *натуральными* языками народовъ; только тамъ, гдѣ сведеніе этихъ данныхъ или этихъ разнообразныхъ явленій къ одному общему закону или началу, заставляетъ его прибѣгать къ *гипотезѣ*— основныя философскія начала служатъ ему опорою для этой гипотезы. Справедливѣе говоря, нужно сказать даже, что они составляютъ не столько опору, сколько крайній предѣлъ, *nec plus ultra*, которымъ онъ самъ себя ограничилъ, чтобы не дать своему философствующему уму выступать изъ границъ вѣроятности опыта. Отсюда проистекаетъ постоянная связность сужденій (das gefaszte bündige Urtheil), составляющая, по приговору Гердера, главное достоинство цѣлой книги. «Философія Монбоддо» говоритъ онъ «не чужда, правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Аристоте-«левой тонкости; но она опредѣлена, точна, много-объемлюща: «потому, что Монбоддо не держится одного только *Аристо-«теля*, но пользуется и идеями *Платона* и *Пиѳагорейцевъ*, «которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ хорошо даже разъ-«ясняетъ.»— Къ основательности началъ философскихъ присоединяется второе достоинство теоріи Монбоддо: основательность началъ чисто-натуральныхъ, взятыхъ изъ естественной исторіи слова въ собственномъ смыслѣ ея. До сихъ поръ языкознаніе бредило о происхожденіи языка и первомъ языкѣ, то по аналогіи съ *воображаемымъ* первымъ человѣкомъ (Французы), то по древнѣйшимъ языкамъ народовъ, давно уже образованныхъ и давно имѣющихъ языки литературные: Монбоддо первый рѣшился принять въ основу своихъ идей о *натуральномъ* происхожденіи Слова языки дикихъ народовъ, какъ найболѣе близкіе къ первоначальному, натуральному состоянію языковъ человѣческихъ.

Характеристическая особенность теоріи Монбоддо состоитъ въ діаметральной противоположности ея съ теоріею Аделунга. 1) Аделунгъ не предполагаетъ въ человѣкѣ никакого усло-

вія, предшествовавшаго образованію языка: ни *нормальности* мышленія, ни *человѣческаго* или *человѣчнаго* состоянія; ([1]) Монбоддо основательно доказываетъ, что человѣкъ тогда только могъ образовать языкъ, когда онъ уже *мыслилъ* и имѣлъ *общественный* бытъ. 2) Аделунгъ утверждаетъ, что языкъ былъ образованъ *постепенно*, восходя отъ *односложности* къ *многосложности*, — Монбоддо, допуская отчасти нѣкоторую постепенность и при томъ противъ воли своей, допуская ее потому только, что допускаетъ отъ части же *образованіе* языка *человѣкомъ*,—вездѣ однакоже говоритъ, что нѣтъ почти никакой возможности представить себѣ *періодическіе* моменты этой постепенности и *первымъ* явленіемъ языковъ первоначальныхъ признаетъ *многосложность* или, лучше сказать, *многогласность*. 3) Аделунгъ допускаетъ, что каждый народъ былъ изобрѣтателемъ своего языка ([2]), – Монбоддо, какъ историкъ натуры, отрицая существованіе *единаго* первобытнаго языка и допуская, между тѣмъ, *человѣческое участіе* въ изобрѣтеніи языка ([3]), не допускаетъ однакоже что *всѣ* народы были изобрѣтателями языковъ: онъ приписываетъ авторство въ этомъ столь трудномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ, только *немногимъ* народамъ, отъ которыхъ языкъ распространился, потомъ, между остальными человѣческими племенами. Ежели теорія Аделунгова, однимъ словомъ, можетъ быть названа психологическою, искуственно-натуральною теоріею языка, выводимаго изъ *анормальнаго* ([2]) начала:

([1]) Народы приступали къ образованію языка только *съ темными ощущеніями* и грубою животною природою,—какъ мы видѣли уже выше.

([2]) Es gibt nach der Anlage des Menschen nur einen Weg, Sprache zu bilden, und dieser liegt so nahe, dass jedes Häufchen Menschen unter jedem Himmel ihn von selbst finden konnte und finden musste. Adel. Einleit. I. S. 3.

([3]) Такъ же противъ своей воли какъ и *постепенность* (см. выше, 2.). Впрочемъ *участіе* человѣка въ *изобрѣтеніи* языка (его началѣ, происхожденіи) и то слишкомъ слишкомъ сомнительное для самаго Монбоддо (какъ увидимъ ниже) и *изобрѣтеніе* языка, принимаемое Аделунгомъ — двѣ идеи, безъ преувеличенія, діаметрально противоположныя! Стоитъ только вдуматься въ каждую.

консонантизма, — то теорія Монбоддо должна быть названа *натуральною* теоріею языка, выводимаго изъ *нормальнаго* начала: *вокализма*. (¹)

Опредѣливъ *достоинства* теоріи Монбоддо, мы не должны, однакоже, (соблюдая справедливость и безпристрастіе) умолчать и о недостаткахъ ея. Главный изъ нихъ — ежели только можно счесть недостаткомъ то, что вытекаетъ по видимому только, изъ далека, *посредственно* изъ началъ теоріи — состоитъ въ кажущемся противорѣчіи основныхъ выводовъ *философской теоріи* Монбоддо (²) религіознымъ убѣжденіемъ нашимъ о *врожденности* Человѣку Слова и т. д. Не принимаемъ на себя смѣлости ни осуждать, ни оправдывать здѣсь этого недостатка до тѣхъ поръ, пока мы не познакомимся съ самою теоріею, пока не будемъ имѣть надлежащихъ данныхъ для нашего приговора. Скажемъ только, что какъ это кажущееся *внѣшнее* противорѣчіе Монболдовой *философской* и отчасти *естественной* исторіи слова съ *библейскою* исторіею его, такъ и другія *внутреннія* противорѣчія ея съ самой собою, которыя мы покажемъ ниже, для насъ тѣмъ болѣе драгоцѣнны, что они представляютъ первое и до сихъ поръ *единственно-возможное*, хотя *отрицательное*, но тѣмъ не менѣе *неопровержимое*, фактиче-

---

(¹) Человѣкъ, родившись, начинаетъ повторять прежде всего не согласные звуки, но *гласные или слоги*: ма, ба или повторенный нѣсколько разъ звукъ а: а-а-а-; слѣд. *вокализмъ* есть *нормальное* (правильное, первообразное) начало человѣческой рѣчи въ ея первоначальномъ, натуральномъ состояніи.

(²) Но не его *естественной исторіи* Слова, противорѣчія которой не такъ рѣзки.—Впрочемъ, не будемъ забывать, что *Монбоддо* въ философской теоріи своей (составляющей введеніе къ исторіи естественой, см. въ концѣ §) анализируетъ Психологію и Логику теперешняго или, точнѣе выражаясь, *опытнаго*, исторически-наблюдаемаго человѣка, нисколько не распространяя своихъ выводовъ на *Перваго Человѣка*, бытія котораго, находящагося *внѣ* наблюденій опыта, исторіи, онъ и не касается и который, однакоже, вездѣ у него предполагается или, по крайней мѣрѣ, *предчувствуется* и при томъ невольно, безсознательно—какъ увидимъ изъ *цѣлаго* системы Монбоддо.

ское оправданіе сказанія библейскаго. ([1])

([1]) Монбоддо *очевидно* доказываетъ, что первый человѣкъ (такой, какимъ мы теперь (а) его знаемъ въ *первомъ* періодѣ его жизни (какъ дитя и дикаря), *никакимъ образомъ не могъ* изобрѣсть столь чуднаго и труднаго искуства, какъ языкъ, для чего необходимы а) *нормальное мышленіе*, б *общественность*—появляющіяся гораздо позже, и то не у всѣхъ народовъ. Находя же языкъ у всѣхъ племенъ человѣческихъ безъ исключенія, съ первымъ моментомъ ихъ извѣстности, мы непремѣнно должны предположить, или что 1) люди до извѣстнаго времени (развитія мысли и общественности) не имѣли языка, не говорили—что не лѣпо; или 2) что люди допуская даже съ натуралистами XVIII-го вѣка грубое, животное состояніе человѣка, какъ *первоначальное*, которое предшествовало позднѣйшему, *очеловѣченному* его состоянію не *всѣ* и *вдругъ* изобрѣли языкъ, но изобрѣли его только способнѣйшіе (genialere) или скорѣе другихъ *очеловѣчившіеся*, а другіе получили только отъ нихъ Слово, т. е что *два—три человѣка* только послѣ извѣстнаго промежутка времени отъ появленія человѣка на землѣ, *говорили*, всѣ же прочіе до того не говорили (какъ думаетъ и Монбоддо). что такъ же не лѣпо; или же, наконецъ, 3) что люди имѣли языкъ съ первой уже минуты ихъ существованія на землѣ. Но, предполагая это, мы по неизбѣжной логической необходимости *послѣдовательнаго* заключенія, должны непремѣнно допустить и то, что *первые люди* (намъ извѣстные), съ первой же минуты жизни имѣли нормальное, полное мышленіе и общественность; но это будетъ рѣшительнымъ противорѣчіемъ понятію о человѣкѣ, извѣстномъ намъ изъ опыта, изъ исторіи. Здравый смыслъ живо чувствуетъ, что это странное противорѣчіе между психологіею теперешняго человѣка и исторіею языковъ человѣческихъ, противорѣчіе, невозможное въ логической натурѣ мысли, происходитъ отъ какой нибудь ошибки. Эта ошибка, въ самомъ дѣлѣ, заключается въ томъ, что здѣсь смѣшаны два разные или отличные одинъ отъ другаго человѣки: *теперешній*, извѣстный и первый, *неизвѣстный* намъ. Теперешніе человѣки не могли никакъ изобрѣсти языка но, между тѣмъ, *всѣ* они имѣютъ *языкъ*, слѣд. а) они не изобрѣли но получили языкъ уже готовый, образованный, отъ *кого-то*, б) былъ до теперешняго человѣка *кто-то человѣчественный*, имѣвшій уже у себя языкъ: назовемъ его *первымъ человѣкомъ* Откуда же *онъ* получилъ Слово? какія предположенія ни дѣлала бы мысль наша напр. *родился ли* этотъ человѣкъ говорящимъ, получилъ-ли онъ Слово отъ Бога, но, ежели онъ имѣлъ такую же душу, какъ человѣкъ теперешній, то съ первой минуты уже имѣя Слово, онъ долженъ былъ имѣть

(а) т. е. не въ теперешнее только, *наше* время, но до теперешняго времени, до сихъ поръ вообще, начиная съ того момента, съ котораго человѣкъ подпалъ наблюденіямъ опыта, исторіи, сдѣлался извѣстнымъ человѣкамъ

Сочиненіе Монбоддо состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ общія начала языкознанія, вторая— начала Грамматики и Стилистики. Мы займемся только первою и то не вполнѣ: изъ трехъ книгъ ея только послѣдняя содержитъ въ себѣ рѣшеніе искомаго нами вопроса. *Въ первой книгѣ* Монбоддо установляетъ первое положеніе, или первый постулятъ философской теоріи слова, что «*Слово не есть даръ, врожденный человѣку,*» доказывая справедливость этаго постулята тѣмъ, а) что идеи, выражающіяся въ Словѣ, не врождены человѣку отъ природы, но образовываются имъ самимъ, въ слѣдствіе пріобрѣтенной уже имъ способности, б) что членосоставная рѣчь (Articulation) также не врождена человѣку.—*Во второй книгѣ* Монбоддо установляетъ первый постулятъ чисто-естественной исторіи слова, что «*для образованія языка необходимы два условія:* а) *политическій или общественный бытъ человѣка* б) *нормальныя отправленія разсудка* т. е. правильное, здравое мышленіе.— *Въ третьей* уже *книгѣ* Монбоддо переходитъ къ выводу происхожденія Слова путемъ *натуральнымъ,* и потому мы съ этой послѣдней книги и начнемъ обозрѣніе теоріи Монбоддо, которую изложимъ здѣсь, разумѣется, въ существенныхъ только ея чертахъ или моментахъ.

съ первой же минуты а) нормальное мышленіе, б) человѣчное, полное развитіе. Явно, по этому, что этотъ первый или первозданный Человѣкъ былъ не *rohe Sohn der Natur* (какимъ мы знаемъ человѣка, судя по аналогіи съ теперешнею его *первичностью*), но вполнѣ организованное, *нормальное* существо.—Этотъ непостижимый, неизвѣстный для насъ человѣкъ и есть тотъ именно человѣкъ до—грѣхопаденія, какимъ мы его знаемъ изъ сказаній Библіи и Слово котораго, подобно ему самому и душѣ его, было произведеніемъ, твореніемъ Бога, было *даромъ* Его, въ послѣдствіи уже временн утраченнымъ въ потомствѣ этаго Человѣка. (б)

(б) Прочитавши цѣлую статью о Монбоддо читатель увидитъ, что тѣ *немногіе* первые человѣки, которымъ Монбоддо приписываетъ изобрѣтеніе Слова и натура которыхъ *явно* превышаетъ собою общую натуру человѣка, такъ глубоко—вѣрно анализированную въ *философской* его теоріи— и есть тотъ неизвѣстный первый человѣкъ, бытіе котораго неясно и невольно предчувствуетъ Монбоддо.

§ 18-й.

Элементы естественной исторіи языка, смѣшанные съ началами философіи и грамматики.

Извлеченія изъ книги Монбоддо, которыя мы теперь предлагаемъ, съ перваго же взгляда обнаруживаютъ намъ невыгодныя, слабыя стороны его системы и особенно тѣ *внутреннія* противорѣчія ея съ самой собою, которыя невольно покажутся намъ странными послѣ всего того, что мы сказали въ предъидущемъ §-ѣ о твердости *началъ* и *связности* сужденій, въ которыхъ, скажемъ здѣсь еще разъ, Монбоддо остается всегда вѣрнымъ самому себѣ (¹). — Чтобы устранить противорѣчіе отъ самихъ себя, скажемъ, что *внутреннія* противорѣчія системы Монбоддо съ самой собою, суть ни что иное, какъ противорѣчія мнимыя, происходящія отъ столкновенія *философской* части его сочиненія съ *чисто-опытною*, съ элементами естественной исторіи слова. Чтобы познакомиться, по этому, съ *точными* началами системы Монбоддо, чтобы узнать ея *сущность* и убѣдиться, что она не имѣетъ противорѣчій въ своей сущности, — нужно смотрѣть на книгу Монбоддо, какъ на цѣлое, образованное изъ двухъ разнородныхъ тканей или пластовъ, которые не проходятъ одинъ *по другому* но одинъ *сквозь другой*, такъ, что, не смотря на ихъ взаимное соединеніе, они не составляютъ *одного* цѣлаго, но двѣ отдѣльныя *основы*, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое *начало* и свой *предѣлъ*.—Одна изъ нихъ есть рядъ философскихъ положеній, выводимыхъ, правда,

---

(¹) За исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ перерывовъ или скачковъ, неизбѣжныхъ въ самомъ здраво-логическомъ умѣ XVIII вѣка, не могшемъ вполнѣ освободиться отъ сенсуализма XVIII в., обуявшаго весь духъ человѣчества (на Западѣ Европы).

съ строгою послѣдовательностію, и представляющихъ связное цѣлое, но не утвержденныхъ еще на всеобщемъ или всецѣломъ опытѣ т. е. ([1]) на опытѣ надъ Человѣкомъ вообще, и потому не имѣющихъ рѣшительной, абсолютной (безъисключительной) силы и въ вопросѣ о *началѣ* Слова вообще, разумѣется *первомъ*. — На эту философскую часть и не должно обращать вниманія: ее необходимо даже отдѣлять отъ остальной части книги, потому что *чисто-философскіе* элементы, какъ бы они прочны ни были по началамъ теоріи, всегда будутъ плохою подпорою естественной исторіи человѣка ( ). Другая часть книги Монбоддо есть рядъ фактическихъ наблюденій надъ *первыми* языками человѣческими, дающихъ нѣсколько главныхъ выводовъ: это собственно и есть *естественная исторія Слова.* Правда, объемъ этой части сочиненія Монбоддо гораздо тѣснѣе въ сравненіи съ философскою частію и съ *собственно-филологическою* (общею грам-

---

([1]) Неврожденность идей, (которая ведетъ къ заключенію о неврожденности Слова) опирается у Автора на *внутреннемъ* опытѣ, доставляемомъ Психологіею. Неврожденность человѣку членосоставной рѣчи подтверждается у Монбоддо а) младенцами, которые не начинаютъ вдругъ говорить, б) нѣсколькими достовѣрными фактами, именно — дикими человѣками, которые были пойманы въ разныхъ странахъ Европы, наприм. въ Гессенъ — Касселѣ въ 1344 г.; въ лѣсахъ Литовскихъ въ 1694 г., въ Пиренейскихъ горахъ (два дикіе человѣка) въ 1719 г., наконецъ дикимъ, пойманнымъ въ лѣсахъ Ганноверскихъ (при Георгѣ 1 мъ), о которомъ слышалъ отъ очевидца самъ Авторъ; всѣ дикіе были нѣмы; в) свидѣтельствомъ Бюффона и особенно сказаніями древнихъ у Діодора Сицилійскаго о существованіи безсловесныхъ *народовъ* (ἄγλωσσοι. Послѣдніе примѣры, конечно, не могутъ быть признаны чистыми данными *опыта.* (смотр Нѣмецк. перев. стр. 164).

([2]) Потому, что они сами въ себѣ не находятъ подпоры, но могутъ найти ее развѣ въ естественной исторіи мысли, а *опытную Психологію* теперешняго времени едва-ли можно назвать этимъ именемъ. За недостаткомъ подпоры исторической (въ фактахъ) философія принуждена прибѣгать или къ вѣрованіямъ — твердымъ, но непосредственнымъ, безотчетнымъ убѣжденіямъ (напр. объ идеяхъ разума), или къ пустымъ предположеніямъ (напр. Фихтевому: *я* = *я*, Гегелевому: бытіе = мысли или мысль = бытію и проч.).

матикою и стилистикою, изложенными за тѣмъ): *но объемъ* въ наукѣ не значитъ ничего въ сравненіи съ сущностію, *содержаніемъ* самой науки; и, хотя объемъ естественной исторіи составляетъ, можетъ быть, одну *четвертую* или *пятую* часть цѣлаго сочиненія,—но тѣмъ не менѣе это есть естественная исторія Слова въ собственномъ смыслѣ. Скорѣе могутъ возразить намъ противъ того, что а) *выводовъ*, полученныхъ изъ наблюденій фактическихъ надъ языками человѣческими слишкомъ не много; что б) эти выводы не представляютъ *послѣдовательности* или, лучше сказать, не составляютъ связнаго цѣлаго, кокое мы предполагаемъ въ настоящей системѣ науки, что в) они образуютъ, наконецъ, рѣшительное противорѣчіе съ общими философскими началами, составляющими введеніе въ книгу Монбоддо.— Противъ перваго пункта мы скажемъ, что тѣ не понимаютъ сущности науки, которымъ кажется, что система науки есть многосложное, мудрено сплетенное цѣлое, составленное изъ *многихъ* истинъ, или положеній: нужно отличать систему *внѣшнюю* науки, или систему учителя науки, и систему *внутреннюю*, или систему самой науки. Первая есть раздробленіе или подраздѣленіе главныхъ истинъ науки, для облегченія разсудка или памяти являющихся подъ знаками частей, отдѣловъ, параграфовъ и проч. Вторая — состоитъ въ опредѣленіи *понятія* (идеи) предмета, входящаго въ науку и въ развитіи главныхъ моментовъ онаго, и потому есть ни что иное, какъ совокупность *двухъ, трехъ истинъ* или *положеній*, на которыхъ опирается многосложное цѣлое науки.— Этихъ истинъ всегда *немного* и потому совершенная система науки, преимущественно же опытной (какой-нибудь *Исторіи*)— чрезвычайно проста. Мы ищемъ, какъ основанія для нашей науки (русской филологіи) одного только точнаго понятія: *что есть корень слова?* — для того, чтобы имѣть послѣдній, крайній предѣлъ, на которомъ мы могли бы остановиться, какъ на *terrain solide*. Но знать, что такое корень слова? значитъ знать: *гдѣ* и *какъ* начинается слово, или его обра-

зованіе, слѣдовательно, гдѣ начинаются всѣ вообще слова языка=гдѣ *начинается* и самый языкъ. И такъ, опредѣленіе *корня,* вмѣстѣ съ тѣмъ, есть опредѣленіе и *начала* языка. Цѣлая задача науки нашей, по этому, чрезвычайно проста: опредѣленіе *корня* (начала языка) и постепеннаго *развитія* корня (образованіе вѣтвей корня=нарѣчій языка). Но начало языка предполагаетъ точную идею *языка;* такимъ образомъ, двѣ – три идеи: *языкъ, начало* его (корень), *развитіе* (вѣтви= нарѣчія)—составляютъ объемъ цѣлой науки. И такъ, ежели есть *понятіе* науки, точно опредѣленное, то есть уже и очеркъ всего объема науки, всего ея цѣлаго: остается опредѣлить только *два,* по крайней мѣрѣ. момента въ немъ, (1) какъ *извѣстные,* и ежели это опредѣлено, то и *система* или *исторія* науки уже дана. Въ сочиненіи Монбоддо нѣтъ опредѣленія *идеи языка:* но этого мы до сихъ поръ не находимъ въ наукѣ нашей и едва ли и найдемъ, пока она не получитъ формы *естественной науки.* Не забудемъ при этомъ, что и самое естествознаніе *до сихъ поръ еще* не имѣетъ точной идеи своего предмета: *органической* и *неорганической природы,* ибо не знаютъ, гдѣ собственно *начало* природы? какой изъ этихъ полюсовъ ея составляетъ *начало,* какой *конецъ?* Минеральное, неорудное царство можно-ли признать *началомъ* природы, *восходящей* постепенно къ *существамъ,* или же должно признать его только крайнимъ *предѣломъ* той же природы, *нисходящей* къ неодушевленнымъ *веществамъ?*— Не удивительно, что и у Монбоддо, какъ историка естественнаго, нѣтъ точной идеи языка, нѣтъ его собственнаго *начала,* начала несомнѣннаго. — Но у него, за то, есть первое *историческое* начало языковъ и главные моменты дальнѣйшей исторіи ихъ: перевороты языковъ, переходъ языка *натуральнаго* въ *искуственный,* наконецъ въ *письменный* языкъ — а обозначеніе этихъ моментовъ и даетъ

---

(1) Начальный, или *первый* и срединный, или *второй:* третій – можетъ быть полученъ путемъ послѣдовательнаго вывода.

намъ элементы естественной исторіи языка. Но эти моменты, скажутъ намъ, не образуютъ *послѣдовательнаго*, связнаго цѣлаго и представляютъ противорѣчія съ философскими началами его системы? — Что касается перваго, — то виною въ томъ самый предметъ науки, а не авторъ ея. Послѣдовательности эпохъ въ органической жизни языка опредѣлить *нѣтъ возможности*, потому, что для этого нѣтъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ, кромѣ *слѣдовъ* двухъ эпохъ: эпохи *натуральнаго* и эпохи *искуственнаго* образованія языка, которыя такъ перемѣнились отъ переворотовъ, бывшихъ въ языкахъ (подобно тому, какъ и въ самой планетѣ нашей), что мы съ достовѣрностію можемъ знать одинъ только моментъ въ исторіи языка: *позднѣйшій*, слѣд. *конецъ* языка, но о *срединѣ* и *началѣ* языковъ можемъ только (*не безъ* фактическаго основанія однакоже) *гипотезировать*. И такъ, ежели моменты системы Монбоддо представляютъ *перерывы* въ ихъ послѣдовательности, то отъ того, что и самая естественная исторія языка представляетъ въ себѣ такіе же перерывы, какіе мы видимъ какъ въ естественной исторіи человѣка, такъ и въ самой исторіи міра (геологіи): онѣ не представляютъ намъ *опредѣленной* хронологической послѣдовательности эпохъ, имѣя *два* только момента: *прежде* — существованіе земли и *послѣ* — явленіе человѣка [1]. Что касается послѣдняго возраженія, — то мнѣ кажется, что въ противорѣчіи системы Монбоддо общимъ философскимъ началамъ, положеннымъ имъ въ основу ея, и состоитъ главное достоинство теоріи естественной: это противорѣчіе 1) даетъ самостоятельность естественной исторіи Слова, полагая рѣзкую черту разграни-

---

(1) Всѣ заключенія, которыя нашъ разумъ можетъ выводить изъ исторіи постепеннаго образованія нашей планеты, основываясь на періодическихъ ея измѣненіяхъ (формаціяхъ), ограничиваются только тѣмъ, что *Человѣкъ* былъ *послѣднимъ* явленіемъ на землѣ (остова человѣческаго до сихъ поръ не находили еще ни въ одной изъ древнѣйшихъ формацій,) слѣд. что земля съ ея минераллами, растѣніями и животными была *прежде*, а *человѣкъ* — *послѣ*.

ченія между языкознаніемъ, какъ наукою *точною*, и между философскимъ изслѣдованіемъ языка, какъ наукою, не имѣющею твердаго, точнаго основанія; 2) оно, указывая намъ два діаметрально-противоположные полюсы во взглядѣ на одинъ и тотъ же пунктъ науки: *начало языка*,— представляетъ намъ единственный путь къ отысканію той средины между ними, которая можетъ доставить единственную *фактическую* опору для драгоцѣнныхъ нашихъ преданій о сверхъ-естественномъ началѣ Слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго человѣка. Мы это увидимъ по обозрѣніи теоріи Монбоддо.

§ 19-й.

Два начала Слова: гипотетическое и указываемое естественною историею.

«Не Богъ и не Природа, но Человѣкъ былъ авторомъ, изобрѣтателемъ своего Слова». Это — основное, философское положеніе теоріи Монбоддо или, собственно говоря, первой ея части, которая должна составлять введеніе ко второй части — естественной исторіи Слова, но которая, однакоже, не составляетъ ея основанія, потому, что эта исторія начинается особо, отдѣльно, начинается съ своего собственнаго *начала*. «Человѣкъ могъ изобрѣсть себѣ Слово только тогда «уже, когда онъ имѣлъ бытъ общественный, нормальное «дѣйствіе разсудка и употребленіе членосоставныхъ звуковъ «органа своего». Это—второе положеніе, которымъ начинается исторія первыхъ языковъ человѣческихъ, языковъ естественныхъ. Но тутъ всякій скажетъ: ежели человѣкъ могъ изобрѣсть языкъ только тогда, когда онъ имѣлъ уже бытъ общественный, идеи разсудка и членосоставный говоръ, и ежели, между тѣмъ, ни общественность, ни идеи, ни членосоставный говоръ, (какъ доказано Авторомъ въ 1-й кн.) не

врождены человѣку, то что было съ нимъ въ теченіи того времени, которое прошло отъ рожденія его на свѣтъ до изобрѣтенія языка? — Человѣкъ не имѣлъ Слова? — На это здравое возраженіе Монбоддо не даетъ нигдѣ прямаго отвѣта: кое-гдѣ онъ говоритъ, что человѣкъ могъ быть безъ Слова и ссылается на народы *безъязычные* (*ἄγλωσσοι*) Діодора и путешественниковъ, даже современныхъ Автору; кое-гдѣ утверждаетъ, что человѣкъ, который, какъ животное даже (живя *общинною* а не *одинокою* жизнію), имѣлъ нужду во взаимномъ сообщеніи идей, пожеланій и другихъ потребностей,— не могъ обходиться безъ *какого бы то ни было языка*. Въ чемъ же состоялъ этотъ языкъ, предшествовавшій членосоставному говору, или *человѣческой рѣчи?* — Монбоддо перебираетъ всѣ возможныя средства выраженія мыслей, какія только представляла человѣку сама натура: *животные безголосные звуки* (unarticulirtes Geschrey), *мимику*, *музыку* натуральную или звукоподражаніе и *изобразительность* (Mahlerey): но ни изъ одного изъ трехъ послѣднихъ средствъ онъ не находитъ возможности вывести языка и останавливается на первомъ, изъ котораго, какъ увидимъ, по собственному же его сознанію, также трудно произвести языкъ. И такъ, естественная исторія языка у Монбоддо представляетъ два начала или два момента въ происхожденіи языка: 1) *гипотическій* или философскій и 2) *историческій*. Такъ какъ изображеніе перваго состоитъ изъ однихъ только догадокъ о томъ, *какимъ былъ* или, собственно, *могъ быть* языкъ человѣческій до образованія его въ органическую, членосоставную рѣчь, и не заключаетъ въ себѣ ничего положительнаго: ни свѣдѣнія опредѣленнаго о томъ, *какимъ* именно былъ языкъ въ это время, ни опредѣленнаго свѣдѣнія о томъ, *былъ* ли даже тогда языкъ? — то мы имѣемъ, кажется, полное право, не считать этаго момента періодомъ естественной исторіи, которая должна излагать только то, что *было*, но не должна заниматься тѣмъ, что *могло быть*. И такъ, естественная исторія языка у Монбоддо начинается

собственно съ момента историческаго и состоитъ въ описаніи *матеріи* и *формы* языковъ *первыхъ*, по крайней мѣрѣ принадлежащихъ дикимъ, необразованнымъ племенамъ человѣческимъ. Но мы начнемъ наше обозрѣніе съ перваго момента, чтобы явственнѣе видѣть ту грань, тотъ рубежъ, на которомъ прерывается *философская теорія* Монбоддо и начинается *естественная исторія* языковъ человѣческихъ.

§ 20-й.

Гипотетическое начало языка, предшествовавшее началу, застигаемому естественною исторіею человѣка.

I. «*Что необходимо было для изобрѣтенія языка, кромѣ устройства общественнаго?* Языкъ могъ быть изобрѣтенъ въ общественномъ состояніи человѣка и только въ одномъ этомъ состояніи; но для изобрѣтенія такого труднаго искуства необходимо было нѣчто болѣе, кромѣ одного общественнаго быта и 1) прежде всего необходимы были надлежащіе *органы* для произношенія словъ *(der Aussprache)*; 2) *продолжительное существованіе* человѣка въ состояніи общественномъ, въ теченіи котораго натуральные инстинкты *человѣческой* жизни могли бы взойти на нѣкоторую степень сознательности, искуства; 3) *развитіе* идей, выражаемыхъ языкомъ: ибо нѣтъ возможности представить себѣ языкъ, который бы состоялъ изъ однихъ *собственныхъ именъ* [1] и не имѣлъ бы

[1] Небольшое, но могучее доказательство, служащее къ опроверженію гипотезы о случайномъ, слѣпо-эмпирическомъ изобрѣтеніи названій, изъ которыхъ долженъ былъ составляться языкъ человѣка. Ежели бы человѣкъ называлъ *какимъ нибудь*, ни съ того ни съ сего пришедшимъ ему на мысль звукомъ всякую, подпадавшую его чувствамъ вещь, то у него явилось бы *безконечное множество* названій: не только виды (напр. липа, дубъ) но даже *индивидумы* т. е. разные экземпляры одного и того же вида имѣли бы, каждый, особое имя. Языкъ былъ бы громадою названій индивидуальныхъ или *собственныхъ именъ*.

никакихъ общихъ названій (*Ausdrücke*). Эти идеи непремѣнно должны уже были быть образованы въ то время такимъ животнымъ, какъ человѣкъ, который занимался уже какимъ нибудь обыкновеннымъ ему дѣломъ, и занимался не по инстинкту, но при пособіи *наблюденія* и *опыта:* ибо такое животное должно уже было имѣть идею *о цѣли*, съ которою оно занималось извѣстнымъ дѣломъ и *о средствахъ* къ достиженію этой цѣли. Человѣкъ долженъ былъ имѣть эти идеи, потому, что животное, дѣйствующее не по инстинкту (какъ мы уже это показали) ([1]), какъ напр. пчела или паукъ, должно дѣйствовать съ сознаніемъ цѣли. Кромѣ этихъ общихъ идей, человѣкъ, въ изображаемомъ нами состояніи, долженъ былъ имѣть еще кое-какія, хотя несовершенныя идеи о деревьяхъ, звѣряхъ, съ которыми онъ жилъ, наконецъ, идеи болѣе совершенныя о произведеніяхъ или орудіяхъ искуства, находившихся у него въ употребленіи, особенно же, если они были его собственнаго изобрѣтенія. 4) Наконецъ необходимо предположить въ человѣкѣ необычайную степень остроумія, для того, чтобы онъ могъ изобрѣсть такую трудную вещь, какъ *языкъ*. Я не думаю даже, чтобы со временемъ могло быть открыто какое нибудь другое животное, кромѣ человѣка, которое имѣло бы столько остроумія, сколько нужно для изобрѣтенія языка. Ибо какъ ни легко кажется намъ изобрѣтеніе языка теперь, когда оно *открыто* ([2]), приведено въ извѣстность и находится во всеобщемъ употребленіи; но въ первыя времена оно вовсе не имѣло никакой очевидности, наглядности и, напротивъ того, было слишкомъ далеко отъ обыкновенныхъ понятій. Это мы думаемъ потому, что а) человѣкъ не образуетъ, по природѣ своей, членосоставныхъ звуковъ: на противъ того, это великое искуство слишкомъ трудно человѣку *изучить* даже тогда,

---

([1]) Авторъ ссылается на предшествовавшія свои изслѣдованія.

([2]) Авторъ конечно разумѣетъ здѣсь подъ открытіемъ *изобрѣтенія* Грамматику т. е. извѣстность организма каждаго образованнаго языка, приводимаго къ точнымъ правиламъ.

когда оно уже изобрѣтено, а *изобрѣсть* оное — безконечно труднѣе. б) Предположивъ даже, что эта первая трудность была побѣждена и что членосоставные звуки были уже изобрѣтены, мы должны признать, что вовсе не легка была мысль: примѣнить эти звуки къ выраженiю идей, съ большею частiю которыхъ звуки не имѣютъ никакой связи, по крайней мѣрѣ легко открываемой умомъ. Ибо хотя есть слова, выражающiя извѣстные звуки и представляющiя подражанiе этимъ звукамъ, не подвержено, однакоже, сомнѣнiю то, что гораздо большая часть словъ ни сколько не составляетъ натуральныхъ знаковъ понятiй. Да и какъ слова могутъ быть натуральными знаками понятiй? какая натуральная связь между понятiемъ наприм. дерева, земли, солнца, луны и какимъ нибудь членосоставнымъ звукомъ?— И въ самомъ дѣлѣ, — слышимость понятiй (*das Hörbarmachen*), сообщенiе имъ понятности посредствомъ звуковъ, кажется, можно считать вполнѣ такимъ же великимъ усовершенствованiемъ искуства, какъ и *видимость* звуковъ или изображенiе ихъ письменами; первое представляется намъ тѣмъ удивительнѣе, что оно изобрѣтено въ гораздо древнѣйшей эпохѣ человѣческаго рода. Оно должно показаться намъ еще удивительнѣе, если мы обратимъ вниманiе на то, что оно не было единственнымъ средствомъ сообщенiя мыслей (*Mittheilung*), а потому не было неизбѣжно-необходимо для цѣлей общественной жизни; что были, какъ мы видѣли, другiя средства, (¹) служащiя къ этимъ цѣлямъ, средства, которыми довольствуются и другiя животныя, живущiя, подобно человѣку, общиннымъ бытомъ — Перейдемъ къ обозрѣнiю этихъ средствъ, чтобы видѣть, не льзя-ли намъ вывести какъ нибудь постепенное изобрѣтенiе языка изъ этихъ источниковъ».

(¹) Авторъ опять ссылается на предъидущiя изслѣдованiя: впрочемъ здѣсь разумѣется преимущественно *крикъ* или *безгласные* звуки, служащiе животнымъ вмѣсто языка. Предоставляю читателю самому прочесть въ книгѣ Автора много любопытныхъ наблюденiй изъ естественной исторiи, приведенныхъ имъ въ видѣ примѣровъ для оправданiя своей идеи.

II. *О различныхъ средствахъ сообщенія мыслей, которыя могли быть у людей до образованія языка.* «Единственными средствами взаимнаго сообщенія мыслей, какія могли быть у людей до изобрѣтенія членосоставной рѣчи, я считаю только четыре способа выраженія: 1) *безголосный звукъ* (*unarticulirtes Geschrey*), выражавшій чувствованія и страсти, 2) *тѣлодвиженія* и *мимика* лица, 3) *звукоподражательные тоны*, которыми выражались слышанные предметы, 4) наконецъ, *образность* (живопись), представлявшая предметы видимые. Первые два способа общи человѣку съ неразумными животными; послѣднія два—свойственны ему одному; всѣ же четыре, можно сказать, суть *натуральные* знаки того, что ими выражается; ибо даже связь между *безголоснымъ* крикомъ и обозначаемыми онымъ предметами, хотя кажется самою отдаленною, такъ уже опредѣлена, установлена самою природою, что легко понимается каждымъ животнымъ, безъ предварительнаго условія или соображенія.—*Безголосный крикъ*, однакоже, при всемъ *натуральномъ* разнообразіи ([1]) его, хотя бы оно расширялось гораздо болѣе, нежели каково оно въ натурѣ, не соотвѣтствовалъ цѣлямъ человѣческой жизни, тогда, когда она расширилась и распространилась на различныя искусства и занятія, которыя сдѣлались необходимостію при возраставшихъ потребностяхъ человѣковъ. *Мимика*, т. е. взгляды и тѣлодвиженія, могла быть средствомъ сообщенія мыслей у людей до изобрѣтенія языка: дикіе сѣверной Америки, дополняющіе недостатокъ ихъ языка мимикою и другими движеніями—подтверждаютъ эту догадку. Но могло ли это средство замѣнить собою языкъ, необходимый для человѣка общественнаго?—Совершенство мимики можетъ дохо-

---

([1]) Въ человѣкѣ и даже въ животныхъ. По свидѣтельству Членовъ Русской Академіи морская кошка (*Seekatze*) *мычитъ* какъ корова, *реветъ* какъ медвѣдь и *чирикаетъ* какъ сверчокъ. Порфирій философъ говоритъ, что куропатка его выучилась *объясняться* съ нимъ посредствомъ звуковъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыми она сообщалась съ другими куропатками. Примѣч. изъ книги Автора. I. 282.

дить до того, что точностію и разнообразіемъ выраженія не только чувствъ, но даже понятій, она равняется съ рѣчью членосоставною: (1) но такого совершенства нельзя предполагать въ мимикѣ первыхъ народовъ, тѣмъ болѣе, что по свидѣтельству исторіи она, какъ искуство, появлялась слишкомъ поздно у образованныхъ народовъ (наприм. у Римлянъ при Августѣ,) и то не у всѣхъ (Греки не имѣли пантомимовъ). Но предположивъ даже такое совершенство мимики у первыхъ народовъ, все же должны мы будемъ согласиться съ тѣмъ, что она должна была стоять гораздо ниже сообщенія мыслей посредствомъ Слова, ибо 1) она говоритъ только *глазамъ*, слѣд. доставляетъ пользу только при *свѣтѣ* и никакой совершенно безъ свѣта, 2) и при этомъ даже случаѣ люди не могутъ сообщаться на такомъ далекомъ разстояніи, (2) на какомъ они могутъ сообщаться посредствомъ языка: что одно уже дѣлаетъ мимику весьма неудобнымъ способомъ къ передачѣ мыслей, при какомъ нибудь занятіи внѣ дома напр. охотѣ, рыбной ловлѣ—составляющихъ главнѣйшія занятія дикихъ. *Звукоподражательные тоны* могли быть, безъ сомнѣнія, въ употребленіи у людей какъ предъ изобрѣтеніемъ языка, такъ и послѣ. Но выраженіе ихъ не могло расширяться далеко: оно ограничивалось обозначеніемъ тѣхъ только звуковъ или предметовъ, которые отличаются особенными тонами (птицъ и разныхъ звѣрей), не болѣе.— Что касается послѣдняго упомянутаго нами средства—*живописи*, или подражанія предмету посредствомъ начертанія его образа,—то хотя оно могло быть въ употребленіи до изобрѣтенія языка, но могло доходить не далѣе, какъ до со-

(1) Пантомимы Римлянъ въ царствованіе Августа Цесаря. Извѣстно, что Росцій любилъ спорить съ Цицерономъ, кто изъ нихъ выразитъ съ большимъ разнообразіемъ и богатствомъ одну и ту же идею: одинъ словами, другой—взглядами и тѣлодвиженіями? Монбоддо I. 288.

(2) Да и на самомъ даже близкомъ, ежели одинъ человѣкъ отдѣленъ отъ другаго какою нибудь преградою напр. за холмомъ, деревомъ, стѣною, за спиною даже человѣка и проч.

общенія понятія *о видимыхъ* предметахъ; притомъ, употребленіе живописи медленно и трудно; наконецъ, оно гораздо-менѣе человѣку сподручно, нежели Слово.—Явно, что изъ этихъ четырехъ способовъ сообщенія мысли *два* только имѣютъ нѣкоторую связь съ языкомъ: *безголосный* звукъ *и звукоподражательные тоны.* Оба они, подобно языку, суть видоизмѣненіе человѣческаго голоса и потому они одни только и могутъ наводить насъ на первое начало языка. Посмотримъ теперь, можемъ *ли* мы вывести начало его изъ одного изъ этихъ средствъ или изъ другого, или же, наконецъ, изъ того и другого вмѣстѣ.»

III. «*Не могло ли быть языка чисто-музыкальнаго, безъ членосоставности?*—Кромѣ двухъ упомянутыхъ нами видоизмѣненій человѣческаго голоса, изъ которыхъ мы пытаемся вывести начало языка; есть еще третье—*музыкальное видоизмѣненіе* (*musikal. Modulation*), которое мы тоже должны разсмотрѣть, чтобы видѣть: не было ли оно первымъ матеріаломъ языка?—Докторъ *Blacklock* (¹) полагалъ, что первымъ человѣческимъ языкомъ была музыка и что идеи наши, прежде нежели ихъ начали выражать членосоставными звуками, были сообщаемы посредствомъ тоновъ, измѣняемыхъ по различнымъ степенямъ высоты или глубины. Изобрѣтеніе языка казалось ему столь труднымъ, что онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы люди *вдругъ* достигли до употребленія членосоставной рѣчи, не сдѣлавъ напередъ попытки на болѣе *легкое* измѣненіе голоса, каково наприм. измѣненіе голоса въ музыкальныхъ тонахъ: это тѣмъ вѣроятнѣе, что этому измѣненію мы выучиваемся только (²) у птицъ чрезъ подражаніе, тогда какъ членосоставному говору люди не могли выучиться чрезъ подражаніе.—И такъ, когда такимъ

(¹) Ученый Эдинбургскій. Подробности объ немъ см. у Автора. I. 293.

(²) Вѣроятно подъ *мы* разумѣются здѣсь люди вообще, и даже болѣе первые человѣки, нежели теперешніе люди.

образомъ выучились пѣть,—то, конечно, весьма натуральна была мысль: примѣнить это видоизмѣненіе тоновъ какъ къ пользѣ, такъ и къ удовольствію, именно—къ сообщенію мыслей. Ученый Докторъ присовокупляетъ къ тому, что и потомъ, когда нашли необходимымъ расширить выраженіе языка присоединеніемъ (къ музыкальнымъ тонамъ?) членосоставности,—тоны все таки были притомъ удержаны—Мысль, должно признаться, весьма остроумная: она до такой степени подтверждается фактами, что я думаю, всѣ древніе и первоначальные языки, безъ исключенія, имѣютъ въ себѣ много акцента ([1]) или тона; недостатокъ онаго должно считать позднѣйшею порчею языка.—Лучшимъ оправданіемъ этого мнѣнія могутъ служить древніе класическіе языки: Греческій и Латинскій. Китайскій языкъ (правда, языкъ несовершенный но, безъ сомнѣнія, весьма древній и едва-ли не по этому самому тонизму столь несовершенный) полонъ тоновъ, такъ, что не рѣдко одно и тоже односложное слово различными тонами своими обозначаетъ девять или десять различныхъ вещей.—Люди, изучавшіе языкъ Индѣйцевъ въ сѣверной Америкѣ, представляли мнѣ примѣры такихъ тоновъ, которыми Индѣйцы въ одномъ словѣ выражали различные предметы.—Преимущественно же одно изъ этихъ племенъ—*Гуроны*, по свидѣтельству Габріеля Сагара (*Sagard*) ([2]) вознаграждаютъ недостатокъ ихъ языка, особенно же недостатокъ временъ, лицъ, чиселъ и родовъ—одними *тонами*.

([1]) Монбоддо отличаетъ *акцентъ*,—музыкальную ноту, отъ собственнаго *ударенія* (повышенія голоса).

([2]) *Gabriel Sagard*, монахъ Францисканскаго ордена, былъ посланъ въ качествѣ миссіонера въ страну Гуроновъ въ 1626 г. и издалъ описаніе своего путешествія, въ Парижѣ, въ 1631, подъ заглавіемъ: *Le grand voyage du païs des Hurons etc.* присоединивъ къ своей книгѣ словарь Гуронскаго нарѣчія, съ предисловіемъ, содержащимъ въ себѣ многое, относящееся къ сему языку. Чтеніе этаго словаря и извѣстія о языкѣ Гуронскомъ внушили мнѣ первую мысль объ моемъ сочиненіи. Примѣч. Автора I. 295—296.

Эти факты удостовѣряютъ меня въ томъ, что измѣненіе человѣческаго голоса въ тонахъ или музыкальная модуляція, была ежели и не прежде, то по крайней мѣрѣ одновременно съ языкомъ: почему она и вошла въ составъ и сдѣлалась частію всѣхъ *первоначальныхъ языковъ.*—И все однакоже не рѣшаюсь я утверждать, чтобы когда нибудь *существовалъ* чисто-музыкальный языкъ, предшествовавшій языку разговорному, членосоставной рѣчи.—Я скорѣе склоняюсь къ той мысли, что такого языка *никогда* не было, ибо съ достовѣрностію по крайней мѣрѣ можно сказать, что такой языкъ былъ бы совершенно недостаточенъ для потребностей даже дикой жизни. Это мы утверждаемъ на томъ основаніи, что 1) музыка дикихъ народовъ имѣетъ весьма малый объемъ: музыка Гуроновъ, судя по образчику, представленному Сагаромъ, не восходитъ выше *кварты,*—что составляетъ весь объемъ музыки птицъ, (¹) которой музыка Гуроновъ, по всей вѣроятности, была подражаніемъ; 2) тоже можно сказать и о музыкѣ образованныхъ народовъ въ первоначальномъ ея состояніи: намъ извѣстно, что древняя греческая лира не имѣла ни одной ноты, которая восходила бы выше *кварты:* Греки не имѣли даже промежутка *полутона,* что такъ же замѣчается и въ музыкѣ Гуроновъ. И такъ въ такой музыкѣ заключалось столь мало разнообразія въ выраженіи, что едва ли можно думать, что бы она когда либо была въ употребленіи вмѣсто языка.»

IV. «*Могъ ли образоваться языкъ изъ звукоподражательныхъ тоновъ?* Относительно этихъ тоновъ я держусь того же мнѣ-

(¹) Мелодіи, напѣваемыя птицами, слишкомъ высоко восходятъ т. е. основная нота ихъ слишкомъ высока въ сравненіи съ нѣкоторыми нотами нашей музыки; самая низкая нота коноплянки, напр. гораздо выше всякой ноты, какую только мы можемъ взять на нашихъ инструментахъ; но въ такомъ случаѣ возвышаются онѣ слишкомъ небольшими промежутками, небольшими до того, что онѣ едва могутъ быть различаемы нашимъ слухомъ: никогда не выше *кварты,* рѣдко выше *терціи* (изъ наблюд. Доктора *Blacklock*). Примѣч Автора 1 297.

нія, которое высказано мною о тонахъ музыкальныхъ, т. е. что не было никогда языка, который состоялъ бы или весь или большею частію изъ этихъ звукоподражательныхъ тоновъ.—Это мнѣніе я подтверждаю тѣмъ, что въ языкахъ дикихъ народовъ—сколько я могъ замѣтить—*вовсе нѣтъ словъ звукоподражательныхъ.* Я готовъ думать, по этому, что образованіе словъ по аналогіи съ звукомъ выражаемыхъ оными предметовъ (*verba ex sono facta*—какъ называютъ ихъ Грамматики) принадлежитъ болѣе языкамъ искуственнымъ, образованнымъ, нежели первымъ языкамъ, которыми говорили дикіе, варварскіе народы. И такъ, началомъ языка былъ *безголосный крикъ* (*unarticulirtes Geschrey*), который постепенно расширяясь, утончаясь, совершенствуясь, сталъ наконецъ членосоставною рѣчью» . . . . .

Мы не послѣдуемъ за Авторомъ въ 3-й главѣ его III кн. (стр. 298—305), въ которой онъ, какъ натуралистъ-физіологъ, ищетъ *зародыша* языка, не имѣющаго еще никакой органической формы—и не находитъ. Эта глава—рядъ гипотезъ, не основанныхъ ни на чемъ, кромѣ преобладанія въ языкѣ Гуроновъ гортанныхъ согласныхъ: *h, k, q, x* и отсутствія мягкихъ губныхъ: *b, p, f* и полугласныхъ: *v, m, n*—которыя, будтобы, суть слѣды постепеннаго образованія *безголоснаго крика,* выходившаго изъ горла, въ *голосъ.* Замѣтимъ здѣсь, соблюдая справедливость, значительный промежутокъ или перерывъ въ исторіи Монбоддо: ежели онъ, какъ историкъ, во всемъ хотѣвшій сохранить связь и постепенность, хотѣлъ указать ее и въ развитіи *врожденнаго* человѣку животнаго крика въ членосоставную рѣчь,—то почему не рѣшился обозначить намъ съ тою точностію, какой мы имѣемъ право требовать отъ физіолога, изслѣдующаго самый зародышъ языка,—перехода *голоса* въ членосоставныя его измѣненія, гортанныхъ согласныхъ въ *элементы гласные?* Почему такъ робко, быстро обошелъ онъ эту *сциллу* и *харибду,* въ которой предчувствовалъ совершенное сокрушеніе своей фило-

софской идеи?—Почему съ такимъ остроуміемъ, глубиною и фактическою основательностію развивши намъ невозможность происхожденія языка изъ всѣхъ *натуральныхъ* средствъ сообщенія (даже и безголоснаго крика), не исключая и того, которое предполагалъ Докторъ *Blacklock* и которое *одно* только даетъ какую нибудь опору для того, чтобы вывести артикуляцію голоса изъ природнаго животнаго крика,—почему—повторяемъ, Монбоддо, дошедши до *перваго* момента, когда долженъ былъ возникнуть языкъ,—ограничивается только словами: «дошедши до разноображенія ([1]) крика «*тонами*, ([2]) столь остроумное животное, какъ человѣкъ, «натурально, пошло далѣе въ измѣненіяхъ своего крика и «*наконецъ* пришло къ единственному, оставшемуся для него «измѣненію, именно къ *артикуляціи*. Первый крикъ, который былъ уже артикулированъ, вѣроятно былъ тотъ, которымъ животныя призываютъ одни другихъ и проч.»—Эта глава останется всегда укоромъ знаменитому мыслителю въ томъ, что онъ, изчерпавши до дна *всѣ* натуральные источники происхожденія Слова, изчерпавши ихъ съ рѣдкою добросовѣстностію ученаго, тѣмъ болѣе удивительною, что изслѣдованія его вели къ результату: «языкъ не имѣетъ своего начала, ни въ человѣкѣ, ни въ натурѣ,» слѣд. уничтожали основное его убѣжденіе: «языкъ изобрѣтенъ человѣкомъ,»— что онъ, повторяемъ, послѣ всего того не остановился на томъ, къ чему его привелъ опытъ, исторія, но рѣшился *выдумывать* начало языка.—Такъ какъ мысли Монбоддо, какъ *ученаго*, принадлежатъ потомству, наукѣ,—идеи же его, какъ *человѣка*, не принадлежатъ намъ,—то мы, отдѣляя въ

(1) Вспомнимъ слова Монбоддо, сказанныя выше: «безголосный крикъ, при «всемъ его натуральномъ разнообразіи, хотя бы оно расширялось гораздо болѣе, нежели каково оно есть въ самой натурѣ, не соотвѣтствовалъ» и проч.

(2) Не музыкальными, однакоже: Монбоддо еще разъ въ этомъ мѣстѣ опровергаетъ мнѣніе Доктора *Blacklock*,—соглашаясь съ нимъ какъ то двусмысленно. См. I. 3 кн. стр. 330.

системѣ его послѣднія, какъ противорѣчія, отъ первыхъ, какъ данныхъ, — извлекаемъ изъ нихъ слѣдующій *постулятъ:* «ни изъ одного изъ средствъ, представляемыхъ нату-«рою какъ самаго человѣка, такъ и внѣшняго міра, не мо-«жетъ быть выведено удовлетворительнымъ образомъ начало «языка».

§ 21-й.

Начало языка, застигаемое естественною исторіею человѣка.

Мы уже у *первыхъ началъ* языка, застигаемыхъ естественною исторіею, — но еще не на самомъ его началѣ: мы стоимъ еще на той вязкой тинѣ перваго эмпирическаго *начала,* которое видитъ произвольная гипотеза [1] философа-эмпи-

---

[1] Я называю ее произвольною, потому что натуралистъ дѣлаетъ гипотезу всегда на какомъ нибудь основаніи, хотя бы даже только *вѣроятномъ,* но такомъ именно, къ которому его приводитъ какая нибудь аналогія *опыта.* Монбоддо, перебравши всѣ натуральныя начала языка (между которыми безголосный крикъ — самое несовершенное и сперва имъ же самимъ отрицается) призналъ, что ни изъ одного изъ нихъ нельзя вывести удовлетворительнымъ образомъ начала языка. Какъ здравый натуралистъ, повторяю, онъ долженъ бы былъ остановиться на этомъ и не дѣлать никакой гипотезы, ибо ни одного факта опыта не имѣлъ онъ для того, чтобы предполагать *возможнымъ* возникновеніе языка изъ начала отпытно-даннаго. Но, какъ эмпирикъ, онъ не хотѣлъ допустить, что языкъ вышелъ *изъ ничего* и потому хотѣлъ вывести начало его непремѣнно изъ *чего либо.* Его гипотеза, по этому, чисто-произвольна и я не признаю ее даже гипотезою естественной исторіи, потому, что она въ слѣдъ же за симъ, въ 6-й главѣ, очевидно опровергается самимъ же Авторомъ. Почему натуралисты только въ естественной исторіи органическаго міра ясно намъ указываютъ *начало* каждаго существа, положеніемъ: *omne vivum ex ovo?* Потому, что исторія *видитъ* это *ovum.* Почему же за *начало* неорганическаго міра принимаютъ они *aggregatio juxta positio,* тогда, когда это накопленіе происходитъ около ядра стереометрическаго, которое есть не что иное, какъ уклоненіе отъ формы яйца, слѣд. *первымъ* (хотя идеальнымъ) началомъ имѣетъ тоже *ovum?*

рика, но котораго не усматриваетъ исторія естественная: впрочемъ, намъ остается сдѣлать одинъ только шагъ и мы будемъ уже на твердой почвѣ. Этотъ шагъ, однакоже, мы должны сдѣлать, такъ сказать, въ одинъ прыжокъ, чтобы очутиться на землѣ, на свѣтѣ, на жизненномъ воздухѣ исторіи природы: въ одинъ *прыжокъ*, повторяемъ, потому, что *идти* здѣсь нѣтъ возможности физической: *нѣпочему*. Чтобы убѣдить читателей нашихъ въ перерывѣ между *естественнымъ* началомъ *языковъ* человѣческихъ и гипотетическимъ началомъ *Слова* или, лучше сказать, въ совершенномъ отсутствіи связи или какой нибудь едва примѣтной даже нити, связующей начало языка настоящее, видимое съ гипотетическимъ,—мы взглянемъ на V-ю главу, заключающую въ себѣ общія замѣчанія о первыхъ языкахъ. Эти замѣчанія служатъ предвареніемъ къ описанію *матеріи* и *формы* этихъ языковъ, которое Авторъ дѣлаетъ въ VII-й главѣ своей книги. Естественная исторія языковъ человѣческихъ начинается у Монбоддо страннымъ явленіемъ: слова первыхъ, грубыхъ, варварскихъ языковъ непомѣрно *длинны* и полны *гласныхъ!*—Какъ же согласить это явленіе съ началомъ предшествующимъ, съ *зародышемъ* языка, который былъ ни что иное, какъ *безголосный* крикъ, начинавшій только разнообразиться чрезъ видоизмѣненіе его *тонами*, слѣдоват. 1) могшій состоять не болѣе, какъ изъ звуковъ полу-членосоставныхъ (*halbarticulirten*), полуорганическихъ, однимъ словомъ, *односложныхъ?* Это видоизмѣненіе происходило чрезъ постепенную обработку органа, слѣд., такъ какъ Авторъ предполагаетъ, на физіологическомъ основаніи ([1]), что образованіе звуковъ гор-

---

Потому, что хотя бы они *видѣли* это начало, но естественная исторія не видитъ онаго. Отъ того натуралисты желаютъ лучше остаться при плохой (по ихъ же сознанію) *гипотезѣ опыта*, нежели допускать гипотезу *произвольную*.

([1]) Горло есть *первый* органъ голоса, слѣд и работа его въ гортани началась прежде, нежели въ другихъ, болѣе отдаленныхъ и мягкихъ органахъ: губахъ, языкѣ и проч.

танныхъ предшествовало звукамъ губнымъ и проч., — то первыя слова должны были бы представлять накопленіе согласныхъ звуковъ ([1]), слѣд. 2) языки первые должны состоять изъ словъ односложныхъ *консонантныхъ?* — Отъ чего же они очутились *вдругъ* непомѣрно-*длинными* (многосложными) и притомъ *многогласными?* Вотъ первое противорѣчіе, для объясненія котораго нѣтъ возможности прибѣгнуть къ гипотетическому началу Автора, но остается принять одно: возникновеніе языка *изъ ничего*. Посмотримъ на другое противорѣчіе. Вокальные и консонантные элементы звуковъ образовались постепенно, чрезъ членораздѣльное видоизмѣненіе крика: послѣднія даже (какъ по природѣ ихъ болѣе сложныя и разнообразныя) образовывались по *частямъ* (сперва гортанныя, потомъ губныя), ибо членораздѣленіе крика было дѣло чрезвычайно трудное. Сказавъ о членораздѣльномъ измѣненіи голоса, производимомъ посредствомъ физіологическихъ отправленій горла, устъ, и т. д., указавши источники, изъ которыхъ происходитъ все разнообразіе голосовыхъ звуковъ, Авторъ говоритъ: «разрѣшить все это разнообразіе «голосоваго звука на различныя элементарныя части его, «было дѣломъ чрезвычайной трудности: это сдѣлано было, «безъ сомнѣнія, не первыми дикими народами, говорившими «языкомъ человѣческимъ, но чрезъ нѣсколько вѣковъ потомъ». И такъ, весьма натурально предполагать у дикихъ народовъ чрезвычайную простоту и, потому, *однообразіе* элементовъ вокальныхъ и консонантныхъ, какъ общія черты, характеризующія первое, грубое начало языка. Но отъ чего же у Автора на первой же страницѣ V-й главы, между общими постулятами, извлеченными изъ гипотической теоріи о началѣ языка, находимъ мы, такія двѣ *conditiones sine quibus non:* 1) въ первыхъ языкахъ «не должны мы ожидать никакой «*правильности*, потому что эти языки были ни что иное,

---

([1]) «Первые языки по большей части имѣли гортанный говоръ» (*aus dem Halse gesprochen wurden*) и проч. стр. 302.

«какъ натуральный и инстинктуальный крикъ животнаго, *не-«много* только видоизмѣненный и разрѣшенный артикуляціею». Какъ?... крики натуральные (см. § 20-й, II.) «опредѣлены, пред-«установлены самою природою», слѣд. *одинаки;* крикъ человѣческій, какъ крикъ животнаго — тоже; онъ видоизмѣнялся *немного*, тѣмъ менѣе былъ разнообразенъ, тѣмъ болѣе одинаковъ, слѣд. *правиленъ.* Откуда же взялось отсутствіе *правильности? Deus ex machina!* .. «Потому *Sagard* говоритъ намъ, «что языкъ Гуроновъ такъ несовершенъ, такъ неправиленъ (¹), «что нѣтъ возможности составить грамматику этаго языка, «т. е. привести его *къ правиламъ* (общимъ началамъ фонетики его или нашей грамматической этимологіи?)».—2) «Въ

(¹) Должно бы сказать, соблюдая правду неумытную, *разнообразенъ,* мало грамматиченъ. Правильность и совершенство—понятія относительныя и даже эгоистическія въ натуралистѣ, который долженъ имѣть въ виду природу, огромное, многосложное цѣлое, слѣд. и такую же огромную, цѣлую норму, а не школьную мѣрку, выкроенную изъ грамматики. За чѣмъ мы беремъ *наши* языки, искуственные до механизма, *правильность* этихъ языковъ выучиваемую въ долбежъ изъ кодекса грамматики, а не изъ книги натуры? за чѣмъ, повторяю, этими мнимыми *совершенствами* мѣряемъ мы языки натуры, въ которыхъ нѣтъ *нашего* лексикона, *нашей* грамматики и которые потому только мы и признаемъ несовершенными, неправильными? Китаецъ произноситъ вамъ *одно* слово, выговариваетъ его на *десять* ладовъ, пишетъ его на *сорокъ* и у него одно слово природы даетъ *сорокъ* словъ человѣческихъ; ему оно понятно во всѣхъ сорока метаморфозахъ, для него богато, разнообразно; для натуралиста оно и *правильно,*—ибо метаморфозы суть перемѣны, происходящія *въ одномъ* элементѣ; для насъ же оно грубо, бѣдно, несовершенно, неправильно, потому, что по нашей грамматикѣ оно должно имѣть *ъ, аго, ому, le, du, au* и т. д. а не мотивы тоническіе. Гуронъ не имѣетъ письменъ, и потому обходится одними *ладами* въ выговорѣ слова: они замѣняютъ ему наши числа, лица, времена и проч. и замѣняютъ по извѣстной, общей *нормѣ* его дикой тоники. Не ужели, потому только, что мы не знаемъ этой нормы натуры, языкъ его бѣденъ, грубъ, несовершенъ, неправиленъ? Я охотно признаю и этому языку человѣческому титло богатаго, разнообразнаго въ глазахъ ежели не человѣка образованнаго (который *теперь* долженъ имѣть нормою классиковъ, Французовъ и т. д.), то по крайней мѣрѣ въ глазахъ *человѣка,* сына натуры, человѣка, для котораго во всей натурѣ должны быть одинаковы существа *одного* происхожденія.

«первыхъ языкахъ мы не должны, по этому самому, найти «*постояннаго* начала (*Richtschnur*) или чего нибудь *установ*«*леннаго*, общеупотребительнаго, — подобно тому, какъ мы «это видимъ въ языкахъ образованныхъ. Этими языками «должны были говорить *различно* разнообразныя семейства «или поколѣнія, изъ которыхъ составляется нація; эти языки «должны находиться въ безпрерывной измѣнчивости, въ зыб«кой движимости. Потому-то *Sagard* говоритъ намъ, что у «Гуроновъ каждая деревня почти говоритъ нарѣчіемъ, от«личнымъ отъ нарѣчія другой деревни; даже *два* семейства «одной и той же деревни не говорятъ совершенно — однимъ «или одинаковымъ нарѣчіемъ». На какую бездну оттѣнковъ раздробляется языкъ *народа* переходя, 1) въ діалектъ семейства, поколѣнія, 2) областей, деревень, наконецъ 3) въ нарѣчіе семей! Въ нашихъ языкахъ мы не найдемъ даже словъ, которыми можно было бы выразить эти оттѣнки, даже употребляя въ помощь изобрѣтенные ученымъ Бодянскимъ термины: *рѣчь, говоръ, подрѣчіе, разнорѣчіе* . . . . . Но особенность нарѣчій проистекаетъ не отъ особенности въ *словахъ*, но отъ разности въ однихъ вокальныхъ и консонантныхъ элементахъ: первые могутъ дать *мало* разностей, потому, что ихъ только пять (¹); вторые только могутъ дать *много* разностей, потому что они (какъ мы видѣли при разсмотрѣніи сочин. Каткова) образуютъ, *утроясь*, порядки, которые перемежаясь между собою, идутъ въ прогрессѣ $3 \times 3 \times 3$ и т. д. И такъ, разнообразіе нарѣчій Гуронскаго языка, въ которомъ только *четыре* гласные элемента (5-го *у*-нѣтъ, см. *Monb*. 303 стр.), — должно происходить изъ необычайнаго разнообразія элементовъ консонантныхъ? Но разнообразія голосоваго звука нельзя предполагать, по словамъ Автора, у первыхъ дикихъ народовъ: откуда же взялось оно? Опять—

(¹) Они могутъ давать только двѣ чисто *двоякія* разности (а-о: *разумъ, розумъ*; е-і, хлѣбъ, хлѣбъ; — у переходитъ въ *в*, слѣд. вокальной разности не даетъ) и нѣсколько *двоякихъ сложныхъ* (дифтонги); одни согласныя только *утроются* напр. *б, п, ф: d, t, th* (ѳ=тс) и т. д.

Deus ex machina!! Довольно этого, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что естественная исторія языковъ человѣческихъ у Монбоддо рѣшительно не имѣетъ никакой нити, приростающей къ темному, тинистому, гипотетическому зародышу Слова: настоящее, очевидное ея начало — тамъ, гдѣ она застаетъ уже готовую *матерію* и *форму* языковъ дикихъ народовъ. Послѣдуемъ теперь за нашимъ ученымъ, глубокомысленнымъ и свѣтло-мыслящимъ историкомъ и сосредоточимъ вниманіе наше на двухъ главныхъ пунктахъ этой исторіи 1) *началѣ* языковъ человѣческихъ, 2) дальнѣйшемъ, *періодическомъ* ихъ развитіи. Въ первомъ пунктѣ главные моменты: *матерія* и *форма* первыхъ языковъ; во второмъ — разныя ступени или слѣды *прогресса* ихъ.

§ 22-й.

Матерія первыхъ языковъ человѣческихъ. Поливокализмъ (1).

I. «Тѣ, которые знаютъ о человѣчествѣ — говоритъ Монбоддо — не болѣе того, что можно видѣть въ человѣкахъ различныхъ странъ Европы, составятъ себѣ весьма ошибочное понятіе о человѣческой природѣ: такъ точно и тѣ, которые изучали одни правильные, искуственные языки, не прибѣгая къ пособію варварскихъ языковъ, которые гораздо ближе къ первому началу человѣческой рѣчи, готовы составить себѣ о звукахъ первыхъ языковъ гипотезу, совершенно отличную отъ той, къ которой я приготовилъ моихъ читателей. Они будутъ, конечно, предполагать, что первые языки,

(1) Не нахожу лучшаго слова, чтобы выразить идею Автора: слова, *полныя гласныхъ*. *Многосложность* не выражаетъ того, ибо между многими слогами можетъ быть и много согласныхъ: здѣсь именно не то. *Полногласіе* Максимовича имѣетъ смыслъ: слова съ полными гласными; *многогласіе* — еще хуже. Будемъ обходиться, пока, этимъ терминомъ.

какъ языки грубые и варварскіе (какими они безъ сомнѣнія и были), начинены звуками *согласными* и потому имѣли слишкомъ суровый, дебелый тонъ, — подобно нѣкоторымъ языкамъ Сѣверной Европы, наприм. Нѣмецкому и другимъ діалектамъ языка Тевтонскаго. Они будутъ предполагать, *во вторыхъ,* что первые языки состояли по большей части изъ односложныхъ или весьма короткихъ словъ, и что они со временемъ только сдѣлались протяжнѣе, въ слѣдствіе улучшенія грамматическаго, которое ввело съ собою въ языкъ составленіе сложныхъ словъ, словопроизводство и словоизмѣненіе. Однимъ словомъ, не изучавшіе языковъ дикихъ народовъ будутъ думать, что слова, которыя теперь мы называемъ корнями языка, были первообразными словами этихъ языковъ, что изъ нихъ исключительно и состояли эти языки въ самомъ началѣ своемъ. Всѣ эти предположенія, при первомъ взглядѣ, не чужды вѣроятности: но на самомъ дѣлѣ, въ языкахъ дикихъ народовъ, представляется намъ совершенная противоположность тому, и *во первыхъ,* — что касается накопленія согласныхъ звуковъ, предполагаемаго въ первоначальныхъ языкахъ, — то мы должны сказать [1], что всѣ варварскіе языки, какіе только до сихъ поръ открыты, не исключая ни одного изъ нихъ, полны гласныхъ звуковъ, сопряженныхъ съ весьма немногими согласными. Мы упоминали уже о языкѣ *Гуроновъ*, самомъ оригинальномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ; можно присовокупить къ нему еще другой языкъ — *Альгонкинскій* (см. Словарь онаго у *La Hontan*, Vol. 2. стр. 202.) и вообще всѣ языки Сѣверной Америки, которые суть парѣчія Гуронскаго или Альгон-

---

(1) Я опускаю здѣсь всѣ объясненія, все теоретизированіе, къ какому принужденъ прибѣгать Монбоддо при описаніи каждаго явленія въ языкахъ первоначальныхъ, для устраненія противорѣчій, представляемыхъ этими явленіями съ его гипотезою. Я опускаю все это потому, что хочу извлечь чистыя данныя одной естественной исторіи, слѣд. удерживаю одни только *факты*, то, что есть въ языкахъ первоначальныхъ. Объясненія и гипотезы всякій легко можетъ себѣ дѣлать самъ.

кинскаго языковъ. Языкъ *Галиби* — народа Южной Америки — представляетъ намъ другой примѣръ: въ немъ, равнымъ образомъ, слова весьма полны гласныхъ (см. Словарь и Грамматику, издан. въ Парижѣ 1763 г.). Третій примѣръ представляетъ языкъ *Караибовъ*, который, кажется, имѣетъ близкое сродство съ послѣднимъ (см. Dictionnaire Caraïbe François, par Reymond Bretton, Auxerre, 1665). Четвертый — языкъ *Перуанцевъ*, сколько можно видѣть изъ образчиковъ онаго, представленныхъ *Гарчилассо де ла Вега,* въ его исторіи Перуанскихъ Инковъ. Пятый — языкъ *Эскимосовъ* въ Сѣверной Америкѣ, словарь котораго издалъ *Доббсъ (Account of the countries adjoining to Hudson's Bay, Lond.* 1744); наконецъ образчики языка недавно открытаго острова Отаити, которые показываютъ, что и этотъ языкъ состоитъ изъ словъ исключительно вокальныхъ. Всѣ эти варварскіе языки, подобно Гуронскому, имѣютъ немного согласныхъ: но даже изъ тѣхъ согласныхъ, какія находятся въ языкѣ этихъ дикихъ народовъ, они никогда не выговариваютъ двухъ согласныхъ въ одномъ слогѣ. Это замѣчено было *Гарчилассо де ла Вегою.* Онъ говоритъ, что въ Перуанскомъ языкѣ нѣтъ согласныхъ: *s, b, d, f, g* и *x*, и ежели въ одномъ слогѣ встрѣчаются двѣ какія нибудь согласныя, то Перуанцы, въ произношеніи, раздѣляютъ оныя по двумъ особымъ слогамъ, такимъ образомъ говорятъ они *roc-ro* а не *ro-cro.* Я самъ имѣлъ случай замѣтить, что одинъ изъ черныхъ (изъ Гореи, въ Африкѣ), который былъ такъ уже старъ, что никакъ не могъ выучиться порядочно говорить по Англійски, никогда не могъ выговорить двухъ твердыхъ согласныхъ напр. вмѣсто: *stable, sconce* онъ говорилъ всегда: *table, conce* и т. д. *Во вторыхъ*,— въ противоположность предполагаемой краткости или односложности, находимъ мы въ первоначальныхъ языкахъ непомѣрную *длинноту,* растяженность словъ. Правда, не всѣ языки имѣютъ одинаковую степень растяженности: въ однихъ — слова длиннѣе, нежели въ другихъ, но это происходитъ отъ того, что не всѣ они равно близки къ первона-

чальному источнику; нѣкоторые изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, начинаютъ даже становиться уже языками *искуственными:* но всѣ однакоже, безъ исключенія, представляютъ гораздо большую длинноту въ словахъ, нежели какую можемъ мы найти въ словахъ языковъ, принадлежащихъ народамъ образованнымъ. Это доказывается всѣми приведенными выше языками, особенно же языкомъ Гуроновъ, слова котораго, помѣщенныя въ Сагаровомъ словарѣ, имѣютъ непомѣрную длинноту. Языкъ Караибовъ, въ этомъ отношеніи (по свидѣтельству *Бреттона,* см. выше), превосходитъ даже собою языкъ Гуронскій. *Доббсъ* въ словарѣ Эскимосскаго языка приводитъ два слова: *шестисложное: won-na-we-uck-tuck-luik* (много) и *пятисложное: mik-ke-u-awk-rook,* что значитъ: *мало.* Но языкъ народца на берегахъ Амазонской рѣки превосходитъ длиннотою словъ всѣ остальные языки: *Кондаминъ (Voyage par Condam.,* p. 66.) приводитъ, для образца, изъ этаго языка слово *десятисложное: poetazzarorincouroac,* — которое означаетъ: *три,* не болѣе. И такъ *поливокальность* (т. е. преобладаніе гласныхъ предъ согласными) и *длиннота* — составляютъ общія свойства всѣхъ варварскихъ языковъ, *языковъ первоначальныхъ».*

II. «Противъ этого намъ могутъ сдѣлать возраженіе, указывая на языки *Еврейскій* и *Китайскій.* Первый, безспорно, есть весьма древній языкъ и принимается нѣкоторыми учеными за мать всѣхъ другихъ языковъ; однако же онъ вовсе не имѣетъ такой непомѣрной длинноты словъ, а напротивъ того, имѣетъ множество *согласныхъ* звуковъ; особенно же замѣчательно то, что всѣ корни языка Еврейскаго имѣютъ въ себѣ *три согласныя съ двумя только гласными.* Китайскій языкъ — скажутъ намъ — равнымъ образомъ есть языкъ, принадлежащій къ глубокой древности и, между тѣмъ, всѣ слова его *односложны.* На это мы отвѣтимъ слѣдующее: *во первыхъ,* что касается Еврейскаго языка, то онъ, безъ сомнѣнія, есть языкъ чрезвычайно-глубокой древности и мо-

жетъ быть есть матерь многихъ другихъ: но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ есть одинъ изъ *первыхъ*, натуральныхъ языковъ. Напротивъ того, ежели справедливо общее мнѣніе ученыхъ, понимающихъ хорошо этотъ языкъ, то это языкъ въ высшей степени *искуственный*, потому, что по свидѣтельству ученыхъ, корни его состоятъ изъ *трехъ разныхъ согласныхъ*, соединяемыхъ разнообразными способами. Это самое ясно показываетъ уже, что языкъ былъ произведеніемъ *искусниковъ (Kunstmenschen)*, которые постигали уже силу *буквъ*, знали дѣйствіе, производимое разнообразнымъ сочетаніемъ оныхъ и такимъ образомъ составляли корни языка, отъ которыхъ, по извѣстнымъ правиламъ, произведены были всѣ прочія слова, такъ, что языкъ представляетъ полную, совершенную систему. *Во вторыхъ*, — что касается возраженія, основывающагося на Китайскомъ языкѣ, — то и оно не имѣетъ для себя никакой опоры въ томъ, что языкъ Китайскій принадлежитъ такъ же къ числу языковъ первоначальнаго, натуральнаго образованія. Напротивъ того, такъ какъ знаніе языка у Китайцевъ составляетъ бо́льшую часть ихъ учености, то это даетъ намъ основаніе думать, что этотъ языкъ былъ произведеніемъ *ученыхъ людей*, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ признаковъ, которыми отличаются грубые, безъискуственные языки (мы узнаемъ эти признаки при разсмотрѣніи формальной стороны языковъ дикихъ народовъ). Языкъ Китайскій, сколько намъ извѣстно, въ выраженіи своемъ представляется совершеннымъ и точнымъ языкомъ: части рѣчи различены въ немъ съ такою же опредѣленностію, какъ и въ нашихъ Европейскихъ языкахъ. Отъ чего образователи этаго языка остановились на одной точкѣ въ его образованіи и не расширили словъ (¹) своего языка словосоставленіемъ, словопроизводствомъ и измѣненіемъ? — это, безъ сомнѣнія, вопросъ весьма любопытный и важный,

---

(¹) Т. е. Матеріи самыхъ звуковъ.

но мы не коснемся его здѣсь Еще могутъ возразить намъ, что языкъ Огаитянъ отличается не столько *длиннотою* словъ, сколько обиліемъ гласныхъ и притомъ имѣетъ мягкій, нѣжный говоръ. — Но относительно этого, одинъ изъ мужей, которымъ ученый міръ и человѣчество такъ много обязаны за ученыя ихъ изслѣдованія, предпринятыя съ такими трудами и опасностями, — (¹) сказалъ мнѣ, что языкъ Отаитянъ далеко отстоитъ отъ варварскаго языка. Отаитяне имѣютъ падежи существительныхъ, времена глаголовъ: они склоняютъ первыя, подобно намъ, при помощи предлоговъ, вторые спрягаютъ при помощи глаголовъ вспомогательныхъ: они имѣютъ даже всѣ части рѣчи, какъ и въ нашихъ языкахъ, не исключая даже имени *прилагательнаго*, котораго мы не находимъ ни въ одномъ изъ языковъ дикихъ народовъ (какъ увидимъ ниже). Въ языкѣ Отаитянъ есть, равнымъ образомъ, и Этимологія: т. е словосоставленіе и словопроизводство; относительно же длинноты словъ Отаитскихъ, ученый мой сказалъ мнѣ, что они вообще состоятъ изъ *различныхъ слоговъ;* онъ могъ привести себѣ на память одно только односложное слово въ цѣломъ языкѣ, а языкомъ этимъ занимался онъ съ особеннымъ стараніемъ, и до того изучилъ его, что съ большою легкостію могъ на немъ говорить».

§ 23-й.

Формальная сторона языковъ дикихъ народовъ.

Формальная сторона въ языкахъ дикихъ народовъ т. е. *значеніе* звуковъ, составляетъ предметъ, гораздо болѣе достойный вниманія философа, нежели сторона матеріальная

(¹) Не знаю, о какой экспедиціи ученой говоритъ здѣсь Авторъ.

т. е. звуки, сами по себѣ взятые въ языкахъ и преимущественно въ языкахъ дикихъ народовъ. Это потому, что такъ какъ между *мышленіемъ* и *рѣчью* находится нѣкоторая существенная, необходимая связь, то изучая *содержаніе* словъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдуемъ постепенныя движенія человѣческаго духа въ его младенческомъ состояніи: предметъ необычайной важности въ естественной исторіи человѣка, для которой мы не имѣемъ никакого другаго *письменнаго* первобытнаго *памятника* (Urkunde), кромѣ языковъ дикихъ народовъ.—Есть только три *первоприродные* (¹) языки— сколько мнѣ извѣстно — о которыхъ мы имѣемъ подробныя и достовѣрныя извѣстія: это — языки: *Гуронскій, Галибинскій и Караибскій*, словари и грамматики которыхъ есть у насъ (разумѣется, какія можно было составить по нимъ). Гуронскій языкъ — самый грубый и несовершенный изъ всѣхъ трехъ, и потому мы изъ него и будемъ преимущественно заимствовать примѣры наши. — Вотъ въ чемъ состоятъ главныя, характеристическія особенности этого языка. *Во первыхъ*:

(¹) У Монбоддо barbarisch: такъ позволяю я себѣ замѣнить это слово, и невѣрное и оскорбляющее нѣсколько чувство человѣчности — по крайней мѣрѣ для меня. Дѣлая извлеченія изъ сочиненія Монбоддо, для полученія постулятовъ естественной исторіи Слова человѣческаго, — я остаюсь въ этомъ случаѣ вѣрнымъ началамъ терминологіи естественной: «называть вещи, существа и т. д. именами самыхъ вещей, существъ, именами *точными*, а не переносными, относительными». Зоологія называетъ первый порядокъ животныхъ: *bimana* (двурукія) а не *человѣки*; второй — *quadrimana*, а не животныя *не человѣческія, скверныя, гадкія* и проч. Тоже нужно соблюдать и въ языкознаніи; что это за языки *варваркіе*? Я выше уже сказалъ, что по *совѣсти* науки — это вздоръ, чистѣйшій вздоръ, уже потому, что мы не знаемъ *сущности* этихъ языковъ, не знаемъ сущности и языка *человѣческаго* (натуральнаго), и смотримъ на все языческое, мѣряя оное нашими грамматиками, нашими языками искуственными.— Пора, кажется, *бѣлымъ* человѣческимъ животнымъ, по крайней мѣрѣ хотя въ наукѣ естественной — смотрѣть на *черныя, мѣдно-красныя* животныя, какъ на существа одной съ нами природы, а не какъ на скотовъ или звѣрей.

въ этомъ языкѣ вовсе нѣтъ слѣдовъ словопроизводства или словосоставленія, такъ, что какую бы аналогію ни представляли слова въ ихъ *значеніи*, — въ звукахъ или самыхъ корняхъ они не имѣютъ ничего сходнаго. Здѣсь, по этому, не замѣчаемъ мы работы искуства, *сплачивающаго* лексическій составъ языка и сокращающаго количество разнообразныхъ звуковъ. Множественность, разнообразіе корней въ Гуронскомъ языкѣ доходитъ до того, что иногда прибавленіе одной частицы отрицанія совершенно измѣняетъ слово т. е. вмѣсто одного корня является при этомъ случаѣ новый, особый, выражающій тотъ же предметъ — только въ формѣ отрицанія. Напр. у нихъ есть особое слово, означающее: *вещь хороша*, и совершенно иное для обозначенія: *вещь не хороша*; особое для фразы: *ты ударилъ его*, совершенно иное для выраженія: *я его не ударилъ*; особое для выраженія: *я это знаю*, и другое, совершенно несходное съ нимъ, для фразы: *я не знаю этого*. — Малѣйшая даже перемѣна въ *обстоятельствѣ* дѣйствія или положеніи предмета производитъ разность въ выраженіи: такъ напр. слово, означающее: *раненъ сѣкирою* — совершенно отлично отъ слова, выражающаго простое: *раненъ*; *въ хижинѣ* выражается словомъ, совершенно отличнымъ отъ того, которое означаетъ: *хижина*; и отъ того и другого совершенно отлично слово, означающее: *моя хижина*. Слово, означающее *два года*, совершенно отлично отъ словъ, выражающихъ: *одинъ годъ*, *четыре года*, *десять лѣтъ* и т. д. — *Во вторыхъ:* субстанціи, обыкновенно, обозначаются въ этомъ языкѣ не *особо*, но въ совокупности съ *свойствами* ихъ и часто съ *дѣйствіями*, относящимися къ онымъ, — какъ увидимъ ниже. — Даже самыя обыкновенныя, житейскія отношенія: *отца*, *матери*, *дяди*, *тётки* изображаются не сами по себѣ, но съ прибавленіями: *мой*, *твой*, *его* и посредствомъ словъ, которыя совершенно отличны одни отъ другихъ (1). — (Т. е. *мой*

(1) И какъ это поразительно натурально, здраво, глубоко философски! Есть ли

отецъ инымъ словомъ обозначается, нежели *твой отецъ* и т. д.)—*Въ третьихъ:* въ языкѣ этомъ не выражается ни одно свойство *отвлеченное* т. е. ни одно свойство или качество взятое внѣ субстанціи, безъ предмета, въ которомъ оно находится. Въ цѣломъ языкѣ нѣтъ *имени прилагательнаго* т. е. нѣтъ слова, которое выражало бы *качество*, находящееся въ предметѣ или субъектѣ неопредѣленномъ; гораздо менѣе имѣютъ Гуроны отвлеченныхъ существительныхъ именъ, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ, какъ-то: *доброта, злость* и подобныя имъ. У нихъ нѣтъ, по этому, ни одного слова, которое выражало бы: *добрый* или *злой;* вмѣсто того есть только слова: *вы добры, вы злы.*— *Въ четвертыхъ:* при обозначеніи дѣйствій, Гуроны, обыкновенно, не дѣлаютъ никакого различія между *дѣйствіемъ, лицемъ дѣйствующимъ, предметомъ дѣйствія* и *способомъ онаго:* но весьма часто выражаютъ все это вмѣстѣ однимъ и тѣмъ же словомъ. Потому-то, какъ замѣчаетъ *Sagard* въ своемъ предисловіи, они имѣютъ множество словъ, изъ которыхъ каждое составляетъ цѣлую фразу, полное предложеніе. — Такъ они, напр., выражаютъ однимъ словомъ: *есть вода въ ведрѣ;* другимъ, совершенно отличнымъ словомъ выражаютъ они: *тамъ много воды;* третьимъ, особымъ, отъ обоихъ этихъ словъ отличающимся звукомъ: *вы пролили воду на огонь.*— Но однимъ и тѣмъ же словомъ выражаютъ они: *ты* (еси) *очень обрадованъ этимъ* и *ты будешь очень этимъ обрадованъ.* Глаголы ихъ, по большей части, выражаютъ дѣйствіе сово-

---

въ *глазахъ* человѣка натуры, отличающаго одно существо ея отъ другого только такими чертами, которыми ихъ отличаетъ сама натура—какое-нибудь отличіе между однимъ отцемъ и другимъ, или между отцемъ мужественнаго возраста и сыномъ въ цвѣтѣ лѣтъ? Ровно никакого: всѣ они—одни и тѣ же существа: *человѣки*! каждый есть субстанція: потому и дикій говоритъ не иначе, какъ *мой* или *твой отецъ* и при томъ *мой отецъ* означаетъ однимъ словомъ, *твой отецъ* опять другимъ; для *отца* просто—у него нѣтъ даже слова, потому что *отецъ*, безъ опредѣленнаго отношенія (къ сыну и такому-то именно), есть только *человѣкъ*, слѣд. самъ по себѣ—нѣчто пустое, несуществующее.

купно съ самымъ субъектомъ дѣйствія: только очень немногіе обозначаютъ дѣйствіе чистое, отрѣшенное, дѣйствіе само по себѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ ни одного слова, которое бы означало просто: *рѣзать*, и много, которыя обозначаютъ: *рѣзать рыбу, рѣзать дерево, отрѣзать голову, руку* и т. д. Подобнымъ же образомъ нѣтъ у нихъ ни одного слова, которое выражало бы простую, обыкновенную идею: *давать;* за то въ Сагаровомъ словарѣ цѣлыя двѣ, три страницы наполнены словами, которыя означаютъ: *давать то-то* (разные предметы). — *Въ пятыхъ:* что касается *временъ, числъ* и *лицъ*, то авторъ нашъ въ предисловіи своемъ говоритъ, что Гуроны выражаютъ все это не иначе, какъ акцентомъ или тономъ, и такимъ же точно образомъ различаютъ они утвердительную и отрицательную форму глагола. Такимъ образомъ *времена, числа* и *лица* выражаются у нихъ, по большей части, однимъ и тѣмъ же словомъ; ежели же встрѣчаются у нихъ особыя выраженія для того, то они состоятъ изъ совершенно-различныхъ, другъ съ другомъ не связанныхъ словъ — такъ напр. *я сказалъ, ты сказалъ, онъ сказалъ* выражаются *тремя* различными словами; *я сказалъ это*—*четвертымъ* словомъ, непохожимъ на первыя три; а *я ему сказалъ*—*пятымъ*, подобно же отличнымъ словомъ.— *Въ шестыхъ*: ни въ Гуронскомъ языкѣ, ни въ остальныхъ двухъ, сколько могъ я замѣтить, нѣтъ ни одного слова, которое обозначало бы какой-нибудь высшій родъ (genus) *животнаго* или *растенія*, а тѣмъ болѣе — которое обозначало бы понятія: *вещество, пространство, существо* (Wesen) и подобныя имъ метафизическія бытности. Тоже самое замѣчаетъ *Лакондаминъ* о языкѣ дикихъ на берегахъ Амазонской рѣки, имѣющихъ слова непомѣрной длинноты: и это можно сказать о всѣхъ первоприродныхъ языкахъ безъ исключенія.

Наконецъ, что касается синтаксиса, то кажется, Гуроны вовсе не имѣютъ его, потому что у нихъ нѣтъ ни предлоговъ, ни союзовъ. Они не имѣютъ ни родовъ, ни чиселъ, ни падежей

для существительныхъ, ни наклоненій глаголовъ, однимъ словомъ, сколько могъ я видѣть, они не имѣютъ никакого средства соединять одни слова съ другими въ рѣчи. Впрочемъ, это — особенность не одного только языка Гуроновъ: въ языкахъ Галиби и Караибовъ замѣчается тоже самое, по показанію писателей, сообщающихъ намъ извѣстія объ этихъ языкахъ, хотя ни одинъ изъ нихъ не есть столько грубъ и несовершенъ, какъ языкъ Гуронскій. — Но какъ же, при совершенномъ отсутствіи синтаксиса, понимаютъ другъ друга люди, говорящіе этими языками? — Это, мнѣ кажется, можетъ происходить не иначе, какъ чрезъ разстановку или расположеніе словъ (которыя составляютъ значительную часть синтаксиса въ новѣйшихъ языкахъ, не имѣющихъ падежей), при пособіи акцентовъ или тоновъ, или при помощи тѣлодвиженій и знаковъ. — Гуроны и, я думаю, всѣ дикіе народы, обладаютъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ тоновъ въ словахъ; они имѣютъ даже много драмматизма (Handlung) въ ихъ рѣчи, и положеніемъ слова, безъ сомнѣнія, опредѣляется обыкновенно, съ какимъ другимъ словомъ соединено оно въ предложеніи или фразѣ.

§ 23-й.

Слѣды прогресса или развитія въ языкахъ дикихъ народовъ.

I. *Первые, слабые слѣды: Гуроны, Галиби, Караибы.*

Хотя Гуронскій языкъ есть самый грубый и несовершенный языкъ изъ всѣхъ, намъ извѣстныхъ, — однакожъ и въ немъ уже мы находимъ слѣды прогресса, которые тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что обнаруживаютъ работу *искуства*, стремящагося къ упрощенію многосложности первоприродныхъ формъ языка и къ подведенію богато-разнообразныхъ зву-

ковъ къ единичному типу — къ *аналогіи.* — *И во первыхъ:* такъ какъ самый большой недостатокъ всѣхъ первоприродныхъ языковъ состоитъ въ томъ, что они различныя вещи выражаютъ однимъ и тѣмъ же словомъ, не дѣлая *отвлеченія* (Abstrahiren) и не различая ихъ одну отъ другой, — то мы должны уже считать признакомъ мыслящей способности народа, и слѣд. прогрессивнымъ моментомъ самаго языка и то уже, что *одна* какая-нибудь вещь выражается особымъ, отличнымъ словомъ: эти люди не выразили бы ее особымъ словомъ, ежели бы не составили себѣ напередъ и особаго, отдѣльнаго, опредѣленнаго понятія о самой вещи.— Мы видѣли уже, что дикіе народы не далеко ушли въ отвлеченіи, потому, что они не отдѣляютъ свойства отъ субстанціи, въ которой оно находится, и не обозначаютъ онаго особымъ словомъ (прилагательнымъ): но за то, они сдѣлали уже шагъ, правда не столько насильственный, прямой, рѣшительный, какъ шагъ настоящаго мыслителя, но натуральнѣе начинающій пріемъ *отвлеченія.* Мы разумѣемъ здѣсь отвлеченіе субстанціи отъ свойствъ, качествъ, которое показываетъ уже, что они разсматривали субстанцію, какъ нѣчто существующее само по себѣ, внѣ особеннаго качества и дали ей, по этому, и особое названіе, слово.—Таково, думаемъ мы, должно было быть первое отвлеченное понятіе, въ нѣкоторой степени совершенное, которое образовалъ или могъ образовать себѣ человѣкъ: и потому Гуроны дошли до того, что образовали нѣсколько такихъ понятій и дали имъ названія. Такъ напр. у нихъ есть слово, которое означаетъ просто: *деревья;* другія, которыя означаютъ извѣстные *роды* деревьевъ, плодовъ и животныхъ; еще другія, обозначающія *произведенія* искуства, безъ присовокупленія качества и т. д.—*Во вторыхъ: въ обобщеніи* (Generalisation) начали они уже восходить отъ низшаго рода къ высшему, не только въ названіяхъ деревьевъ, но даже и животныхъ. Ибо, хотя они, какъ мы уже знаемъ, не имѣютъ ни одного слова, которое бы означало: *животное, звѣрь* вообще (genus),—но доволь-

но уже близки къ тому, имѣя общія названія (нарицат. имена): *четвероногое*, *лѣсное животное* и *ручное четвероногое животное* (означающее кошекъ, собакъ) и т. д. *Въ третьихъ:* они сдѣлали нѣкоторый шагъ впередъ въ *искуственной* части рѣчи: *глаголѣ*,—ибо а) они довели *отвлеченіе* въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того, что отдѣляютъ дѣйствіе отъ лица дѣйствующаго и отъ каждаго обстоятельства, сопровождающаго оное, и имѣютъ слово, служащее къ выраженію дѣйствія чистаго, самого по себѣ; б) они сдѣлали различеніе въ трехъ лицахъ и это различеніе въ нѣкоторыхъ, немногихъ, правда, глаголахъ выражается измѣненіемъ или изгибомъ самого слова, напр. въ выраженіяхъ: *я раненъ, ты раненъ, онъ раненъ* — одно и тоже слово, съ различными измѣненіями въ *началѣ*, обозначаетъ три лица: *я*, *ты*, *онъ*.—Правда, эти примѣры не принадлежатъ къ обыкновеннымъ случаямъ, но мы должны сказать, что не такъ необыкновенны, рѣдки тѣ случаи, въ которыхъ *одно* изъ лицъ бываетъ отличаемо отъ другаго чрезъ перемѣну въ словѣ напр. въ словѣ, означающемъ *чихать*, второе лице настоящаго времени отличается отъ перваго прибавленіемъ буквы s въ началѣ слова: такимъ образомъ первое лице: *atsonsta* (чихаю) и такъ же точно и третіе (чихаетъ); но второе лице будетъ *satsonsta* (ты чихаешь). Въ этомъ же глаголѣ есть и *наклоненіе* (*modus*), именно: *неопредѣленное* (*infinitivus*), образуемое буквою *h*: *atshonsta*, обозначающее дѣйствіе само по себѣ, безъ лица дѣйствующаго. — Я нашелъ еще одинъ глаголъ, и только одинъ, въ которомъ перемѣною въ томъ же самомъ словѣ выражено различіе времени: это глаголъ, означающій говорить, въ которомъ настоящее время: *говорю* отличается отъ прошедшаго: *говорилъ*, особою формою того же слова. — Въ языкѣ Гуроновъ есть еще одна сторона, заслуживающая особеннаго вниманія. Хотя они не далеко подвинулись въ общественной, человѣчной жизни и въ прогрессивномъ развитіи языка, но имѣютъ, подобно намъ, *децимальную* систему счисленія т. е. отъ одного они считаютъ до десяти и потомъ снова

возвращаются къ единицѣ, какъ дѣлаемъ и мы. — (¹) Вотъ названія единицъ: 1. *escate*, 2. *teni*, 3. *hachin*, 4. *dac*, 5. *onyche*, 6. *houhahea*, 7. *sotaret*, 8. *ataret*, 9 *nechon*, 10. *assan.* — Для выраженія слѣдующихъ числъ отъ 10 — 20 употребляются три слова: *assan* (десятокъ), потомъ, по порядку, названія единицъ и наконецъ слово: *escarhet.* — 20. *teni-quivoissan*: для выраженія числъ отъ 20 — 30 употребляются тоже три элемента: названіе сложное: 20 (*teni-quivoissan*), названіе единицы десятка и тоже непонятное *escarhet;* напр. 21. — *teni quivoissan-escarhet;* отъ 30—90 для обозначенія числъ служатъ *два только* элемента: названіе единицы десятка и *quivoissan;* 100—*egyo-tivoissan;* 200—*teni-tevoignavoy*, 1000 — *assen-attevoignavoy;* 2000—*teni - tivoissan - attevoignavoy.* — Замѣчательно, что для суммъ: ста, двухъ сотъ, тысячи и двухъ тысячъ, для которыхъ въ европейскихъ языкахъ употребляются только *два* элемента: сто: (*Hundert, centum*) и *тысяча* (*Tausend, mille*), у *варваровъ* — Гуроновъ употребляются *четыре* особые, такъ что изъ таблички сихъ числъ нельзя видѣть той искуственности или *условности*, которую представляетъ наша числительная система, не восходящая, не забудемъ, ни въ Славянскомъ, ни въ Латинскомъ ни въ Греческомъ (*μυριας*) выше *тысячи* ! ! — Въ названіяхъ *ста* — оба элемента не извѣстны, (²) слѣд. отличны отъ названій элементовъ десятка и сотни (*quivoissan*); въ названіи двухъ сотъ извѣстенъ только первый: *teni* (два), но второй уже не есть *сто* какъ у Европейцевъ; въ названіи *тысячи* извѣстенъ только первый: *assen* (десять) но второй тоже не сто (*egyotivoissan*) но особое слово, и слѣд. особый какой то элементъ, входившій уже въ сумму двухъ сотъ *tevoignavoy* съ прибавкою слога: *at* въ началѣ; въ названіи двухъ тысячъ изъ трехъ элементовъ извѣстенъ вполнѣ только первый: *teni* (два=эле-

---

(¹) Изъ: Sagard, Voyage etc. Ср. статью Лёпина *Ариѳметика*, въ Энцикл. лекс.

(²) По крайней мѣрѣ во второмъ можно знать только половину: *tivoissan*, которую можно разложить на *tivo* + *assan* (десять).

ментъ десятка), половина втораго (*tivoissan=tivo* + *assan* десять) и половина втораго; *attevoignavoy*, и то потому только, что она входила какъ половина же (но неизвѣстная) въ сумму 200—*teni-tevoignavoy*.—Не имѣя возможности найти ключь къ этой ариѳметической таблицѣ, мы можемъ сказать однакоже, что вмѣсто трехъ ариѳметическихъ элементовъ (языковъ европейскихъ), выражающихъ всѣ числа отъ 10–до милліона: *десять*, *сто*, *тысяча*, у Гуроновъ есть *четыре* для выраженія числъ отъ 10–2000, именно: *десятокъ* (*assan*), элементъ *двадцати* (*quivoi*), *ста* (*tivoi*), *двух–сотъ* (*gnavoy*); ежели же взять во вниманіе какіе то *интегрирующіе* или *диффеpенцирующіе* элементы: *escarhet* (отъ 10—20), для выраженія наращенія десятка единицами, *egyo*—для интегрированія *сотни* и *at* для дифференцированія тысячи (*) въ суммѣ *двухъ тысячъ*,—то мы найдемъ у необразованныхъ Гуроновъ семь ариѳметическихъ элементовъ: слишкомъ много предполагаетъ въ себѣ логическаго соображенія эта система счисленія! . . .—Идетъ ли счисленіе Гуроновъ далѣе 2000 ? — *Sagard* не говоритъ намъ объ этомъ; въ жизни народа дикаго развитіе ариѳметики предполагать трудно: такъ счисленіе обитателей Камчатки (*Annual Register*, 1764 , p. 4) не простирается далѣе числа 20–ти, числа пальцевъ на рукахъ и ногахъ; дошедши до этого числа, они спрашиваютъ: *что намъ*

(*) Кажется, что *at* не выражаетъ здѣсь наращенія, потому, что *tevoi* + *gnavoy* входитъ съ единицею десятка: *двумя* въ сумму 200, слѣд. предположительно можетъ означать или десять разъ десять или какую нибудь другую ариѳметическую операцію умноженія, во всякомъ случаѣ такую, которая въ *два* только пріема: сложенія или умноженія, дала бы въ результатѣ *двѣсти*. Во всякомъ случаѣ эта сумма не можетъ превышать *ста*: и такъ, положимъ, что *tevoignavoy* = 100; двѣ тысячи называется: *assen attevoignavoy* т. е. десять-разъ сто; слѣд. *attevoignavoy* = сто умножаемое, взятое нѣсколько кратъ (*at* — крата, разъ?); двѣ тысячи называется: *teni–tivoissan–attevoignavoy* т. е. два–сто × сто (умножаемое?), слѣд. неужели двѣстѣ взятое сто разъ ? — что даетъ 100 × 100 = 10000; × 2 = двадцать тысячъ ! — Явно, что здѣсь *at* не выражаетъ кратности, а что нибудь другое.

дѣлать далѣе? Счисленіе Караибовъ не простирается далѣе 5, подобно счисленію Циклоповъ у Гомера: но замѣчательно, что этотъ народъ, при такомъ несовершенствѣ числительной системы, сдѣлалъ гораздо большій шагъ въ усовершенствованіи языка, нежели Гуроны. Отъ чего же такая странная совмѣстность недостатковъ съ совершенствами языка? Не заимствовали ли Гуроны въ грубый языкъ свой счисленія отъ Канародовъ болѣе образованныхъ?—Но въ такомъ случаѣ и Караибы не заимствовали ли своего языка отъ образованныхъ народовъ?—При странныхъ переворотахъ и смѣшеніяхъ народовъ, происходившихъ въ продолженіи временъ, это можно предполагать.

Галиби. Языкъ Галиби, сколько можно судить объ немъ по грамматикѣ и словарю, гораздо менѣе представляется несовершеннымъ, нежели языкъ Гуроновъ; Галиби дошли до того, что раздѣляютъ рѣчь на *части,* какъ дѣлаемъ мы. Они въ спряженіяхъ глагола не только обозначаютъ различныя лица чрезъ перемѣны въ словѣ, но имѣютъ даже для нихъ особыя названія, имѣютъ, кромѣ того, *мѣстоименія* и *прилагательныя,* имѣютъ, наконецъ, звѣнья, служащія къ связности рѣчи,—союзы. Но у нихъ замѣтно очень мало *словосоставленія* и *словопроизводства.* Падежей у нихъ вовсе нѣтъ, какъ и у Гуроновъ. Синтаксисъ ихъ, не смотря на то, что они имѣютъ и союзы и даже нѣкоторые предлоги, представляетъ такое же несовершенство, какъ и синтаксисъ Гуроновъ.

Караибы. Языкъ Караибовъ, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ сродство съ языкомъ Галиби; но изъ извѣстія, сообщеннаго намъ объ немъ тѣмъ же миссіонеромъ *Sagard*, видно, что этотъ языкъ менѣе совершенъ, чѣмъ Галиби, хотя и не такъ, какъ языкъ Гуроновъ; это потому, что Галиби имѣютъ родъ словопроизводства и словоизмѣненія, и болѣе временъ въ глаголахъ, нежели Гуроны: но за то часто

выражаютъ они цѣлое предложеніе однимъ словомъ,—чего не бываетъ въ языкѣ Галиби.»

§ 24.

Дальнѣйшіе слѣды прогресса языковъ: Гарани, Альгонкины, Альбинакойцы.

Гарани. Изображеннаго нами состоянія языковъ первоприродныхъ мы не должны принимать за крайній предѣлъ въ ихъ прогрессѣ. Въ Парагваѣ есть народъ, называемый *Гарани;* я просматривалъ словарь и грамматику языка этаго народа, изданную въ Мадридѣ въ 1639-мъ году, на испанскомъ языкѣ, однимъ Іезуитомъ, посвятившимъ это сочиненіе Пресвятой Дѣвѣ. Эта грамматика написана съ чрезвычайною тщательностію и есть произведеніе ученаго языковѣда. Судя по извѣстіямъ, какія Авторъ сообщаетъ намъ объ языкѣ Гарани, это языкъ такъ же правильно-образованный, какъ любой изъ языковъ, на которыхъ теперь говорятъ въ Европѣ: онъ имѣетъ даже рѣшительное преимущество предъ всѣми *нашими* языками, въ томъ именно, что въ немъ есть склоненія именъ существительныхъ, образуемыя падежными окончаніями и спряженія глаголовъ, въ которыхъ, равнымъ же образомъ, посредствомъ тематическихъ окончаній или измѣненій (*Beugung*) выражаются *времена, числа* и *лица.*— Въ первыхъ лицахъ большей части глаголовъ своихъ этотъ языкъ имѣетъ такую особенность, какой я не нахожу ни въ одномъ изъ языковъ, мнѣ извѣстныхъ, кромѣ языка народовъ Бразиліи,—о чемъ сообщилъ мнѣ въ Парижѣ *La Condamine*, которому я обязанъ *употребленіемъ* словаря и грамматики Гаранискаго языка. Гарани имѣютъ во множественномъ числѣ двѣ формы перваго лица (мы): 1) *включительную* т. е. обозначающую лице, которое говоритъ и лице, къ которому говорятъ, 2) *исключительную* т. е. форму, которая указываетъ только на лице говорящее и исключаетъ лице,

къ которому говорятъ; та и другая форма выражается особымъ измѣненіемъ слова. (¹) Французы выражаютъ это отличіе въ первомъ лицѣ множественнаго числа прибавкою мѣстоимѣнія: *autre*, говоря въ такомъ случаѣ—*nous autres*, что означаетъ *исключительное* множественное число; Англичане же не могутъ обойтись при этомъ безъ гораздо большей оговорки (*Umsehreibung*).—Эта форма множественнаго числа вмѣстѣ съ другими, вполнѣ развитыми грамматическими формами языка Гарани, выражаетъ чрезвычайную точность, отчетливость мысленія, и слѣд., большой прогрессивный шагъ, представляющій явленіе, такъ же необъяснимое въ этомъ *первоприродномъ* языкѣ, какъ и въ языкѣ Галиби. Возможно-ли, чтобы народъ, такъ не далеко подвинувшійся во всѣхъ отрасляхъ *человѣчной* жизни, могъ самъ такъ далеко подвинуть первоприродный языкъ свой, превышаю-

---

(¹) Это ни что иное какъ *двойственное* число, находимое, кромѣ древнихъ языковъ, и въ языкахъ Славянскихъ, (Чешскомъ, Польскомъ и др.). Въ Польскомъ языкѣ (въ одной изъ провинцій) и до сихъ поръ еще сохраняется *двойственное* число перваго лица въ двухъ видахъ: 1) *совмѣстномъ* т. е. заключающемъ въ себѣ первое лице и второе, которому говорятъ напр. *chodźwa*, пойдемъ т. е. я и ты, 2) *исключительномъ* т. е. обозначающемъ прямо, явственно только два вторыя лица (ты, онъ) и умалчивающемъ о первомъ лицѣ напр *chodźta*, ИДИТА т. е. иди ты и онъ, ты и онъ идите.—*Исключительная* форма перваго лица въ языкѣ Гарани есть ничто иное, какъ распространеніе Польской *совмѣстной*, ибо лице говорящее обозначаетъ тоже два лица *себя* (первое) и другихъ (второе), къ которымъ, хотя они отсутствуютъ, оно какъ бы говоритъ и *множество* которыхъ оно принимаетъ за единицу, подобную себѣ, за второе лице, напр. *мы Русскіе не любимъ врать*; это должно было бы по Славянски передать такъ: *ва не любива лгати*, хотя по славянской грамматикѣ эта форма будетъ означать только *два лица* настоящія, присутствующія и *лица* въ строгомъ смыслѣ слова (два человѣка), а не одно *лице* реальное а другое мысленное и притомъ собирательное (*collectif*). Я думаю, однакоже, что изъ грамматики славянскаго церковнаго языка мы не можемъ составить себѣ настоящей идеи о двойственномъ числѣ, потому что наши литераторы и грамотѣи повторяли только *формы* двойственнаго числа, не постигая идеи: отъ того двойственное число и изчезло, со временемъ, въ нашемъ книжномъ славянскомъ языкѣ.

щій грамматикою своею языки совершеннѣйшіе? Заимствовать языкъ свой отъ народовъ, теперь съ нимъ сосѣдственныхъ, онъ не могъ; не ужели онъ заимствовалъ оный у какого нибудь другаго народа уже цивилизованнаго, съ которымъ онъ, во времена незапамятныя былъ въ обшеніи и отъ котораго, различными переворотами, совершившимися на землѣ, былъ отторгнутъ? . . . .

Альгонкины, Альбинакойцы.—Послѣдній языкъ, о которомъ мы упоминаемъ здѣсь, заслуживаетъ наше особенное вниманіе потому, что это—самый искуственный, ежели не самый совершеннѣйшій изъ всѣхъ языковъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Это—языкъ *Альгонкиновъ* (*Algonkins, Algonquinen*)—народа Сѣверной Америки, нѣкогда огромнаго и цвѣтущаго, но потомъ совершенно уничтоженнаго Ирокезцами.—Языкъ Альгонкиновъ есть первый изъ двухъ коренныхъ языковъ (*Muttersprachen*) этой части свѣта: второй—языкъ Гуроновъ; всѣ прочіе языки Сѣверной Америки суть нарѣчія того или другаго. *La Hont an* (Vol. 2. p. 220 New Voyages to North America, *Lond.* 1735) говоритъ, что альгонкинскій языкъ есть ученый языкъ Канады и уважается тамъ такъ же высоко, какъ Греческій и Латинскій языкъ въ Европѣ: онъ сообщилъ намъ нѣкоторыя, но весьма недостаточныя свѣдѣнія объ этомъ языкѣ. Я имѣлъ случай получить объ этомъ языкѣ болѣе точныя свѣдѣнія отъ одного французскаго Іезуита (о которомъ упоминалъ уже): этотъ человѣкъ имѣлъ болѣе средствъ изучить этотъ языкъ, нежели Баронъ Ла Гонтанъ, потому, что онъ былъ въ теченіи семи лѣтъ миссіонеромъ у Альбинакойцевъ,—Индійскаго племени, говорящаго однимъ изъ нарѣчій этаго языка и владѣлъ совершенно этимъ нарѣчіемъ, безъ чего онъ не могъ бы вполнѣ удовлетворить своей обязанности или своему назначенію миссіонерскому. То, что сообщилъ онъ мнѣ объ этомъ языкѣ, состояло въ слѣдующемъ.—*Во первыхъ*, хотя этотъ языкъ, какъ увидимъ потомъ, есть языкъ чрезвычайно искуствен-

ный, но не смотря на то, онъ сохраняетъ еще въ себѣ многіе признаки языка первоприроднаго, при всемъ томъ, что отъ источника искуственныхъ языковъ онъ удаленъ гораздо болѣе, нежели другіе коренные языки Сѣверной Америки. Такъ напр. Альбинакойцы не имѣютъ одной части рѣчи, которую мы называемъ именемъ *прилагательнымъ* т. е. не имѣютъ слова, которое означало бы качество, находящееся въ предметѣ неопредѣленномъ: они замѣняютъ эту часть рѣчи глаголомъ, какъ напр. по Нѣмецки, ежели бы вмѣсто: *ein weiser Mann* сказали: *ein Mann, der weise ist,* или чтобы передать это еще вѣрнѣе, ближе къ ихъ нарѣчію, какъ по Латыни, когда мы вмѣсто: *vir sapiens* (человѣкъ смышленый) сказалъ бы: *vir, qui sapit* (человѣкъ, который смыслитъ что нибудь).— *Во вторыхъ*: они не имѣютъ ни одного слова, которое означало бы дѣйствіе чистое и безъ всякаго отношенія, напр. у нихъ нѣтъ слова, выражающаго отвлеченное: *дѣлать* (что нибудь вообще); глаголы ихъ выражаютъ всегда дѣланіе такого то предмета или рода предмета. Подобнымъ же образомъ не имѣютъ они ни одного слова, которое выражало бы просто: *идти:* но у нихъ есть два, одно означаетъ: *идти пѣшкомъ*, другое—*идти по морю*, плыть. Кромѣ того, во всѣхъ глаголахъ дѣлается различіе (мы объяснимъ оное ниже) между двумя случаями: бываетъ ли субъектъ дѣйствія опредѣленъ или неопредѣленъ? — такъ, что каждый глаголъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, содержитъ въ себѣ уже и субъектъ свой и никогда не обозначаетъ дѣйствіе чистаго, отвлеченнаго, отрѣшеннаго отъ предмета. *Въ третьихъ*: у нихъ нѣтъ вовсе мѣстоименій притяжательныхъ: есть только одно, коренное (*ursprüngliches*), которое они употребляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ притяжательное. *Въ четвертыхъ:* первоначально они не имѣли въ языкѣ своемъ никакихъ отвлеченныхъ существительныхъ т. е. именъ, которыя выражали бы отвлеченныя качества субстанціи, — хотя теперь они имѣютъ такія слова. *Въ пятыхъ:* они вовсе не имѣютъ словъ, которыя выражаютъ от-

ношенія отвлеченныя, напр. *отецъ* или *сынъ;* у нихъ есть только слова, которыя означаютъ: *мой отецъ* и *мой сынъ*. Вотъ признаки первоприродной простоты въ ихъ языкѣ. Но слѣдующія черты обнаруживаютъ много искуственнаго образованія въ *лексическомъ* и *грамматическомъ* составѣ ихъ языка.

I. *Лексическая сторона или матерія языка.* Звуки языка Альбинакойцевъ представляютъ необычайное *разнообразіе*, потому, что у нихъ есть *всѣ* тѣ буквы, что и у насъ, выключая одну только *f* и его оттѣнокъ: *v* (v) — которой нѣтъ ни въ одномъ изъ сѣвероамериканскихъ языковъ: тогда, какъ гуронскій языкъ, кромѣ *f* не имѣетъ еще ни одной изъ *губныхъ* буквъ. Кромѣ того, Альбинакойцы имѣютъ различныя *придыхательныя* гласныя, наконецъ гласныя *краткія* и *долгія*. *Roubaud* приводилъ мнѣ нѣсколько словъ, обозначавшихъ различные предмѣты и отличавшихся одно отъ другаго одною долготою или краткостію гласныхъ. Языкъ не имѣетъ грубости или неблагозвучія: напротивъ того, онъ нѣженъ, мякокъ и плавенъ; очень рѣдко встрѣчаются въ немъ двѣ согласныя вмѣстѣ; гдѣ это необходимо — Альбинакойцы предъупреждаютъ опущеніями *зіяніе* (hiatus) гласныхъ.

II. *Грамматическая сторона или форма языка.* Альбинакойцы имѣютъ тѣ три великіе пріемы языковъ искуственныхъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали, именно: *словосоставленіе, словопроизводство и словоизмѣненіе.* а) Что касается *словосоставленія,* то Альбинакойцы имѣютъ оное въ языкѣ своемъ въ такой же мѣрѣ, какъ и другіе языки. Гораздо большая часть словъ ихъ составляется изъ *глаголовъ* и *нарѣчій* (эта послѣдняя часть рѣчи находится у нихъ въ особенномъ употребленіи) и выражаетъ весьма остроумнымъ способомъ природу обозначаемыхъ ими предметовъ. б) *Словопроизводство* употребляется и у нихъ, какъ въ языкахъ другихъ народовъ: особенно велико у нихъ число существительныхъ, производимыхъ отъ третьяго лица глаголовъ настоя-

щаго времени единственнаго числа, выражающихъ отвлеченное дѣйствіе напр. какъ *бѣганіе, хожденіе* (орр. бѣгъ, ходъ) или cursus отъ curro. в) Что касается *словоизмѣненія*, то Альбинакойцы имѣютъ здѣсь столько разнообразія и богатства, что языкъ ихъ превышаетъ собою всѣ языки, о которыхъ только я слышалъ. Ибо они не только образуютъ падежи именъ и времена глаголовъ, но образуютъ даже самые глаголы, которые выражаютъ столько разнообразныхъ видоизмѣненій дѣйствія, что трудно опредѣлить число и взаимное отличіе оныхъ ([1]). *Склоненія.* Изъ падежей именъ существительныхъ Альбинакойцы имѣютъ *три* падежа, образуемые чрезъ различныя измѣненія слова: *именительный, винительный* и *творительный* — когда существительное имя *благородно*, т. е. когда оно выражаетъ предметъ *живой* (lebendes Ding) или *то, что принадлежитъ къ живому предмету*; но ежели оно *неблагородно* т. е. выражаетъ предметъ неодушевленный, то оно имѣетъ только два падежа: *именительный и винительный* ([2]). *Спряженія.* Чрезъ измѣненіе слова въ глаголахъ образуются два только времени: *прошедшее* и *настоящее;* будущее время образуется у нихъ, какъ и у насъ, при пособіи вспомогательныхъ глаголовъ: *буду* и *хочу* ([3]). Они имѣютъ двѣ формы времени прошедшаго; обѣ онѣ отличаются словоизмѣненіемъ: одна выражаетъ, что они *сами* видѣли дѣйствіе произшедшее или совершившееся, и потому достовѣрно-извѣстное, другая сказываетъ, что они только слышали объ этомъ дѣйствіи или знаютъ объ немъ по раз-

---

([1]) Тоже, что въ языкахъ Славянскихъ *виды* глаголовъ: *неопредѣленны*, *однократные* и т. д.

([2]) И какъ поразительно—натурально: вещь одушевленная есть личность, слѣд. можетъ дѣйствовать, слѣд. быть орудіемъ дѣйствія (творительный падежъ); вещь неодушевленная не имѣетъ личности, слѣд. можетъ находиться только въ страдательномъ состояніи, слѣд. быть только предметомъ дѣйствія (винительный падежъ)!

([3]) Какъ въ русскомъ—употребляющемъ: *буду* и въ сербскомъ употребляющемъ ђу (цю—сокращенное изъ *хоцю*, желаю) въ концѣ слова, напр. *любицю* = любити + хоцю = полюблю, буду любить.

сказамъ ([1]). *Наклоненія* они образуютъ тоже или чрезъ измѣненіе (Inflection) конечнаго слога въ словѣ или чрезъ прибавку, наращеніе его. *Лица.* Первыя два (первое и второе) лица въ глаголахъ они образуютъ, предъпосылая мѣстоименіе глаголу. Что касается третьяго лица, они говорятъ, что оно не требуетъ никакой черты отличія и потому употребляютъ простое время глагола, безъ всякаго присоединенія къ нему мѣстоименія или частицы. Во множественномъ числѣ, подобно нѣкоторымъ первоприроднымъ языкамъ, они имѣютъ *двоякую форму* перваго лица, различаемую измѣненіемъ слова: одна *включаетъ* лице, къ которому обращена рѣчь, какъ напр. если бы мы сказали: *мы всѣ — люди;* другая — *исключаетъ* оное изъ совмѣстности съ первымъ лицемъ, напр. ежели бы Нѣмецъ говоря съ Французомъ, сказалъ бы: *мы Нѣмцы дѣлаемъ такъ-то*, или Французы, употребляющіе въ подобныхъ случаяхъ: *nous autres.* Но, кромѣ того еще, что обыкновенно выражается словоизгибами глагола (т. е. времени, лица, числа дѣйствія), — Альбинакойцы обозначаютъ еще *субъектъ* дѣйствія, т. е. имя, управляемое глаголомъ, отличая притомъ еще, *благородно* ли оно или *неблагородно ?* (одушевленное или неодушевленное ?), въ винительномъ ли оно падежѣ стоитъ или въ творительномъ ? —, такъ, что глаголъ въ самомъ дѣлѣ *склоняется* ([2]), такъ же точно

([1]) И въ русскомъ есть нѣчто подобное въ нѣкоторыхъ глаголахъ напр. *я видалъ, слыхалъ*, (причемъ всегда прибавляется: гдѣ—то, какъ—то, когда—то, у кого—то, отъ кого то) означаетъ дѣйствіе не вполнѣ намъ извѣстное, невполнѣ нами сознанное или сознаваемое; *видѣлъ, слышалъ* — дѣйствіе съ точными данными: *гдѣ, кто ? когда что?* — *Я слыхалъ объ немъ:* можно подразумѣвать и *первыя и вторыя руки*, какъ говорятъ у насъ; *я слышалъ* — здѣсь разумѣется или самое лице, о которомъ рѣчь идетъ или же достовѣрнѣйшая особа, знающая что либо объ этомъ лицѣ — (т. е. изъ первыхъ рукъ получилъ извѣстіе).

([2]) Въ русскомъ языкѣ есть подобный отъчасти тому случай въ сложномъ видѣ глагола: *быть любиму*, быть любимою и т. д; во французскомъ тоже *devenir immortel, d. immortelle*; въ нѣмецкомъ прилагательное будетъ стоять въ одномъ родѣ (*unsterblich*) — неопредѣленномъ, относилось ли бы оно къ *er* или *sie*.

какъ и имя существительное и почти такъ же согласуется съ именемъ, имъ управляемымъ, какъ согласуются между собою существительное и прилагательное въ языкахъ образованныхъ. Наконецъ, Альбинакойцы словоизгибомъ же выражаютъ различіе, которое, сколько я знаю, неизвѣстно ни въ одномъ языкѣ, именно, различіе тѣхъ двухъ случаевъ, въ которыхъ субъектъ дѣйствія есть особая, опредѣленная вещь, или же вещь неопредѣленная. Сверхъ всего этого они выражаютъ еще чрезъ измѣненіе или наращеніе (Zusatz) глагольнаго окончанія, различные роды или виды (Arten) дѣйствія: такимъ образомъ получаютъ они почти безконечное число глаголовъ *производныхъ*. Такимъ образомъ они имѣютъ не только глаголы *учащательные* подобно Латинскимъ *frequentativa*, и глаголы *возвратные*, показывающіе, что дѣйствіе обращается на лице дѣйствующее (нѣчто подобное греческимъ *среднимъ* залогамъ глаголовъ), но имѣютъ еще глаголы, означающіе *возможность* произвести или претерпѣть дѣйствіе, и притомъ еще обозначающіе то, на мѣстѣ какого лица происходитъ оно: на моемъ ли собственномъ, на вашемъ ли мѣстѣ или же на мѣстѣ какого нибудь третьяго лица, равнымъ образомъ, для чьей цѣли, пользы и т. д. Далѣе, — прибавкою одного только слова выражаютъ они еще и то, должно ли разсматривать дѣйствіе какъ дѣйствіе огромное или нѣтъ (¹)?

(¹) Въ малороссійскомъ языкѣ есть частицы и слоги, выражающіе *миніатюрность* дѣйствія. это, сколько знаю, три афикса: *к*, *очк* и *оньк*, которые вставляются между окончаніемъ *тй* (= ть) неопредѣленнаго наклоненія, т. е. между буквами: *т* — *и* напр. *спа̀ти*, *ѣсти́* (произнос. спаты, ıысты или йысты): уменьшительная форма:

1. спа̀т-к-и = прилечь спать,
спа̀т-очк-и } немного поспать,
спат-оньк-и } соснуть, вздремнуть
2. ѣ̂ст-к-и
ѣ̂ст-очк-и } поѣсть, покушать.
ѣ̂стоньки }

Вообще, эти формы глаголовъ употребляются для выраженія *сна* и *ѣды* дѣтей, которыя имѣютъ болѣе мягкіе, нѣжные, уменьшенные размѣры, нежели аппетитъ и сонъ людей взрослыхъ.

или какъ смутное и печальное? Наконецъ, они имѣютъ производный глаголъ, выражающій отрицаніе дѣйствія. Отъ этого разнообразія въ выраженіяхъ дѣйствія, формы глаголовъ доходятъ почти до безконечности: *Roubaud* полагаетъ, что отъ одного только *настоящаго* времени глагола можно произвести *сотню* различныхъ формъ, и даже болѣе, ежели глаголъ *благороденъ;* и такъ какъ различныя формы, обыкновенно, выражаются прибавкою слоговъ, то отъ того происходитъ, что глаголъ Альбинакойцевъ, растягивается до непомѣрной длинноты слова. *Roubaud* привелъ мнѣ, для примѣра, глаголъ *Neteberdan,* который значитъ: *я управляю неопредѣленнымъ предметомъ:* онъ показалъ мнѣ изгибовъ и измѣненій этаго глагола столько, что я не могъ ихъ перечесть, сверхъ многихъ другихъ, какія онъ могъ себѣ припомнить. Я замѣтилъ, что во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ два слога: *teber* оставались всегда неизмѣняемыми и это была только одна часть глагола, которая оставалась такою; я заключилъ отсюда, что эти слоги означаютъ чистое дѣйствіе глагола, безъ всякаго отношенія. Но *Roubaud* сказалъ мнѣ, что ничего подобнаго тому нѣтъ въ языкѣ и хотя слогъ *teber* можетъ быть названъ темою или корнемъ слова, но самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакого значенія. Онъ увѣрялъ меня притомъ, что это почти безконечное разнообразіе глаголовъ языка Альбин. подчинено самымъ точнымъ правиламъ и самой строгой аналогіи, не имѣя никакихъ неправильностей и аномалій, замѣчаемыхъ даже въ нашихъ образованныхъ языкахъ. Ежели мы только узнали правила, по которымъ образуются эти различные глаголы, то съ необычайною легкостію можемъ произвести столько глаголовъ, сколько намъ нужно. Женщины Альбинакойцевъ, которыя у нихъ несутъ обязанность исторіографовъ, потому что онѣ сохраняютъ воспоминанія о своихъ семействахъ и списки поколѣній, могутъ быть названы также хранительницами или блюстительницами языка. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ такъ много понимаютъ въ грамматикѣ, что не только мо-

гутъ сказать правило, но даже показать основаніе его: мужчины, напротивъ того, довольствуются тѣмъ, что выучиваются у нихъ практическому примѣненію этихъ правилъ, не заботясь уже нисколько объ *основаніи* для оныхъ. *Roubaud* замѣтилъ мнѣ, что миссіонеры сдѣлали значительныя измѣненія въ языкѣ Альбинакойцевъ, не только введеніемъ новыхъ названій для предметовъ, но и новыхъ оборотовъ рѣчи (Redeformen), — преимущественно же выучивши ихъ производить отъ глаголовъ отвлеченныя имена (подобно тому, какъ мы производимъ оныя отъ прилагательныхъ: *благость*, *злость*). Отъ миссіонеровъ же, по его мнѣнію, выучились они производить имена глагольныя, выражающія дѣйствіе отвлеченно (подобно тому, какъ *cursus* отъ *curro, бѣганіе* отъ *бѣгаю*): онъ основывается на томъ именно, что подобныя формы рѣчи употребляются туземцами не въ домашнемъ разговорѣ, но только въ бесѣдѣ съ миссіонерами. Эти и подобныя имъ измѣненія производятъ такое отличіе въ языкѣ домашнемъ, туземномъ — отъ того, которымъ Альбинакойцы говорятъ съ миссіонерами, что *Roubaud* часто затруднялся понимать ихъ, слыша когда они говорили только между собою.

§ 25-й.

Заключительные выводы естественной исторіи языка Монбоддо.

Языкъ Альбинакойцевъ, представляющій такую странную совмѣстность первоначальной *грубости*, *простоты*, *неправильности* лексическаго и грамматическаго состава и, съ другой стороны — удивительной *сложности*, *утонченности и разнообразія* формъ, при величайшей строгости или точности измѣненій грамматическихъ, — этотъ языкъ не могъ не поставить ученаго Монбоддо въ недоумѣніе касательно того, въ какомъ отношеніи находятся между собою эти двѣ совмѣ-

стно существующія, но діаметрально одна другой противоположныя стороны: *первоприродная,* древнѣйшая и *искуственная* или позднѣйшая ? — Находятся ли онѣ между собою въ отношеніи существенномъ, *внутренне-послѣдовательномъ,* или же состоятъ только во внѣшней, *случайной* связи ? Развилась ли вторая сторона *изъ* первой или же только появилась въ языкѣ *послѣ* первой ? Въ первомъ случаѣ, само собою разумѣется, будетъ указана причина, *источникъ* этого искуственнаго, грамматическаго образованія языка, потому, что ежели оно было непосредственнымъ слѣдствіемъ предшествовавшаго состоянія его, то должно произойти изъ того же самого *начала,* изъ котораго произошло это предшедшее первоприродное образованіе языка т. е. изъ творческой натуры народа, который изобрѣлъ себѣ языкъ. Но послѣдовательной связи между этими двумя періодическими моментами языка Альбинакойцевъ никакимъ образомъ нельзя допустить, потому, что ежели этотъ народъ могъ изобрѣсть такую совершенную этимологію имени существительнаго и особенно глагола, съ изумительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ котораго не можетъ быть сравнена ни одна извѣстная намъ грамматика, то отъ чего не изобрѣлъ онъ *имени прилагательнаго, мѣстоименій* притяжательныхъ, чистаго или *простаго* глагола, *родоваго* имени существительнаго и другихъ элементовъ рѣчи, болѣе существенныхъ, болѣе необходимыхъ, нежели тѣ безконечные оттѣнки глаголовъ производныхъ, которые — при всемъ томъ что они подчинены строгимъ правиламъ грамматической аналогіи, — кажутся скорѣе излишествомъ, роскошью, прихотями языка, нежели существенно-необходимыми его принадлежностями ? — Ежели творчество этаго народа въ языкѣ обнаружилось съ такою свободою въ *преобразованіи* языка, *послѣ,* — то почему оно не обнаружилось и въ *образованіи* языка, *прежде ?* — Допустивъ только, что народъ *могъ* изобрѣсть языкъ, — нельзя принимать, что онъ могъ его создать только разъ, а не болѣе, только въ такой то моментъ, а не прежде, потому, что это значило

бы *ограничивать* возможность, заключающуюся въ самомъ народѣ и независящую ни отъ какого внѣшняго условія; но ограничивать возможность *психическую*, — значитъ поставлять ее въ зависимость отъ какого нибудь психическаго же, внутренняго условія: а поставить ее въ зависимость отъ самой себя, — значитъ отвергать, уничтожать эту возможность. Это значило бы тоже самое, когда бы мы выражались такъ: «народъ можетъ изобрѣтать свой языкъ, но не всегда, а «тогда только, когда онъ можетъ»; или: «народъ можетъ «создавать себѣ языкъ тогда только, когда онъ въ состоя-«ніи»; допуская эти условныя: *тогда только*, мы отрицаемъ уже возможность; и такъ, точнѣе будетъ, ежели мы скажемъ: «народъ изобрѣтаетъ себѣ языкъ тогда, когда онъ «можетъ» или—еще точнѣе—«всякій народъ изобрѣлъ себѣ «языкъ, тогда, когда онъ былъ уже въ состояніи изобрѣсть «его». Но и здѣсь содержится много противорѣчій, которыя тотъ часъ же обнаружатся, чуть только мы поглубже вникнемъ въ это положеніе или, лучше сказать, *предположеніе*. Говоря, напримѣръ: «народъ изобрѣлъ, создалъ себѣ языкъ»— мы подразумѣваемъ тотъ часъ же причину или основаніе: «потому, что онъ имѣлъ способность или творческую силу, «изобрѣтающую языкъ». Но тутъ сей часъ явится вопросъ: *гдѣ* имѣлъ, *когда* имѣлъ онъ эту способность: или *въ себѣ самомъ* уже, слѣд. гораздо прежде, нежели онъ создалъ языкъ, или же *не въ себѣ* самомъ еще, слѣд. гораздо послѣ, тогда именно, когда онъ началъ творить языкъ? Ежели допустимъ первое, то допустимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта способность или творческая сила непремѣнно должна быть *врожденною* народу, должна имѣть свой источникъ въ немъ самомъ, въ душѣ его и, слѣдовательно, зависѣть отъ *его воли*, — подобно тому, какъ способность животныхъ воспроизводить себя — врождена имъ и зависитъ отъ ихъ *свободы*. Но допуская врожденность творческой способности къ языку въ народѣ, мы находимъ уже опроверженіе этого въ томъ, что всѣ языки міра въ *началѣ* своемъ т. е. въ древ-

нѣйшемъ лексическомъ и грамматическомъ составѣ представляются *аномальными*, недостаточными, недодѣланными: это показываетъ, что творящая сила народнаго духа не была въ состояніи образовать *цѣлое* языка, но могла обдѣлать только нѣкоторыя *части* его. Но тогда она не будетъ уже силою творящею, подобною той живой, органической силѣ физической природы, которая въ зародышѣ животнаго или въ сѣмяни растѣнія предначертываетъ весь организмъ будущаго существа своего и весь планъ его развитія,—такъ, что растѣніе *развившись* является *цѣлымъ*, а животное, выходя изъ утробы на свѣтъ, представляется вполнѣ, окончательно-организованнымъ. И такъ остается допустить, что творческая способность создавать языкъ не была врождена народу, но была пріобрѣтена имъ съ теченіемъ времени, въ слѣдствіе развитія самаго духа, созрѣвающаго и крѣпнущаго въ своихъ силахъ? Но здѣсь встрѣчаются слѣдующія противорѣчія и недоумѣнія: ежели творческая способность пріобрѣтена была народомъ уже *послѣ* его рожденія на свѣтъ, то или 1) въ промежутокъ времени, прошедшаго отъ рожденія до развитія духа въ народѣ и пробужденія творческой способности не было вовсе никакого языка, слѣд. народъ нѣмотствовалъ, не говорилъ? — что нелѣпо, странно и ничѣмъ фактическимъ не доказывается; или 2) былъ языкъ, или лучше сказать грубые, недостаточные *начатки языка:* но они ни какъ не могли произойти изъ *творческой* способности, потому что она образуетъ *цѣлое* или всѣ части со взаимнымъ ихъ отношеніемъ, *прежде* самаго образованія еще предъустроеннымъ; и такъ эти начатки языка — сохранившіеся въ *аномаліяхъ* (неполныхъ и неправильныхъ частяхъ рѣчи) всѣхъ извѣстныхъ языковъ міра—происхожденія неизвѣстнаго, возникли Богъ вѣсть откуда? — И такъ у каждаго народа есть два языка: одинъ — съ признакомъ *аналогіи* т. е. полноты и правильности, языкъ позднѣйшій, образованный самымъ народомъ, другой — съ признакомъ *аномаліи* т. е. неполноты, недостаточности состава и неправильности формъ,

языкъ древнѣйшій — происхожденія неизвѣстнаго? — Но ежели народъ *сперва* имѣлъ (откуда-то) аномальные *начатки* языка, *а потомъ* образовалъ полнымъ и правильнымъ способомъ остальную часть состава, недодѣланную въ началѣ,— то почему не могъ онъ преобразовать, передѣлать и той части, которую онъ получилъ уже въ наслѣдство изъ временъ предшествовавшихъ? Почему припудилъ онъ себя терпѣть существованіе этихъ *аномалій,* которыя были явными промежутками, пропусками въ организмѣ мысли, какъ напр. отсутствіе имени прилагательнаго и тому подобныхъ элементовъ рѣчи? — Развѣ природа или творческая способность его духа была ограничена только извѣстными частями грамматики и была безсильна противъ того, что сдѣлано было въ языкѣ прежде, не силою его самого, но какою то другою, постороннею силою? — Какъ бы то ни было, но находя въ языкѣ дикихъ народовъ совмѣстность *аномаліи* съ *аналогіею,* грубыхъ, первоначальныхъ *начатковъ* языка съ стройно-организованными элементами, — мы должны, по крайней мѣрѣ, признать, что между этими двумя періодическими моментами нѣтъ никакой внутренно-послѣдовательной, прогрессивной связи, но есть только связь внѣшняя, случайная: что одна часть состава въ языкѣ не могла произойти *изъ другой,* слѣдовательно, что двѣ эти различныя части не принадлежатъ одному и тому же автору, но двумъ различнымъ авторамъ, что онѣ — однимъ словомъ — произошли изъ двухъ различныхъ источниковъ. Изъ какихъ же именно? — Ежели допустить, что часть *аналогическая,* болѣе совершенная, полная, правильная, произошла изъ творческой способности самаго народа, — то часть *аномальная,* древнѣйшая, неполная, неправильная взялась *неизвѣстно откуда?* но естественная исторія не знаетъ этаго термина; все, что только есть въ природѣ имѣетъ свое начало, свой источникъ, свое *гдѣ,* слѣд. и *откуда:* и такъ, аномальная часть языка могла произойти только отъ человѣка. Но, приписавъ авторство этой части самому народу, откуда выведемъ мы происхожденіе части

аналогической? — Ежели мы, допустивъ, что народъ создавалъ языкъ тогда уже, когда творческая способность была развита въ немъ, находили труднымъ для себя объясненіе того, отъ чего *одинъ и тотъ же авторъ*, образующій правильное и совершенное въ языкѣ, не въ состояніи *преобразовать* неправильнаго и несовершеннаго, — то теперь, допуская, что народъ *дѣлалъ* языкъ тогда, когда еще не имѣлъ творческой способности, не въ двое ли труднѣе объяснить себѣ то, *какъ и почему одинъ и тотъ же авторъ*, который былъ въ состояніи произвести только неполное, неправильное въ языкѣ, — потомъ *вдругъ образовалъ* полное и совершенное? Почему достигши до способности творческой *послѣ*, не обратилъ онъ ее и на *прежде*, но оставилъ неприкосновенными первыя неудачныя попытки свои? Почему творческая способность его, пробудившись въ немъ, сдѣлала кое-что, но снова остановилась на какой то очарованной чертѣ? и т. д. Для разрѣшенія этихъ непостижимыхъ странностей въ языкахъ дикихъ народовъ остается допустить, что они были авторами только первой, древнѣйшей части въ составѣ языковъ ихъ — *аномальной; аналогическую* же часть получили отъ другихъ какихъ нибудь народовъ: что и допускаетъ *Монбоддо*. «По свѣденіямъ, сообщеннымъ мнѣ о языкѣ Альби«накойцевъ» говоритъ онъ — «готовъ я думать, что въ про«грессивномъ движеніи языка, которое, какъ кажется мнѣ, «происходило весьма долго и медленно, былъ изобрѣтенъ, «*между тѣмъ*, какой то слишкомъ *искуственный* языкъ, какъ «напр. языкъ Альбинакойцевъ и Армянскій [1], — прежде, «нежели былъ образованъ языкъ болѣе совершенный и про«стой, какъ того требуетъ самая природа вещи. *Прежде* всего «явился совершенно-грубый и варварскій языкъ — какъ мы «уже это видѣли у нѣкоторыхъ народовъ; *потомъ* появился «языкъ *искуственный* или правильно-организованный, но не

---

(1) По свидѣтельству Доктора *Smith* — On the formation of languages p. 452, въ этомъ языкѣ не менѣе *десяти* падежей. Примѣч. Монб.

«вдругъ: прежде нежели имѣли языкъ правильный, грамма-«тическій, — переходною ступенью къ нему служилъ языкъ «искуственно-натуральный, составъ котораго былъ слишкомъ «*сложенъ и хитросплетенъ* (verwickelt)». Изобрѣтеніе языка Монбоддо сравниваетъ съ изобрѣтеніемъ машинъ: сперва онѣ грубы, неуклюжи, потомъ, *улучшаясь*, дѣлаются слишкомъ сложными или составными, наконецъ, *совершенствуясь—упрощаются* и становятся легкими и удобными въ употребленіи. Альбинакойцы и другіе дикіе народы образовали только первые, грубые, *аномальные* начатки языка; остальное — получили они отъ другихъ какихъ то народовъ, имѣвшихъ у себя уже искуственно-натуральный языкъ съ весьма сложнымъ грамматическимъ составомъ. Но тутъ сей часъ возникаетъ вопросъ: а эти народы откуда взяли свой языкъ?—Необходимо принять — для полученія какого нибудь положительнаго результата, на которомъ можно было бы остановиться въ этомъ безпрерывномъ восхожденіи отъ однихъ народовъ, получившихъ языкъ искуственный, къ другимъ, — необходимо принять, повторяемъ, что у какого нибудь изъ народовъ міра былъ *цѣльный* языкъ, чуждый аномаліи, отъ котораго произошли потомъ *аналогическія* части въ составѣ языковъ прочихъ народовъ. Но допустивъ бытіе цѣльнаго или, лучше сказать *нормальнаго* языка, мы должны будемъ допустить непремѣнно, что былъ *одинъ* только нормальный, вполнѣ организованный языкъ, потому, что народъ, который изобрѣлъ или образовалъ языкъ, чуждый аномаліи могъ быть *исключительнымъ* народомъ или долженъ былъ составлять *исключеніе* изъ всего человѣчества, — ибо ни у одного народа не находимъ мы языка, который бы имѣлъ полный *аналогически* организованный составъ, который былъ бы чуждъ элементовъ *аномаліи*. Установивъ, такимъ образомъ, бытіе *нормальнаго* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *первобытнаго* языка,—мы непремѣнно предложимъ вопросъ и о томъ, *гдѣ* теперь этотъ языкъ?—Послѣдуемъ за Монбоддо, который приходитъ къ такимъ выводамъ, разрѣшая этотъ вопросъ: «много

«спорили о томъ, какой именно изъ языковъ существующихъ «есть настоящій первобытный языкъ, тотъ именно, отъ ко- «тораго произошли всѣ прочіе? — Но прежде, нежели мы «можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно рѣшить еще, «есть-ли языкъ первобытный или былъ ли на свѣтѣ «первобытный языкъ? — Ежели предположить, что языкъ «не изобрѣтенъ человѣкомъ, но открытъ ему свыше, — «то очевидно, что этотъ свыше открытый человѣку «языкъ есть единственный первобытный языкъ человѣче- «ства, такъ, что всѣ прочіе языки міра суть болѣе «или менѣе чистыя нарѣчія этаго языка. — Допустивъ это, «мы предложимъ вопросъ: существуетъ ли еще этотъ пер- «вый языкъ? или, ежели онъ уже утраченъ, то какой изъ «остальныхъ языковъ, ближе всего подходитъ къ нему? — «Но съ другой стороны, ежели принять (какъ я и дѣлаю), «что языкъ человѣческій изобрѣтенъ самимъ же человѣкомъ, «то нѣтъ рѣшительно никакого основанія для того, чтобы «думать, что языкъ человѣческій былъ изобрѣтенъ какимъ «нибудь *однимъ* только народомъ и въ одной какой-нибудь «только части свѣта, и что всѣ тѣ различные языки, кото- «рыми говорятъ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ, и тѣ языки, «которые недавно открыты въ пространствѣ Южнаго Океана— «происходятъ отъ этаго общаго, первороднаго языка. По- «тому-то я вездѣ говорилъ не о *первоначальномъ языкѣ*, но о «*первоначальныхъ языкахъ*. — Но съ другой стороны, от- «рицая то мнѣніе, что языкъ человѣческій изобрѣтенъ *од-* «*нимъ* только народомъ, — я не допускаю и того, что каж- «дый народъ, говорящій своимъ языкомъ, былъ самъ из- «обрѣтателемъ этаго языка. — Напротивъ того, я убѣжденъ «въ томъ, что столь трудное искуство, какъ языкъ, не было «принадлежностію *многихъ* народовъ, но, по изобрѣтеніи онаго «*нѣкоторыми* народами, (1) отъ нихъ уже распространилось

(1) Я долженъ признаться что это моя вставка; въ подлинникѣ (т. е. переводномъ) эта мысль выражена обоюдно. Вотъ это мѣсто: «Zugleich bin ich weit entfernt, der Meynung zu seyn, dasz jede Nation die Sprache,

«къ другимъ, болѣе отдаленнымъ странамъ». Допустивъ такое ограниченіе, по самой природѣ своей столь же мало основательное, какъ и то, что языкъ человѣческій былъ изобрѣтенъ однимъ только народомъ, какъ равнымъ образомъ и Аделунгово положеніе, что каждый народъ былъ изобрѣтателемъ своего языка,—Монбоддо чувствовалъ слабую, зыбкую его сторону, и потому тотчасъ переходитъ къ историческому обзору языковъ человѣческихъ, для того, чтобы видѣть: «могъ ли *одинъ* языкъ распространиться по всему земному «шару»? — Въ XI главѣ обозрѣваетъ онъ языки: *Цельтскій*, *Тевтонскій* и распространеніе ихъ, потомъ — переходитъ къ *Греческому* и *Латинскому*, показывая связь ихъ съ Тевтонскимъ; далѣе онъ показываетъ, что Латинскій языкъ есть одно и то же съ древнимъ *Пеласгическимъ*, накопецъ говоритъ о сродствѣ между *Латинскимъ* и *Еврейскимъ* и между *Латинскимъ* и *Этрусскимъ*. — Въ XII главѣ Монбоддо говоритъ о древности Египта и о распространеніи оттуда наукъ, искуствъ и самаго языка по Греціи и остальной части Европы и Азіи. — Укажемъ въ этомъ географическомъ обзорѣ языковъ свѣта главные или центральные пункты постепеннаго распространенія Слова человѣческаго т. е. такіе языки, около которыхъ группируются другіе языки, представляющіе сродство съ ними и—какъ можно по этому думать, — происшедшіе изъ этихъ главныхъ языковъ. Центральными языками міра представляются языки 1) *Цельтскій*, 2) *Тевтонскій*, 3) *Египетскій*; — съ перваго раза кажется, что они составляютъ какъ бы звѣнья одной огромной цѣпи языковъ, про-

---

die sie gebraucht, erfunden habe. Jm Gegentheil bin ich überzeugt, dasz eine so schwere Kunst, als Sprache, nicht die Erfindung von vielen Nationen gewesen ist; sondern nach dem sie (*языки или языкъ*?) einmal erfunden gewesen . . . von da wo sie (die Kunst?) erfunden wurde, zu sehr entfernten Ländern fortgepflanzt worden.» — Я позволилъ себѣ эту вставку: *нѣкоторыми народами*, основываясь на одномъ мѣстѣ книги Монбоддо, Гл. IX., стр. 378, гдѣ ясно сказано: «man hat die gröszte Ursache zu glauben, dasz Sprache die Erfindung nur von wenig Ländern gewesen, und aus diesen Ländern zu vielen andern fortgepflanzt worden sey».

ходящей, или лучше сказать *проходившей* когда-то по земному шару; но эти звѣнья кажутся отторгнутыми одно отъ другаго, при совершенномъ отсутствіи сочленяющихъ связокъ, или звѣньевъ посредствующихъ, такъ, что справедливѣе почитать ихъ тремя, такъ сказать, отдѣльными цѣпями языковъ человѣческихъ, нежели отрывками или частями одной *непрерывной* цѣпи ихъ, въ слѣдствіе разновременныхъ переворотовъ земнаго шара расторгнутой, прерванной, разбросанной по противоположнымъ направленіямъ.— Мы не будемъ слѣдовать здѣсь за всѣми подробностями, въ какія входитъ Монбоддо при отыскапіи генетическаго или историческаго сродства (т. е. единства по происхожденію въ прямой и побочной линіи) между языками, разрозненными географически: мы замѣтимъ только окончательные выводы Монбоддо, для того, дабы сообразить ихъ потомъ съ результатомъ основной проблемы о происхожденіи языковъ, который мы уже знаемъ, и видѣть — подтверждается ли этотъ результатъ *всемірною* естественною исторіею человѣческаго Слова.

I. *Цельтскій языкъ* принадлежитъ племенамъ, которыя были, ежели не древнѣйшіе, то по крайней мѣрѣ одни изъ древнѣйшихъ *насельниковъ* Европы. Этотъ языкъ, бывшій древнимъ или основнымъ языкомъ Франціи, Испаніи, Британіи и Ирландіи, представляетъ сродство съ нѣкоторыми языками сѣверной Америки, напр. съ языкомъ Эскимосовъ и языкомъ Флориды (на берегахъ Мексиканскаго залива).— О первомъ — самомъ странномъ явленіи въ исторіи языковъ европейскихъ—можно заключить изъ одного факта, который сообщилъ намъ Іезуитъ *Roubaud* и за достовѣрность котораго онъ ручается: одинъ изъ находившихся въ его миссіи заблудился однажды на пути своемъ среди лѣсовъ и попалъ къ Эскимосамъ, у которыхъ пробылъ довольно долго, для изученія языка Эскимосскаго. Воротившись потомъ восвояси, встрѣтилъ онъ однажды на бортѣ одного Французскаго корабля

въ Квебекѣ, матроса, который былъ родомъ Бискаецъ, изъ подъ Пиренейскихъ горъ. Онъ понималъ его нарѣчіе, подобно тому какъ Бискаецъ понималъ Эскимосскій языкъ, на которомъ говорилъ миссіонеръ, такъ, что они, говоря двумя разными языками, легко бесѣдовали другъ съ другомъ. Бискайскій языкъ — безспорно — есть нарѣчіе Цельтскаго, слѣд. и Эскимосскій находится въ сродствѣ съ Цельтскимъ. Сходство Цельтскаго языка съ языкомъ употребляемымъ во Флоридѣ, подтверждается свидѣтельствомъ одного Шотландца, пробывшаго въ качествѣ должностнаго лица въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ во Флоридѣ: онъ увѣрялъ, что языкъ туземцевъ имѣетъ большое сходство съ нарѣчіемъ Цельтскимъ, которымъ говорятъ горные Шотландцы. Особенно замѣчательна форма привѣтствованія, употребляемая туземцами Флориды (здоровы ли вы?), совершенно одинаковая съ тою, которая употребляется въ горной Шотландіи. Какъ ни необычайнымъ представляется путь, какимъ долженъ былъ проходить Цельтскій языкъ, подвигаясь изъ Европы или отъ самыхъ сѣверныхъ частей Америки къ такому отдаленному краю ея, какъ Флорида, отдѣленная отъ сѣвера Америки столь многими народами, говорящими, сколько намъ извѣстно, языками совершенно отличными отъ Цельтскаго и Флоридскаго, — но это ни сколько не доказываетъ *случайности* въ сходствѣ сихъ двухъ языковъ. И такъ, можно думать, что это сходство, безъ сомнѣнія, проистекаетъ изъ ископпаго, кореннаго сродства между языками Америки и языкомъ Цельтскимъ въ Европѣ, при всемъ томъ, что оно — если угодно—можетъ быть объясняемо и историческимъ фактомъ, подкрѣпляемымъ свидѣтельствомъ *Герберта,* родомъ Валлисца — о переходѣ Валлиской Колоніи въ XII столѣтіи, на берега Мексиканскаго залива: а Валлиское нарѣчіе есть діалектъ языка Цельтскаго.—Еще удивительнѣе открытое теперь сродство языка Эскимосовъ съ языкомъ Гренландцевъ, которые представляютъ даже одинъ и тотъ же языкъ: все это ведетъ къ заключенію, что Цельтскій языкъ былъ язы-

комъ Югозападной Европы (Франціи, Испаніи), сѣверныхъ частей Европы и Америки (¹).

II. *Тевтонскій языкъ* есть языкъ, которымъ говорятъ теперь въ Германіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Исландіи; Англійскій языкъ есть такъже діалектъ Тевтонскаго. Матерью этаго языка можно считать языкъ Готскій, которымъ въ древнія времена говорили не только Готы, но Вандалы, Ломбарды и Гепиды—по свидѣтельству Прокопія (De bello Vandalico, lib. I. c. 2.) Но такъ какъ Готы пришли изъ Скиѳіи и Сарматіи т. е. изъ сѣверовосточныхъ частей Европы и сѣверозападныхъ частей Азіи, — то можно предполагать, что въ то или другое время Готскій языкъ былъ языкомъ всей этой огромной полосы земнаго шара. Сходство Нѣмецкаго языка съ теперешнимъ Персидскимъ и съ нарѣчіемъ Крымскихъ Татаръ (по свидѣтельству Нѣмца Бусбека, посыланнаго отъ Императора въ Константинополь, въ XVI вѣкѣ—Epist. 4. p. 136) — не есть случайное и говоритъ въ пользу этого предположенія. Ежели бы можно было доказать, что Цельтскій и Тевтонскій или Готскій языки первоначально составляли одинъ языкъ,—то было бы доказано, что на всемъ Сѣверѣ, Сѣверо-Востокѣ и Сѣверо-Западѣ Европы и въ Сѣверной и Западной части Азіи господствовалъ одинъ языкъ.

III. *Греческій языкъ* или языкъ *Пеласговъ* представляется центромъ сродства, къ которому примыкаютъ съ одной стороны Этрусскій, Латинскій, съ другой — Еврейскій и другіе, которые соплеменны съ нимъ: Сирійскій, Финикійскій и Халдейскій.—Ежели же принять во вниманіе неоспоримыя историческія свидѣтельства о глубочайшей древности Египта, выходцами котораго были Пеласги, перенесшіе съ собою

(¹) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Цельтскомъ языкѣ и судьбахъ его можно найти въ сочиненіи *I. B. Bullet:* Mémoires de la langue celtique, 3 Tom. fol. Besançon, 1754–1760.

языкъ Египтянъ въ Европу,— то на этомъ языкѣ невольно остановишься съ мыслію: что Египетъ былъ отечествомъ языка, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Европѣ и западнымъ частямъ Азіи. — Но точно ли этотъ языкъ человѣческій, такъ далеко распространенный, изобрѣтенъ въ Египтѣ именно и оттуда разошелся по разнымъ странамъ, въ которыхъ говорятъ на немъ?—Это, не скроемъ, опирается не на фактахъ, но на догадкахъ, предположеніяхъ. Не отрицаемъ того, что въ каждой странѣ, въ которой люди занимались уже какимъ-нибудь общественнымъ дѣломъ, они могли изобрѣсть себѣ какой-нибудь варварскій *говоръ* (jargon), и я убѣжденъ, что въ различныхъ странахъ свѣта было изобрѣтено нѣсколько такихъ *говоровъ* (полунарѣчій). — Но отечествомъ искуственнаго языка, языка въ полномъ значеніи этого слова, по всей вѣроятности, должны мы признать Египетъ, ибо Египтяне—сколько мы знаемъ—были первый цивилизованный народъ, жившій подъ благоустроеннымъ правленіемъ. Но признавая языкъ Египтянъ первоначальнымъ искуственнымъ или *образованнымъ* языкомъ, распространившимся изъ Египта къ другимъ народамъ,—можемъ ли мы признать, что этотъ языкъ распространился и по всему земному шару? — Можемъ ли мы думать, что Гуронскій, Альгонкинскій, Караибскій и другіе языки Сѣверной и Южной Америки, языкъ Отаити и другихъ острововъ или материковъ Тихаго Океана: шипящій языкъ Троглодитовъ въ Абиссиніи или ворчаливый говоръ дикихъ на берегахъ рѣки Амазонской, говорящихъ—по свидѣтельству Кондамина— не голосомъ но дыханіемъ, втягиваемымъ въ грудь и т. п.,— что всѣ эти языки суть діалекты одного и того же первоначальнаго языка, изобрѣтеннаго въ Египтѣ?—Этому можно было бы вѣрить, ежели бы означенные нами языки представляли какое-нибудь сродство между собою и съ языкомъ Египта или съ однимъ изъ тѣхъ языковъ, которые произошли изъ него. Но самое дѣло показываетъ намъ, что они совершенно отличаются одинъ отъ другаго даже въ такихъ

словахъ, въ которыхъ мы по большей части находимъ родовое сходство напр. въ названіяхъ чиселъ.—Эти названія въ языкахъ Гуронскомъ, Альгонкинскомъ и Отаитскомъ рѣшительно не представляютъ никакого сходства между собою; а тѣмъ болѣе кажется невозможнымъ найти сходство этихъ названій съ названіями чиселъ въ языкахъ, происходящихъ отъ языка Египетскаго.—И такъ, мы не можемъ распространеніе языка по земному шару вести далѣе той черты, на которой остановились: можно, по этому, считать вѣроятнымъ, что всѣ языки, которыми говорятъ въ Европѣ, въ цѣлой Азіи, если угодно, и въ нѣкоторой части Африки—суть діалекты одного языка, изобрѣтеннаго, *какъ кажется*, въ Египтѣ; но, что касается другихъ остальныхъ языковъ міра, то распространять и на нихъ родство единаго языка нѣтъ никакой возможности. И такъ, что бы мы ни думали о томъ, что *былъ нѣкогда одинъ языкъ* на всемъ земномъ шарѣ, но мы должны однакоже, какъ мнѣ кажется, принять и то, что этотъ языкъ или совершенно утраченъ на большей части земнаго шара, или же такъ исказился, что нѣтъ никакой возможности узнать его.—Изъ всѣхъ сихъ мыслей и мнѣній Монбоддо мы можемъ извлечь для себя слѣдующій общій выводъ или постулятъ: «Естественная исторія Слова не показываетъ, «что Авторомъ языка былъ человѣкъ. — Наблюденіе какъ «надъ первоначальными или первоприродными языками поко«лѣній человѣческихъ, такъ и надъ усовершенствоваными или «образованными языками народовъ— не представляетъ намъ «*никакихъ достовѣрныхъ* свидѣтельствъ ни въ пользу того, «что былъ *одинъ нормальный языкъ*, распространившійся отъ «одного народа, создавшаго оный, къ другимъ, — ни въ «пользу того, что было образовано *нѣсколько нормальныхъ* «*языковъ*, которые отъ нѣсколькихъ народовъ, бывшихъ «авторами этихъ языковъ, перешли къ остальнымъ народамъ земнаго шара. Достовѣрно только одно,—что совмѣст«ность *аномаліи* и *аналогіи* или нормальной и анормальной «формаціи, представляемая всѣми языками міра, — обнаружи-

«ваетъ *двойственность* начала языковъ, *дуализмъ* въ обра-
«зованіи ихъ — ничѣмъ не разрѣшаемый».

§ 26-й.

Извлеченіе постулятовъ изъ психологической теоріи и естественной исторіи Слова.

Познакомившись съ психологическою *теоріею Слова,* которая раскрывала намъ постепенное *внутреннее образованіе* языка, начиная отъ первичныхъ элементарныхъ частей его, составившихъ *матерію* языка и восходя періодически по различнымъ ступенямъ или формаціямъ этой грубой матеріи, давшимъ *формы* языка и наконецъ стройное систематическое цѣлое — самый *языкъ,* мы перешли потомъ къ естественной *исторіи языковъ,* которая взяла нить своего изображенія или разсказа тамъ именно, гдѣ психологическая теорія остановилась. Естественная исторія *начала съ конца,* выступила изъ послѣдняго момента въ образованіи Слова человѣческаго, изъ той точки времени, въ которой періодическій кругъ этого образованія, начертываемый теоріею психологическою, уже завершился и языки человѣческіе имѣли уже готовую *матерію* и *форму,* представляли составъ, организмъ, *цѣлое.* — Естественная исторія описала намъ вѣрно, безпристрастно то, что она застала въ языкахъ человѣческихъ: 1) мы узнали изъ нея—столько, разумѣется, сколько можно было—*первый* моментъ особенности или *разности* въ образованіи языковъ, оставившій слѣды свои на *аномальной,* первоприродной части въ составѣ языковъ,—по всей вѣроятности древнѣйшей; потомъ 2) мы видѣли слѣды *втораго,* природно - искуственнаго момента въ образованіи языковъ, — момента *прогрессивнаго,* отпечатлѣвшагося въ *аналогической,* полнѣе и правильнѣе образованной части ихъ состава, наконецъ 3) мы могли

замѣтить слѣды *третьяго* — искуственнаго момента въ образованіи языковъ (§ 24), момента уже болѣе извѣстнаго или, лучше сказать, болѣе близкаго, доступнаго наблюденіямъ историческимъ (стр. 222—226); за симъ моментомъ слѣдуетъ *четвертый*—собственно-историческій моментъ въ образованіи языковъ, начинающійся съ изобрѣтеніемъ и распространеніемъ *письменности*. Этотъ моментъ составляетъ черту разграниченія между двумя главными, *міровыми* періодами въ исторіи языковъ: на ней, съ одной стороны оканчивается *естественная исторія языка*, слѣдящая судьбы языка извѣстнаго народа въ цѣлой массѣ его нарѣчій и въ цѣломъ кругѣ частныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ измѣненій, которыя смыкаются наконецъ въ общіе, повсемѣстные, *періодическіе фазы* или перевороты языка; отъ этой черты, съ другой стороны, начинается *письменная исторія языка* или, точнѣе выражаясь, исторія одного изъ нарѣчій этаго языка, болѣе богатого и образованного, которое, по этому самому, возводится на степень общеупотребительнаго *книжнаго языка*.

Въ *психологической теоріи Слова* и *естественной исторіи языковъ*—двухъ системахъ, съ которыми мы познакомились, мы имѣемъ, по видимому, полный и цѣлый очеркъ, обнимающій собою всю исторію, весь кругъ періодическаго развитія Языка, начиная съ самаго перваго или *источнаго* момента, когда Языка еще не было, и нисходя постепенно къ *происхожденію* языковъ — первой эпохѣ исторіи Слова, потомъ—къ *образованію* ихъ, второй ея эпохѣ, наконецъ, къ *преобразованію* языковъ отъ разнообразныхъ историческихъ переворотовъ, происходившихъ въ жизни народовъ, отъ слѣянія одного языка съ другимъ, болѣе образованнымъ и т. п.— третьей и послѣдней эпохѣ естественной исторіи Слова, которая застигается уже исторіею положительною, человѣческою и смежается уже съ *письменною исторіею языковъ*. Этотъ очеркъ исторіи языковъ должны мы теперь примѣнить къ существенному предмету занятій нашихъ: языку русскому,

16

и въ изслѣдованіяхъ онаго соображаться съ этимъ очеркомъ, какъ съ общею основною нормою, опредѣляющею постепенную организацію каждаго языка вообще ([1]). Припомнимъ же теперь *цѣль*, какую мы назначили для лексикологическихъ изслѣдованій языка нашего и *средства*, какія оказались необходимыми для достиженія этой цѣли; сообразимъ съ этимъ теоретическія положенія и фактическіе выводы двухъ разсмотрѣнныхъ нами системъ языкознанія и посмотримъ, доставляютъ ли онѣ намъ тѣ необходимыя пособія къ рѣшенію существенной задачи нашей, какія мы имѣемъ право ожидать отъ нихъ, какъ отъ системъ, основанныхъ на сравнительно-историческомъ изслѣдованіи языковъ человѣческихъ? — Конечная цѣль лексикологическихъ изслѣдованій языка русскаго—отыскать *первыя начала* его, изъ этихъ началъ вывести и ими прояснить всѣ послѣдующіе перевороты, совершившіеся въ языкѣ въ теченіе всего существованія народа, говорящаго имъ, до той эпохи, въ которую онъ становится извѣстнымъ исторіи а языкъ его получаетъ письменное употребленіе. Но, такъ какъ *естественная исторія*

([1]) Въ критикѣ *психологической теоріи Слова* стр. 149—168) читатель видѣлъ, что я отвергаю всѣ гипотетическія построенія теоріи, старающейся изобразить постепенное развитіе Языка: здѣсь же я еще принимаю во вниманіе два первые періода Аделунговой теоріи: *происхожденіе* и *образованіе* Языка. Намѣреніе мое, надѣюсь, найдетъ одобреніе у всякаго справедливаго читателя. Ежели бы въ филологическихъ изслѣдованіяхъ и понятіяхъ нашего времени я находилъ голосъ въ мою пользу, то считалъ бы мою критику *теоріи психологической* достаточною, и теперь рѣшился бы прямо сказать, что Филологіи доступенъ только третій періодъ исторіи языковъ: ихъ *преобразованіе* и что съ этаго періода, какъ съ *извѣстнаго*, должна она начать свои изслѣдованія, дабы проникнуть въ *неизвѣстное*. Но голосъ *мой* противъ постепенности происхожденія и образованія языковъ едва ли не будетъ одинокимъ; не хочу, чтобы меня упрекали въ опроверженіяхъ умозрѣніями того, что признано ученымъ міромъ, а потому, принимая, вмѣстѣ съ большинствомъ мнѣній, сторону теоріи *постепеннаго* развитія Языка, примѣняю ее къ языку русскому, чтобы *слѣдствіями*, практикою, фактами опровергнуть то, что опровергнулъ я въ *основаніяхъ, началахъ*.

языковъ представляетъ намъ три главные фазы въ постепенномъ ихъ развитіи: *происхожденіе*, *образованіе* и *преобразованіе* языковъ, то выражая задачу лексикологическихъ изслѣдованій языка нашего частнѣе, мы можемъ сказать, что она 1) должна сосредоточиться прежде всего на *зародышѣ* или *происхожденіи* языка т. е. должна показать намъ постепенное возникновеніе *матеріи языка*, какъ той первоначальной почвы и основы, къ которой примыкаютъ всѣ послѣдующія явленія его организаціи. Опредѣленіе и притомъ опредѣленіе точное *матеріи языка* необходимо потому, что—какъ мы знаемъ изъ *психологической теоріи* (стр. 130—133)—возникновеніе этой *матеріи* условливается какимъ то *всемощнымъ закономъ* природы и имѣетъ извѣстные предѣлы, на которыхъ оно въ *извѣстную эпоху* останавливается и изъ которыхъ народъ никогда уже не выходитъ, принужденъ будучи разложеніемъ *простаго,* даннаго ему *начала* на части и разнообразнымъ сочетаніемъ оныхъ восполнять недостатокъ новыхъ элементарныхъ началъ (корней). Понятно, почему въ исторіи языка необходимо точное опредѣленіе первоначальной *корневой* его основы: оно служило бы къ опредѣленію *первой эпохи* его развитія, на которой оканчивается *происхожденіе его матеріи* и съ которой начинается *образованіе его формъ*—второй фазъ или вторая эпоха его развитія. Переходя къ этой эпохѣ, лексикологическія изслѣдованія языка русскаго должны имѣть въ виду двѣ главныя стороны а) постепенное образованіе *частей рѣчи*, б) постепенное раздѣленіе языка на *нарѣчія*. То и другое, какъ мы знаемъ изъ Теоріи, не было плодомъ инстинктуальной работы грубаго смысла, подъ вліяніемъ физическихъ чувствъ и подражанія природѣ производившаго матерію языка; оно было слѣдствіемъ съ одной стороны—болѣе или менѣе свободной *образовательной дѣятельности* ума, который началъ уже развиваться и силился преобразовывать, покорять себѣ грубую матерію Слова, съ другой стороны—*мѣстнаго историческаго* вліянія, отражавшагося въ жизни племенъ, на которыя рас-

падалась масса народа и которыя, усиливая звуковыя и этимологическія разности, еще не установившіяся въ *языкѣ*, развивали каждую порознь и чрезъ это образовывали особенности *говора* а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыхъ нарѣчій. Что образованіе частей рѣчи должно было имѣть извѣстную послѣдовательность, должно имѣть свою исторію—этого нельзя не предполагать по общему воззрѣнію на составъ языка, какъ на массу звуковъ, постепенно образовавшихся, и по общему понятію о разсудкѣ, который не былъ еще развитъ окончательно при образованіи матеріи языка, но *развивался* постепенно съ самымъ образованіемъ оной: восходя отъ чувственнаго, частнаго, сложнаго къ отвлеченному, общему, простому; разсудокъ, естественно, въ такомъ же порядкѣ долженъ былъ возводить на степень особыхъ разрядовъ (частей рѣчи) и названія, которыя въ первой эпохѣ языка не имѣли никакой *образности*, никакого различія по логической, формальной сторонѣ ихъ значенія, выражая въ одномъ и томъ же звукѣ и имя существительное и прилагательное имя и глаголъ (стр. 137), напр. Reise, reis, reisen, или наши: *бить* (шитье), *бить*, *битъ*. Что образованіе нарѣчій, подобнымъ же образомъ, должно было происходить постепенно—это также мы должны допустить, принимая во вниманіе расплеменеціе народа по извѣстному пространству земли, которое не могло не происходить въ извѣстной, періодической постепенности. Обозначивъ вторую эпоху въ естественной исторіи языка, лексикологическія изслѣдованія должны опредѣлить намъ третью и послѣднюю эпоху оной: *преобразованія* языка или разновременные перевороты, совершавшіеся въ немъ отъ *міровыхъ историческихъ* вліяній т. е. отъ сдвиженія племенъ, говорящихъ языкомъ, съ туземной ихъ почвы на другую мѣстность, отъ столкновенія ихъ съ другими народами, отъ происходящаго при томъ обмѣна понятій, обычаевъ и т. п., влекущаго за собою заимствованіе словъ иноязычныхъ, усвоеніе оныхъ корнямъ туземнымъ, передѣлку послѣднихъ, искаженіе, обветшалость и т. д. Вотъ полная

задача лексикологическихъ изслѣдованій языка русскаго! Какъ ни проста, какъ ни натуральна она, выполненіе оной представляетъ, однакоже, непреодолимыя трудности: примѣненіе къ самому дѣлу *средствъ*, представляемыхъ намъ *психологическою теоріею* и *естественною исторіею* Языка даетъ намъ живѣйшимъ образомъ чувствовать недостаточность этихъ системъ, происходящую отъ неопредѣленности основнаго понятія: *происхожденіе Языка*, и заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что начертываемая ими исторія постепеннаго развитія языковъ есть не что иное, какъ слабое и поверхностное очертаніе *нѣкоторыхъ явленій* Языка, явленій, представленныхъ въ чисто-внѣшней послѣдовательности, но чуждыхъ первоначальной, коренной причины и потому а) не имѣющихъ внутренней, причинно-послѣдовательной связи между собою, б) остающихся на всякомъ шагу темною, неразрѣшенною загадкою для разума, не находящаго для себя ни *входа* ни *выхода* въ этомъ многовѣковомъ лабиринтѣ. Чтобы явственнѣе видѣть, въ какой хаосъ неизвѣстности, сомнѣній и противорѣчій повергаетъ насъ это разсудочно-систематическое развитіе языка, мы проведемъ русскій языкъ по каждому изъ трехъ фазовъ или эпохъ естественной исторіи Слова, наблюдая при томъ, въ чемъ именно заключается причина неудовлетворительности этого проведенія. Начнемъ съ первой эпохи—происхожденія языка.

I. *Происхожденіе языка русскаго.*

Въ огромной массѣ словъ, составляющихъ организмъ языка русскаго мы должны, прежде всего, отличить массу такихъ словъ, которыя образуютъ первоначальную *матерію* онаго или заключаютъ въ себѣ *первыя начала* языка, изъ которыхъ проистекло все послѣдующее пріумноженіе онаго. Но первыя начала языка (см. стр. 93, 97, 103) суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первыя начала *познанія народнаго*, слѣд. найти первоначальныя слова въ составѣ языка мы можемъ только тогда, когда найдемъ звуки, въ которыхъ выразились первоначальныя представле-

нія мысли человѣческой. Какія же представленія мысли мы должны счесть представленіями ея первоначальными? Ни въ *психологической теоріи*, ни въ *естественной исторіи* Слова — сколько читатель припомнитъ — мы не находимъ на это никакого отвѣта. И вотъ первая трудность: при самомъ вступленіи нашемъ въ лабиринтъ языка, мы не можемъ никакъ найти точки, въ которой могли бы укрѣпить путеводную нить нашу, изъ которой могли бы *отправиться*, выступить!.... говоримъ такъ потому, что ежели бы мы, въ дополненіе къ двумъ нашимъ системамъ, постарались, при пособіи общихъ началъ науки, сами отвѣчать на предложенный вопросъ, то отвѣтъ нашъ, какой бы мы ни дали, ни въ какомъ случаѣ не будетъ путеводною нитью, по которой мы могли бы пройти чрезъ первую эпоху языка, въ которую вводятъ насъ наши системы: эта нить прервется при первомъ шагѣ нашемъ. Вотъ объясненіе. Говоря о первоначальныхъ представленіяхъ мысли, мы должны имѣть въ виду два случая, или 1) нормальное развитіе мысли *зрѣлой* уже, раскрываемое намъ метафизикою познанія человѣческаго, — развитіе, которое по всей справедливости мы должны предполагать въ первомъ человѣкѣ, какъ существѣ всецѣло-совершенномъ и должны предполагать въ такой же степени, ежели даже не въ большей; (¹) или же 2) случайное движеніе мысли только что зародившейся и мало по малу лишь созрѣвающей, движеніе, которое мы замѣчаемъ въ теперешнемъ человѣкѣ, наблюдаемомъ опытомъ. Нормально развивающаяся мысль

(¹) Нѣкоторые укажутъ мнѣ, можетъ быть на стр. 97-ую, гдѣ сказано, что первые люди народовъ, существовавшихъ по паденіи Человѣка, не были существа нормальныя. Но всякій внимательный читатель догадается, что эта мысль въ отношеніи къ первымъ началамъ языка каждаго народа, сохраняющимъ въ себѣ первыя начала мысли нормальнаго Человѣка, не имѣетъ никакого отношенія. Въ первыхъ началахъ всѣхъ языковъ таятся начала нормальнаго познанія, хотя самые народы могутъ быть и далеки отъ нихъ. Независимость мыслящей силы, сокрытой въ языкѣ, отъ мыслительной способности самаго народа, будетъ показана мною ниже.

должна выступить не изъ представленія о *внѣшнемъ мірѣ* бытія (природы, *не-я*), не изъ представленія о *внутреннемъ мірѣ* (*я*, духа), потому что какъ тотъ такъ и другой составляютъ только *полюсы* единаго, первоначальнаго бытія, которое раздѣлилось въ нихъ, но не суть самое бытіе въ его первичной сущности; мысль человѣческая должна, по этому, выступить изъ представленія о такомъ *началѣ*, которое превышаетъ собою какъ міръ души (*я*), такъ и міръ природы (*не-я*,) которое заключаетъ въ себѣ причину, источникъ того и другаго. Это представленіе будетъ представленіемъ о единой предвѣчной *творческой Мысли*, призвавшей отъ небытія къ бытію безконечное разнообразіе предметовъ внутренняго и внѣшняго міра. Постиженіе этой безконечно-разнообразной и, между тѣмъ, нераздѣльно-единой творческой Мысли должно привести умъ человѣка прежде всего къ уразумѣнію *аттрибутовъ* (сторонъ, признаковъ, свойствъ), подъ которыми онъ можетъ себѣ представить сокровенную, неизглубимую сущность этой Мысли, каковы напр. *всецѣлая простота* или нераздѣльная всецѣлость, (¹) *несущность* или

(¹) Т. е. что мысль есть нѣчто простое во всемъ цѣломъ мірозданія, а не въ отдѣльныхъ частяхъ или, если угодно, въ отдѣльныхъ цѣлыхъ онаго (субстанціяхъ), изъ которыхъ каждое будетъ имѣть свою простоту, независимо отъ простоты другаго: въ такомъ случаѣ совокупность этихъ *многихъ* цѣлыхъ будетъ составлять, по взаимному отношенію ихъ между собою, *единство*, но единство мысленное, отвлеченное а не сплошную, непрерывную *единичность*. Должно отличать простоту *веществъ* и *существъ* мірозданія отъ простоты той силы творческой, которая составляетъ ихъ основу, ихъ міровую сущность: первая есть нѣчто особое и потому разное (отличное отъ другой) вторая — есть нѣчто все-единое или всюду-единое и потому существующее внѣ формъ особости, разности, количества, качества и. т. д. Душа человѣка, душа растительная или жизненная сила, кристаллизаціонная сила, пространство, свѣтъ, кислородъ — суть *особыя* простыя начала, которыя умъ легко и явственно отличаетъ одни отъ другихъ: но та первоначальная причина, та сокровенная сущность, которая держитъ душу человѣка, растенія, зиждущую силу минералла, пространство, свѣтъ и т. п. въ одномъ и томъ же, отъ вѣка имъ данномъ видѣ, эта сущность, повторяю, не есть ли вездѣ *одна и таже*? Не находимъ ли мы, что она вездѣ представляется

находящаяся внѣ всякихъ моментовъ, всякихъ формъ существованія бытность, (1) бытность неуловимая даже въ самыхъ

безплотною, безформенною, безкачественною, безличною и даже для самой мысли вездѣ равно непостижимою? Не находимъ ли, что вездѣ является она съ одними и тѣми же признаками: 1) *безначальности*—одинаковой какъ въ происхожденіи души животной и растительной, выходящей изъ отвѣчносуществующаго сѣмени и зерна, такъ въ происхожденіи пространства, истекающаго изъ отвѣчно же существующихъ точекъ онаго и т. п., 2) *безпрерывности*—обнаруживающейся въ вѣчной потомственности существъ, въ вѣчномъ продолженіи веществъ, стихій, 3) *безконечности*—видимой въ цѣломъ мірозданіи? . . . Такимъ образомъ, не смотря на различныя степени и формы *существованія* и *жизни*-чистое, первоначальное, творческое, такъ сказать, *бытіе*—есть всюду *единое*. Это единство есть ни что иное, какъ единство творческой Мысли, на которой почіетъ все цѣлое мірозданія и непостижимую сущность которой разумъ нашъ не иначе можетъ себѣ представить, какъ нѣчто *всецѣлое* и при томъ *простое* или какъ непрерывную, *нераздѣльную всецѣлость*

(1) *Несущность*—да не затрудняется благосклонный читатель этимъ выраженіемъ, можетъ быть неловкимъ, но извиняемымъ невозможностію найти въ языкѣ нашемъ какое нибудь слово, которымъ бы можно было выразить высказанную здѣсь мысль. Изъ всѣхъ философскихъ терминовъ, которыми мыслители усиливались характеризовать непостижимую сущность первопричины: *безконечное, духъ, идея, абсолютъ* и др., терминовъ, которые по ихъ отвлеченности или общности мало говорятъ уму нашему, два только, какъ мнѣ кажется, приближаются отчасти къ непостижимой сущности Творца: это νοῦς (умъ) философовъ Древняго міра и *мышленіе*—Спинозы. Нельзя себѣ представить божественной первопричины чище, возвышеннѣе, какъ воображая Ее въ формѣ *существа мыслящаго*. Но изъ двухъ этихъ аттрибутовъ: νοῦς и *мышленіе*, послѣдній стоитъ выше, потому что представленіе *ума* необходимо сопрягается съ представленіемъ *существа* или опредѣленной сущности, въ которой онъ заключается (души); а это представленіе влечетъ за собою представленія *индивидуальности, личности, воли* и тому подобныя, которыя вносятъ безконечную первопричину въ ограниченныя категоріи бытія и болѣе или менѣе натурализируютъ или антропоморфизируютъ Ее (овеществляютъ или очеловѣчиваютъ). *Мышленіе*—напротивъ того—изображаетъ намъ первопричину въ чистѣйшемъ Ея видѣ, отрѣшенную отъ всякой примѣси *вещественнаго* или *человѣческаго*. Въ художественномъ произведеніи, напр., въ машинѣ, въ зданіи я вижу *умъ*, потому что могу отдѣлить въ нихъ *матерію*, взятую изъ природы, отъ тѣхъ *формъ*, какія сообщены этой матеріи работою мыслившаго ума и могу, чрезъ

возвышенныхъ, чистѣйшихъ формахъ — формахъ мысли;

это самое, представить себѣ постепенность этой работы т. е. могу открыть въ сихъ предметахъ *начало, порядокъ* частей, *цѣль* каждой и т. д; но въ организмѣ животнаго, растенія, я не нахожу того же *ума*, потому что никакъ не могу уловить перваго начала, изъ котораго выходитъ все органическое цѣлое, не могу отдѣлить *образующей* формы отъ *образуемой* матеріи, которыя находятся въ такой совмѣстности, въ такой одновременности, что умъ нашъ никакъ не можетъ найти ни точки *входа* (начала), ни точки *выхода* (конца), не можетъ найти ни того, гдѣ образующее *начало мыслить* (еще не созидая организма), ни того, гдѣ оно уже *кончило мыслить* (создавъ организмъ)— онъ находитъ вездѣ только что оно *мыслитъ*, находитъ нѣчто *мыслящее, мышленіе*, нѣчто безпрерывно текущее отъ предшедшаго, невидимаго основанія къ предъидущей, невидимой же цѣли. Такимъ образомъ *мышленіе*, какъ вѣчно-продолжающаяся дѣятельность, не имѣющая ни начала, ни конца, ни личности — есть самая чистая форма, въ которой мы можемъ себѣ представить божественную первопричину. Но ежели бы нужно было это отвлеченное представленіе выразить нагляднѣе, чувственнѣе, то мнѣ кажется, его нельзя было бы замѣнить ничѣмъ другимъ, кромѣ выраженія: «*мысль есть нѣчто не существующее*». Все существующее или *созданное* мы представляемъ себѣ въ двухъ формахъ: *пространства* или его моментовъ: *здѣсь, тамъ, сямъ* и *времени* или его эпохъ: *прежде, теперь, послѣ*. Самое же *начало* существующаго: Мысль или *создавшее*, мы можемъ представить себѣ только чрезъ отрицаніе этихъ моментовъ существующаго т. е. воображая Ее какъ то, что *не есть* низдѣсь, ни тамъ, ни сямъ, потому что есть *вездѣ* и *нигдѣ* (т. е. ни въ одной опредѣленной точкѣ пространства), — что *не есть* ни прежде, ни теперь, ни послѣ, потому что есть *всегда* и *никогда* (т. е. ни въ одномъ опредѣленномъ моментѣ времени). Пояснимъ это какимъ нибудь примѣромъ: возьмемъ геометрическое пространство и разлагая оное на элементы, будемъ приводить его къ первому началу: къ самому возникновенію онаго въ небытіи, дабы убѣдиться, есть ли возможность уловить въ немъ хотя одинъ какой нибудь моментъ существующаго? Самая полная форма, въ которой мы можемъ себѣ представить цѣлое пространство, есть форма сферы — (шара); но эта форма можетъ быть приведена къ болѣе простой формѣ *круга*, изъ которой она происходитъ, потому что образованіе шара, какъ извѣстно, можно представить себѣ чрезъ обращеніе круга около своего поперечника въ какой нибудь жидкой массѣ: кольце круга, вращаясь въ этой массѣ, выдавливало бы вокругъ себя выемъ, подобный шару. Форму круга можно привести къ формѣ радіуса или *линіи* съ двумя точками: твердою, неподвижною (центръ) и движущеюся около первой (оконечность радіуса). Радіусъ разлагается, такимъ образомъ, на *точки*,

творческая всемощность претворять небытіе въ бытіе, *пред-*

которыя составляютъ первичные элементы пространства. До сихъ поръ мы можемъ видѣть, уловлять послѣдовательность въ образованіи пространства, потому что одну форму можемъ себѣ представить прежде, другую послѣ и т. д. Но дошедши до *точекъ*, изъ разстоянія, промежутка между которыми образуется *линія* — мы уже теряемъ эту послѣдовательность. Прежде, нежели явились *двѣ точки*, одна — неподвижная, другая — двинувшаяся, естественно, должно предположить *одну* точку, явившуюся среди небытія. Но изъ одной точки не выйдетъ никакого *промежутка*, разстоянія, слѣд. не будетъ и перваго момента въ *возникновеніи* линіи, предшествовавшаго *возникшей* уже линіи. 1) Представимъ ли, что прежде того, какъ явилась точка въ пустую, безпространственную область небытія, ея вовсе тамъ не было — то появленіе точки нисколько не будетъ *первымъ* моментомъ въ возникновеніи пространства, но будетъ *второй* моментъ онаго, ибо появленіе точки въ небытіи ведетъ тотъ часъ къ вопросу: *откуда* низошла она? и заставляетъ предполагать, что она до нисхожденія своего существовала уже гдѣ-то, внѣ небытія, слѣд. появленіе точки будетъ уже вторымъ моментомъ — движеніемъ изъ предшедшаго покоя оной во внѣшнемъ пространствѣ — въ пустоту, предполагающимъ уже данное (идеальное) пространство, какъ *первое начало*, предшествовавшее реальному пространству, возникавшему въ небытіи. 2) Представимъ-ли себѣ, что кромѣ *небытія*, безпространственной пустоты и *единой точки* ни чего не было, то получимъ въ результатѣ *ничто* и *точку*, вмѣсто ожидаемой *линіи* пространства, потому что воображая точку остановившуюся, утвердившуюся въ какомъ нибудь пунктѣ небытія, мы нисколько не можемъ принять этаго пункта за центръ, удаляясь отъ котораго точка образуетъ разстояніе: станетъ ли точка *здѣсь* — это будетъ центръ, двинется ли она *туда* — это будетъ опять такой же центръ и т. д. до безконечности. 3) Представимъ ли себѣ, для полученія необходимаго намъ промежутка, что точка, остановившись въ какомъ нибудь пунктѣ, *раздвоилась* и одна часть ея, ставъ неподвижною, сдѣлалась центромъ, другая, двинувшись, образовала окружность — то этимъ самымъ предполагаемъ уже въ точкѣ сплошное *пространственное цѣлое*, наполнявшее собою *все* и, чрезъ это самое, допускаемъ прежде небытія полное, всецѣлое бытіе. Однимъ словомъ, какія бы усилія мы ни дѣлали, стараясь себѣ вообразить первое начало пространства — въ каждомъ моментѣ онаго мы находили бы *цѣлое* пространство, предшествовавшее оному: представленіе *ничего* попеременно предварялось бы представленіемъ *всего* (идеально, мысленно существовавшаго). *Несущность* остается, такимъ образомъ, ближайшимъ чувственнымъ аттрибутомъ первопричины въ понятіяхъ многихъ народовъ. Въ оправданіе этого ссылаюсь на откровенное ученіе о твореніи Богомъ міра *изъ ничего* («отъ не-

вѣденіе и *самовѣденіе*—знаніе всего будущаго и самой себя, предшествующее всякому моменту проявленія Мысли и т. п. ([1]). При помощи этихъ аттрибутовъ мысль человѣческая можетъ вооображать себѣ творческую Мысль въ формахъ *существа* (всецѣлоединаго), его *бытія* (предвѣчнаго, безконечнаго, всегда сущаго) и его *дѣятельности* (творящей все изъ ничего, изводящей изъ небытія бытіе). Эти чисто-духовныя понятія, превышающія собою первоприродныя чувственныя формы нашихъ представленій: *пространство* и *время*, формы, въ которыхъ мы воображаемъ себѣ все, о чемъ только ни мыслимъ — составляютъ зерно, источникъ всего нашего познанія, потому, что всѣ остальныя чувственныя и духовныя понятія, какія составляетъ себѣ мысль наша о предметахъ

сущихъ» V. Кн. Маккав.) и на языки, въ которыхъ слова, выражающія *ничто*, заключаютъ въ себѣ чувственныя, символическія значенія, соотвѣтствующія понятіямъ: *кругъ*, *вѣчность*, *безначальное* и *безконечное* и т. д. Напр. Латинск. *nihil*, производимое Куръ де Жебеленомъ (Dict. Lat. 836) отъ Цельтскаго *hilum* — зерно, сѣмя (= сферическая точка), *нуль*, Нѣмец. Null, отъ Лат. (an)nulum — кольце, колечко; Франц. zéro — отъ Евр. zeroh, zeruh — кругъ, кольце; ср. еще встрѣчающееся у Зороастра *zeruane akerene* (все несозданное); Нѣмец. *niwichts* (=nichts)= не-тварь, несотворенное и т. п.

([1]) Только посредствомъ этаго аттрибута душа наша, усиливающаяся постигнуть нераздѣльно-единую простоту Мысли, можетъ нѣкоторымъ образомъ удовлетворить себя, раздѣляя въ своемъ представленіи это нераздѣльно-простое бытіе въ послѣдовательности трехъ моментовъ: *творенія*, *мышленія*, *знанія*. Прежде нежели было изведено творческою силою Мысли изъ небытія бытіе—было *небытіе* т. е. *мышленіе* всего того, что явилось (идеальный очеркъ міроздания); прежде нежели Мысль *помыслила*—она *уже знала* все то, что помыслитъ, что сотворитъ. Такимъ образомъ, Мысль, знающая Самую себя, можетъ служить для нашей души удовлетворительнымъ изображеніемъ первоначальнаго, чистѣйшаго состоянія Мысли—почіющей въ Самой себѣ, состоянія, для котораго нѣтъ и не можетъ быть выраженій. *Всезнающая* или все предвѣденіемъ Своимъ наполняющая Мысль, которая *помыслила* — это первое движеніе Ея внѣ Себя, первый доступный для души человѣческой моментъ ея проявленія въ небытіи.

внутренняго и внѣшняго міра (души и природы), опираются на представленіяхъ (образахъ) *двойственности* или противоположности: *сложности* и *частности*, *покоя* и *движенія*, *дѣятельности* и *страдательности*, *вещества* и *формы*, которыя не иначе могутъ быть сознаны, уяснены, какъ чрезъ противопоставленіе ихъ понятіямъ *единаго*, *простаго*, *сущаго*, *творящаго*, какъ высочайшимъ формамъ, первообразамъ бытія. Итакъ только приложеніе этихъ трехъ первообразныхъ формъ нашей *познающей мысли* къ необъятному цѣлому міроздания даетъ ей возможность упрощать его безконечное разнообразіе и приводя оное къ симъ тремъ первоосновнымъ формамъ (категоріямъ), составлять себѣ отдѣльныя, ясныя представленія о каждомъ его предметѣ порознь. Но какія именно представленія образованы мыслію человѣческою, выступавшею изъ трехъ обозначенныхъ нами ея категорій и въ какомъ порядкѣ возникли они? Отвѣчать на это — значило бы обладать тою всесовершенною мыслительною способностію первозданнаго человѣка, которая давно уже утрачена для исторіи человѣческой и о которой наука мысли могла сберечь только нѣсколько скудныхъ, неясныхъ воспоминаній. Руководясь въ этомъ случаѣ догадками мыслителей и соображеніями здраваго разсудка, можно думать, что по аналогіи съ первымъ понятіемъ: о *существѣ*, ([1]) которое, при противоположности внѣшняго и внутренняго міра, естествен-

---

([1]) Читатель замѣтитъ, что идеи о *Существѣ* въ смыслѣ ѳеологическомъ, но не космологическомъ т. е. Богѣ—нѣтъ между первоначальными представленіями мысли человѣка, ибо 1) это *идея*, которая была вдохновлена, *вѣсоздана* въ человѣка, а не *понятіе*, которое *родилось* въ его мысли или было ею развито изъ себя; 2) она такъ высока, что находится даже внѣ формъ Мысли, подъ которою Человѣкъ могъ представлять себѣ высочайшее *міровое* бытіе и могла быть постигаема только непосредственнымъ общеніемъ Человѣка съ Богомъ, силою *любви*, *вѣры* и *правды* — какъ учитъ насъ Св. писаніе. Я принимаю здѣсь *существо* въ смыслѣ космологическомъ, разумѣя не самаго Бога, но творческую Мысль Его, мыслимую какъ всецѣло—единое, какъ существо.

но, должно было *раздвоиться* въ человѣческой мысли — образованы представленія о *духѣ* и *матеріи*. Человѣкъ не могъ не перенести понятія о *существѣ* прежде всего къ себѣ, къ своему духу, къ своему Я, потому, что онъ созданъ былъ по *образу* и *подобію* Божію, слѣд. имѣлъ въ себѣ отпечатокъ свойствъ Его, слѣд. и Мысли, которая совершеннѣе всего отражалась въ *простотѣ* и *единствѣ* духовной личности человѣка, служащей безначальною и безконечною основою всего его бытія и дѣятельности. И такъ понятіе *единаго* (духа)—первый аттрибутъ *существа*, совокупилось, сосредоточилось въ человѣкѣ. Понятіе *всего*, *цѣлаго*—второй аттрибутъ *существа*, сосредоточилось въ представленіи *матеріи*, какъ первоначальной основы всего созданнаго, изъ которой все возникаетъ и въ которую все обращается, матеріи, заключающей въ себѣ *возможность* всего существующаго или содержащей въ себѣ все существующее въ *возможности* (in potentia). По аналогіи со вторымъ понятіемъ: о *бытіи*, образовано представленіе о *формѣ*, какъ условіи, служащемъ къ переходу *матеріи* (возможности) въ дѣйствительность. Это представленіе, раздвоясь, при противоположности *духа* и *матеріи*, къ которымъ оно было прилагаемо, образовало два представленія: представленіе *пространства* или формы непрерывно-цѣлой, *покоющейся* и *времени* или формы послѣдовательно-измѣняющейся, движущейся. Понятіе *дѣятельности* выразилось въ представленіяхъ *силы* міровой, производящей (свѣта, воздуха и проч.) и *жизни* или силы существъ только *воспроизводящей* и т. д. Всѣ эти представленія: о *духѣ*, *матеріи*, *пространствѣ*, *времени*, *силѣ*, *жизни* и т. п. суть представленія о *стихійныхъ* (міровыхъ) началахъ и формахъ бытія или, однимъ словомъ, представленія о первозданной стихійной природѣ. И такъ стихійныя представленія мысли (ср. § 10 стр. 94 — 97) суть первоначальныя представленія, образуемыя человѣческою мыслію изъ данныхъ ей, предъопытныхъ понятій о Мысли и ея свойствахъ; поэтому и слова, выражающія стихійныя представленія мысли, будутъ

первыя слова въ языкѣ или *корни* ([1]). Но останавливаясь на такомъ заключеніи о началѣ Языка, мы нисколько не проникнемъ, при помощи онаго, въ *происхожденіе* нашего языка, потому что наше заключеніе находится въ совершенной противоположности какъ съ *психологическою теоріею,* такъ и съ *естественною исторіею Слова.* Первая допускаетъ въ первоначальныхъ изобрѣтателяхъ языка (§ 14. стр. 120.) одну *способность* познавать и *темныя впечатлѣнія,* изъ которыхъ выходятъ *языкъ* и *разумъ,* нисколько не предполагая въ человѣкѣ нормальнаго развитія созрѣвшей уже мысли; вторая, хотя и допускаетъ (§ 20. стр. 186.) въ человѣкѣ, изобрѣтавшемъ языкъ, не нагую, чистую способность познанія, но *нормальное мышленіе* и *развитіе идей* или общихъ понятій, безъ которыхъ не могъ обойтись языкъ, но уравниваетъ степень этихъ понятій съ степенью общественнаго развитія, до которой достигъ человѣкъ въ ту пору, когда началъ изобрѣтать себѣ языкъ: эти же понятія ни въ какомъ случаѣ не могли находиться на степени тѣхъ *первоначальныхъ понятій,* изъ которыхъ, какъ мы думаемъ, произошли первыя слова языковъ. Находясь, поэтому, въ противорѣчіи съ обѣими теоріями происхожденія Слова, мы подвергаемся опасности, чрезъ примѣненіе нашихъ предположеній о началѣ языковъ, 1) совершенно извратить эти теоріи, потому что ищемъ *на-*

([1]) Читатель замѣтитъ мнѣ, можетъ быть, что эти соображенія о первоначальной основѣ Языка не оправдываются фактами, ибо а) ни въ одномъ почти языкѣ (кромѣ Еврейскаго) нѣтъ чистыхъ названій Бога, а по большей части чувственныя, символическія (небо, свѣтъ и т. д.); б) слова, выражающія понятія отвлеченныя или духовныя, заимствованы отъ корней, выражающихъ чувственные предметы и представленія напр. *духъ, душа* отъ дую, дышу (cf. *воздухъ*), подобно тому какъ Нѣм. *Geist* отъ gähnen, Лат. *spiritus* отъ spirare и пр. Отвѣтъ на это замѣчаніе, нисколько не опровергающее нашего положенія о *первоначальныхъ представленіяхъ,* какъ источникахъ первообразныхъ словъ въ языкахъ, мы представимъ ниже — въ очеркѣ исторіи языковъ, при описаніи *первой эпохи* оныхъ, въ которой сохранились еще довольно явственные слѣды *представленій первоначальныхъ.*

чала (происхожденія) тамъ, гдѣ онѣ усматриваютъ *конецъ*— послѣдній періодъ въ исторіи языковъ (преобразованіе); 2) низвести всю послѣдовательность въ постепенномъ развитіи языка, изображаемую нашими теоріями къ нулю, потому что допуская стройно-послѣдовательное движеніе мысли, выходящей изъ трехъ началъ: идей *существа, бытія* и *дѣятельности* и по нимъ систематизирующей всю совокупность предметовъ, мы должны непремѣнно допустить и органически-полное образованіе всѣхъ частей рѣчи, слѣд. всего *языка* (§ 16. стр. 162 — 164.), — тогда какъ наши теоріи относятъ грубое, *матеріальное* образованіе языка (изобрѣтеніе словъ первой необходимости) къ первому періоду; образованіе же утонченное, логическое ко второму періоду. И такъ, для отысканія *началъ языка* или словъ, въ которыхъ выразились первоначальныя представленія мысли, мы должны принять въ соображеніе не нормальный ходъ мысли уже зрѣлой, но движеніе мысли только что зародившейся и мало по малу лишь созрѣвающей въ человѣкѣ,—тѣмъ болѣе, что такое состояніе мысли допускается почти обѣими теоріями единогласно. Но какимъ образомъ отыскать намъ первоначальныя представленія въ этой ненормально развивающейся мысли? Судя по общей аналогіи въ первоначальномъ ходѣ человѣческаго познанія, начинающагося съ частнаго, внѣшняго, чувственнаго (не-Я) и мало по малу восходящаго къ общему, внутреннему, духовному, и мысль человѣческая должна была идти тѣмъ же путемъ: и такъ чувственныя, наглядныя представленія, почерпаемыя человѣкомъ во внѣшнемъ мірѣ, должны быть первоначальными представленіями его мысли? Но этимъ сказано *мало*, ежели только не сказано вовсе *ничего*. Во внѣшнемъ мірѣ всѣ представленія, безъ исключенія, чувственны, потому что все облечено *матеріею*, воспринимаемою чувствами, какъ общею средою, безъ которой душа не можетъ ощутить и сознать ничего, приходящаго къ ней изъ внѣ. Для открытія *началъ* или происхожденія языка намъ нужны *первыя слова;* первыя же слова должны быть

выраженіемъ *первыхъ* чувственныхъ представленій; нельзя предполагать, чтобы въ огромной массѣ чувственныхъ представленій всѣ они были образованы вдругъ — этимъ опровергалось бы коренное положеніе теоріи: «происхожденіе языка постепенно»; и такъ, между представленіями должны быть такія, которыя были образованы прежде—первоначальныя и такія, которыя образовались послѣ. Какія же представленія были *первоначальныя?* Такъ какъ систематическаго, послѣдовательнаго хода мысли допустить здѣсь нельзя, то сообразно съ свойствомъ внѣшняго міра, окружавшаго первыхъ изобрѣтателей языка, остается допустить съ одной стороны — *случайное* возбужденіе мысли человѣка явленіями природы, среди которой *теорія психологическая* ставитъ перваго человѣка (§ 14. стр. 120 — 125); съ другой стороны— такое же случайное или *условное* возбужденіе оной потребностями *первоначальнаго* общественнаго быта, въ которомъ *естественная исторія* поставляетъ изобрѣтателей языка (§ 20. стр. 176 — 177). И такъ, *первоначальныя представленія* были тѣ, которыя возбуждены были въ человѣкѣ явленіями природы и потребностями общественнаго быта? Но выиграли ли мы что нибудь чрезъ это разъясненіе? Не попали-ли мы, все таки, въ хаосъ, въ безвыходный лабиринтъ сомнѣній, догадокъ, противорѣчій? Развѣ явленій природы мало, или развѣ можно узнать, какія изъ нихъ прежде поразили чувства человѣка и дали ему корни языка, какія послѣ? Теорія психологическая думаетъ, что человѣкъ былъ поражаемъ прежде всего такими явленіями, которыя сопровождались извѣстнымъ характеристическимъ звукомъ (стр. 121 — 122): но не нашла ли *естественная исторія* языка, что въ языкахъ Американскихъ, которые болѣе всѣхъ приближаются къ первоприроднымъ языкамъ человѣческимъ, *вовсе нѣтъ словъ звукоподражательныхъ?* Какъ узнать, съ другой стороны, какія *потребности* общественнаго быта удовлетворены были человѣкомъ прежде, какія послѣ, если мы не примемъ въ соображеніе болѣе частныхъ условій и формъ обществен-

наго быта въ состояніи народовъ *кочевомъ* и *осѣдломъ*, въ образахъ жизни: *рыболовномъ*, *пастушескомъ*, *земледѣльческомъ* и другихъ, открыть слѣды которыхъ въ доисторическомъ быту народовъ, сдѣлавшихся извѣстными исторіи уже по выхожденіи изъ этихъ состояній — нѣтъ никакой возможности? И такъ, не остается ли искомое нами *начало* языковъ въ совершенномъ мракѣ? Не предоставляютъ ли тѣ шаткія, жалкія предположенія о *первоначальныхъ представленіяхъ*, на которыхъ мы должны опирать происхожденіе корней–каждому филологу полнаго, неограниченнаго произвола гадать и умозаключать какъ ему угодно? Укажемъ, напримѣръ, на слова: *плоть* и *кровь*, которыя считаются корнями въ языкѣ русскомъ (см. Корнесловъ Шимкевича). По началамъ *теоріи психологической*, господствующей въ современномъ языкознаніи, эти слова должны были быть произведены отъ какихъ нибудь представленій. Для объясненія перваго слова представляются два представленія: о *половинѣ* и *плетеніи*. Какъ то такъ и другое представленіе можно считать одинаково-первоначальнымъ, потому что безъ понятія о части предмета равной другой его части и безъ понятія о *плетеніи* — человѣкъ не могъ обойтись въ своихъ первоначальныхъ житейскихъ отношеніяхъ, — всякій согласится съ этимъ. Но производство *Юнгманомъ* и *Линде* слова: *плоть* (тѣло, кожа) отъ *сплетенія волоконъ* (spletenj z krátkého a hustého wláкénka), *Шимкевичъ* отвергаетъ, потому что до такого понятія можно дойти только посредствомъ анатомическихъ изслѣдованій; я вижу въ словѣ *плоть* перенесеніе (метафоризмъ) понятія о *половинѣ* сперва къ половинѣ органическаго существа (*полъ* — sexus, Geschlecht) — мущинѣ и женщинѣ, потомъ — къ сѣмени органическому (sperma), которымъ оплодотворяется человѣкъ; далѣе — къ *тѣлу*, которое раждается изъ сѣмени, наконецъ къ *кожѣ*, покрывающей тѣло (см. 1 сем § 28. стр. 124 и слѣд.). Такое же развѣтвленіе понятія *половина* можно прослѣдить, безъ малѣйшей натяжки, въ цѣломъ семействѣ словъ одного звука и одного значенія,

находящихся не только въ языкѣ русскомъ, но почти во всѣхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Что же вѣроятнѣе? Трудно предположить въ первомъ человѣкѣ *анатомію*, трудно предположить и *утонченную Логику:* остается развѣ допустить, что *плоть* не есть корень, но вѣтвь, произведенная уже въ послѣдствіи времени отъ *плетенія* или *половины?* Какъ же называли *плоть* прежде? Не ужели слова для этаго понятія вовсе не было? . . . . Въ такомъ же круговоротѣ пустыхъ, безсмысленныхъ догадокъ будетъ теряться филологъ и при объясненіи другаго корня: *кровь.* Одинъ (какъ Шишковъ наприм.) будетъ выводить его изъ *кора* — потому, что кровь находится за *скорою* (кожею); другой отъ *крыть* — потому, что она *скрывается;* третій отъ *красный*—потому, что кровь *краснаго цвѣта.* Каждый будетъ одинаково правъ, потому представленій: *кора, крыть* и *красный* нельзя не признать одинаково-первоначальными и одинаково-необходимыми въ первомъ быту человѣка. . . . . Кажется, мы можемъ съ полною основательностію заключить, что выходя изъ началъ, принимаемыхъ нашими теоріями для объясненія происхожденія языка, мы не можемъ найти ни одной твердой, *внутренней* (логической) черты, по которой могли бы отличить первыя слова отъ позднѣйшихъ. Остается искать какихъ нибудь внѣшнихъ чертъ этого отличія. Психологическая теорія думаетъ, что первыя слова были грубые, неуклюжіе слѣпки съ звуковъ природы и потому указываетъ на *односложность,* какъ на характеристическую примѣту первыхъ словъ языка. У насъ всѣ почти раздѣляютъ еще это мнѣніе. *Добровскій* на этомъ основаніи раздѣлилъ всѣ 1605 корней церковно-Славянскаго языка на три класса: къ первому онъ отнесъ слова, состоящія изъ *одной гласной* чистой или соединенной съ одною какою нибудь согласною; ко второму — слова, состоящія изъ гласной, соединенной съ *двумя* согласными; къ третьему — слова, составленныя изъ *трехъ* и болѣе согласныхъ. Но что оказалось послѣ такого распредѣленія? Въ первомъ классѣ всего 72 корня, между которыми вы

находите напр. 1) кусочки мѣстоименій личныхъ и указательныхъ: и (его), га, к (ихъ) ю (ее), ва, вѣ, мы, ны, ты, и пр. — но не находите самыхъ темъ, прямыхъ падежей: онъ и азъ, мѣсто которымъ указано во второмъ классѣ; 2) частицъ неизмѣняемыхъ: *о, у, въ, на до, за, не, ли, ни* и пр.; наконецъ 3) глаголовъ: *би*(ти), *бы*(ти), *вы*(ти), *ви*(ти), *да*(ти), *дѣ*(ти), *чу*(ти), *мы*(ти), *ры* (ти), *сѣ*(–ю,–яти)- *ші*(ю), *ку*(ю)=ковати и т. д. Не ужели эти слова должно признать первоначальнымъ запасомъ языка, въ которомъ таятся его *начала,* его *происхожденіе*? Здравый смыслъ всякаго читателя дастъ на это отвѣтъ отрицательный.—Кто отвергнетъ, что безъ слова, выражающаго понятіе: *я*, человѣкъ обойтись не могъ въ первыхъ даже дняхъ своего словеснаго общенія съ другими? И такъ, не смотря на помѣщеніе этаго корня во второмъ классѣ, мы должны дать ему мѣсто въ первомъ.—Но звукъ: *я* не есть первоначальная форма этого слова; онъ имѣетъ въ другихъ нарѣчіяхъ разныя наращенія: въ церковно-словянскомъ *з—азъ*, въ польскомъ *m–jam* (cf *byłem* и *jam był*), въ Виндскомъ: *s–jest, jes* (*mene, meni*); сравните съ сими формами Еврейскую: *ани* (которая значитъ не *я*, но *есть* или *я, который есть*), Санскритскую: *aham*, Зендскую: *azem.* Не видно-ли изъ этого, что звукъ, выражавшій первое *лице* былъ глаголъ, причастіе, соединенное съ именемъ, слѣд. цѣлое предложеніе? что этотъ звукъ былъ *многосложенъ* и потомъ, сокращаясь, остался при одной гласной буквѣ: *азмень* (¹), *азменя* и т. д. азъ, меня, *язъ, я*, и проч.? Кто согласится, что глаголы: *дать, бить, дѣть* могутъ быть поставлены наравнѣ съ глаголами: *шить, сѣять*, которые выражаютъ дѣйствія, какихъ нельзя еще допустить въ первоприродномъ, простомъ быту человѣка? И такъ, односложность не можетъ быть вѣрною чертою отличія первыхъ словъ

(¹) Въ одномъ изъ В. русскихъ областныхъ нарѣчій употребляется форма: *мень* (= я) см. Областныя слова, помѣщенныя въ Трудахъ Моск. Общ. Люб. Рос. Слов.

языка отъ позднѣйшихъ, тѣмъ болѣе, что *естественная исторія языковъ* указываетъ намъ въ языкахъ дикихъ народовъ *многосложность* и *поливокализмъ*, какъ общія, генетическія черты этихъ языковъ. Соображая все это, мы имѣемъ право сдѣлать вполнѣ справедливое заключеніе, что изъ разсмотрѣнныхъ нами теорій Слова нельзя извлечь ни одной *внутренней* ни *внѣшней* черты, по которой можно было бы отличить происхожденіе языка отъ дальнѣйшаго его образованія.—Перейдемъ ко второй эпохѣ языка.

§ 27-й.

Извлеченіе постулятовъ изъ психологической теоріи и естественной исторіи Слова. Продолженіе.

II. Образованіе языка русскаго.

Результатъ, полученный нами изъ примѣненія началъ нашихъ теорій Слова къ первой эпохѣ языка нашего: его *происхожденію*, предсказываетъ уже намъ тѣ результаты, какихъ мы можемъ ожидать, примѣняя нашу теорію ко второй эпохѣ языка русскаго: его *образованію*. И въ самомъ дѣлѣ, не пускаясь въ подробныя соображенія, можно убѣдиться, что всѣ предположенія о томъ, какъ русскій языкъ *образовывался*, постепенно выходя изъ первоначальнаго, грубаго состоянія, рушатся при первой попыткѣ фактическаго примѣненія, подобно тому, какъ рушились предположенія о томъ, какъ *происходили* корни языка русскаго, которые мы пробовали отыскать, руководствуясь *первоначальными представленіями* и *односложностію*. Противорѣчія шаткихъ догадокъ усиливаются здѣсь съ каждымъ шагомъ, такъ, что филологъ, начавшій работу съ смиренною вѣрою въ то, что *грамматическія формы языка образовывались постепенно*, что *нарѣчія*,

на которыя раздѣлился языкъ возникали мало по малу, можетъ съ стѣсненнымъ сердцемъ чувствовать, какъ съ каждымъ пріемомъ его изслѣдованій, почва языка, на которой онъ утверждаетъ извѣстный рядъ *образовательныхъ явленій* языка—обрушивается подъ его ногами, какъ онъ болѣе и болѣе вязнетъ въ обломкахъ своихъ мечтательныхъ построеній, и болѣе и болѣе опутывается фантастически-прихотливыми нитями словъ и нарѣчій, которыя перекрещиваютъ другъ друга во всѣхъ направленіяхъ, сходясь близко чрезъ безконечную даль вѣковъ и мѣстности, и расходясь другъ отъ друга на одной и той же родинной почвѣ. Да не сочтетъ этого читатель *выходкою*, непристойною въ наукѣ: извѣдавъ на опытѣ всю горечь труда, нанесенную этою вѣрою науки въ постепенность образованія языка и нарѣчій, безплодность, безъосновательность и логическую тщету этой идеи и видя, что она отстаивается съ какимъ то непонятнымъ упрямствомъ ученаго смысла противъ здраваго взгляда—труженикъ науки не всегда можетъ сохранить равнодушіе..... Посмотримъ, однакоже, на самое дѣло. Во второй эпохѣ языка мы должны искать, по указаніямъ Теоріи 1) постепеннаго образованія частей рѣчи, 2) постепеннаго возникновенія изъ одного языка многихъ его нарѣчій. Искать постепеннаго образованія частей рѣчи—несообразно какъ съ простымъ, здравымъ такъ и съ логически-мыслящимъ умомъ: для этого нужно имѣть какія нибудь основанія; а филологъ не найдетъ ни основаній *логическихъ,* ни основаній *фактическихъ.* Ежели части рѣчи образовались не изъ ничего и не вдругъ, а постепенно, то однѣ должны были образоваться *прежде,* другія *послѣ.* Обыкновенно считаютъ *глаголъ* первоначальною частію рѣчи, потому что въ немъ заключается уже полная мысль (*Satz*), содержащая въ себѣ скрытно (implicite) *подлежащее* (subjectum), *сказуемое* (objectum) и *связь,* потому и въ сравнительномъ языкознаніи принимаютъ за корни словъ *глаголы* (Becker's Organism der Sprache 1841 71, 83): это мнѣніе считаетъ *дѣятельность* чувственныхъ

предметовъ *общимъ* началомъ, бытіе—*частнымъ*, подчиненнымъ ему и думаетъ, что всякое бытіе (предметъ) мыслится не иначе, какъ въ дѣйствіи, что первое, что познается человѣкомъ—есть дѣйствіе предмета, самый же предметъ познается уже изъ дѣйствія.... Конечно, такое мнѣніе вѣроятно, особенно же, если оно подтверждается такими примѣрами, какъ *Glocke, Band, Dach*, которыя, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, произведены отъ *klingen, binden, decken*. Но странно, что а) есть бездна словъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ дѣйствія, отъ котораго они были бы произведены напр. *рука, губы, око, ухо*, для которыхъ мы не найдемъ глаголовъ: *ручить, губить, очить, ушить*; б) непонятно, почему предметъ сказывается уму, *понимается* имъ не съ перваго разу, но посредствомъ познанія и сужденія о *дѣйствіи*, производимомъ имъ (wird erst durch das Erkennen, ein Urtheil zu einem Begriffe); дѣйствіе же—напротивъ того—сказывается уму съ перваго разу (wird als ein wirklicher Begriff gedacht), слѣд. непосредственно, слѣд. по какому-то внушенію съвыше...... А вѣдь познаніе *дѣйствій* предметовъ гораздо труднѣе и мудренѣе для человѣка: любопытно бы было знать, какъ различилъ бы умъ признакомъ дѣйствія *металлы, растенія, рыбъ* и т. под. предметы, которые во всѣхъ почти языкахъ, однакоже, имѣютъ названія особенныя (индивидуальныя), а не родовыя и слѣд. не произведены отъ глаголовъ. И такъ съ равною основательностію можно считать первою частію рѣчи *имя существительное*, какъ выраженіе понятія о бытіи, субстанціи, сущности, понятія первой необходимости, потому что безъ него человѣкъ не могъ бы уловить, сознать разнообразныхъ признаковъ дѣятельности, замѣчаемой имъ въ вещахъ: онъ долженъ былъ относить, присоединять эти признаки къ чему нибудь одному, къ чему нибудь простому, постоянному, какъ основѣ, мѣсту и причинѣ этой дѣятельности и потому долженъ былъ прежде всего имѣть имя предмета. Но едва ли не будетъ мудренымъ и это исключительное первенство *имени*, какъ и исключи-

тельное первенство *глагола*. Не натуральнѣе ли предположить, что какъ *глаголъ* такъ и *имя* были равно первоначальными частями рѣчи? Но въ такомъ случаѣ нельзя не допустить также, что между ними было надлежащаго рода *отношеніе;* а принявши это, мы должны (какъ уже говорили въ § 16 стр. 163) признать, что всѣ части рѣчи, находящіяся въ извѣстномъ языкѣ, суть равно-первоначальныя. И такъ образованіе частей рѣчи не могло совершиться иначе, какъ только въ нераздѣльной послѣдовательности. Но въ такомъ случаѣ что остается на долю историческимъ изслѣдованіямъ о второй эпохѣ языка? Ровно ничего, тѣмъ болѣе, что при недостаткѣ логическихъ основаній для вывода постепеннаго образованія частей рѣчи, нѣтъ рѣшительнаго никакого пособія *фактическаго,* кромѣ миѳическихъ *еровъ* и *юсовъ*. Если бы мы знали происхожденіе языка, т. е. ежели бы могли отдѣлить въ составѣ языка массу словъ первоначальныхъ отъ позднѣйшаго запаса, то конечно была бы возможность тѣ грамматическія формы, въ которыхъ являются слова первоначальныя, принять за формы *первичныя,* формы же словъ позднѣйшихъ—за явленія образовательной эпохи языка. Но между тѣмъ, непроницаемый мракъ, покрывающій первыя начала словъ, скрываетъ и первыя формы оныхъ; съ другой стороны, неизвѣстные перевороты, въ которыхъ перемѣшались разновременно-возникавшіе пласты языка, такъ перемѣшали *этимологическія формы* словъ съ *корневою ихъ матеріею*, что весьма часто форма, по всей вѣроятности позднѣйшая сростается съ темою слова самою древнею, а тема слова новѣйшая срощена съ формою древнѣйшею; иногда въ одномъ словѣ видно срощеніе двухъ разнородныхъ и разновременныхъ формъ. Такъ напр. форма имени женскаго рода на *ы* есть древняя, сколько видно по немногимъ словамъ, въ которыхъ она уцѣлѣла: *любы, неплоды, свекры, дщи, мати;* но, между тѣмъ, мы находимъ ее и въ словѣ: *церкы* (церковь), словѣ, какъ извѣстно иноземномъ и появившемся у Славянъ только по принятіи ими Христіанской Вѣ-

ры; слово *балій* (см. Пам. Фрейз. Кеппена)—*врачъ*, совершенно утратившееся въ нарѣчіяхъ Славянскихъ, сохранилось въ позднѣйшей-сокращенной, *членной* (¹) (оканчивающейся на *ъ*) формѣ, въ народномъ названіи: коно*валъ* (конскій лекарь). Мѣстоименіе личное: *азъ* въ падежѣ именительномъ и родительномъ имѣетъ типъ имени мужескаго рода (ъ, я); въ дательномъ и творительномъ—женскаго (ѣ, ою) и т. д. При такомъ странномъ сращеніи древняго съ новымъ, филологамъ, раздѣляющимъ вѣру въ постепенность образованія язычныхъ формъ, оставалось ограничиться немногими скудными остатками этимологической старины языка и при пособіи ученыхъ натяжекъ сдѣлать нѣсколько построеній, которыя тутъ же и рушились. Такъ трудолюбивый *Катковъ* думалъ, что *ерныя* и *юсныя* окончанія именъ (на Ѧ и Ы), въ которыхъ не различается родъ именъ, были первоначальными формами словъ языка славянорусскаго, и будучи разбавлены въ послѣдствіи уже времени согласными звуками, получили опредѣленный, характеристическій типъ рода мужескаго, женскаго и средняго. Такъ напр. окончаніе на *ы* видно въ словахъ: *любы, свекры, камы* (камень), *пламы* (пламень), слѣд. равнялось окончаніямъ: *овь* и *ень*, усвоеннымъ женскому и мужескому родамъ; окончаніе Ѧ скрывало въ себѣ темы женскаго, мужескаго и средняго рода, какъ можно заключать изъ словъ: *кор*Ѧ (корень), *с м*Ѧ (сѣмен'и), *дит*Ѧ (дитять или по Павскому дит*енть*), *земля* и проч. Но много ли такихъ словъ и, притомъ, что порукою, что *ы* и Ѧ были элементами позднѣйшихъ формъ: *овь*, *ень*, а не сокращеніемъ послѣднихъ, изъ которыхъ они сами были образованы? Да притомъ всѣ эти немногіе примѣры показываютъ намъ только перемѣны въ *экземплярахъ* одной и той же части рѣчи, а не постепенность въ образованіяхъ *самыхъ частей* рѣчи.

(¹) Раздѣляю въ этомъ случаѣ вполнѣ мнѣніе *Павскаго*. См. Фил. Набл. Разс. 2.

Посему мы остаемся при нашемъ мнѣніи о нераздѣльной послѣдовательности или объ *одновременности* образованія этой первой стороны нашего языка. Тоже приходится сказать и о второй сторонѣ языка—постепенномъ раздѣленіи его на нарѣчія. Мысль о томъ, что нарѣчія, находимыя въ извѣстномъ языкѣ, не могли возникнуть вдругъ, но возникали мало по малу, по мѣрѣ того, какъ съ раздѣленіемъ народа на племена, болѣе и болѣе объособлявшіяся, раздѣлялся и языкъ, болѣе и болѣе уклоняясь въ своихъ оконечностяхъ отъ центра, болѣе и болѣе розинсь—эта мысль, раздѣляемая какимъ то слѣпымъ вѣрованіемъ всѣхъ почти филологовъ, кажется съ перваго разу чрезвычайно *натуральною*; но, между тѣмъ, нѣтъ ни одного явленія въ языкѣ, которое 1) было бы столь *логически-безъосновательно*, 2) столь противно *общей аналогіи* натуры, наконецъ 3) опровергалось бы въ такой степени *фактическими изслѣдованіями*, какъ мысль о постепенномъ образованіи изъ *одного* языка *многихъ* нарѣчій.

1. Я сказалъ, что эта мысль *логически-безъосновательна:* она держится на томъ убѣжденіи или, точнѣе говоря, слѣпомъ мнѣніи, на которомъ покоится все зданіе Теоріи языка, т. е. что *языкъ есть изобрѣтеніе, произведеніе людей*. Но, чтобы произвесть совокупность звуковъ, которые бы были взаимно понятны говорящимъ — нужно согласиться, условиться взаимно въ значеніи такихъ и другихъ звуковъ. Найти условія, при которыхъ состоялось бы это взаимо-условливаніе, чрезвычайно трудно: 1) необходимо необычайное совершенство мимики для того, чтобы люди, не имѣвшіе еще языка, могли *уговариваться* другъ съ другомъ относительно того - другаго звука; 2) необходимо, чтобы это взаимо-условливаніе происходило между *двумя* какими нибудь, и то одинаково мыслящими лицами, потому что вмѣшательство произвола многихъ не дало бы установиться взаимно-условленному единству звуковъ. Допустимъ, однакоже, то и другое: *составился языкъ* и, разумѣется, *единый*, *цѣлый*, кото-

рымъ говоритъ уже не семья, но масса семей, народъ. Теперь народъ, умножившись до того, что на одной землѣ всѣмъ жить стало тѣсно, раздѣляется на племена или поколѣнія *старѣйшія* и *позднѣйшія;* первыя остаются на давней родинѣ, другія расходятся по новымъ краямъ. Въ языкѣ этихъ позднѣйшихъ поколѣній образуются разности . . . . но *отъ чего, откуда* и *какъ?* Придумать трудно. Хотѣли ли племена отличить себя одно отъ другаго? Но предположить въ нихъ стремленіе къ сохраненію ими единства обще-племеннаго, родственной связи, расторгнутой мѣстностью — гораздо натуральнѣе, судя по тому, съ какою заботливостію каждое племя бережетъ языкъ, пѣсни, обычаи, преданія и всѣ остатки *народной старины,* которые теперь даже, по истеченіи тысячи лѣтъ можно находить у многихъ Славянъ въ первобытной чистотѣ, не смотря на особенность позднѣйшей старины *племенной,* которая присоединена къ первой. Логическаго основанія розни нарѣчій нѣтъ: но эта рознь существуетъ, однакоже, какъ фактъ; откуда же и какъ она возникла? Изъ взаимоусловленности, какъ возникъ и первый, *единый* языкъ народа? Допустить ее нѣтъ никакой возможности: сговорилась, положимъ, семья, село, городъ — но какъ эта мѣстноусловленная разность могла распространиться въ цѣломъ племени, на большомъ разстояніи? какъ могла она быть такъ единогласно, единодушно принята всѣми, ежели теперь, въ обществѣ пишущемъ и читающемъ, члены котораго имѣютъ всѣ средства къ быстрому взаимообщенію, могутъ легко условливаться въ нарѣчіи книжномъ, ежели теперь даже, повторяю, всякая мелочная даже разность, вводимая писателями на извѣстномъ основаніи, оспаривается тотчасъ всѣми? Павскій устанавливалъ выговоръ слова: *дождь* какъ *дошъ;* Шевыревъ склонялъ *этотъ* какъ *тотъ* (эти, этѣ), Лажечниковъ писалъ *доброва, милова:* каждый имѣлъ основаніе, но между тѣмъ эти нововведенія отвергнуты, какъ особенности областныя, не имѣющія права гражданства въ языкѣ. И такъ разности единаго языка во многихъ племе-

нахъ возникли безъ воли и умысла говорившихъ? Но въ слѣдствіе какой же необходимости? Климата — которымъ объясняли напр. *полногласіе* сѣверныхъ русскихъ нарѣчій *Востоковъ* и *Надеждинъ*, или же какого нибудь другаго внѣшняго вліянія напр. сосѣднихъ иноязычныхъ племенъ, которыми *Добровскій* и *Давыдовъ* объясняли то же *полногласіе*, приписывая оное вліянію Чудскаго языка? — Какое бы ни было это вліяніе, но во всякомъ случаѣ оно должно быть всесильнымъ и чудеснымъ: образованіе извѣстной разности, одинаково отразившейся во всѣхъ, говорящихъ на извѣстномъ пространствѣ земли, могло совершиться вдругъ, слѣд. непостижимымъ для разсудка путемъ, какимъ-то *чудомъ*.

2. Я сказалъ, что мысль о постепенномъ образованіи нарѣчій изъ нераздѣльно-единаго языка противорѣчитъ *общей аналогіи натуры*, т. е. общему, до сихъ поръ намъ извѣстному закону образованія *родовыхъ*, общихъ и частныхъ, *видовыхъ* формъ, которыми отличаются существа и вещества трехъ царствъ природы Я касался уже этой стороны языка въ первой моей книгѣ (§ 14. стр. 79 — 82), разбирая понятія о *сродствѣ и объособленіи* языка, примѣненныя Г. *Катковымъ* къ исторіи языка Славяно-русскаго, который находился первоначально въ сліяніи съ языками Индо-Европейскими, потомъ, отдѣлившись отъ нихъ, мало по малу объособлялся, распадаясь на нарѣчія. Я изложилъ довольно подробно понятіе о *генетическомъ сродствѣ* т е. о типическомъ сходствѣ между *родами*, *видами* и *индивидумами* или о постепенности измѣненія одного и того же типа въ *цѣломъ, частяхъ* и *недѣлимыхъ* какого нибудь класса существъ,— и потому, отсылая моихъ читателей къ сдѣланному уже поясненію, замѣчу здѣсь только, что мнѣніе о нераздѣльной послѣдовательности или объ *одновременности образованія родовыхъ и видовыхъ особенностей* есть истина, которая въ естествознаніи принимается за аксіому. Съ созданіемъ природы образовался рядъ типовъ отъ перваго до послѣдняго,

такъ что самый низшій имѣетъ такое же отвѣчное существованіе, такое же независимое, *особое* начало въ одной и той же творческой Мысли, какъ и самый высшій типъ, въ отношеніи къ которому онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ его часть или его объособленіе. По созданіи всего рода родовыхъ и видовыхъ типовъ, природа только воспроизводитъ (повторяетъ) каждый типъ въ безпрерывномъ ряду новыхъ его экземпляровъ, но не производитъ ни одного новаго типа чрезъ раздѣленіе напр. общаго типа на части или соединеніе нѣсколькихъ частныхъ типовъ въ одинъ, общій. Такимъ образомъ разности частей и сходство цѣлаго или если угодно, *раздѣленіе цѣлаго на части*, въ существахъ и веществахъ природы идетъ отъ вѣчности и нѣтъ никакого основанія ни возможности логической мыслить, предполагать такой первичный моментъ, въ которомъ бы существовало одно чистое простое цѣлое, еще нераздѣлившееся на части. Ежели языкъ какъ совокупность всѣхъ человѣческихъ нарѣчій, какъ цѣлое, такъ сказать, царство природы—по составу своему и формамъ, по своему развитію, представляетъ такую близкую аналогію, такое живое сходство съ составомъ, формами и развитіемъ царствъ природы, то не странно ли предполагать существованіе каждаго отдѣльнаго языка сперва въ простомъ, нераздѣльноцѣломъ видѣ, потомъ — въ распаденіи его на многія отдѣльныя части или нарѣчія? Не значило ли бы это поставлять языкъ, подчиненный въ судьбахъ своего развитія вмѣстѣ съ человѣкомъ, говорящимъ имъ, однимъ общимъ законамъ натуры — внѣ натуры, какъ нѣкоторое ея исключеніе? Ежели поясненіемъ того, чего мы не знаемъ, должно служить то, что мы навѣрное знаемъ, то сообразно ли съ здравымъ смысломъ отвергать нераздѣльную послѣдовательность въ образованіи видовыхъ и родовыхъ особенностей, извѣстную намъ изъ общей натуры вещей — въ примѣненіи къ Языку, происхожденіе котораго мы ни съ какою вѣроятностію не можемъ приписать человѣку и—между тѣмъ — не можемъ не отнести къ одной и той же творче-

ской Причинѣ, создавшей натуру, слѣд. положившей и въ основѣ Языка одинъ и тотъ же типъ своей Мысли (1)?

3. Я сказалъ, наконецъ, что постепенное образованіе нарѣчій изъ одного языка опровергается фактическими изслѣдованіями. Укажу коротко на неудачныя попытки раскрыть исторически объособленіе языка Славянскаго. Я касался уже и этой стороны въ первой моей книгѣ, на стр. 96—104; 190—204, а потому ограничусь здѣсь только не многимъ. Чтобы доказать мнѣніе, что нарѣчія произошли изъ языка чрезъ раздѣленіе его въ самомъ себѣ, нужно между многими нарѣчіями указать какое нибудь *одно*, древнѣйшее и притомъ такое, къ которому можно было бы свести всѣ *лекси-*

---

(1) Спѣшу предъупредить здѣсь возраженіе, какое готовъ сдѣлать не одинъ читатель, упуская изъ виду общую, существенную нить моего изслѣдованія и останавливаясь только на *частныхъ* изъясненіяхъ главной моей мысли. «Раздѣленіе языка на нарѣчія не могло произойти періодически, отъ вліянія или воли людей, говорившихъ извѣстнымъ языкомъ, но идетъ искони» увѣряю я: значитъ — скажетъ мнѣ читатель — и *всѣ языки* существовали искони? *Да* и *нѣтъ* отвѣчу я. — Для естественной исторіи языковъ они существовали искони, потому что она не застигаетъ нигдѣ *языка* а застаетъ только *нарѣчія*, на которыя онъ раздѣлился По *исторія Языка* или *Слова*, основныя истины которой я хочу отыскать въ опору *естественной исторіи языковъ* — всюду мнѣ ясно показываетъ, что былъ *одинъ* только *Языкъ*, данный *человѣку*, но не изобрѣтенный *людьми*, языкъ, какъ твореніе Мысли Божіей, отвѣчно существовавшій. Языки народовъ въ отношеніи къ этому единому Языку суть ни что иное, какъ *нарѣчія* онаго; а что *раздѣленіе* этаго Языка на нарѣчія совершилось не періодически и не людьми, но въ одно, такъ сказать, мгновеніе (одновременно) и тою же силою Творческою, которая создала языкъ — объ этомъ, кромѣ естественной исторіи, всюду усматривающей слѣды міроваго переворота въ *языкахъ*, ясно говоритъ намъ и Св. Исторія человѣка. Такимъ образомъ *нарѣчія* идутъ искони 1) какъ возникшія въ доисторическомъ міровомъ переворотѣ Слова, 2) какъ части языка отвѣчно существующаго, которыя не могли же существовать внѣ Языка (въ говорѣ людей), но существовали въ немъ же, хотя не раскрывались еще *реально*. Удовлетворительное развитіе этой мысли я предложу, въ прочемъ, ниже.

ческія и *этимологическія* разности прочихъ нарѣчій, какъ къ первоначальному ихъ зародышу. Съ давняго времени всѣ Филологи наши, останавливались на Церковнославянскомъ нарѣчіи, которое — казалось имъ — хранитъ въ себѣ остатки первобытнаго, общеславянскаго языка, еще не раздѣлявшагося на нарѣчія. Нужно было провести фактически это первоначаліе церковнаго нарѣчія какъ по *этимологическимъ* его формамъ, такъ и по *лексическому* его составу. Результаты этого проведенія показали, однакоже, полную неосновательность этого мнѣнія: довольно указать мнѣ въ оправданіе того на ходъ, на развитіе онаго въ трудахъ славянскихъ и русскихъ филологовъ, изъ котораго можно видѣть, что идея о первоначаліи *одного* славянскаго нарѣчія прошла постепенно всѣ фазы діаметрально-противоположныхъ другъ другу мнѣній и теперь пришла къ внутреннему противорѣчію съ самой собою, слѣд. къ самоуничтоженію. *Добровскій* первый между Филологами указалъ на *сокращенность* или, точнѣе выражаясь, *безгласіе* Церковнославянскаго нарѣчія (търгъ, кръвь, плъкъ), какъ на первобытное, общее начало, изъ котораго развились *полногласныя* формы прочихъ нарѣчій Славянскихъ (торгъ, targ; кровь, *krew*, *kerw*(ca); полкъ, *półk*, *pluk*). *Максимовичъ* (1838) возсталъ противъ этого мнѣнія и съ большею основательностію указалъ на *полногласіе* русскаго языка, какъ на первобытное начало, изъ котораго, чрезъ сокращеніе, развилось *краткогласіе (Einsylbigkeit)* и даже *безгласіе* остальныхъ нарѣчій Славянскихъ: напр. изъ Врус. *семереть*— смерть (Цвнослав.), *śmierć* (Польск.) *smrt* (Сербское) *Катковъ* (1845) сталъ въ срединѣ между этими двумя мнѣніями и старался примирить ихъ, принявъ первобытнымъ началомъ *двоегласіе*, изъ котораго развились, въ послѣдствіи времени, съ одной стороны *полногласіе* Сѣверозападныхъ, съ другой стороны *краткогласіе* Югозападныхъ нарѣчій языка Славянскаго. Это *двоегласіе* Катковъ усматривалъ въ нарѣчіи Церковнославянскомъ, котораго *еры* и *юсы* — эти миѳическіе элементы — могли на первыхъ порахъ поддерживать вѣрованіе

въ первородность Церковнаго нарѣчія, какъ единаго источника всѣхъ прочихъ нарѣчій. Но проведеніе этого двоегласія *фактически* представило, однакоже, непреодолимыя трудности и Филологъ долженъ былъ наконецъ 1) «согласиться «съ Гриммомъ, что нарѣчія нашего языка, на первой порѣ «своего объособленія, были ощутительнѣе, что особенности «Славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшую пору еще сильнѣе «обозначались, чѣмъ нынѣ»; 2) что «обѣ формы (полногласная и сокращенная) *испоконь вѣка* бытовали въ языкѣ Рус«скомъ, и *равно* ему принадлежатъ». Такимъ образомъ, постепенное развитіе мнѣнія о томъ, что первоначально было одно нарѣчіе, бывшее общимъ у всѣхъ Славянъ, привело къ результату, что ни въ одномъ изъ нарѣчій славянскихъ нельзя найти такого общеединаго начала, изъ котораго можно бы было произвести особенности прочихъ нарѣчій, слѣд. что ни одно нарѣчіе не было первобытнымъ или первоединымъ по отношенію къ другимъ нарѣчіямъ, что каждое искони было особымъ нарѣчіемъ. Первобытность Церковнославянскаго нарѣчія теперь, кажется, упала совершенно, но вѣрованіе въ существованіе *общеединаго* Славянскаго нарѣчія еще держится, сколько можно заключать по мнѣнію Проф. *Срезневскаго* о какомъ то *старославянскомъ нарѣчіи*, неопредѣленнымъ названіемъ котораго прикрывается довольно удачно этотъ миѳическій субститутъ (замѣстникъ) общеединаго Славянскаго языка . . . Въ прочемъ, если не ошибаюсь, подъ *старославянскимъ нарѣчіемъ* Г. Срезневскаго разумѣются особенности говора, входившія по немножку изъ *всѣхъ* живыхъ нарѣчій славянскихъ, въ древній письменный языкъ Славянъ. Другимъ, еще болѣе разительнымъ опроверженіемъ мнѣнія о постепенномъ образованіи нарѣчій славянскихъ служитъ постепенное развитіе вопроса о Кирилловскомъ переводѣ Св. Писанія. Съ первымъ поднятіемъ вопроса образовалось мнѣніе, что Славянскій языкъ въ IX вѣкѣ не раздѣлялся еще на нарѣчія и былъ *одинакимъ* у всѣхъ племенъ: Св. Писаніе, по этому, было переведено на общій Славянскій языкъ, а не

на одно какое нибудь изъ нарѣчій онаго. Но это мнѣніе, имѣвшее за собою голосъ одного *Раковецкаго*, опиравшагося на нагихъ предположеніяхъ, уступило мѣсто другому: «Славянскій языкъ въ IX вѣкѣ не былъ одинакимъ у всѣхъ «Славянъ, но раздѣлялся на многія нарѣчія и, потому, Св. «Писаніе переведено было на *одно* какое нибудь изъ сла-«вянскихъ нарѣчій» Ясно, что такое *нарѣчіе* должно было быть менѣе прочихъ особеннымъ и болѣе всѣхъ доступнымъ, вразумительнымъ для славянскихъ племенъ, однимъ словомъ, оно должно было быть ближе всѣхъ къ первоначальному корню — *Славянскому языку*, должно было заключать въ себѣ болѣе общеславянскихъ элементовъ рѣчи, потому что Св. Писаніе переводимо было для многихъ племенъ, а не для одного какого нибудь племени. Какое же изъ нарѣчій Славянскихъ оказалось ближе другихъ къ общеединому языку? *Калайдовичь* и Митрополитъ *Евгеній* признаютъ такимъ нарѣчіемъ нарѣчіе Моравское; *Коль* — Южно-русское или Кіевоукраинское; *Стефанъ Роза* — Славяно-Ѳракійское; *Іорданъ, Далимилъ, Чапловичъ* — Словацкое (въ Венгріи); *Копитаръ, Гриммъ* — Крайно-Виндское; *Добровскій и Полевой* – Сербское и Болгаро Сербо-Македонское; *Шафарикъ съ его школою* — Болгарское. Что же получаемъ мы въ результатѣ, *слагая* эти разнородныя мнѣнія, на которыя раздѣлилось первое мнѣніе, въ одну такъ сказать, сумму?.. Если каждое почти изъ славянскихъ нарѣчій, за исключеніемъ только Чешскаго и Польскаго, находится въ сродствѣ съ нарѣчіемъ Церковнославянскимъ и имѣло право на свою долю участія въ образованіи его при переводѣ Св. Писанія, натурально, Церковнославянское нарѣчіе содержало въ себѣ элементы всѣхъ почти живыхъ нарѣчій, слѣд. или 1) было не нарѣчіе, но *языкъ* общеединый, нераздѣлившійся, или же 2) не было ни *языкъ*, ни опредѣленное какое нибудь *нарѣчіе*, а какая то непонятная амальгамма всѣхъ нарѣчій. Ежели мы сличимъ теперь этотъ выводъ съ первымъ положеніемъ, то получимъ въ остаткѣ чистый нуль, потому что мнѣніе: «Славянскій языкъ при

«переводѣ Св. Писанія не раздѣлялся на нарѣчія» и мнѣніе: «при переводѣ Св. Писанія Славянскій языкъ не былъ «одинакимъ у Славянъ, но представлялъ особенности въ каждомъ племени (многія нарѣчія)» діаметрально противоположны; результатъ же историческихъ изслѣдованій: «въ нарѣчіи «церковно-славянскомъ, на которое переведено Св. Писаніе, «можно усматривать элементы всѣхъ почти славянскихъ нарѣчій» заставляетъ, для примиренія этой противоположности мнѣній, принять одно изъ этихъ двухъ заключеній: или а) языкъ Св. Писанія былъ общеединый Славянскій языкъ совмѣщавшій въ себѣ, однакоже, особенности всѣхъ почти нарѣчій (т. е. раздѣлившійся уже т. е. $\pm = o$), или же б) языкъ Св. Писанія не былъ ли языкъ Славянскій, ни одно опредѣленное его нарѣчіе (т. е. $\pm = o$)..... Я думаю, что всякій читатель найдетъ справедливыми эти заключенія, потому что первое мнѣніе (о единомъ языкѣ) въ связи съ противоположнымъ ему мнѣніемъ (о разныхъ нарѣчіяхъ) представляетъ намъ оправданіе извѣстной аксіомы: *цѣлое равно своимъ частямъ, вмѣстѣ взятымъ.*

И такъ мы имѣемъ, кажется, право сказать, что ни постепенное образованіе частей рѣчи, ни постепенное образованіе нарѣчій языка—явленія, предполагаемыя Теоріею во второй эпохѣ, не имѣютъ ни *логической* ни *фактической* основательности, слѣд. и вторая эпоха—*образованіе* языка, подобно первой—*происхожденію* его, остается во мракѣ неизвѣстности—разумѣется, для той теоріи, которая думаетъ, что языкъ изобрѣтенъ и образованъ *людьми.* Перейдемъ теперь къ третьей и послѣдней эпохѣ языка нашего.

---

§ 28-й.

Извлеченіе постулятовъ изъ психологической теоріи и естественной исторіи Слова. Окончаніе.

III. Преобразованіе русскаго языка.

Эта эпоха, занимающая третью ступень въ постепенномъ развитіи языка по очертанію *теоріи психологической,* составляетъ—какъ читатель себѣ припомнитъ (стр. 240)—первую ступень въ развитіи языка, по системѣ *естественной исторіи* Слова, которая начинаетъ ее тамъ, гдѣ *теорія психологическая* ее оканчиваетъ, выступая именно изъ того момента, въ которомъ *происхожденіе* и *образованіе* языковъ уже совершилось и на сценѣ исторіи была уже готовая *матерія* и *форма* языковъ, существовали уже *языки человѣческіе.* Наука не можетъ не признать, что эта именно эпоха въ развитіи языковъ представляетъ ту сторону на которой *должны* сосредоточиться, съ которой только и *могутъ начаться* изслѣдованія Филологіи, какъ точной, опытной, по преимуществу исторической науки. Не оспаривая здѣсь правъ *всеобщаго* и *философскаго* языкознанія (Allgemeine Sprachkunde, Philosophie der Sprache), какими они пользуются въ современномъ ученомъ мірѣ, мы имѣемъ, однакоже, полное право сказать, что прямымъ, ближайшимъ предметомъ *Филологіи* въ тѣсномъ смыслѣ, какъ науки точной, положительной ([1]), суть *языки*

([1]) Т. е. изучающей не одну *мысль* въ Словѣ, но мысль, нераздѣльно съ самымъ Словомъ, съ самыми звуками рѣчи какого-либо народа. У Древнихъ эти двѣ стороны Слова составляли предметъ особаго изученія и *Филологію* понимали не только какъ *любословіе* или, точнѣе говоря, *словознаніе* но и какъ *мыслезнаніе.* Прекрасное опредѣленіе этихъ взглядовъ на Филологію можно найти у *Мильгаузера:* Ueber Philologie, Alterthumswissenschaft und Alterthumsstudium, von Karl Heinrich Milhauser, Leipz. 1837. въ первой главѣ: *Enstehung und Erklärung des Begriffs: Philologie,*

человѣческіе, изучаемые *сравнительно* одни съ другими въ постепенныхъ общихъ измѣненіяхъ ихъ *лексическаго состава* и *этимологическихъ формъ* ([1]): Слова человѣческаго вообще,

---

([1]) А не въ частностяхъ *лексикографіи* и *этимологіи* (отдѣльныхъ корней и словоизмѣненій), на которыя, *на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ*, не должно простираться сравнительное изученіе, чтобы не сдѣлаться безплоднымъ и безъосновательнымъ. У насъ, какъ и у другихъ народовъ, сличаютъ напр. слова, порознь взятыя, съ словами Восточныхъ и Европейскихъ языковъ, для чего?.. чтобы вывести, изъ Санскритскаго ли или Греческаго языка взято наше слово! Это безплодно, потому, что смысла нашего слова не прояснитъ слово иноземное, ежели не будетъ извѣстно *генетическое* значеніе послѣдняго. Напр. мало пользы, буду ли я выводить наши *яро* (весна), *зима* отъ Нѣмец. Iahr, Греч. *ἔαρ*; Лат. hiems, Греч. *χειμών* или отъ другихъ, ежели не буду знать, какую идею выражаютъ эти слова? Находя же *для яро—яриться* (состояніе броженія, половаго возбужденія, пора оплодотворенія)—я вполнѣ проясняю этою генетическою (родовою! чертою значеніе *яро*—времени года, въ которое усыпленныя начала (полы, полюсы) органической жизни или производительности предначинаютъ ихъ дѣятельность. Такъ *и зима*, означавшая прежде не время года но влажное состояніе атмосферы (Матѳ. XVI. 3; Іоанна XVIII. 18), чрезъ сличеніе съ польскими: *zimno* (холодъ), *ziembnąć* (= zimnąć) и нашимъ: *зябнуть* (=расти, проникаться влагою)—даетъ мнѣ генетическое значеніе: время года, въ которое жизнь природы *заключается* въ себѣ, стынетъ (не ярится), питается влагою и т. д. Находить это генетическое значеніе помогаетъ мнѣ сравненіе происхожденія словъ въ одномъ языкѣ съ происхожденіемъ ихъ въ другомъ — и на эти *общіе* законы и должна простираться сравнительная Лингвистика. Подобно тому безплодно и сличеніе этимологическое напр. падежей и спряженій русскихъ съ Санскритскими. Что толку въ томъ, что родительный падежъ: *волка* я вытяну изъ Санскритскаго: *врікас*? Понятнѣе ли мнѣ станетъ типъ: *а*? Рѣшите сперва, откуда взялись падежи? Суть ли это простыя, ничего незначащія окончанія, или же слова, которыя имѣли прежде особое значеніе, выражавшее отношеніе извѣстнаго рода, и которыя потомъ сократились и впали на степень безсмысленныхъ частицъ, напр. дополнительныя частицы въ Китайскомъ языкѣ: Gü, ülh, прибавляемыя къ односложнымъ словамъ и означающія: *сынъ, мальчикъ* (см. *Fourmont*, Gramm. linguæ Sinarum Mandarinicæ 1742 p. 12). На эти общія измѣненія въ этимологическихъ формахъ языковъ должна простираться Сравнительная Филологія, а не на сличенія частностей. Отъищите *въ языкахъ общій законъ* какой нибудь, а тогда— проясняйте и частныя явленія *своего языка*. По аналогіи съ образованіемъ падежей посредствомъ члена въ языкахъ Древнихъ, Германскихъ

его происхожденія, законовъ его развитія, Филологія не разсматриваетъ, потому что она не застигаетъ его въ опытѣ, потому что она застигаетъ не языкъ, но *языки* народовъ съ ихъ нарѣчіями и притомъ съ установившеюся ихъ *матеріею* (составомъ), которая уже не приращается болѣе (стр. 130—133). Изученіе всеобщихъ, такъ сказать, *міровыхъ* переворотовъ (weltgeschichtlich) въ этой матеріи, отразившихся съ непостижимымъ однообразіемъ во всѣхъ языкахъ человѣческихъ, не смотря на разность мѣстнаго существованія и историческихъ отношеній между народами, говорящими ими, это изученіе 1) проясняемое сравненіемъ однихъ языковъ съ другими, 2) проводимое съ возможною тщательностію и глубиною анализа по особенностямъ одного своего, туземнаго языка, ведетъ къ тѣмъ безошибочнымъ результатамъ, на которыхъ мы можемъ утвердить общіе законы и начала языковъ вообще или Слова человѣческаго т. е. *языкознаніе философское, метафизику Языка.* Но пока достигнемъ мы этихъ результатовъ, ближайшимъ предметомъ Филологіи будутъ, все таки, *историческіе* перевороты извѣстнаго языка, какъ общая основа, на которой опирается изученіе болѣе подробное частныхъ измѣненій въ его *лексическомъ составѣ* и *этимологическихъ формахъ,* или въ корняхъ и грамматическихъ окончаніяхъ. Эти историческіе перевороты раскрываетъ намъ *естественная исторія:* намъ необходимо только повѣрить а) можемъ ли мы отнести перевороты, замѣченные ею въ языкахъ первоприродныхъ—народовъ Американскихъ, ко всѣмъ языкамъ человѣческимъ безъ исключенія? б) вполнѣ ли удо-

---

и другихъ, я лучше себѣ объясню падежи славянскіе, предполагая въ нихъ сокращенный членъ: *и*(же), *я*(же), *е*-же; (е)*го*, (е)*я* въ концѣ словъ; этотъ членъ довольно явственъ въ прилагательныхъ: добр*аго*, добр*ому* (*его*, *ему*) и могъ легко сократиться со временемъ: добр*а* (человѣка), *добру* (человѣку), *мила* друга, *милу* другу: отсюда легко пояснить темы падежей: *а*, *у*, въ существительныхъ (стол*а*, стол*у*). По крайней мѣрѣ здѣсь выводъ удовлетворительнѣе, нежели выводъ *волка* изъ Санскритс. *врікас.*

влетворительно изъясненіе причинной связи и внутренней последовательности между этими переворотами и, если нѣтъ, то какихъ именно *началъ* недостаетъ для того, дабы можно было эти общія историческія нормы въ развитіи языковъ человѣческихъ съ полною основательностію примѣнить и къ языку русскому и, такимъ образомъ, построить прочно и твердо *филологическое изученіе* онаго? И такъ —

а) *Можемъ ли мы распространить перевороты, замѣчаемые въ языкахъ Американскихъ, на историческій ходъ всѣхъ языковъ человѣческихъ?* Припомнимъ себѣ черты, какими *естественная исторія* характеризовала эти перевороты, и отвлекая *общее, существенное* отъ *особеннаго* и *случайнаго*, посмотримъ, не найдемъ ли *аналогіи* и въ остальныхъ языкахъ человѣческихъ? Историческіе фазы въ развитіи языковъ Американскихъ характеризованы *естественною исторіею* слѣдующими тремя чертами: 1) первоначальное или *первоприродное, грубое* состояніе языковъ (стр. 206 — 211); 2) позднѣйшее, *переходное состояніе* языковъ, выходящихъ изъ грубаго состоянія на степень нѣкотораго *усовершенствованія* (прогресса); 3) послѣднее, окончательное развитіе языковъ, возвышающихся на степень искуственнаго, *грамматическаго* образованія. Первая эпоха въ историческомъ ходѣ Американскихъ языковъ отличается *разностію* и неправильностію или *аномальностію* язычнаго состава; вторая — смѣшеніемъ *аномаліи* съ элементами аналогіи; третья—господствомъ правильности, однообразія въ язычномъ составѣ или преобладаніемъ *аналогіи*. Главною чертою отличія этихъ трехъ эпохъ есть тотъ видъ, въ какомъ являются въ каждой изъ нихъ а) *матерія* или лексическій составъ языка, б) *этимологическія* его *формы*. Такимъ образомъ въ первой эпохѣ, которой слѣды, какъ пластъ первозданной формаціи, проходятъ по основѣ всѣхъ языковъ, даже достигшихъ искуственнаго образованія (стр. 219), но преимущественно обнаруживаются въ языкѣ Гуронскомъ, въ этой эпохѣ — повторяемъ — не замѣтно ни *однообразія*, единства *ма-*

теріи, ни господства опредѣленныхъ, типическихъ формъ, которыя служатъ съ одной стороны къ систематическому совокупленію *разныхъ* корней въ *родовыя* группы (именъ, глаголовъ и проч.), съ другой стороны къ аналитическому различенію *одинакихъ* корней по *видовымъ* порядкамъ (именъ мужескаго, женскаго родовъ; залоговъ дѣйствительныхъ и страдательныхъ одного и того же глагола, временъ, лицъ и проч.). Въ *аномальномъ* составѣ языка нѣтъ *корней* т. е. одинакихъ звуковъ съ разнообразными окончаніями: тамъ есть только особыя, можно сказать, *индивидуальныя* названія, изъ которыхъ каждое служитъ особымъ знакомъ не только *одного* предмета, но даже разныхъ оттѣнковъ, отношеній одного и того же предмета (напр. *хижина* — въ *хижинѣ* обозначаются двумя особыми словами). При недостаткѣ *корней*, естественно, раждается недостатокъ этимологическихъ измѣненій, а отсюда то а) сліяніе имени существительнаго съ именемъ прилагательнымъ, причастіемъ (стр. 208. 2), то б) безразличное смѣшеніе темы глагола съ наклоненіемъ, временемъ, членомъ, лицемъ и другими отношеніями дѣйствія (стр. 209 — 210). Такимъ образомъ господство *анализа* или начала разности, обнаруживающагося съ чрезмѣрною, необузданною, фантастически - прихотливою свободою, составляетъ характеристическую черту первой эпохи языковъ Американскихъ. Во второй эпохѣ, *переходной*, признаки которой обнаруживаются въ весьма незамѣтной степени въ грубомъ языкѣ Гуроновъ и нѣсколько болѣе въ языкахъ: Галиби и Караибовъ, *разность* въ *матеріи* языка продолжаетъ еще господствовать: стремленіе привести къ *единству* разнородный текстъ словъ обнаруживается въ весьма немногихъ случаяхъ (различеніи лицъ и наклоненій у Гуроновъ и Галиби); за то развитіе этимологическихъ формъ становится весьма ощутительнымъ: распредѣленіе словъ по частямъ рѣчи, образованіе формъ для *именъ* существительнаго и прилагательнаго, *мѣстоименій*, предлоговъ, союзовъ, наконецъ изгибовъ глагола (спряженія) — вотъ что составляетъ характе-

ристическую черту эпохи переходной. Такимъ образомъ ограниченіе начала разности стремленіемъ къ *синтезированію* будетъ служить отличіемъ этой эпохи отъ эпохи предъидущей. Въ третьей эпохѣ, признаки которой усматриваются въ трехъ главныхъ языкахъ Американскихъ народовъ: Гарани, Альгонкиновъ, Альбинакойцевъ (216—220), мы находимъ стройное единство состава съ необычайнымъ богатствомъ, можно сказать. роскошью этимологическихъ формъ. Такимъ образомъ гармонія синтеза и анализа, стремленіе упрощать, приводить къ единству матерію языка и сообщить ей разностороннее развитіе посредствомъ правильныхъ, грамматическихъ словопостроеній и словоизмѣненій — будетъ характеристическою чертою третьей и послѣдней эпохи въ историческомъ ходѣ Американскихъ языковъ. Теперь, сосредоточивая вниманіе наше на *матеріи* языка, какъ на главной основѣ, какъ на почвѣ, такъ сказать, всѣхъ историческихъ его измѣненій, мы можемъ считать переходное состояніе Американскихъ языковъ необходимою ступенью, но не историческою эпохою оныхъ, потому а) что она обнаруживается въ весьма немногихъ языкахъ и притомъ не представляетъ въ нихъ *однообразія* или, лучше сказать, въ каждомъ языкѣ имѣетъ особенности, не уловимыя въ общей, *родовой чертѣ характера;* б) по своей *обоюдности* можетъ быть разсматриваема въ иномъ языкѣ какъ продолженіе эпохи первой (напр. у Гуроновъ, Галиби), въ другомъ — какъ начатокъ второй. И такъ все историческое развитіе языковъ Американскихъ можно привести къ двумъ главнымъ эпохамъ: эпохѣ разности, неправильности лексическаго состава или *эпохѣ аномальной* и эпохѣ единства, правильности въ составѣ или эпохѣ *аналогической*. Эти двѣ эпохи мы можемъ считать всеобщими, *міровыми эпохами* въ исторіи языковъ человѣческихъ, потому что *аномаліи* и *аналогіи* составляютъ неизбѣжную принадлежность всякаго языка, какъ грубаго, чуждаго литературнаго образованія, такъ и языка, находящагося на степени высшей, эстетической обработки (языка изъящнаго). Не счи-

таю нужнымъ доказывать этой аксіомы, потому что всякому образованному читателю извѣстно уже, что въ языкахъ Европейскихъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ *аномальныя* т. е. разнокорненныя и неправильно измѣняемыя слова составляютъ основную ткань или коренную, первозданную почву языка Эта аномальность заключается во всѣхъ языкахъ почти въ однихъ и тѣхъ же частяхъ рѣчи, именно а) въ мѣстоименіяхъ личныхъ: *я, меня, мы, насъ, ты, вы* (¹); *ego, mei, nos; Ich—wir; Je, moi, nous;* б) въ глаголахъ существительныхъ: *есмь, былъ,* буду; *sum, fui, fore; seyn, bin, war* и пр. в) въ степеняхъ сравненія именъ прилагательныхъ: *хорошій — худой; великій — малый:* хорошій — лучшій; великій—большій; *bonus—melior—optimus; parvus—minor; guter—beste; mal—pire;* г) въ существительномъ: *человѣкъ—люди; gens; Leute* и другихъ; д) въ глаголахъ: *иду, несу: иду—шелъ;* aller—je vais; fero—tuli—latum; *Φερω—εγκα;* (несу) и проч. Аналогіи въ склоненіяхъ именъ и спряженіяхъ глаголовъ, составляющія самую большую часть въ составѣ языковъ образованныхъ, представляютъ позднѣйшую формацію языка,—что каждый, занимающійся языкомъ, признаетъ безъ всякихъ утонченныхъ соображеній, по внушенію натуральнаго инстинкта, легко указывающаго ему старое, обветшалое, отжившее между новымъ, еще живымъ, современнымъ. И такъ мы можемъ, кажется , принять, что *аномальная* и *аналогическая* формаціи, замѣчаемыя *естественною исторіею* Слова въ языкахъ Американскихъ, суть двѣ общія, міровыя эпохи, повторяющіяся въ исторіи всѣхъ языковъ человѣческихъ.

б) *Можно ли считать удовлетворительнымъ изъясненіе причинной связи или внутренней послѣдовательности между міровыми эпохами языковъ, предлагаемое естественною исторіею Слова?* Читатель можетъ уже найти отвѣтъ на этотъ

(¹) Не привожу здѣсь многихъ языковъ—дабы не обременять вниманіе читателя повтореніями сродныхъ аномалій; указываю только на *особенныя*.

вопросъ въ томъ, что я сказалъ въ §-ѣ 25-мъ, на стр. 226—232, касаясь этихъ же самыхъ моментовъ въ исторіи языковъ Американскихъ. Главные результаты соображеній моихъ состояли въ томъ, что 1) между *аномальною* и *аналогическою* формаціями языковъ нѣтъ никакой внутренно-послѣдовательной, причинной связи, но есть только связь *внѣшняя*, случайная т. е. что послѣдняя формація только явилась въ языкѣ *послѣ* первой, но не могла, однакоже, произойти *изъ первой*, по крайней мѣрѣ не можетъ быть удовлетворительно выведена изъ первой; что 2) образованіе той и другой части въ составѣ языковъ не можетъ быть приписано *одному и тому же* народу — безъ явнаго противорѣчія логическимъ законамъ *тождества* и *основанія;* что 3) для разрѣшенія какимъ нибудь, разумѣется эмпирическимъ, путемъ этой непостижимой *двойственности* или этого неестественнаго *двуначалія* въ образованіи языковъ, остается допустить два предположенія, именно а) что часть *аномальная* (грубая, несовершенная) была образована дикими народами, б) часть же *аналогическая* была заимствована ими изъ языка другихъ, болѣе образованныхъ народовъ; что 4) для объясненія происхожденія этой части въ языкѣ сихъ образованныхъ народовъ (ведущаго къ вопросу: «откуда *они* ее взяли: отъ другихъ-ли народовъ или же сами ее изобрѣли»?) и для полученія какого нибудь положительнаго результата, на которомъ можно было бы остановиться въ этомъ безпрерывномъ восхожденіи отъ однихъ народовъ къ другимъ — необходимо принять существованіе *единаго* цѣльнаго, нормальнаго языка (чуждаго аномаліи), но что наконецъ 5) *естественная исторія*, изслѣдуя постепенное распространеніе Языка по земному шару не въ силахъ была открыть слѣды этого единаго нормальнаго языка и потому, для объясненія историческаго хода языковъ принуждена была допустить, вмѣсто *одного* языка, нѣсколько языковъ, какъ главные, средоточные пункты, изъ которыхъ распространялась *аналогическая* часть къ языкамъ остальныхъ народовъ міра. Такимъ образомъ Есте-

ственная исторія, стремясь къ эмпирическому поясненію *двойственности* въ составѣ языковъ совершила, противъ воли своей, *неизбѣжный кругъ* заключенія: опираясь на мысли, что языкъ былъ *произведеніемъ человѣка*, она выступила изъ *двойственности* состава языковъ, какъ изъ исторически-даннаго момента и снова пришла *къ двойственности* (языка Египта и какого-то другаго, *неизвѣстнаго*, какъ языковъ центральныхъ, стр. 238 — 239.) т. е. очутилась тамъ, откуда она вышла, отправилась. . . . . Это *круговращеніе мысли* около самой себя, въ которое былъ увлеченъ авторъ остроумнѣйшей, здравѣйшей ([1]) и—что всего важнѣе — на чистыхъ фактахъ

([1]) *Изъ всѣхъ*—смѣло могу сказать—*системъ*, основанныхъ на сравнительно- историческомъ изученіи языковъ, которыя появились съ 1773—1850 годъ. Система *де Бросса*—*Traité de la formation méchanique des langues et de principes physiques de l'Etymologie*, появившаяся за 8 лѣтъ до системы Монбоддо (1765), заключаетъ въ себѣ очеркъ *матеріаловъ* для сравнительно-исторической системы языка или, лучше сказать, *программу* естественной исторіи языковъ: *де Броссъ* коснулся слегка *всѣхъ* моментовъ ея, но не составилъ еще себѣ никакой общей идеи и—что главное—не поставилъ вопроса о происхожденіи языка въ зависимость отъ вопроса о происхожденіи *познанія* и возникновеніи *общественнаго состоянія* Человѣка. Явившаяся черезъ три года по изданіи сочиненія Монболдо система *Фульды*, усиливавшагося выводить корни Нѣмецкаго языка изъ *логическаго* и *предметнаго* значенія *гласныхъ* и *согласныхъ* элементовъ и распредѣлившаго всѣ слова по порядкамъ постепенно-образуемыхъ понятій (*nach der Reihe menschlicher Begriffe*)— далека отъ сравнительно-исторической системы Языка, не смотря на то, что *Фульда* въ заключеніи своего сочиненія (Sammlung und Abstammung Germanischer Wurzelwörter, herausgegeben von J. G. *Meusel*, Halle, 1776) на стр. 363—436, помѣстилъ очеркъ *пяти* міровыхъ періодовъ языка: I) *младенческаго*—*Ursprung, Kindheit der Sprache*, II) *отроческаго*—*Das Knabenalter der Sprache*, III) *пастушескаго* или *юношескаго*—*Das Hirtenalter oder die Jünglingsjare der Sprache , und der menschlichen Begriffe*, IV) *героическаго* или *мужескаго*— *Das Heldenalter , oder die männliche Jare der Sprache* (къ этому періоду относится и происхожденіе *письменъ*), V) *періода образованности языковъ*—*Das polite Alter*. Здѣсь есть много превосходныхъ догадокъ, но возникновеніе состава Языка по *частямъ* въ каждомъ возрастѣ и ненатурально и не оправдывается фактами *языковъ*. Вышедшаго въ 1835 — 1838 сочиненія *Раппа* (на Нѣмец.

основанной системы языка, круговращеніе, въ которое онъ былъ увлеченъ непостижимою *двойственностію* въ періодическомъ образованіи состава языковъ человѣческихъ — ясно показываетъ 1) что эти два міровые перевороты совершились не обыкновеннымъ, *эмпирико-историческимъ* путемъ но по аналогіи съ тѣмъ же міровымъ переворотомъ планеты нашей, о которомъ безмолвствуетъ исторія человѣческая и о которомъ повѣствуетъ намъ съ одной стороны исторія Священная, съ другой — исторія натуры или, лучше сказать, *пластическая* исторія земли (Геологія) т. е. путемъ внѣмірнаго, творческаго вліянія; что 2) сокровенной причины двухъ міровыхъ переворотовъ языковъ человѣческихъ, необходимой для удовлетворительнаго проясненія ихъ *основанія* и внутренно-послѣдовательной *связи* между ними, мы должны искать не въ народахъ, не въ языкахъ народовъ, но внѣ тѣхъ и другихъ, внѣ всего вообще опытнаго, историческаго, міроваго бытія — въ той же творческой Первопричинѣ, въ которой мы ищемъ проясненія и непостижимыхъ для ума нашего судебъ цѣлаго міра. Въ опору, однимъ словомъ, исторіи нашего роднаго языка и исторіи всѣхъ человѣческихъ языковъ, мы должны признать смиреннымъ духомъ мысли и сердца нѣсколько истинъ о *происхожденіи* языка, *переходѣ* его къ Человѣку и *міровомъ* его переворотѣ, и эти то истины, на которыя *наводятъ* меня съ одной стороны *психологическая теорія*, съ другой стороны — *естественная исторія Слова* называю я *постулятами* т. е. неотразимыми требова-

---

языкѣ', по библіографическому описанію содержащаго въ себѣ *Физіологію* языка и сравнительно-историческое обозрѣніе нѣкоторыхъ языковъ Европейскихъ—я не имѣлъ, но не думаю, чтобы оно могло стоять на ряду съ приведенными мною системами, потому что не возбудило въ ученомъ мірѣ *полемики*: ни въ одномъ изъ ученыхъ Нѣмецкихъ журналовъ мнѣ не удалось найти критическаго разбора этой книги. Мыслей В. *Гумбольдта* о сравнительномъ изученіи языковъ—этого послѣдняго явленія въ системѣ Языкознанія, я коснусь ниже: и они стоятъ далеко ниже системы Монбоддо!

ніями или убѣжденіями необходимыми для мысли, которая при помощи ихъ только можетъ выйти изъ вѣковаго безвыходнаго лабиринта языковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ томительно-безотраднаго вращенія около самой себя, подняться надъ историческимъ хаосомъ языковъ и на почвѣ этихъ высшихъ истинъ найти ту точку покоя и опоры, выступая изъ которой она проникнетъ въ первоначальныя, доисторическія судьбы языковъ, покрытыя мракомъ совершенной неизвѣстности и уловитъ нить послѣдовательности, связующую эти древнѣйшія судьбы языковъ съ позднѣйшими, болѣе намъ доступными ихъ судьбами.

Необходимость этихъ истинъ (постулятовъ) — ежели бы какой нибудь читатель (¹) сомнѣвался въ ней—я могу сдѣлать ощутительною однимъ - двумя примѣрами, сдѣлавъ только, вмѣстѣ съ моими читателями, приступъ къ фактическому изслѣдованію третьей эпохи языка русскаго — его *преобразованію.* Изъ *естественной исторіи* знаемъ мы только то, что и въ русскомъ языкѣ слова *аномальныя и аналогически-образованныя* принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ эпохамъ формаціи языка, что первая древнѣе, вторая—относится къ позднѣйшему времени, что разъясненія той и другой должно искать въ умѣ какъ того народа, который образовывалъ свой языкъ, такъ и тѣхъ народовъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе и отъ которыхъ онъ заимствовалъ извѣстныя стихіи въ составъ своего языка. Становясь на этихъ, по видимому здравыхъ и основательныхъ заключеніяхъ, мы выступаемъ изъ той мысли, что есть необходимое соотношеніе между *словами* и *представленіями,* отъ которыхъ взяты или по которымъ образованы первыя, и начинаемъ нашу работу, стремясь прояснить первыя послѣдними. Бе-

---

(¹) Особенно изъ такихъ, которые позволили себѣ замѣтить, что систематическая или теоретическая обработка русской филологіи не такъ еще нужна ей теперь.

ремъ названія, относящіяся къ физическому, тѣлесному составу человѣка, безъ которыхъ народъ не могъ обойтись, какъ безъ удовлетворенія первоначальныхъ, насущныхъ, такъ сказать, потребностей своего житейскаго быта и останавливаемся, напр., на словѣ: *ухо*. *Корнесловъ Русскаго языка* (2 ч. 106) показываетъ мнѣ, что это слово русское, слѣд. оно образовано было умомъ нашего народа, а не заимствовано отъ другихъ народовъ. Умъ народа долженъ былъ чѣмъ нибудь руководствоваться, усвоивъ звукъ: *ух*... органу слышанія; но натуральнаго, звуковаго соотвѣтствія между словомъ и понятіемъ я не нахожу. Ищу далѣе слѣдовъ соображенія; можетъ быть они откроются мнѣ въ другихъ *подобныхъ* первому звукахъ: нахожу только *три* созвучные корни: *ухъ!* . . . *уха*, *ухать*. Но первый есть междометіе, употребляемое для выраженія *усталости*, *страха* и *сильнаго удивленія;* второй означаетъ *похлебку изъ рыбы;* третій — *дѣйствіе обонянія:* съ чувствомъ слуха ни одинъ не имѣетъ прямаго соотношенія. Обращаюсь снова къ моему корню и ищу производныхъ его формъ, не прояснятъ ли *они* мнѣ его значенія первичнаго? Нахожу одинъ только глаголъ и то старинный, въ прямомъ смыслѣ: *дѣйствія слуха*, у насъ не употребительный — *внушить*, который въ церков.-нарѣчіи значилъ: 1) *слышать* (глаголы моя *внуши* (услышь) Господи), 2) вперять въ кого какія нибудь мысли. Разлагая это слово на части: *въ–ушить* (буква *н* вставлена для благозвучія, cf. в*нять*, внутрь = въять, въутрь = *утр*(оба); а) нахожу его слишкомъ искуственнымъ: *вбирать въ уши*, *влагать въ уши*, б) не имѣющимъ никакого *особеннаго*, новаго значенія, кромѣ того, какое содержится уже въ корнѣ: *ухо*. Ищу словъ составныхъ, въ которыя входитъ мой корень: не прояснятъ ли *они* мнѣ его первоначальнаго, генетическаго значенія? Нахожу слова: *слухъ*, *слушать*, въ которыхъ звуки: *ух*, *ушать* имѣютъ аналогію съ звуками нашего корня и его производнаго (внушать), подкрѣпляемую и аналогіею самого значенія. Второе изъ приведенныхъ мною словъ, очевидно, есть про-

изводное перваго, слѣд. я занимаюсь анализомъ одного только слова: *слухъ*, какъ корня. Но—скажете вы мнѣ—*слухъ* не означаетъ самой причины дѣйствія (*ухо*) а только *дѣйствіе слышанія, способность слышать* и результатъ говора—*слышанное* (=молва). На это я отвѣчу ссылками 1) на словари *Юнгманна* и *Линде*, гдѣ вы найдете, что *слухъ* (*sluch, słuch* и особенно во множ. числѣ; *sluchy, slechy*) означаетъ именно *ухо* и преимущественно *уши* животныхъ (лошадей, зайцевъ), 2) на Ев. Остромірово, гдѣ нахожу фразу: и *разверзлася има слуха* (и раскрылись у нихъ *оба уха*). Съ достовѣрностію анализирую мой корень и раздѣляю его на *сл-ухъ*. Частичка *сл*... должно быть сокращенное слово: какое же? или *слать* (шлю) или слѹю (слову). *Миклосичъ* держитъ сторону перваго; *Юнгманъ*—втораго Пишу съ *Миклосичемъ* по Кирилловской орѳографіи элементы моего корня: *сълъ ухъ* (сълъ=*солъ*, *сли* въ старину значило *посолъ*, послы) т. е. *nuntius aurium*, посолъ, *вѣстникъ ушей*. Графическій составъ слова не считаю невозможнымъ; но *логическій*?... сомнѣваюсь въ его возможности: что̀ за мысль или, лучше сказать, смыслъ: *вѣстникъ, посылаемый*.... но кѣмъ къ кому?... звукомъ ли къ ушамъ или ушами къ кому нибудь?... Первое *смысленнѣе*: и такъ, слухъ=вѣстникъ, посылаемый ушамъ, положимъ звукомъ. Вопросъ натуральный: *вѣстникъ чего* или *вѣстникъ отъ кого*? Разумѣется, *мысли*, или какого нибудь *извѣстія*. Процессъ весь такой здѣсь: *подумано*—*сказано* что нибудь; идетъ звукъ къ уху, со звукомъ слово, котораго онъ есть *сълъ*, предтеча; за словомъ самая мысль, извѣстіе. Но а) это неправда: *слово* и *мысль* или *образъ* его мы постигаемъ въ одно нераздѣльное мгновеніе; б) процессъ слишкомъ мудренъ, а составъ слова еще мудренѣе; а хотя бы это и было такъ, (ибо какъ переувѣрю я моимъ простымъ, здравымъ смысломъ ученый смыслъ нашихъ Гг. Филологовъ?) то все таки в) въ сложномъ реченіи: *сълъ ухъ* (слухъ)—второй элементъ, *искомый* (=X) остается намъ *неизвѣстнымъ*. Пробую анализъ *Юнгмана*: *sluch* происходитъ,

по его мнѣнію, отъ *slugi*, (слꙋю) какъ *čuch* (чутье) отъ *čugi*:. это натуральнѣе, смысленнѣе и потому *правдоподобнѣе.* Разберемъ это слово. Что значитъ: *слꙋю, слыву*?.. По нашимъ словарямъ 1) *называюсь* (село съ давняго времени *слыветъ* Покровскимъ), 2) *почитаюсь*, есмь признаваемъ какимъ либо (онъ *слыветъ* честнымъ человѣкомъ): но эти значенія не попадаютъ на прямой смыслъ корня. Вѣрнѣе опредѣлено наше слово у *Линде: słynąć* и въ старину: *słychnąć* (слыхнуть) значитъ *славнымъ быть.* А что такое *быть славнымъ?* быть извѣстнымъ или быть предметомъ похвалъ, величанія, удивленія?.. всѣ эти объясненія, все таки, не указываютъ мнѣ на *генетическое* т. е. натуральное, чувственно-наглядное значеніе слова: можно быть извѣстнымъ въ *исторіи* и, между тѣмъ, оставаться въ совершенной неизвѣстности *среди народа*; съ другой стороны, есть люди въ извѣстныхъ краяхъ, областяхъ государства, которые существуютъ въ совершенномъ мракѣ неизвѣстности для образованнаго, оффиціальнаго, литературнаго міра и имя которыхъ вы услышите изъ устъ каждаго ребенка, проѣзжая по тому краю или области. Такимъ образомъ *славиться* и *слыть* не суть одинаковыя понятія; *слыть* означаетъ, какъ мнѣ кажется, не *извѣстность человѣка въ частномъ какомъ нибудь кругу общества, распространенную путемъ письменныхъ сообщеній и*, разумѣется, *недолговременную, но всеобщую или всенародную молву о человѣкѣ, расходящуюся безконечными отголосками изъ устъ въ уста и имѣющую потомственную продолжительность*, подобно яркимъ звукамъ, которые прозвучавъ, не смолкаютъ вдругъ, но повторяются въ самомъ смолканіи въ безконечныхъ перекатахъ отзвучій, отголосковъ, эха, которыя продолжаютъ замирающій звукъ до безпредѣльности. . . . И такъ *слыву*—есмь предметомъ всеобщей, народной молвы или говора, *расходящагося* изъ устъ одного къ другому, третьему; изъ страны въ страну, отъ одного поколѣнія къ другому—*отголосками*. . . Ежели я приму въ соображеніе сродное съ нимъ слово: *плыву* (цвн. плꙋю, плову), означающее: *теку,*

то опредѣлю разсматриваемый мною корень такъ: *слыть*— значитъ: «раздаваться, растекаться звукомъ; расходиться во «всѣ стороны отголосками звука или расплываться посте-«пенно-расширяющимися кругами или волнами звука.» Такимъ образомъ *слухъ*—есть 1) во всѣ стороны расходящіеся отголоски звука = *молва* (въ значеніи собственномъ, общемъ), напр. *слухъ* о побѣдѣ достигъ до отдаленныхъ предѣловъ государства; 2) звукъ или, лучше, отголосокъ (*Nachhall*) какого нибудь звука (въ значеніи тѣсномъ, частномъ) напр. объ немъ нѣтъ и *слуха* т. е. и *имени* его не *повторяетъ* никто. Теперь корень *слыть* мы пояснили, но корень *ухъ* все таки остается необъяснимымъ. Положимъ, сокращенная частичка *сл*—значитъ *звукъ;* что же значитъ частица: *ухъ?* Ежели бы она значила *органъ*, *вбиратель*, то смыслъ вышелъ бы удовлетворительный: *органъ звука*, *вбиратель звука.* Но, между тѣмъ, мы не знаемъ того навѣрное и потому снова обратимся къ корню. Станемъ его анализировать, не откроемъ-ли какъ нибудь таящагося въ немъ значенія Глѣ же здѣсь *тема* корня, гдѣ его *окончаніе? О*, положимъ есть окончаніе: остается слогъ: *ухъ*. Ищу въ русскомъ языкѣ аналогическихъ словъ и нахожу, (Павскій 2 Разс. 95—96) что только въ весьма немногихъ словахъ *мужескаго рода* повторяется этотъ типъ: мѣн*ухъ*, кож*ухъ*, свин*ухъ* (грибы), паст*ухъ*, пит*ухъ*, пѣт*ухъ*. Но здѣсь явно обнажаются корни: *мѣн, кож, свин, паст*(и), *пит*(ь), *пѣт*(ь): слѣд. *ухъ* есть чистое окончаніе. Обращаюсь къ пособію съ одной стороны—*нарѣчій славянскихъ*, съ другой—языковъ *индо-европейскихъ*. Нахожу здѣсь слѣдующіе экземпляры моего корня:

Въ нарѣчіяхъ славянскихъ.	*Въ языкахъ индо—Европейскихъ*
1-я Группа: Врус. ух*о*	1-я Груп: Греч αὖς (Lacon, Cret.)
	οὖς
Цвисл. оух*о*	Латыш. au*ss*
Марс вух*о*	Литовск. au*sis*
	Готск. au*so*

Лрус. *вуха*
Влуз. *wucho*
Нлуз *hucho*
Бог. }
Слав. } ucho
Поль. }

2-я Группа: Слав. }
Раг. } uho
Далм. }
Кра. }
Кро. *wuho*
Винд. *wuhu*
Босн. uhho

2-я Груп: Нѣмец Ohr (our)
Голл. *Oor*
Англосак. Ea*re*
Шведск. Oe*ra*
Исланд. Ey*ra*
Латинск. au*ris*

3-я Группа: Серб. *уво*
Полаб. *wauchij*
во множ. ч. *wausesa*
Цвиосл. *ушеса*

3-я Груп: Санскр.
ghoŝa (cf. ушеса)

Обращая вниманіе на эти группы экземпляровъ одного и того же корня, представляемыя нашими и иноземными языками, замѣчаю что 1) въ нашихъ языкахъ корень испыталъ два только существенныя измѣненія въ темѣ своей: *ух* и *ув* (серб.): остальныя—напр. *в*, *w*, *h*, *wa* суть приросты темы или ея придыханія; 2) въ языкахъ же иноземныхъ онъ претерпѣлъ многія измѣненія въ каждомъ изъ двухъ своихъ элементовъ, именно а) въ конечномъ, согласномъ: *х*, который въ первой группѣ низошелъ ступенью ниже по лѣстницѣ славянской тоники, (cf. *духъ* - *дуси*), въ третьей сталъ на послѣднюю ступень: *ш* (*духъ*, *душа*), во второй же совсѣмъ изчезъ, замѣнившись звукомъ: *r;* б) въ *начальномъ*, гласномъ элементѣ: *у*, который во второй группѣ сперва поглощается буквою: *h* (ohr), потомъ переходитъ въ *a*, *e*, *o*, *y*, потомъ въ дифтонгъ: *au* наконецъ въ слогъ: *gho*. . Отвлекая отъ всѣхъ сихъ измѣненій *неизмѣнное*, нахожу, что корневая те-

ма слова нашего въ славянскихъ нарѣчіяхъ есть *у*, въ иноземныхъ: *а, е, о, у, и* т. е. всѣ элементы гласные и ни одинъ какой нибудь изъ нихъ, или *все* и *ничего = нуль*. На этомъ равенствѣ *у = о* (нулю), на которомъ прерываются всѣ мои изслѣдованія, я останавливаюсь, вмѣстѣ съ вами, благосклонный читатель. «Но за чѣмъ же водили вы меня такъ «долго, ежели не привели ни къ чему»? спроситъ читатель.— Будьте справедливы—читатель; не я водилъ васъ, но теперешняя филологія водила и меня и васъ, вмѣстѣ со мною, и проводивши порядочно, таже филологія, а не я, не привела васъ ни къ чему или, лучше сказать, привела васъ къ *ничему*. То, что мы извѣдали съ однимъ корнемъ —смѣло и безошибочно можемъ распространить и на всѣ корни языка русскаго, тѣмъ болѣе, что избранный мною для примѣра корень еще полнѣе и богаче другихъ остатками *семейнаго сродства*, которые даютъ намъ возможность уловить хотя кое—какіе историческіе слѣды въ его обнаженномъ скелетѣ: но есть множество такихъ корней, въ которыхъ аномальность обнажается во всей своей рѣзкости и представляетъ намъ *чистый скелетъ*, и еще даже неполный а въ какихъ-то обломкахъ, такъ что у него нѣтъ ни *предковъ*, такъ сказать, ни *потомства* и, слѣдовательно, филологу нѣтъ возможности дать ему какое-нибудь опредѣленное мѣсто ни въ семьѣ своихъ словъ, ни въ ряду словъ иноземныхъ, а по неволѣ остается разсматривать его какъ экземпляръ допотопнаго, всесвѣтнаго звука, для котораго нѣтъ ни исторической эпохи, ни исторической мѣстности. Таковы напр. слова: *море, ночь, день*, у которыхъ нѣтъ сродниковъ, кромѣ производныхъ: *морской, ночной, дневной* и то, вѣроятно, позднѣе образованныхъ. Сравните ихъ съ иноземными экземплярами: *mare, Meer, mer; nox, Nacht, νυξ; dies, dzień, dagr*, *дожница* (денница) и т. п. и рѣшите, гдѣ настоящая родина этаго звука?... Что же остается филологу? Написать такія слова по алфавиту, обставить ихъ сродными экземплярами славянскихъ нарѣчій и языковъ иноземныхъ—предоставивъ произволу чи-

тателя гадать о *первичномъ* значеніи корней что и какъ ему угодно! Такимъ образомъ плодомъ изслѣдованій Филологіи будетъ *алфавитный списокъ корней, сравнительно-описанныхъ* — не болѣе. Вотъ, Гг. Филологи, *начало* и *конецъ*, вотъ полная программа вашихъ изслѣдованій! . . . . .

Беру въ судьи васъ, благосклонный читатель: я совершилъ, вмѣстѣ съ вами, долгое и утомительное странствованіе по доисторическому лабиринту одного изъ корней языка русскаго съ тою цѣлію, чтобы нагляднѣе показать справедливость основной истины всѣхъ моихъ изысканій: «*безъ основнаго понятія науки не можетъ быть не только наука, но ни одно самомалѣйшее изысканіе въ ея области*». Наука, какъ мнѣ кажется, есть идеальный образъ того цѣлого предметовъ, какія она изучаетъ, подобно тому, какъ это цѣлое предметовъ есть реальное, чувственное выраженіе того цѣлого творческой Мысли, которое въ немъ отразилось. Основное же понятіе науки есть центръ, сомкнутый въ себѣ зародышъ того идеальнаго образа, который раскрывается въ послѣдовательномъ, систематическомъ ряду истинъ науки: всякой отдѣльной истинѣ, всякому положенію, всякому выводу науки это основное понятіе *присуще;* оно всюду *предшествуетъ,* оно всюду *послѣдуетъ* имъ, подобно тому, какъ скользя, если смѣю такъ выразиться, мыслію по идеальной ткани геометрическаго круга и останавливаясь на каждой ея точкѣ, вы всегда будете имѣть какъ впереди такъ и позади себя одну и ту же невидимую, первичную точку (центральную), которая то бѣжитъ, продолжается къ окружности, то убѣгаетъ, смыкается въ центръ, потому что, какъ я уже *показалъ* (стр. 249 - 250 примѣч.), нѣтъ возможности представить себѣ *единую точку,* иначе, какъ въ ея раздвоеніи или во взаимодѣйствіи ея полюсовъ: *внутренняго* (центра) и *внѣшняго* (периферіи), при которомъ всякій пунктъ радіуса будетъ въ одно и тоже время *предшествоваться* и *послѣдоваться одною и тою же* изъ двухъ полюсовъ движущеюся точкою. И такъ *основное понятіе* содержитъ въ себѣ сумму

всѣхъ частныхъ понятій, истинъ, моментовъ науки; во всякомъ изслѣдованіи научномъ — какъ приложеніи *понятія* къ практикѣ — выступаютъ наружу или раскрываются *въ дѣлѣ* эти поглощенные въ немъ моменты; они незамѣтно сопутствуютъ ученому во всякомъ пріемѣ, движеніи, во всякомъ поворотѣ его мысли и въ цѣломъ изслѣдованія (разумѣется, опирающагося на *осн. понятіи*) даютъ цѣлое самого понятія, такъ, что послѣдовательный рядъ фактовъ изслѣдовательныхъ вы всегда можете привести къ послѣдовательному ряду моментовъ самого понятія или получить изъ отдѣльныхъ членовъ *реальную сумму* того, что представляло, такъ сказать, идеальную сумму, содержавшуюся въ основномъ понятіи, еще до его приложенія или практическаго развитія. Я представилъ вамъ, добрый мой читатель, *образчикъ лексическаго анализа*, анализа новаго и—безъ самохвальства скажу—*еще у насъ неизвѣстнаго:* въ полнотѣ, подробности и, что всего важнѣе въ Филологіи—въ ненатянутости и чрезвычайной осторожности этаго чисто-фактическаго анализа Филологи наши, надѣюсь, отдадутъ мнѣ справедливость. Но, между тѣмъ, анализъ этотъ, вѣрный по формѣ, пустъ и ничтоженъ по *содержанію*, по *нулевому результату!* Отчего? Оттого, что мы выступили изъ понятій о языкѣ современныхъ т. е. выступили безъ всякой сознательной мысли, изъ *ничего;* къ чему же мы пришли? Къ тому же, изъ чего мы выступили—къ *ничему*. Вспомните, читатель, что подъ нами не было нигдѣ почти *твердой почвы*, что мы не шли, не *двигались*, то толкались между нашимъ центромъ: *ухо* и какими-то непроходимыми преградами (ухъ! *ухо, внушить* и проч.), которыя *пять* разъ заставляли насъ, ощупью пробиравшихся, возвращаться назадъ и снова очутиться тамъ, откуда мы выступили, не выигравъ, при всѣхъ поворотахъ, ни одного шагу впередъ; что мы безпрерывно смѣшивали живую мысль съ мертвою буквою, видя смыслъ тамъ, гдѣ были только буквы, (*слъ ухъ*), видя буквы только тамъ, гдѣ былъ живой смыслъ (сл–ухъ=вбиратель звука); что, на-

конецъ, перешедши въ орбиту славянскихъ парѣчій, мы обошли ее послѣдовательно, очутившись на концѣ ея въ точкѣ нашего исхода (*wauchij—ухо*) и не нашедши искомаго (= x) нашего, ринулись въ орбиту языковъ иноземныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ переступили заповѣдную грань нашу, отвлеклись, отторглись отъ нашего центра и изчезли въ *ничемъ*. Этотъ топографическій очеркъ нашего странствованія достаточно оправдываетъ мое мнѣніе о безплодности всѣхъ изслѣдованій филологическихъ безъ предварительно-обдуманнаго плана т. е. безъ мысли о *языкѣ* или безъ *основного понятія*. Не поскучайте теперь, благосклонный читатель, дарившій меня до сихъ поръ своимъ вниманіемъ: я поведу васъ еще разъ по лабиринту нашего корня но не безплодно: надѣюсь, что мы придемъ къ чему нибудь, болѣе отрадному. Вы повѣрите при этомъ меня, я—оправдаю основныя истины науки, оживотворяемыя ея основнымъ понятіемъ. Мы, правда, не знаемъ еще съ вами съ точностію этого понятія, но узнали уже многое объ немъ, остальное—дополнитъ ваша догадка, которая, надѣюсь, во многомъ уже опередила мои изысканія. Предварительнымъ пособіемъ нашимъ будутъ два соображенія 1) языкъ не есть плодъ ума людей, слѣд. не станемъ искать въ корнѣ *нашей* мысли, не станемъ, поэтому, пугаться, ежели найдемъ въ развѣтвленіяхъ его или соприкосновенныхъ съ нимъ по звуку словахъ такія *соображенія*, которыя *намъ* не прійдутъ въ голову: мы увидимъ *далѣе*, что каждое изъ нихъ будетъ все болѣе и болѣе оправдываться другими. 2) *Корень* или корневой звукъ не есть звукъ *дебело-простой*, но *органически-простой*, живой, разрѣшающійся, плавящійся, пластически-гибкій: слѣд. а) оставаясь въ своей *темѣ* (основѣ) неизмѣннымъ, онъ разнообразно измѣняется, то *наращаясь*, полнѣя, то упрощаясь, *сокращаясь*; б) во всѣхъ сихъ метаморфозахъ онъ *всегда себя знаетъ* или *помнитъ*, такъ, что наращенія его, теряющіяся иногда въ дальнѣйшихъ изгибахъ, какъ бы только на время *замираютъ*, а потомъ снова оживаютъ и выступаютъ наружу во

всей первообразной ихъ полнотѣ; в) въ логическомъ развитіи своемъ корень совершаетъ стройное, *периферическое движеніе*, такъ, что проходя одна за другою частныя ступени одного понятія, служа выраженіемъ разныхъ *сторонъ* его, въ заключеніи онъ является суммою этихъ сторонъ, *цѣлымъ* понятіемъ (цѣлою окружностію многихъ радіусовъ) и т. д. Приступимъ теперь къ нашему корню. Мы съ нимъ уже знакомы, какъ съ звукомъ: тема или *неизмѣнный элементъ* его есть гласная *у*, которую мы видѣли во всѣхъ экземплярахъ; наращенія начальныя суть: *h*, *в*, *о*, *w* (*оухо*, *вухо*, *hucho*, *wauchij*); наращенія конечныя: *х*, *в*, *h* (*ухо*, *уво*, *uhho*). Логическая тема корня—есть неизвѣстное (=x), слѣд. не будемъ думать, что *ухо* означаетъ извѣстную тѣлесную оболочку съзади головы, съ затѣйливымъ механизмомъ или орудіемъ, посредствомъ котораго мы слышимъ; вспомнимъ *сл-ухъ*, чтобы считать вѣроятнымъ, что ухо можетъ означать и дѣйствіе чувствъ тѣлесныхъ вообще (слъ-ухо=звука чувство, звука органъ). Беремъ два характеристическіе типы нашего корня: *ух* и *ув* (Врс. *ухо*, Серб. *уво*). Первый отпрыскъ типа *ух* представляется мнѣ въ глаголѣ: *ухать* - обонять (ср. благо*ухать*); не считаю сродства по признаку *генетическому* невѣроятнымъ: ежели *слушать* = *сълъ* (звукъ) *ушать*—значитъ: звукъ вбирать, втягивать, то *ухать* почему не можетъ значить: запахъ, паръ тѣлесный вбирать? Принимаю въ соображеніе Млр.-*вухо* и Польское *węch*, *węchać* (= вухъ, вухать), наконецъ Врс. *нюхать* (= нiухать) и оправдываю *мое предположеніе*. Беру типъ второй корня: *ув* и сличаю съ Польскимъ: а) *czuwać*—это значитъ *бодрствовать*, не спать, находиться при полномъ употребленіи чувствъ, быть внимательнымъ, ощутительнымъ ко всему, внѣ насъ происходящему; б) *czuć*—слышать, нюхать, ощущать; нахожу здѣсь поворотъ корня къ общему значенію: *чувствовать*, потомъ ко второму частному: *нюхать*, наконецъ къ первичному: *слышать*. Сличаю тотъ же типъ *ув* чрезъ посредство Польскаго: *czuwać* а) съ Млр. *чуять* — нюхать (о собакахъ) и Влр. *чутье*

(острое обонянiе собакъ); б) съ Луж. *czuti, czuju* — нюхаю (De orig. l. Sorab. *Frenzell.* 1693. 508) и Польск. *czuchwęch, wiatr, wonia* (o psach), в) съ Мир. *чути*—слышать, Влр. *чуткій*—остро, тонко слышащій и *чу!* (слышишь?); г) съ Млр. *чунять* (*czuwać*, не спать), *прочуняться* и въ Влр. *очнуться* (=чуять, чнуть); наконецъ д) съ Влр. *чуять* (предчувствовать, предъожидать напр. *бѣду чуять*) и нахожу мое предположеніе вполнѣ оправданнымъ: типы *ух* и *ув* обоозначаютъ дѣйствія *слышанія*, *обонянія* и наконецъ дѣйствіе внѣшняго ощущенія вообще. Первое доказывается перенесеніемъ *запаха* на органъ *слуха*, замѣчаемымъ и въ теперешнемъ языкѣ: слышишь, *какой запахъ?* Второе доказывается словомъ: *чувство*, означающимъ воспріятіе какимъ бы то ни было органомъ внѣшняго впечатлѣнія или *чувственное воспріятіе вообще*. Мы обошли одинъ кругъ понятія, слѣд. одну сферу или группу развѣтвленій нашего корня; попробуемъ идти далѣе — не найдемъ ли другой, хотя меньшей сферы. Преслѣдуя тотъ же типъ: *ув*, сосредоточившійся въ родовомъ: *чув*(ств)*о*, нахожу экземпляръ: *дувать* (в-дувать, на-дувать), подлѣ него: *дуть*, наконецъ *духъ*. Типъ *ув* воротился такимъ образомъ къ первичному виду: *ухъ*. А значеніе? осталось при второй чертѣ: *ухать*, потому что *духъ* въ обыкновенномъ языкѣ у насъ значитъ: *запахъ* (ср. духи, пріятный *духъ*, *душистый*); у Линде старинное: *duch* означаетъ тоже *запахъ*; это убѣждаетъ меня въ смежности, сродствѣ (хотя не родовомъ, а видовомъ, внѣшнемъ) этой группы съ первою. Подлѣ типа: *духъ* (запахъ) стоятъ: Млр. *дýхать* (дуть, дышать), Польское: *chuchać*, у *Іоан*. Экз. Болг. *душещіи* (вѣтры), наконецъ наше старинное: воз*духъ*— всеобщая міровая сила дыханія, жизни, или, ежели *воз* значитъ: *вверхъ* съ низу а не сверху въ низъ (ср. *восхожу*—иду вверхъ съ низу и *востокъ*, низь, откуда поднимается солнце), то воз*духъ* есть изъ внутри внѣ, изъ низу вверхъ *дующая сила*. Подлѣ этихъ словъ стоятъ: 1) *духъ*, — общая центральная сила (*духъ* времени, *духъ* сочиненія); внутренняя, во внѣ

расширяющаяся сила, наполняющая собою тѣлесныя силы человѣка, энергія (у меня не стало *духу*); самосознаніе, Я, (присутствіе *духа*) и 2) *душа*, сѣдалище духа и тѣлесныхъ чувствъ (cf. цвп. *душевный* человѣкъ=чувственный, плотской). Это—высочайшая сфера понятій, выражаемыхъ нашимъ корнемъ, но не послѣдняя: за нею или гдѣ-то подлѣ нея есть еще особая сфера. Возьмемъ наше: *чутье* (обоняніе собакъ), *чутье* (острое чувство) и сличимъ, чрезъ посредство Польскаго: *czuć* съ другимъ же Польскимъ: *chuć*, Чешск. *chut*, Слов. *chut*. Всѣ три означаютъ *вкусъ, имѣющій въ себѣ нѣчто* (особенное); Польское же значитъ, кромѣ того, *наклонность, желаніе, вождѣленіе*. Сличаю это *chuć* съ нашими: *хоть* (Сл. о П. Игор.) и по*хоть*, и предполагаю, *что* этотъ экземпляръ заключаетъ въ себѣ смыслъ: *способность возбуждаться, раздражаться* какимъ либо тѣлеснымъ ощущеніемъ или способность къ тѣлеснымъ раздраженіямъ вообще. Сличаю съ этими экземплярами: 1) Кро. *chud* (чуд), Далм. *cjud*, *chyud*—которыя означаютъ *инстинктъ, способность ощущенія,* 2) Серб.—*ђуд*—*naturalis indoles,* природное расположеніе, (см. Псих. *Новицкаго*), наконецъ 3) старинное: *щудь* въ древнемъ Апостолѣ: «не сребролюбцы *щудію*» (теперь читаемое: не сребр. *нравомъ*, по естеству — см. Добр. Грам.). Такимъ образомъ, корень: *чуть* (*chuć*, чудь, щудь) выразилъ понятія: нравъ, инстинктъ, природное расположеніе, *темпераментъ.* Заключимъ наши изысканія этою группою экземпляровъ нашего *корня.* Такимъ образомъ мы имѣемъ три главныя понятія: *дух — душа, темпераментъ, тѣлесное чувство,* представляющія три ступени чувственнодуховной природы человѣка, обозначенныя съ такою точностію, что ни одна *Психологія* не подвергнетъ этой систематики критикѣ. Около этихъ трехъ центровъ сосредоточиваются три сферы или группы развѣтвленій одного и того же корня: *средоточная* сфера есть видоизмѣненія его въ типахъ: *воздухъ, дух—душа;* чрезъ *духъ* (=запахъ) она смежается со второю сферою: *ухать, czuch, ухо, чуть, чуять*

и т. д. и заключается типомъ родовымъ *чувство;* чрезъ *духъ* (=энергія, сила, возбуждающая тѣло) и *chuchac,* (дуть) она смежается съ третьею группою: *chuc, чуть, хоть, чудь* и завершается родовымъ типомъ: *щудь.* Такимъ образомъ *духать* означаетъ: вливать, влагать, сообщать тѣлесную, чувственную, органическую жизнь; *ухать, увать, уять*—вбирать тѣлесными органами: ухомъ, носомъ, кожею, внутренностію и всѣмъ тѣлеснымъ составомъ органическую жизнь; *чуть, чуять*—быть въ состояніи, имѣть способность какъ *вбирать,* такъ и *издавать* изъ себя ощущенія органической жизни. Чтобы нагляднѣе видѣть эти группы совѣтую вамъ, добрый читатель, написать ихъ на бумагѣ, по постепенности развѣтвленія, указанной мною выше. Объ остальномъ т. е. о *моментахъ основного понятія,* служащихъ невидимою основою моего анализа вы догадаетесь сами, потому что можете ихъ явственно видѣть: не считалъ я *ухо* словомъ индивидуальнымъ потому, что корень не есть только *образъ* вещи особой напр. *моего уха,* но образъ вещи, какъ представителя, единицы цѣлой совокупности вещей, слѣд. есть выраженіе какъ *частнаго* такъ и общаго, *родоваго представленія;* представленіе же совмѣщаетъ въ себѣ: *причину, дѣйствіе, самый предметъ* и т. д. Каждая изъ этихъ сторонъ представляетъ, въ свою очередь, *соподчиненность* или постепенность общихъ и частныхъ, родовыхъ и видовыхъ сферъ—такъ напр. *причина* всѣхъ отправленій органическаго чувства есть *духъ* міровой (эѳиръ), который въ чувствѣ слуха является какъ *звукъ,* въ обоняніи—какъ *испареніе,* духъ животныхъ и физическихъ, тѣлесныхъ частицъ; въ чувствѣ внутреннемъ (чуяніи), какъ издали расширяющаяся атмосфера непріязненнаго, къ намъ близящагося существа или вещества (духъ его), которая томительно—болѣзненно вбирается въ грудь, тѣло, внутренность, душу и т. п. Подобнымъ же образомъ разнообразится и самое *дѣйствіе* органическаго чувства въ *ухѣ, носѣ,* цѣломъ *тѣлѣ,* при всемъ томъ, что въ этомъ разнообразіи вездѣ оно сохраняетъ признакъ *родоваго единства:* такъ *ухо*

есть каналъ, проводящій звукъ, *ноздри*—каналы же, проводящіе *духъ*; *чувство*—совокупность, связка каналиковъ, проводящихъ *звукъ* и *духъ* (нервовъ) и т. д. Вотъ почему *корень* я считаю не только *образомъ* но и *идеею* (представленіемъ) или въ корнѣ вижу не только *вѣтвь*—напр. *ухо*, но и *корень* чего-то другого (проводникъ чувственныхъ впечатлѣній).

Я уже говорилъ (стр. 99—100), что знать *корень* и *вѣтвь*, значитъ знать *языкъ* и *нарѣчіе*: а знать языкъ и нарѣчіе, значитъ знать *мысль* и *понятіе* или родовой и видовой типъ идеи. Взаимоотношеніе между этими тремя сторонами языка нагляднымъ образомъ обнаруживается въ моемъ анализѣ: повсюду одинъ моментъ совпадаетъ съ другимъ. Въ самомъ началѣ подлѣ *вѣтви: ухо* мы нашли уже отрасли корня: *чувать, чуять* (чувствовать); въ самомъ концѣ подлѣ источнаго корня: *духъ* (воздухъ), нашли вѣтвь: *духъ, chuch* (запахъ, дыханіе). Смеженіе трехъ группъ или сферъ такъ близко, непосредственно, что всѣ онѣ образуютъ гармоническое цѣлое, міръ стройно-развивающихся, послѣдовательно-мыслящихъ звуковъ Не думайте, чтобы здѣсь этотъ міръ былъ уже *весь* и изчерпывался въ показанныхъ мною экземплярахъ: подлѣ него вы найдете еще группы сродныя, напр. ищите подлѣ *czuć, czuwać*.... вы найдете слова: *czuhać* (cf. uhho), *czyhać*—подстерегать, ожидать, быть въ состояніи напряженныхъ или устремленныхъ къ чему либо отдаленному, наступить имѣющему, чувствъ; сличите наше *чаать, чаять*—ожидать отдаленнаго будущаго, быть въ состояніи души, устремленной въ сокровенное будущее и т. д. Съ другой стороны, ищите подлѣ *ухать* (обонять) и найдете *наукъ* (Кирша Данил.), *навыкъ* (=навухъ) т. е. усвоеніе чего-либо посредствомъ слѣпаго, инстинктуальнаго, природнаго чувства и т д. Безъ преувеличенія, по этому, можно сравнить группы развѣтвляющихся словъ съ сферами: каждая изъ нихъ кажется едва-мерцающимъ на дальнемъ небѣ звѣзднымъ свѣтиломъ, но при пристальномъ всматриваніи представляется окру-

женною *созвѣздіями* и чѣмъ далѣе проникаетъ взглядъ, тѣмъ болѣе новыя свѣтила созвѣздныя открываетъ онъ въ безконечно-раздающемся сводѣ неба..... Такъ и Языкъ съ его нарѣчіями, съ его безчисленными семействами и группами словъ, которыя мерцаютъ въ такомъ чудномъ просвѣтѣ одной и той же Мысли творческой, въ безбрежной тверди которой стройно движутся эти миріады мыслящихъ звуковъ и отзвучій, этотъ непостижимый Языкъ, повторяю, есть живѣйшее подобіе звѣзднаго міроваго цѣлаго.... *Въ третьей книгѣ* моей, надѣюсь, читатель найдетъ удовлетворительное оправданіе этой параллели, теперь—*поэтической*, но, какъ дѣло покажетъ, *чрезвычайно точной*.....

Но пока я все таки показалъ правду мою и въ маленькомъ образчикѣ моего анализа. Разсудите же вы, справедливый читатель, меня съ моими самозванцами-судьями, которые утверждали, что моя книга «*не есть плодъ моихъ изслѣдованій*», что «мои изысканія распространили непроницаемый мракъ на предметъ и сущность моихъ изслѣдованій».... Да будетъ имъ, за эту непріязнь къ Русскому знанію, къ Русской мысли, судьею ихъ собственная совѣсть!— Надѣюсь, что *теперь* они не спросятъ: почему я столько лѣтъ работалъ надъ однимъ предметомъ: изслѣдованіемъ основного понятія науки: *языкъ — корень*? Почему написалъ двѣ цѣлыя книги для того только, чтобы получить *постуляты* языкознанія?... Перехожу теперь къ развитію *моихъ* постулятовъ, которые я, для большей ясности, выражу въ одной мысли: «*Языкъ есть произведеніе творческой Мысли и какъ на всемъ своемъ цѣломъ, такъ и на малѣйшихъ частичкахъ онаго носитъ чистѣйшую печать свойствъ (аттрибутовъ) этой Мысли*». Развитіемъ этого положенія и приложеніемъ его а) къ историческому очерку міровыхъ періодовъ и эпохъ языковъ человѣческихъ, б) къ историческимъ *формаціямъ* языка русскаго,—я надѣюсь установить начала сравнительнаго языкознанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *филологическаго изученія* русскаго языка.

§ 29-й.

Развитіе постулятовъ Языкознанія.

Приступая къ развитію *постулятовъ* Языкознанія, долгомъ считаю прежде всего а) оговорить отличіе моихъ постулятовъ отъ *постулятовъ въ философскомъ смыслѣ*, б) показать общую ихъ основу и взаимную связь между собою. Постулятами въ философіи называются такія высшія, сверхчувственныя истины, которыя не могутъ быть доказаны ни разумомъ, ни опытомъ, но которыя, однакоже, принимаются *безъусловно*, потому что 1) составляютъ коренную основу всѣхъ лучшихъ, драгоцѣннѣйшихъ убѣжденій человѣчества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невидимую основу, на которой держится весь порядокъ вещей какъ въ нравственномъ такъ и общественномъ мірѣ жизни, 2) что съ отверженіемъ этихъ высочайшихъ истинъ рушились бы всѣ нравственныя убѣжденія человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь существующій порядокъ вещей (1). Таковыми истинами считаются три истины: *бытіе Бога*, существованіе лучшаго, *вѣчнаго міра* и простота или *безсмертіе души*. Эти три истины такъ тѣсно, внутренно связаны между собою, что составляютъ одно нераздѣльное цѣлое: допуская одну какую нибудь, мы должны допустить и всѣ остальныя, отвергая одну—мы отвергаемъ и всѣ другія. Отвергните напр. простоту или *безсмертіе души*—вы отвергаете уже и *міръ вѣчности* и *Бога* — мздовоздаятеля добру и злу, Отца вѣчности. Какія ужасающія послѣдствія возникаютъ изъ отверженія этой драгоцѣннѣйшей

---

(1) Какъ это было напр. во Франціи въ концѣ XVIII-го вѣка, когда съ отверженіемъ *натуралистами* или, лучше сказать *сенсуалистами* бытія Бога, безсмертія души и проч. разрушены были *гражданское общество, церковь, бракъ, семейство* и т. д.

истины: тщета добродѣтели, безнаказанность порока, безплодность нравственной борьбы съ зломъ и т. п., все это заставляетъ невольно содрогаться сердце всякаго человѣка!..Такимъ образомъ *философскіе постуляты*, не имѣя очевиднаго основанія ни въ *опытѣ* ни въ *разумѣ* (1), опираются на всеобщемъ *нравственномъ голосѣ* человѣчества т. е. на неотразимомъ признаніи оныхъ *совѣстію* и *сердцемъ* человѣковъ. *Но постуляты языкознанія* тѣмъ отличаются отъ постулятовъ философскихъ, что а) имѣютъ основаніе очевидное—въ *опытѣ* и *разумѣ*, б) не имѣютъ безъусловно-обязательной силы *для сердца* и *совѣсти* и не влекутъ гибельныхъ нравственныхъ послѣдствій, ежелибы и не были признаваемы всеобщимъ мнѣніемъ, но в) сообщаютъ высшую фактическую истинность соображеніямъ человѣческаго разума о *сверхчувственномъ* происхожденіи его души, о нѣкогда бывшей тѣсной связи его съ *небомъ* и т. п. какъ мы это увидимъ въ слѣдующемъ §-ѣ. Постулятовъ, какъ основныхъ истинъ науки вообще, *не много* и притомъ они весьма очевидны, чуть только раскроется ихъ основа: по этому, не обременяя вниманіе читателя, достаточно приготовленнаго къ этимъ истинамъ предъидущими моими изысканіями, я обозначу ихъ какъ можно *проще* и *короче*. Вотъ вся система моихъ постулятовъ: я предлагаю себѣ вопросъ: *что есть языкъ?* . . . Дѣлаю яснѣе этотъ вопросъ, выражая его другими словами: къ какому роду *веществъ* или *существъ* (ибо я вовсе не знаю, есть ли языкъ *вещество* или нѣчто духовное = *существо?*) принадлежитъ языкъ? Вещества и существа бываютъ то *сотворенныя* (Богомъ), то *производимыя*

---

(1) «Бога никто же *видѣ* нигдѣ же: Единородный Сынъ—Той исповѣда». Міра вѣчности, равнымъ образомъ, мы невидимъ. Простоты души не можемъ доказать путемъ умозаключеній, опирающихся на *нераздѣльности нашего мыслящаго я*—утверждаетъ Кантъ (см. *Kritik der rein. Vernunft*). Всѣ эти истины—*откровенныя*: недостатокъ *очевиднаго* основанія въ нихъ и есть, какъ мнѣ кажется, высочайшая опора ихъ духовной, сверхчувственной, божественной истинности (см. о томъ въ слѣдующемъ §-ѣ).

(природою) то *образуемыя* (человѣкомъ); перелагаю, по этому, мой вопросъ, для большей ясности, на слѣдующій: какое произведеніе или *произведеніе какой изъ сихъ трехъ причинъ есть языкъ?* Недоумѣвая въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ разсуждаю такъ: Языкъ *долженъ быть* или произведеніе *человѣка*, или произведеніе *природы* или произведеніе *Бога*, но что нибудь изъ этихъ трехъ непремѣнно. Обращаюсь къ изслѣдованіямъ *точнаго опыта* и нахожу, что а) Языкъ не есть произведеніе Природы (не врожденъ человѣку), б) Языкъ не есть произведеніе человѣка (не изобрѣтенъ имъ); отсюда безошибочно заключаю, что в) Языкъ есть произведеніе Бога т. е. *Его творческой Мысли.* Постигая, при помощи *аналогіи* человѣческой мысли и истинъ *откровенныхъ,* Мысль творческую — переношу ея аттрибуты на Языкъ, какъ на міровое цѣлое мыслящихъ звуковъ, представляющее, подобно міровому цѣлому веществъ и существъ, нѣчто *нераздѣльно-единое,* непостижимое и составляю себѣ, чрезъ дальнѣйшіе выводы разныхъ предикатовъ изъ одного и того же субъекта (Мысли) — представленія о внѣшнихъ моментахъ Языка: *цѣломъ* и *частяхъ* его, т. е. *мысли* и *звукѣ, корнѣ* и *вѣтви.* Этими постулятами т. е. положеніями предварительными, которыя я признаю истинными прежде, нежели *докажу* ихъ фактически, анализомъ русскаго языка, ограничиваю я *теоретическія основанія Языкознанія вообще.* Положивъ основу теоретическую — перехожу къ исторіи. И здѣсь выступаю изъ постулята теоретическаго и опытной опоры его: «Языкъ не врожденъ человѣку и неизобрѣтенъ имъ самимъ», слѣд. *данъ ему Богомъ;* находя Языкъ только у одного человѣка, убѣждаюсь, что онъ и созданъ для человѣка, слѣд. допускаю въ человѣкѣ способность употреблять его на свою пользу, измѣнять его по своимъ нуждамъ. Человѣкъ былъ единый, слѣд. ожидаю найти *единый языкъ,* а нахожу, между тѣмъ, *многіе и разные языки:* разность Языка не могла произойти ни изъ природы ни изъ человѣка, какъ не бывшихъ *причиною* его, слѣд. не властныхъ и въ существенномъ, коренномъ

дѣйствіи на него: заключаю отсюда, что разность языковъ могла быть только слѣдствіемъ той же творческой Причины, которая и создала Языкъ. Такимъ образомъ вся исторія языка распадается на два міровые періода: I) періодъ языка единаго разрознившагося *(аномалія языковъ)* и II) періодъ Языка разрозненнаго и стремящагося къ единству съ самимъ собою въ каждой изъ частей своихъ — языковъ человѣческихъ *(аналогія языковъ)*. Зная, что въ первомъ періодѣ былъ Языкъ *единый* и притомъ, какъ все первозданное, чудносовершенный, я не смотрю на аномалію языковъ, какъ всѣ филологи, т. е. какъ на нѣчто грубое, несовершенное, но какъ на развалины чего то всецѣло-совершеннаго. Руководясь разными наблюденіями въ области своего роднаго языка и языковъ иноземныхъ, вижу слѣды нѣсколькихъ эпохъ или возрастовъ въ исторіи единаго языка, весьма явственно отпечатлѣвшихся въ особомъ свойствѣ и построеніи словъ: 1) то идеально-чистыхъ, метафизически возвышенныхъ и простыхъ, какъ все *первозданное* Божіе напр. *сый*, *творецъ*, *Богъ* и др., которыя дышутъ, такъ сказать, свѣжестью *первыхъ дней міра*. То 2) чувственно-идеальныхъ, символическихъ, отражающихъ въ себѣ широкіе разливы высокопарящей *фантазіи*, смѣло смежавшей безконечныя міровыя области бытія съ образомъ конечнаго, ограниченнаго существа напр. *атецъ* и *атеръ* (см. стр. 80 — 81) = ядро, сфера; первородное лоно бытія; влажное лоно міра (water); эѳирно-жизненное нѣдро міра (aether); *земля* = мать, утроба влаги; сосцы, кормилица всего живущаго и т. д. То 3) *чувственныхъ*, обнаруживающихъ преизбытокъ воображенія и ума, уже не художественно *пластизирующихъ* слова, но искуственно ихъ слагающихъ напр. *десяточно-сложныя слова* Санскрита (Fabre d'Olivet–la Langue Hébraique restituée l. XVIII.) и *мистическіе корни* Еврейскаго языка (ibid). То наконецъ, 4) слова сокращенныя, сжатыя, обнаженныя до скелетности и содержащія въ себѣ какое–то отвлеченно-неопредѣленное значеніе, смутное — какъ память перваго міра, подавляемая

грѣхомъ міра позднѣйшаго. Такимъ образомъ въ первомъ періодѣ я вижу цѣлый циклъ (кругъ) историческихъ фазовъ (ступеней) или возрастовъ Языка, начинающихся уже послѣ первичнаго момента (=Языка перваго Человѣка), который, какъ и самъ Человѣкъ *до паденія*, былъ внѣ возрастовъ, — именно я вижу слѣды ясной *юности* духа, мерцающей въ исполинскихъ пареніяхъ *фантазіи*. потомъ—слѣды *мужества*, клонящагося уже къ упадку, наконецъ—яркіе слѣды самаго упадка Языка—его *старости*. Подобнымъ же образомъ распредѣляю по *эпохамъ* (хотя не такимъ) и второй періодъ Языка и т. д.,— какъ покажу на своемъ мѣстѣ. По этимъ историческимъ указаніямъ распредѣляю составъ лексическій своего Языка и провѣривши *всю мою теорію фактически* — опредѣляю все цѣлое *Русскаго Языкознанія*. Вотъ полный очеркъ моихъ постулятовъ въ *теоріи* и *исторіи* Языка вообще, наконецъ въ фактическихъ изслѣдованіяхъ и систематикѣ науки роднаго языка въ особенности. Перехожу теперь къ развитію моихъ *постулятовъ* и, прежде всего, къ утвержденію ихъ опытной основы т. е. доказательству положенія, что «*Языкъ не есть ни произведеніе Природы, ни произведеніе человѣка*». Языкъ состоитъ изъ *матеріала*: членосоставныхъ звуковъ и *формы*: мыслей и представленій; слѣд. я долженъ доказать прежде всего, что членосоставные звуки не суть ни произведеніе природы, ни изобрѣтеніе человѣка или, что они *не врождены человѣку* и *не изобрѣтены имъ самимъ въ опытѣ*.

Первое положеніе: членосоставные звуки не врождены человѣку и не изобрѣтены имъ самимъ. Прежде всего мы должны сказать, что думаетъ наука о самомъ источникѣ или о причинѣ членосоставныхъ звуковъ т. е. *голосѣ* (*vox articulata, loquela, locutio*). Въ большей части сочиненій физіологическихъ какъ старыхъ такъ *и новыхъ*, (1) *къ которымъ я обращался*

(1) Считаю долгомъ добросовѣстнаго ученаго сдѣлать небольшое поясненіе, относящееся къ этому обстоятельству. Защищеніе положенія о *неврожденности человѣку членосоставнаго голоса* я нашелъ у одного только

за отвѣтомъ на предложенный себѣ вопросъ, я нигдѣ не находилъ подробнаго и притомъ преимущественнаго или философскаго вникновенія въ вопросъ о томъ, что составляетъ *сущность* голоса? Сличая, однакоже, всѣ мнѣнія и взгляды физіологовъ, *коротко* касающихся этаго момента, для Физіологіи, какъ науки выступающей всегда изъ даннаго въ опытѣ, не столь важнаго и существеннаго, какъ для Филологіи и Психологіи, которыя *должны* все *опытно-данное* возводить къ высшимъ предъопытнымъ началамъ,—я привелъ эти

Монбоддо (см. стр. 178—180). Мысль его сперва показалась мнѣ причудою эмпирика или натуралиста, но пораженный ея фактическою основательностію, я скоро замѣтилъ, что она, разрушая донынѣшнія мечты филологовъ о *врожденности* человѣку Слова, представляетъ превосходную опытную основу для подкрѣпленія откровенныхъ истинъ о сверхчувственномъ происхожденіи языка и сообщеніи онаго человѣку свыше. Мнѣнія Монбоддо не рѣшился я однако же привести здѣсь цѣликомъ, потому что а) оно не опирается на научномъ началѣ — заключеніи *Физіологіи*, которая во времена Монбоддо не сдѣлала столько точныхъ наблюденій, какъ теперь; б) оно выводитъ изъ основнаго положенія результатъ, который мнѣ кажется скачкомъ: т. е. что *членосоставные звуки суть произведеніе искусства человѣческаго*. Я долженъ былъ провѣрить мнѣніе Монбоддо современными изслѣдованіями науки. Изучавши естественныя науки слишкомъ давно (въ 1830—1835), конечно, не могъ я положиться на свои силы *въ забраніи необходимыхъ справокъ* по моему вопросу. Первымъ указаніемъ служила мнѣ докторская диссертація *Гауделина: De vocis haesitantia (о косноязычіи)*, изд. въ Дерптѣ въ 1835 году. По счастливому случаю въ ней нашелъ я краткое, но полное обозрѣніе вопроса, результаты котораго вполнѣ меня, сомнѣвавшагося въ устояніи положенія Монбоддо, успокоили. Но, независимо отъ этого, я рѣшился еще провѣрить основную мою истину и обратился къ товарищамъ моимъ Профес. *Леонову* и Профессору Физіологіи *Мираму*, которому преимущественно обязанъ окончательнымъ разрѣшеніемъ моихъ сомнѣній и указаніемъ лучшихъ пособій для моей цѣли. Убѣдившись въ прочности матеріаловъ моего филологическаго положенія, я позволилъ себѣ дать самостоятельную форму моимъ понятіямъ о *родовомъ характерѣ голоса* и *его элементовъ* т. е. гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Въ Физіологіяхъ, конечно, этого нѣтъ, но изслѣдованія физіологическія ни сколько не опровергаютъ этихъ понятій. Съ этой точки зрѣнія прошу благосклоннаго читателя смотрѣть на мою характеристику *голоса*.

взгляды, для лучшаго уясненія искомаго понятія, къ вопросамъ: *есть-ли členocоставный голосъ человѣка продуктъ природы или только явленіе природы* (ein Naturproduct oder nur ein Naturphenomen)? — и во всѣхъ почти Физіологахъ нашелъ склоненіе къ послѣднему мнѣнію т. е. что членосоставный голосъ не есть что либо *происходящее*, раздѣльно-періодически возникающее, но нѣчто простое, элементарное, *данное* (*etwas vorhandenes*) и только въ *образованіи* своемъ органами тѣлесными или въ *проявленіи* своемъ уловимое, доступное опыту и наукѣ. Большая часть Физіологовъ, по этому самому, поставляетъ задачею физіологіи изъясненіе *образованія* членосоставныхъ звуковъ (1), предполагая самую причину т. е. *происхожденіе*, возникновеніе самаго голоса *данными* и находящимися внѣ всякихъ опытныхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ основатель Физіологіи—знаменитый *Галлеръ* говоритъ, что «ежели нѣтъ возможности разложить «голосовые звуки на болѣе простые, то членосоставная рѣчь «есть *образованіе* исходящаго изъ гортани (glottis) *голоса* — «языкомъ, губами, ноздрями, въ такіе элементарные тоны, «посредствомъ которыхъ мы сообщаемъ движенія души на«шей прочимъ человѣкамъ». (Elementa physiologica. T. III) Амманъ называетъ Слово «способностію изгибать и артику«лировать, посредствомъ долгого и частого упражненія *вы«ученныхъ* тому органовъ, какъ тихо такъ и громко звуча«щій воздухъ и производить звуками въ другихъ людяхъ та«кія же представленія, какія они возбуждаютъ въ насъ са«михъ». (Dissert. de loquela (2). *Соважъ* и *Коломба* называютъ

(1) «Partem, quam physiologia» говоритъ Гауделинъ «in disquirenda lo«quela habeat, scriptores plerumque ita determinant, ut ejus sit disjudi«care, quibus organis et qua ratione *loquelae elementa* sive singuli soni «simplices formentur».

(2) Замѣчательны здѣсь термины: *aërem* tam *sonorum quam non sonorum*: они развиты теперь въ Физіологіи знаменитаго Мюллера (Handb. der Physiol. der Mensch. 1840) въ двухъ особыхъ видахъ рѣчи: тихой, глухой—*stummes Lautsystem der leisen Sprache, vox clandestina*, и громкой, *Lautsystem der lauten Sprache* (II. Bd. 209—240).

рѣчь: «членосоставнымъ голосомъ, *видоизмѣняемымъ* органа-«ми, находящимися подъ вліяніемъ выходящаго изъ мозга «нервнаго проводника (Nerwenzuleitung) и т. д. (въ переводѣ Schultze: M. *Colombat*—Ueb. das Stottern, 1831, 18). *Рудольфи*, *Прохаска*, *Бэръ*, *Ленгоссекъ*, *Шпренгель* и другіе, «изъясняя образованіе звуковъ рѣчи, указываютъ на органы «рѣчи, какъ на главныхъ дѣятелей, самый же голосъ раз-«сматриваютъ какъ нѣчто данное, окончательно-образован-«ное (tanquam absolutum paratumque quoddam... *Haudelin*, 12—13). *Френкель* называетъ рѣчь: *сочлененіемъ звуковъ*, про-«исходящимъ отъ *видоизмѣненія* (Modification) *голоса* въ орга-«нахъ, которому человѣкъ выучивается только чрезъ подра-«жаніе и упражненіе». (Taschen-Encyclop. der Medic. Wissensch. 1847, II Bd. 162). Во всѣхъ сихъ мнѣніяхъ, разнообразящихся только въ описаніи физіологическаго процесса (что я не выставлялъ)—существенное, искомое наше: *голосъ членосоставный*, вездѣ входитъ въ опредѣленіе *рѣчи* какъ нѣчто *данное*, какъ *conditio*, *sine qua non*, такъ, что всѣ опредѣленія рѣчи можно свести къ однимъ и тѣмъ же логическимъ терминамъ: «*голосъ членосоставный*, *видоизмѣняемый*, *образуемый* (такъ-то....)». Даже *Мюллеръ*, отнимающій у Физіологіи право на построеніе натуральной системы голосовыхъ звуковъ рѣчи, отвергающій вѣковое наше различеніе *гласныхъ* и *согласныхъ* звуковъ, какъ элементовъ самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ или образуемыхъ чистымъ голосомъ и съ помощію онаго (II Bd. 290—330), выступающій *um die Eigenschaften der Laute ihrem Wesen nach zu erkennen*—изъ тихаго, беззвучнаго говора (*vom leisen, tonlosen Reden, vox clandestina*), *Мюллеръ*, этотъ истый Физіологъ, незнающій ничего, кромѣ точнаго опыта, не прибѣгающій никогда къ пособію философскихъ, апріорныхъ началъ, сказалъ 1) что причиною (разумѣется, *физическою*) издаваемыхъ *голосомъ* и *рѣчью* тоновъ суть не движенія мускуловъ, но качанія (Schwingung) *особеннаго* и музыкальному инструменту подобнаго снаряда (стр. 133), съ которымъ,

однакоже (стр. 219), не можетъ сравниться ни одинъ музыкальный инструментъ, *даже* самый полный органъ; 2) что ежели есть вопросъ, на который при изъясненіи человѣческаго голоса можно дать тотчасъ же отвѣтъ опредѣлительный, то это вопросъ о томъ, въ которой части дыхательнаго канала *образуется* голосъ (стр. 180)? 3) что существенная причина голоса скрывается въ гортанной щели (*Stimmritze*), самымъ же снарядомъ (Tonwerkzeug) голосъ только *видоизмѣняется*, но не *производится* (erzeugt)—стр. 181?....(¹) Всего этого достаточно, кажется, для того, чтобы сдѣлать безошибочное заключеніе: «членосоставный голосъ есть нѣ-«которое *нераздѣльно-простое*, элементарное звуковое начало, «застигаемое только въ органически-цѣломъ его *образованіи* «(съ матеріею и формою), но никакимъ образомъ не улови-«мое въ его элементарномъ *происхожденіи* т. е. въ самой его «*матеріи*, внѣ ея *формъ*»; потому я имѣю полное право поставить это индивидуальное звуковое начало наравнѣ съ *животною*, *жизненною* и *кристаллизаціонною силами* и считать оное, по этому, не *продуктомъ* но только *феноменомъ природы*. Теперь въ нѣсколькихъ словахъ я постараюсь доказать, что членосоставный голосъ не врожденъ человѣку и не изобрѣтенъ его искусствомъ. Что членосоставный голосъ *не врожденъ* человѣку это доказывается слѣдующими опытными наблюденіями: 1) мы раждаемся *неговорящими*, съ однимъ животнымъ *крикомъ*, и находимся въ этомъ состояніи нѣмоты до

(¹) Для любителей привожу здѣсь это *невольно—обличающее безсильную* эмпирію опредѣленіе *Мюллера*: «Aus allem diesem folgt, dass die wesentliche Ursache der Stimme in der Stimmritze und ihrer nächsten Begrenzung durch die unteren Stimmbändern liegt, dass sich die Luftröhre *als Windlade eines durch Blasen angesprochenen Tonwerkzeuges, das Rohr aber* (со всѣми прочими органами) als Ansatzrohr eines Tonwerkzeuges verhält, durch welches der Ton zwar *modificirt*, aber *nicht erzeugt wird*» Все мнѣ ясно въ этомъ *духовомъ ящикѣ* съ придѣланными къ нему *столомъ*, *трубою* и т. п, кромѣ этого чуднаго: durch *Blasen ansprechen*(*des*), ибо *надувая—говорящее* въ этотъ инструментъ и есть *голосъ* (= x).

извѣстнаго возраста, въ который *выучиваемся* говорить отъ другихъ, да и то съ большимъ трудомъ и усиліями. На это намъ возразятъ, быть можетъ, а) что *дѣти* послѣ извѣстнаго времени *сами* собою начинаютъ издавать звукъ: *а* съ губными: *м, п, в,* откуда образуются слоги: *ма, па, ва,* иногда удвоивающіеся (*мама, папа, вава*-боль); б) что если мы, родившись *не говоримъ*, то потому, что органы наши еще слабы, неразвиты. На первое скажу, что это *сами собою* тогда только сочту фактомъ опыта, ежели увижу хотя одно дитя, около котораго до произнесенія имъ звуковъ *ма, па,* не будетъ слышно ни одного слова отъ няньки или родителей; а такъ какъ всегда бываетъ противное, то меня не опровергнетъ никто, что *ма, па, ва* суть *воспроизведеніе* (повтореніе) данныхъ, слышанныхъ уже дитятею звуковъ, инстинктуально усвоенныхъ его ушками, а не *произведеніе* гласныхъ тоновъ *изъ себя* (*sua sponte*). На второе укажу, вмѣстѣ съ *Монбоддо*, на *глухонѣмыхъ*: они имѣютъ *всѣ органы* голосоваго говора въ полномъ развитіи, чрезъ обхожденіе съ людьми получаютъ способность составлять себѣ разныя понятія, но между тѣмъ остаются на весь свой вѣкъ съ грубымъ животнымъ крикомъ или *зыкомъ*, изъясняясь только мимикою и взглядами, если ихъ *не выучатъ*, съ чрезвычайнымъ трудомъ, употребленію голосовыхъ органовъ и образованію самыхъ звуковъ. Мнѣ скажутъ на это, быть можетъ, что при недостаткѣ чувства *слуха*, которое, какъ проводникъ *звуковыхъ впечатлѣній* природы, доставляетъ *матеріалъ* для образованія голосовыхъ звуковъ, *глухонѣмые*, не смотря на способность мыслить и полное развитіе органовъ рѣчи, не въ состояніи ничего сдѣлать съ этою *формою* рѣчи безъ *содержанія?...* На это отвѣчу 2) тѣмъ, что люди, не выучившіеся отъ другихъ людей говорить съмолоду, въ зрѣломъ даже возрастѣ, при здравомъ смыслѣ, полномъ развитіи органовъ и чувства слуха остаются *нѣмы* т. е. безъ членосоставной рѣчи, при одномъ зыкѣ. На стр. 180-й въ 1-мъ примѣч были уже примѣры *дикихъ*, найденныхъ въ Европѣ, которые

были совершенно нѣмы; у *Причара* (*Prichard's* Gesch. des Menschengeschlechts, въ переводѣ *Руд. Вагнера*) говорится тоже о людяхъ, то по несчастнымъ случаямъ дичавшихъ въ пустынномъ уединенiи на островахъ необитаемыхъ, то съ умысломъ, изъ корыстной цѣли оставленныхъ въ одичалости: эти люди не говорили, но издавали зыкъ, похожiй на крики звѣрей. *Монбоддо* собралъ подробныя свѣденiя о дикомъ Ганноверскихъ лѣсовъ, привезенномъ въ Англiю и жившемъ еще въ его время: это былъ *мужъ* какъ по душѣ такъ и по тѣлесному сложенiю, *не простоватъ* — какъ говорили объ немъ нѣкоторые, не принимавшiе во вниманiе различiя, образуемаго въ душѣ людей воспитанiемъ; но не смотря на все это онъ не только былъ совершенно нѣмъ, когда былъ найденъ, но не выучился во всю свою жизнь говорить, при всемъ томъ, что тогда, когда его видѣлъ *знакомый* Монбоддо (сосѣдъ помѣщика, у котораго жилъ дикарь), встрѣчавшiйся съ нѣмымъ почти каждый день—дикарь *больше тридцати уже лѣтъ жилъ въ Англiи*. И тутъ мнѣ возразятъ, быть можетъ: *одинокость дикихъ людей была причиною ихъ нѣмоты*. На это отвѣчу 3) ссылкою на сочиненiе неизвѣстной дамы: *Histoire d'une fille sauvage*, переведенное на Англiйскiй языкъ въ Эдинбургѣ (1767). Переводчикъ думаетъ, что эта дѣвушка была съ береговъ Гудсонскаго залива и была перевезена въ Вестъ-Индiю, на берега одного изъ французскихъ острововъ. Корабль, везшiй ее оттуда, претерпѣлъ крушенiе у береговъ Францiи или Фландрiи, вѣроятно: извѣстно только то, что изъ всѣхъ пассажировъ спаслись вплавь только эта дѣвушка да еще одна молодая Негритянка. Монбоддо видѣлъ эту дѣвушку въ Парижѣ: тогда было уже 30 лѣтъ какъ она жила во Францiи, но она помнила многое о своей родинѣ. Дѣвушка *говорила* хорошо на своемъ нарѣчiи и учила его особенностямъ нашего Филолога. Но—вотъ главное: она разсказывала Монбоддо, что спасшись съ Негритянкою по кораблекрушенiи, обѣ онѣ вмѣстѣ бродили по прибрежнымъ лѣсамъ и не разумѣя языка одна другой изъяснялись зна-

ками и *крикомъ* (*unarticulirtes Geschrey*): этимъ способомъ онѣ такъ хорошо понимали другъ друга, что *толковали* даже о томъ, что удалось имъ общими силами найти себѣ на охотѣ для пропитанія. Достаточно, кажется, всего этого для убѣжденія читателя въ томъ, что членосоставный голосъ не врожденъ человѣку и не изобрѣтается имъ. Что этотъ голосъ (рѣчь) *усвоивается* только человѣкомъ и поддерживается безпрерывнымъ упражненіемъ органовъ и общеніемъ съ людьми—видно изъ того, что онъ часто утрачивается человѣкомъ. Такъ *Монбоддо* зналъ мальчика, который на 8-мъ году жизни умѣлъ не только говорить но *читать* и *писать*. Въ тоже время потерялъ онъ слухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *языкъ*: 25-ть лѣтъ было ему тогда, когда онъ пришелъ къ знаменитому въ то время учителю школы глухонѣмыхъ *Брэдвуду* (*Braidwood*), у котораго долженъ былъ учиться вмѣстѣ съ другими школьниками, начиная, какъ говорятъ, съ *азовъ*. *Александръ Селькиркъ* (*Selkirk*) сказываетъ о себѣ (*Монб.* 173), что пробывъ на необитаемомъ островѣ *Хуанъ-Фернандецъ только три года*, онъ до такой степени позабылъ употребленіе языка, что нашедшіе его тамъ люди съ трудомъ могли его понимать. Послѣднее возраженіе: «элементы голосоваго говора»—скажутъ мнѣ—«есть въ природѣ; ежели не пол«ныя *гласныя*, то по крайней мѣрѣ *согласныя* всѣ почти мо«жно найти въ звукахъ животныхъ и даже физическихъ «тѣлъ».... Хотя даже *Мюллеръ* допускаетъ возможность (II Bd. 239) образовать *искуственно* голосовые тоны *б, в* (отнятіемъ ладони отъ трубы или пустаго внутри цилиндра, плотно прижатаго къ другой ладони и проч.) и даже способность къ образованію членосоставныхъ тоновъ (!!!) въ нѣкоторыхъ птицахъ, напр. *воронъ* и *попугаъ*, но все это-вздоръ, недостойный здраваго смысла, не только ученаго ума. Ссылаюсь здѣсь, за неимѣніемъ авторитета *опытныхъ наблюденій*, на этотъ смыслъ и собственныя ваши наблюденія,, благосклонный читатель! Согласенъ, что не только *согласныя*, но даже *слоги* можно найти у животныхъ: возьмите *овцу*, ко-

рову, кошку, ворона, пѣтуха; вы найдете у нихъ: *бэ, му, мяу, карр, кукуреку* и т. д. Но все это—обманчивыя и даже уродливыя подобія *согласныхъ* и *гласныхъ* звуковъ голоса человѣческаго! Вслушивайтесь, если хотите, съ карандашемъ въ рукѣ и клочкомъ бумаги, въ эти *крики* и старайтесь записать, схватить, уловить буквами эти знаки.... Первый вы напишете: *бэ-ээ...*, но неправильно: вы не слышите чистаго *б*, но какой-то конгломератъ (*гомолу*, по Цвносл.) изъ *мбвг*, который сквозитъ между этими разчлененіями какъ бы гласной: *э*, безпрерывно пересѣкая ихъ и перекрещиваясь, дробясь ими, такъ, что когда я—для потѣхи—хотѣлъ написать *блеяніе* овчиное, то долженъ былъ выразить согласный конгломератъ такъ: *мбвгэ-гэ-гэ-гээ бвээ...* и т. д. Прислушайтесь къ кошкѣ: слышите-ли вы чистое: *мяу?* Нѣтъ, но какъ бы *мьмыіійяууу:* т. е. каждый элементъ *двоится, троится...* потому что это не *элементъ звуковой* или элементарный звукъ (единый, простой), но только *звукъ*, имѣющій *части* только, но не имѣющій *цѣлого*. Вы видали, вѣрно, *варганъ* (Maultrommel) или, какъ здѣсь называютъ, *бримбу* и замѣчали качанія или сотрясенія язычка, которыя мелькаютъ въ глазахъ, *троясь, десятерясь*: также троится, десятерится и самый звукъ, расходящійся струями или волнообразными кругами—что составляетъ характеристическую черту всякаго физическаго звука вообще—спросите у Физиковъ! Въ звукахъ животныхъ каждый элементъ расходится волнами дрожащихъ отголосковъ, которыя не могутъ стихнуть, пока не прозвучатъ до конца: такимъ образомъ *м* у кошки даетъ *ммм....* за нимъ слѣдуетъ і, которое тоже даетъ три-четыре: *ііі*, далѣе *я* (*іаа*), наконецъ *ууу*. Каждый элементъ звучитъ дрожащими отголосками, которые пересѣкаются, прежде нежели стихнутъ, отголосками слѣдующаго звука и т. д,—отъ чего и происходитъ этотъ протяжный, нераздѣлимый въ слухѣ *мьяйууу*. Попробуйте же *вы* произнести *м, б:* въ этихъ *эм, бэ*—вы такъ ясно, раздѣльно слышите конечный и начальный звукъ, что онъ является вамъ какъ нѣчто *цѣ-*

лов, опредѣленное, округленное; попробуйте протягивать *м* и все не будете слышать *эм-м-м*, но *одно* (простое, не двоящееся) *м*, такъ же, какъ протягивая: *а* слышите не *а-а-а-а*, но *ааааа*, идущее ровно, чисто, плавно, одинако до безконечности. Такимъ образомъ каждый *согласный* и *гласный звукъ* голоса человѣческаго есть нѣчто опредѣленное, простое, единичное, цѣлое и потому мы можемъ заключить, что ни человѣкъ ни природа не есть производитель членосоставныхъ звуковъ какъ въ ихъ сочетаніяхъ (слогахъ) такъ и въ ихъ простомъ, единичномъ видѣ (буквахъ). Гг. Физіологи, прошу быть снисходительными къ моимъ незатѣйливымъ соображеніямъ, которыя я помѣстилъ здѣсь потому только, что не нашелъ необходимаго для меня *у васъ!* — Пройдемъ коротко второе положеніе.

Второе положеніе: «*Логическія понятія и представленія, выраженныя въ Языкѣ (т. е. въ словопроизвожденіи, словоизмѣненіи и словосоставленіи онаго), не врождены человѣку и не изобрѣтены имъ самимъ*». Я столько уже разъ, въ разныхъ мѣстахъ моей книги, касался этой стороны и, какъ мнѣ кажется, изложилъ ее съ такою очевидностію, что говорить еще разъ объ этомъ считаю безнужнымъ бременемъ вниманію читателя. Довольно мнѣ коснуться второй только черты: что идеи языка *не изобрѣтены* самимъ человѣкомъ и выразить перечень (récapitulation) всего сказаннаго въ одномъ общемъ результатѣ. Для того, чтобы изъ готоваго язычнаго матеріала—членосоставныхъ звуковъ, *данныхъ*, положимъ, *откуда-то* человѣку, человѣкъ образовалъ все то, что мы находимъ теперь въ Языкѣ—для этого необходимы 1) предъустановленное (въ самой природѣ мысли человѣка) *внутреннее* отношеніе между *звукомъ* и *значеніемъ* слова, 2) *всепониманіе* и *всезнаніе* самой мысли; другими словами: прежде, нежели человѣкъ образовалъ языкъ—мысль его должна была *все понимать*, *все знать* и содержать въ себѣ всѣ смыслы всѣхъ возможныхъ звуковъ и отзвучій; еще другими слова-

ми, словами здраваго смысла: «прежде нежели человѣкъ *образовалъ* себѣ языкъ—онъ долженъ уже былъ *говорить* на немъ». Выводъ, кажется, несомнѣнно-истинный.... Но какой нибудь читатель сомнѣвается, подозрѣваетъ здѣсь уловку, софизмъ: возьмемъ противное положеніе: 1) между звукомъ и смысломъ слова было отношеніе не внутреннее, необходимое, а случайное, условное, произволомъ человѣка установленное; 2) мысль человѣка не была съ перваго разу всепонимающая и всезнающая, а только *могущая* понимать и знать,—мало по малу только, *развиваясь*, пріобрѣтала она *понятія* и *знанія*, которыя постепенно же и выражались въ словахъ. Хорошо! Мысль *начинала* съ чего нибудь или, лучше сказать, съ одного какого нибудь изъ этихъ двухъ концевъ: *частнаго* или *цѣлаго, природы* или *души* и т. д. Положимъ, мысль начинаетъ съ *частей* и идетъ къ *цѣлому*, котораго у нея еще нѣтъ, до котораго она еще *не развилась*. Человѣкъ видитъ, положимъ, *липу* и называетъ ее *произвольнымъ* звукомъ: *ли*; на другой день видитъ онъ въ другомъ мѣстѣ большую липу, не ту, а другую: что ему дѣлать, сказывая объ этой другой липѣ своей женѣ, своему другу?.. Одно изъ двухъ или а) обойтись первымъ звукомъ, или б) изобрѣсть новый. Положимъ, онъ остается при прежнемъ звукѣ: *ли*..; но какъ же отличить ему липу № 1-й отъ втораго экземпляра?.. прибавивъ: «не та, которую ты видѣлъ тамъ-то», «не малая, но большая»: но на всѣ эти *описанія* нужны фразы цѣлыя, а ихъ еще нѣтъ?... слѣд. взять развѣ за руку человѣка, повести его къ той липѣ и указать на нее пальцемъ?... а ежели это не *всегда* будетъ *удобно*? то показать *разъ только*, и примолвить: *лип*, слѣд, б) изобрѣсть второй звукъ. А ежели человѣкъ увидитъ третью, пятую, десятую, новую и отличную отъ другихъ липу?... По этой системѣ нужно изобрѣтать все новые звуки, тѣмъ болѣе, что это зависитъ отъ произвола человѣка: *новые*, потому, что *описательныхъ фразъ* все таки еще нѣтъ, а пальцемъ указывать все таки неудобно... Читатель терпѣливый давно знаетъ, что это—*absurdum*

(нелѣпость). потому что такой языкъ *анализа*, чуждаго *синтетизма*, былъ бы бездною собственныхъ, индивидуальныхъ названій?... Да притомъ, при *математической опредѣленности* членосоставныхъ звуковъ и самой ихъ перестановки, какъ можно бы было человѣку, еще не развитому, не попадать на одни и тѣже звукосочетанія и, такимъ образомъ, не путаться въ собственныхъ же своихъ сѣтяхъ? Ему нужно бы было, развѣ, быть *Лейбницемъ* т. е. посредствомъ *ars combinatoria* сдѣлать сперва схему всѣхъ *билліонныхъ* звукосочетаній, а потомъ и проч. Такая же нелѣпость и во второмъ случаѣ—выступленіи мысли изъ *общаго, души*—къ *частному* и *природѣ*. Положимъ, человѣкъ имѣлъ однѣ общія, родовыя идеи: *растущее, живущее*; но назвать *опредѣленнымъ* (видовымъ) именемъ *липу*—могъ онъ только тогда, когда бы зналъ ботанику не хуже лучшаго профессора XIX-го вѣка; иначе—обстоятельства тѣже, что и въ первомъ случаѣ—описаніе наглядное липы было бы въ цѣлую страницу: *растущее тамъ-то, тогда-то, такъ-то* etc. Оставимъ эти *absurda*, добрый читатель: время и наука намъ дороги; мѣсто же такимъ соображеніямъ — въ умѣ тѣхъ *праздныхъ поденщиковъ* мысли и знанія, которые любятъ переливать изъ пустого въ порожнее. Для нихъ-то, собственно, а не для васъ, читатель, тронулъ я эту тему: пусть не упрекнутъ они меня въ односторонности или *равнодушіи* къ *убѣжденіямъ других*ъ.

Первый постулятъ: *Языкъ есть произведеніе творческой Мысли.*

Второй постулятъ: *Языкъ данъ Человѣку свыше, Богомъ.*

Третій постулятъ: *Міровое измѣненіе Языка, отразившееся во всѣхъ языкахъ человѣческихъ, совершилось по дѣйствію силы Божіей.*

Теперь, ссылаясь на предъидущія мои изъясненія, преимущественно же о природѣ творческой Мысли (стр. 247—253),

я дѣлаю изъ *перваго постулята* слѣдующіе выводы. Языкъ, какъ произведеніе творческой Мысли, долженъ отражать въ себѣ свойства этой Мысли. Изъ указанныхъ нами свойствъ, между которыми два послѣднія: *творческая всемощность* и *всевѣденіе* находятся только въ Самой Мысли, въ Словѣ творческомъ, — въ Языкѣ человѣческомъ, какъ *подобіи* только Слова Божественнаго, явственно усматриваются два только свойства: *простота* и *несущность*. Такимъ образомъ, изъ перваго аттрибута Языка — *нераздѣльной всецѣлости* слѣдуетъ, что —

1) *Языкъ есть нѣчто всецѣло-единое* или, другими словами: языки племенъ или поколѣній человѣческихъ, на которыя раздѣленъ былъ Языкъ Человѣка, языки народовъ, на которые раздѣлены были языки племенъ, нарѣчія языковъ народныхъ, говоры нарѣчій и т. д. составляютъ нѣчто *нераздѣльно-единое*. Ни къ одной изъ этихъ степеней Языка нельзя въ точности примѣнять *человѣческихъ* представленій о *цѣломъ* и *части*: Языкъ, какъ выраженіе нераздѣльной простоты Мысли будетъ всегда внѣ этихъ категорій и, подобно тому, какъ въ цѣломъ пространствѣ мы находили только атомы его (точки), въ атомѣ же пространства (стр. 250) находили *цѣлое* пространство, такъ и въ малѣйшей частицѣ языка (нарѣчіи) мы найдемъ *весь* языкъ, и съ другой стороны, въ какомъ нибудь *цѣломъ* языка (напр. языкѣ русскомъ, нѣмецкомъ) найдемъ только *частички* Языка. Это *первозданное* (генетическое) *сродство* частей Языка 1) устраняетъ изъ Филологіи *исключительное первенство* какого бы то ни было языка первобытнаго (Санскрита, Зенда и проч.), 2) даетъ всякому языку человѣческому право на извѣстную долю сродства съ однимъ какимъ нибудь языкомъ, напр. Славянскимъ, слѣд. 3) признаетъ вполнѣ самостоятельнымъ и взаимное сродство нарѣчій одного языка между собою.

2) Понимаемый какъ нѣчто *всецѣло-единое* и притомъ *мыслящее*, Языкъ не иначе можетъ быть представляемъ какъ

въ категоріи *существа*, разумѣется, въ смыслѣ космологическомъ. Перенося заключенія о *цѣломъ* на *части* его, мы можемъ сказать, что —

3) *Звукъ* и *мысль* суть нѣчто нераздѣльно-цѣлое или, что всякое слово, всякое измѣненіе слова сопряжено съ опредѣленнымъ значеніемъ, отъ вѣка ему даннымъ (хотя и не вездѣ нашему разуму явственнымъ);

4) *Корень* и *вѣтвь* или родовое и видовое представленіе, духовный и чувственный образъ звуковъ, какъ полюсы Мысли, *одновременны*, нераздѣльны; нѣтъ ни произвожденія ни происхожденія *вѣтвей* изъ *корней* въ Языкѣ: всюду мы видимъ первыя нераздѣльно съ послѣдними и потому въ словѣ-корнѣ всегда мы усматриваемъ и *вѣтвь*, полный, чувственный образъ, какъ съ другой стороны въ этомъ чувственномъ образѣ (вѣтви) видимъ и высочайшее представленіе духовное (корень). Это—чистый, первообразный (абсолютный) корень = конечная цѣль Науки. Историческія эпохи языка только научаютъ насъ узнавать корень и вѣтвь въ ихъ періодической, временной раздѣльности: это—корень относительный, условный, измѣняющійся = ближайшая цѣль изслѣдованій Науки, которая, руководясь понятіемъ о первомъ, какъ образцемъ, легко и безошибочно можетъ возстановлять *въ разъединенныхъ членахъ* органическую, первичную ихъ *цѣлость*. Изъ втораго аттрибута Мысли: *несущность*, слѣдуетъ, что

5) Какъ всецѣло-единое, мыслящее существо, Языкъ не имѣетъ бытія физическаго, вещнаго: въ устахъ и письменахъ человѣковъ существуютъ только его отдѣльныя простыя части или онъ существуетъ тамъ только своими отдѣльными простыми частями (словами), въ *цѣломъ* же своемъ Языкъ имѣетъ *бытіе стихійное* — отвѣчное, непреходящее, безъусловное или ни отъ чего, кромѣ Своей Причины, независящее и собою все бытіе человѣческое условливающее.

Сдѣлаемъ теперь поясненіе нѣсколькихъ главныхъ свойствъ Языка, съ которыми прежде всего долженъ ознакомиться читатель: остальныя напр. *звукъ — мысль, корень—вѣтвь* читатель узнаетъ подробнѣе при фактическомъ изслѣдованіи языка русскаго.

§ 30-й.

Изъясненіе мыслей: 1) Языкъ, какъ существо, имѣетъ бытіе стихійное (самостоятельное, независимое отъ человѣка и природы), 2) Языкъ, какъ нѣчто данное Человѣку свыше, существовалъ до Человѣка.

Смотря на *Языкъ* какъ на первозданное существо міроздапія, какъ на нѣчто имѣющее *бытіе самостоятельное* т. е. существующее *внѣ человѣка*, независимо отъ человѣка, какъ на нѣчто такое, бытіе котораго не совпадаетъ непремѣнно съ бытіемъ человѣка, не составляетъ части послѣдняго, *органической принадлежности* въ немъ ([1]), читатель мыслящій не найдетъ несообразными тѣхъ представленій о Языкѣ, которыя я составилъ себѣ о немъ, посредствомъ вывода различныхъ предикатовъ изъ одного и того же подлежащаго: *Мысль*. Но не ставъ на эту точку зрѣнія, всякій изъ читателей—могу сказать напередъ—усомнится въ правдѣ моихъ мыслей, которыя *многимъ* покажутся *странными*, а инымъ—чего добраго—и *нелѣпыми*. Прошу же не осуждать—не выслушавши меня. Идея моя о *языкѣ* есть идея здраваго смысла: никакой мудрености, характеризующей изысканныя идеи ученыхъ, она не имѣетъ и, по хладнокровномъ соображеніи *всякаго* здра-

---

([1]) Подобно питанію, дыханію, движенію, видѣнію, слышанію, воспроизвожденію себя и другимъ отправленіямъ органической жизни человѣка.

ваго смысла — не покажется нисколько странною. Что языкъ *есть въ природѣ*, что онъ есть нѣчто *реально-существующее*, на самомъ дѣлѣ — это знаетъ всякій: *слова* и *рѣчь* я слышу ушами отъ людей, вижу глазами — безъ людей, въ книгахъ, письменахъ. — Что языкъ и человѣкъ, говорящій имъ — *нераздѣльны*: это кажется такъ же аксіомою едва ли не всѣмъ. Но вникайте поглубже въ разъясненіе этой аксіомы, *усомнитесь*, и заставьте другаго объяснять, доказывать вамъ эту аксіому, — вы тотъ часъ найдете *разность* мнѣній, а разность — есть первая примѣта *зыбкости* идеи, а зыбкость идеи — примѣта того, что эта идея не *проста*, но состоитъ изъ двухъ *различныхъ* идей, которыя мы смѣшиваемъ, принимая ихъ за одну и туже. — Что языкъ *есть* нераздѣльно съ человѣкомъ — это повторяю, признаетъ за аксіому не только *простой* здравый смыслъ, но и всякій ученый смыслъ. Но сей часъ мы найдемъ раздѣленіе въ ихъ мнѣніяхъ. Что языкъ нераздѣльно же съ человѣкомъ не только *есть* но и *былъ*: это — прямой здравый смыслъ найдетъ несомнѣннымъ, основываясь на томъ, что всякій человѣкъ родясь на свѣтъ, застаетъ уже языкъ, которымъ говорятъ его отецъ, мать, слѣд. который былъ до того, какъ онъ родился, какъ родились родившіе его, родители родившихъ его и проч., простирая свое вѣрованіе въ существованіе языка съ человѣкомъ *до безпредѣльности*. — Но здравый же смыслъ, недовѣрчивый къ самому себѣ, не находитъ несомнѣннымъ того, что языкъ всегда *нераздѣльно былъ* съ человѣкомъ, обративъ вниманіе на то, что всякій человѣкъ, родясь на свѣтъ, не говоритъ, но выучивается языку отъ другихъ, которые уже говорятъ имъ. Представивъ себѣ противное: что, ежели бы у него не было съ кѣмъ говорить, или, ежели бы воскормившіе его не говорили съ нимъ? — онъ не находитъ страннымъ, что и человѣкъ бы не говорилъ, былъ бы нѣмъ; случаи опыта, всякому разсудительному смыслу извѣстные — развиваютъ далѣе его сомнѣніе: дитя русскаго человѣка говоритъ по русски, а русскаго барина — и по Французски или по Нѣмецки, еже-

ли у него нянька Француженка или Нѣмка; иное дитя родится нѣмымъ и никогда не говоритъ: все это приведетъ его къ мысли, что языкъ *не всегда есть съ человѣкомъ,*—что и теперь человѣкъ *можетъ быть безъ языка.* Сомнѣніе въ томъ, что языкъ *есть съ человѣкомъ* распространяется и на то, что языкъ *былъ съ человѣкомъ,* подобно тому, какъ убѣжденіе, что онъ *есть* съ нимъ, распространяется на то, что онъ *былъ съ нимъ.*—На этомъ сомнѣніи, что языкъ былъ всегда съ человѣкомъ—останавливается здравый смыслъ, — потому что для него нѣтъ дальнѣйшей опоры: исторіи человѣческой и исторіи натуральной, которыя бы дали ему понятіе *о Человѣкѣ* и *Природѣ.* У насъ *всѣхъ* (которые будутъ читать мою книгу) есть эти общія понятія и потому мы будемъ развивать сомнѣніе, на которомъ остановился простой, здравый смыслъ человѣческій и въ которомъ заключается зерно той мысли, что языкъ не есть *въ человѣкѣ, не есть часть существа, природы человѣка.* —Въ этомъ зернѣ заключается уже другая мысль: *языкъ* и *человѣкъ* суть нѣчто различное, существующіе каждый независимо отъ другаго. Это будетъ мысль, но еще не развитая, мысль облеченная формою предположенія. Заставьте себя представлять одно *безъ* другаго, и вы придете къ такому заключенію: *вездѣ, гдѣ только мы находимъ человѣка, находимъ мы и языкъ; но не вездѣ, гдѣ мы находимъ языкъ—находимъ мы и человѣка.* У васъ образуются представленія: существованіе человѣка предполагаетъ уже существованіе языка, но существованіе языка не предполагаетъ еще существованія человѣка. Отсюда вы переходите къ новымъ представленіямъ, предлагаете себѣ вопросъ: *существованіе языка всегда-ли предполагаетъ существованіе человѣка?* и находите, что не всегда, что языкъ можетъ существовать и *безъ человѣка*—въ письменахъ, въ книгахъ, напр. *языки мертвые,* которымъ выучиваются изъ книгъ и потомъ говорятъ и пишутъ, хотя нѣтъ ни одного человѣка изъ тѣхъ, которые нѣкогда говорили этими языками, получая ихъ отъ родителей такъ, какъ говоримъ мы нашими, получая ихъ не

изъ книгъ, но изъ устъ родителей нашихъ. И такъ *языкъ цѣлаго народа можетъ существовать безъ самаго народа?*.... скажемъ мы; «можетъ,—возразятъ намъ, но у другаго на- «рода или въ другомъ какомъ нибудь народѣ, который го- «воритъ имъ или понимаетъ, знаетъ его»? Нѣтъ,—отвѣтимъ мы на это—онъ можетъ существовать и безъ знающихъ и понимающихъ этотъ языкъ—въ *книгахъ.* — Но возможно ли это? Поняли ли бы мы эти книги, ежели бы не было *другаго* языка письменнаго, намъ извѣстнаго, который объяснялъ бы намъ первый языкъ, далъ бы *ключь* къ самымъ письменамъ-знакамъ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, изъ которыхъ составляется слогъ, слово, цѣлый языкъ?— Я не думаю, чтобы это было невозможно для человѣка (¹), но считаю только это въ высшей степени труднымъ; и не смотря однакоже на то, что мы не имѣли бы ключа къ письменамъ языка, думаю, что все таки не имѣли бы основанія утверждать, что языкъ этотъ *не существуетъ*: онъ не существуетъ *для насъ*, потому что мы *не понимаемъ* неизвѣстныхъ намъ письменъ и словъ, не ощущаемъ заключенныхъ въ нихъ звуковъ, *не знаемъ* этаго языка.—Но развѣ то только *существуетъ*, что мы *знаемъ*, или что даетъ о себѣ знать нашимъ чувствамъ? Отстанемъ отъ этого заблужденія, отъ этого самообольщенія, обуявшаго разумъ человѣческій до того, что оно заставило глубочайшіе умы нашего вѣка (Философовъ: *Фихте, Гегеля*) не только признать, что изъ всего находящагося въ Божіемъ мірѣ существуетъ (²) только то, что мы *знаемъ* или *сознаемъ* (³), но даже утверждать, что истинно, реально существуетъ только то, *что себя знаетъ* (духъ нашъ, наше *Я*); отстанемъ

(¹) Ежели бы только письмена были *буквенныя.*

(²) И не думайте что только *для насъ;* нѣтъ—въ собственномъ значеніи этого слова т. е. *есть* на самомъ дѣлѣ только то, о чемъ мы (*Я* наше) знаемъ.

(³) Это одно и тоже: *знаніе* нашей души (*Я*) есть даже высшая степень *сознанія.*

отъ этого сомообольщенія, которое допустило Канта, самый здраво-*философскій* умъ нового времени (¹), признать, что *пространство и время суть формы нашихъ чувственныхъ представленій.* «Какъ? спросите вы: слѣдовательно, ежели я *не* «*представляю* себѣ чего нибудь, то нѣтъ ни времени, ни «пространства, которыя—какъ я знаю, убѣжденъ—существу- «ютъ безъ помощи меня и моихъ представленій, сами по «себѣ, въ природѣ вещей?.... Да не есть ли это чистая нелѣ- «пость?.... Пусть они не существуютъ *для меня,* пусть не су- «ществуютъ въ моихъ представленіяхъ (напр. ежели я въ «безпамятствѣ болѣзни лежу мѣсяцы, не зная времени); но «кто станетъ отрицать *что они таки существуютъ* (безъ ме- «ня, внѣ меня, независимо отъ меня, *сами по себѣ*)»?—Но васъ увѣритъ всякій, знающій Кантову Философію, что Кантъ, не смотря на эти ясныя возраженія здраваго смысла, все таки не считалъ ни пространства ни времени *существующими* (²) и утверждалъ, что *они есть тогда только, когда мы себѣ представляемъ ихъ.* «Это верхъ странности въ философскихъ идеяхъ»! скажете вы; но не осуждайте же самихъ себя: не берете ли *и вы* въ помощь тоже самое странное начало, странное понятіе о существованіи, утверждая противъ меня, что языкъ, лежащій въ письменахъ, которыя *мы* не можемъ читать, которыхъ *мы* не знаемъ—*не существуетъ?* Повторяю,—онъ не существуетъ *для насъ,* въ *насъ,* но тѣмъ не менѣе онъ *существуетъ.*—Америки до Колумба Европейцы не знали: и до Колумба она не существовала—*для Европейцевъ;* но Норманны знали ее въ XI—XII в. и она существовала—для Норманновъ; а независимо отъ тѣхъ и другихъ она существовала до Рождества Христова—для Финикіянъ и дикихъ ту-

---

(¹) Отъ Аристотеля до 1850 года—можно сказать по правдѣ, не обижая ни Декарта ни Бэкона.

(²) Онъ въ своей *Критикѣ чистаго разума* съ насмѣшкою даже предлагаетъ вопросъ: *неужели пространство и время—дѣйствительныя существа*? (wirkliche Wesen)? —

земцевъ, а независимо отъ нихъ—существовала до появленія ихъ тамъ *сама по себѣ*.—Надѣюсь, что вы найдете ложнымъ мнѣніе: *все то, чего мы не знаемъ, не существуетъ*, согласитесь съ тѣмъ, что въ природѣ многое *существуетъ*, при всемъ томъ, что мы его *не знаемъ*,— и все таки будете подозрѣвать софизмъ въ томъ, что я говорю; «языкъ вымер«шаго народа лежащій въ письменахъ, которыхъ никто не «знаетъ, существуетъ». — Я сдѣлаю еще болѣе рѣзкимъ этотъ софизмъ: «языкъ этаго мертваго народа будетъ суще«ствовать и тогда, когда бы мы сожгли до–тла все пись«менное его, будетъ существовать безъ письменъ и людей— «такъ же точно, какъ онъ существовалъ, будучи въ пись«менахъ, будучи въ устахъ людей имъ говорившихъ, нако«нецъ, какъ онъ существовалъ и не будучи еще въ устахъ «людей»,—потому что письмена, уста людей—все это суть формы случайныя *видимо-чувственнаго* существованія языка (существованія для *глазъ* и *ушей*), но не формы *чистаго, натуральнаго* существованія, не *формы самаго языка*. Разгадка этой странной, по видимому, мысли, въ томъ, что въ *языкѣ* человѣческомъ мысль *усматриваетъ стихійное существованіе*, а формы стихійнаго существованія, въ высшей степени точныя и опредѣленныя, не всегда бываютъ видимы и ощутимы; чтобы уловить ихъ отвлеченную, *идеальную, вѣчную* сущность, мы соединяемъ эти формы съ чувственными знаками и чрезъ это удерживаемъ ихъ бытіе, изчезающее для насъ, даемъ имъ существованіе, которое онѣ имѣютъ безъ насъ, *вѣчно, для насъ, временно*; умъ вмѣстѣ съ чувствами такъ свыкается или такъ сживается съ этими *чувственными знаками формъ идеальныхъ*, что видитъ въ нихъ существованіе самыхъ формъ (забывая что только *для себя* же); и ежели этихъ чувственныхъ знаковъ *нѣтъ*, то ему кажется, что *нѣтъ уже* и того, что въ продолженіи минуты или многихъ годовъ существовало,—тогда какъ оно существовало *всегда*, потому что существуетъ *вѣчно*. Постараемся только отстать отъ этой застарѣлой привычки, постараемся *свыкнуться* съ

*

идеею *чисто-натуральнаго*, стихійнаго существованія—и мы не найдемъ странною мысли о томъ, что языкъ существуетъ независимо отъ человѣка, что онъ могъ *существовать* и безъ человѣка, что онъ существуетъ *всегда*, ибо онъ есть нѣчто *стихійное* въ мірозданіи Божіемъ. Я сдѣлаю мою мысль весьма вѣроятною и ясною для читателя, когда объясню ему, въ чемъ состоитъ бытіе *стихійное* т. е. бытіе, проявляющееся въ первозданныхъ стихіяхъ природы: водѣ, свѣтѣ, воздухѣ и т. д.—Бытіе стихійное проявляется въ чисто-натуральныхъ, такъ сказать, первичныхъ или перворожденныхъ формахъ; эти формы въ философіи извѣстны подъ именемъ формъ геометрическаго пространства (будемъ называть ихъ просто формами *отвлеченными* или *геометрическими*); таковы: шаръ, кругъ, точка, линія прямая, кривая, со всѣми ихъ видоизмѣненіями, въ наукахъ математическихъ описанными.—Эти формы суть ни что иное, какъ разнообразныя формы движенія стихійнаго (1): но мы узнали ихъ (2), разложили каждую на элементы, изъяснили разумно, и давно уже чертимъ эти формы, даемъ оныя вещамъ, устроиваемъ по нимъ весь почти бытъ человѣческій и до того привыкли видѣть эти формы на вещахъ или связанными неразлучно съ вещами, съ матеріею, что признаемъ ихъ существующими только съ вещію; безъ вещи—мы называемъ ихъ только *чертежами*, формами отвлеченными, умозрительными, воображаемыми и не приписываемъ имъ дѣйствительнаго существованія; безъ чертежа, безъ видимаго очерка—мы говоримъ объ нихъ: ихъ *нѣтъ*, они *не существуютъ*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ привычка ведетъ къ заблужденію: мы такъ сливаемъ вещь, получившую эти формы, съ самыми формами, что *чистое* бытіе формъ считаемъ существующимъ только въ нашемъ умѣ, въ сущ—

---

(1) Отвлеченныя напр. отъ движенія луча свѣта, его разнообразнаго преломленія, отъ паденія или тяготѣнія тѣлъ и т. п.

(2) Но какъ? Чрезъ наблюденіе или по такому же отъвѣчному, безъслѣдному *преданію*, какъ узнали и языкъ? Жаль, что исторія наукъ не удостовѣряетъ насъ въ этомъ!—

ности же равняемъ его *нулю.* Мы забыли Природу: а въ природѣ именно, и въ одной природѣ только, существуютъ эти *чистыя* формы, существуютъ сами по себѣ, не нуждаясь въ матеріальной поддержкѣ ихъ, существуютъ не прекращаясь, не возникая и не погибая, существуютъ какъ *духи, невидимо,* но всегда *одинаково, вѣчно.* Приведу для объясненія примѣры. Возьмите какую нибудь массу, напр. глины,—слѣпите изъ нея шаръ: форма шара будетъ *на глинѣ* только, потому что до вашей лѣпки—глина имѣла другую форму; разбейте вашъ глиняный шаръ—форма пропадетъ. Я скажу съ вами: форма шара *не существовала* (пока вы не лѣпили), форма шара *существуетъ* (когда вы слѣпили шаръ), форма шара *не существуетъ* (когда вы разбили его): это справедливо, потому что форма эта дана *вами,* глинѣ она не врождена. Возьмите же теперь воду или какое нибудь густое масло въ сосудъ, выпустите изъ отверстія частичку, чтобы она повисла въ воздухѣ: она становится шаромъ, хотя ни чьи руки ея не лѣпятъ, становится шаромъ *сама собою.* Откуда берется въ ней эта шаровидная форма? гдѣ она была прежде?.... вѣроятно въ ней же самой, пока она была въ массѣ другихъ частичекъ и не выступала изъ нея наружу; но куда она дѣвается, когда капля канетъ на землю? входитъ, прячется внутрь себя..... остается вамъ сказать. Зачѣмъ же это *выступленіе* формы изъ себя *во внѣ,* потомъ *вступленіе* ея въ себя, *вънутрь,*—когда мы не *видѣли* ни того, какъ эта форма *спала,* сомкнувшись въ непроницаемой точкѣ, ни того, какъ она снова *уснула*? Привычка *чувствъ* заставляетъ насъ предполагать какъ отдѣльные моменты: *не есть, есть, была, не есть* въ бытіи формы, которая есть въ каждой частичкѣ всегда, только для насъ *невидимо.* Это нагляднѣе можно видѣть въ другой стихіи—въ *воздухѣ.* Вздувая мыльный пузырь въ скважинкѣ тросточки, соломенки, вы получаете самый правильный шаръ; форма шара—не отъ мыльной оболочки, но отъ самаго воздуха, заключеннаго внутри, шаровидное расширеніе котораго она дѣлаетъ

только видимымъ для глазъ; вы-ли расширили частичку воздуха въ шаръ? нѣтъ, онъ самъ; мыльная-ли оболочка удерживаетъ этотъ воздухъ въ такой формѣ? Нѣтъ, собственная, внутренняя его расширимость, которую она дѣлаетъ только видимою для глазъ... И такъ форма шара существуетъ внутри оболочки? — Конечно; оболочка лопнула: форма шара пропала? — «Пропала» — быть можетъ, скажете вы, добрый мой читатель по старой привычкѣ. Подумайте или припомните прежнее и вы скажете со мною: «нѣтъ, пропала мыльная ткань», сдѣлавшая ее теперь невидимою для глазъ: дайте ее снова — и шаровидная форма частички воздуха снова сдѣлается видимою для глазъ вашихъ. Слѣд. форма шара въ каждомъ пунктѣ, въ каждой частичкѣ воздуха *существуетъ* всякую минуту, отъ вѣчности, создавшей воздухъ, — только она намъ *невидима;* каждая частичка окружена этимъ *сводомъ невидимаго пространства*, который въ готовѣ уже стоитъ около нея, такъ, что чуть только мы отдѣлимъ ее отъ другихъ частичекъ тканью *невоздуха* — этотъ невидимый сводъ тотъ часъ же и *обозначается*. — Эти и подобныя *умозримыя* формы стихійныя суть истинно существующее, *вѣчное*, потому что суть *мысли Божіи*, которыя какъ невидимое, *духовное тѣло* стояли уже въ готовѣ надъ каждою частичкою стихійно-живаго, которыя вѣчно *есть*, вѣчно *были*, вѣчно *будутъ*, хотя бы не было и самой стихіи, потому что не они существуютъ въ стихіи, но стихія въ нихъ (внутри ихъ и внѣ ихъ), не они не могутъ существовать безъ стихіи, но стихія безъ нихъ, стихія гибнетъ — они остаются. И такъ въ стихійномъ бытіи *форма мысленная* есть то, что *существуетъ;* самая же стихія есть матеріалъ, проявляющій эту форму, но не имѣющій существованія *чистаго*, такъ, что иногда онъ можетъ *являться* чувствамъ нашимъ, самъ давно уже *не существуя*. Астрономы говорятъ, что есть на небѣ столь отдаленныя свѣтила, что ежели бы они погасли, то *послѣдній свѣтъ* ихъ дошелъ бы до насъ въ теченіи нѣсколькихъ *сотъ лѣтъ* т. е. мы видѣли бы триста или пять сотъ

лѣтъ свѣтъ, который триста, пять сотъ уже лѣтъ *не существуетъ* въ свѣтилѣ ([1]). Не странно ли это? Странно, но истинно, потому что вычисленія астрономіи и математики *вѣрны, какъ смерть*. Ежели же то, что мы видимъ сотни лѣтъ, но что уже не существуетъ, мы ложно считаемъ существующимъ; то не ложно ли будетъ отвергать *существованіе Языка* безъ человѣка, внѣ человѣка, до человѣка—потому только, что мы не можемъ представить себѣ его видимо или ощутимо существующимъ, при всемъ томъ, что сущность языка и есть нѣчто *невидимо существующее*. Главная трудность въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, какъ вообразить себѣ существованіе звуковъ, составляющихъ языкъ? Но звуки составляютъ только *матерію чувственную* языка, но не языкъ; они не составляютъ даже основы его: читая писанное, напр. стихи, про себя,—вы не только понимаете ихъ, но ваше ухо невольно шокируется неправильною или неблагозвучною стопою, риѳмой, хотя оно *звука* не слышитъ: и такъ, ежели письмена служатъ только проводниками мысли, образовъ, не будучи сами ни мысль ни образъ, то звукъ развѣ не есть такъ-же только проводникъ мысли и образа, не будучи самъ ни то, ни другое?.. Звукъ-движеніе воздуха въ ухо—не есть-ли только такая же чувственная оболочка, дѣлающая намъ *ощутимою* идеальную форму вещи, но не составляющая самой этой формы, какъ и мыльная оболочка, которая дѣлаетъ намъ *видимою* идеальную форму шара въ частичкѣ воздушной, но не образуетъ сама собою этаго шара? Сущность звука или, лучше сказать, существенная, внутренняя форма звука, въ которой онъ проявляется прежде, нежели достигнетъ уха, есть *видимая умомъ* (не всегда глазами), геометрическая форма, тоже стихійная, однимъ словомъ, форма, въ которой проявляются и воздухъ и свѣтъ. Звукъ въ ухѣ происходитъ отъ движенія воздуха въ

([1]) Свѣтъ напр. *Альціоны* (въ созвѣздіи плеядъ), по мнѣнію Медлера служащей центромъ движенія видимаго міра, доходитъ до насъ въ 537 лѣтъ.

пустомъ промежуткѣ; пустой промежутокъ—отъ внѣшняго потрясенія или колебанія звучащаго тѣла; это потрясеніе—отъ внутренняго движенія, пробѣгающаго по тѣлу. Это движеніе звука совершается всегда по точно-опредѣленному, *геометрическому* пути, который акустика вычисляетъ съ такою же вѣрностію, какъ астрономія—движеніе свѣтилъ, оптика—лучей свѣта. Слыша звукъ, правда, мы этаго пути не видимъ и потому, не слыша звука, думаемъ, что онъ не существуетъ: и думаемъ несправедливо, ибо слышимость есть только символъ, проводникъ, воздушный отголосокъ сотрясенія тѣла, такъ точно какъ линія, фигура есть только мертвый, остывшій слѣдъ, оставленный тѣмъ же сотрясеніемъ, возникшимъ и пропавшимъ въ тѣлѣ, которое этимъ сотрясеніемъ *обнаружило* свое внутреннее, *идеальное* движеніе. Возьмите пластинку стекла, посыпьте ее пескомъ или Pulv. Lycop. и извлеките изъ нея смычкомъ какой нибудь звукъ: ухо услышитъ звукъ, но глазъ увидитъ на пескѣ довольно правильныя геометрическія фигуры (¹); они произошли—ясно—отъ сотрясенія пластинки: но отразились въ воздухѣ *звукомъ* для уха, на пластинкѣ—*фигурами* для глаза. Но ни первый, ни послѣдній не суть самый звукъ, а только символъ звука: когда вы прослышали звукъ, изданный пластинкою—его *нѣтъ*, въ ухѣ—онъ пропалъ; а на пескѣ остался только слѣдъ, чего же? внутренняго движенія пластинки. Гдѣ же самое это движеніе? Въ самой пластинкѣ или, если хотите 1) въ *пространственной ткани*, по которой бѣжали и группировались частички стекла, искавшія другъ друга, 2) въ *линіяхъ, точкахъ* этой ткани, по которымъ садились эти частички, какъ пылинки снѣга, которыя садятся по линіямъ шестилиственной розы или треугольника, 3) въ *стремленіи* чего-то живаго, оставившаго по себѣ эти линіи, точки, или *остывшаго* (*erstarrt*) въ этой пространственной ткани, ея ли-

---

(¹) Извѣстныя звуковыя фигуры, открытыя *Хладніемъ* (Chladni'sche Klangfiguren).

ніяхъ, точкахъ и т. д... и все таки мы не уловимъ первичнаго лона нашего движенія и должны будемъ, не на перекоръ уму и въ угоду чувствамъ, сказать, что движеніе—въ пластинкѣ (тамъ, гдѣ-то), въ которой оно есть всегда, *вѣчно*, но *обнаруживается чувствамъ* только при внѣшнемъ потрясеніи, подобно тому какъ шарообразное движеніе каждой пылинки воздуха есть всегда, *вѣчно* въ пылинкѣ, но становится видимымъ глазамъ только при чувственной оболочкѣ. И такъ сущность звука заключается не въ воздухѣ или движеніи его, не въ тѣлѣ или сотрясеніи его, но въ *движеніи*, т. е. идеальной формѣ пространства; слѣд. звукъ *существуетъ* не будучи *слышимъ* и *видимъ* (1). *Звуки* въ языкахъ человѣческихъ составляютъ только *чувственный* матеріалъ, вещественную основу языка, проводникъ его къ чувствамъ; за ними скрываются *образы*—составляющіе чувственную же, но болѣе внутреннюю *форму* языка, подобно тому, какъ геометрическая форма составляетъ внутреннюю оболочку звука, болѣе близкую къ источнику его, нежели отраженіе его въ воздухѣ, уловляемое ухомъ; за образами — скрывается чистый, вѣчный первообразъ каждой вещи — *идея* (видѣніе), *мысль*. *Звуки* и *образы* языковъ суть ни что иное, какъ безконечно-разнообразные отголоски или эѳирныя зыби, *приводящія* наши чувства въ соприкосновеніе съ этими первообразами, но не *приносящія* къ нимъ самыхъ первообразовъ, — ибо они стоятъ *здѣсь* и *тамъ*, *далеко* и *близко*, *вездѣ* и *нигдѣ*, какъ всѣ мысленныя, вѣчныя формы бытія стихійнаго, существующія въ каждой частичкѣ воздуха, свѣта, всегда и никогда, вездѣ и нигдѣ, *вѣчно*. Мы ошибаемся, или обольщаемся оптическимъ обманомъ чувствъ, воображая себѣ, что наши звуки или письмена суть нѣчто *реальное*, что мы уловляемъ ими—въ самомъ дѣлѣ—образы вещей, тогда какъ мы уловляемъ только оптическія или звуковыя отраженія, отголоски ихъ, дѣлаемъ остывшими (erstarrt, fixes) слѣды этихъ

---

(1) См. замѣчаніе въ заключеніи §-а.

отголосковъ, которые все таки не суть *самый отголосокъ*. Это тоже самое, какъ если бы мы, ударяли по пластинкѣ стекла, посыпанной пескомъ, и обрисовывающимися на немъ фигурами думали уловлять звукъ: мы получали бы тысячи, милліоны этихъ фигуръ, — но всѣ онѣ были бы отраженіемъ звуковымъ, *остывшимъ* на пескѣ, но не самымъ звукомъ, котораго мы не исчерпаемъ такъ же точно, какъ дыханіемъ *не выдыхаемъ воздуха*, очами *не высмотримъ свѣта*, умомъ *не вымыслимъ идей*, ибо одинъ и тотъ же образъ напр. шаръ, кругъ—повторяющійся въ безконечной частичкѣ воздуха, свѣта, въ атомѣ мысли каждаго человѣка—есть, все таки, зыбь, отраженіе вѣчнаго образа, вѣчной Мысли, но не самый образъ, который никогда не доходитъ до насъ.— «И однакоже»—скажете вы—«звуки языковъ человѣческихъ «не суть какія нибудь атомистическія пылинки эѳира, кото-«рыя—какъ вы говорите—суть *вездѣ* и *нигдѣ*, *вѣчно* и *нико-«гда*; звуки эти представляютъ нѣкоторое опредѣленное со-«четаніе, имѣютъ *простоту* и *реальность*, ибо каждый глас-«ный и согласный элементъ я могу произнести ясно, раз-«дѣльно и, такъ сказать, остановить, удержать его въ воз-«духѣ»? Но откуда, спрошу я, взялись эти простые, элементарные звуки, когда ихъ нѣтъ въ природѣ, нѣтъ и въ человѣкѣ (¹) и когда они, будучи разъ получены какимъ то (положимъ) *неизвѣстнымъ намъ*, спорящимъ, *путемъ*, переходятъ отъ человѣчества къ человѣчеству, какъ вѣчно-продолжающееся наслѣдство, вмѣстѣ съ языкомъ?—«И такъ они соз-«даны Богомъ, положены въ перво-натурѣ вещей»? Неизвѣстность ихъ происхожденія или отсутствіе видимаго ихъ начала въ самой природѣ, не нахожденіе ихъ въ органическомъ существѣ человѣка, наконецъ *несомнѣнно-реальное* ихъ суще-

(¹) Голосовые органы не даютъ еще *звуковъ*; ибо «членосоставные звуки не врождены человѣку» (какъ мы доказали). Мы знаемъ эти звуки по вѣковому преданію, по которому знаемъ и смыслъ этихъ звуковъ и употребленіе ихъ въ рѣчи—по преданію о Языкѣ, которые идетъ испоконъ вѣка.

ствованіе—какъ опредѣленныхъ цѣлыхъ, матерія которыхъ искони міра не измѣняется человѣкомъ,—все это заставляетъ насъ убѣждаться въ томъ, что 1) Языкъ, имѣя *теперь*, имѣвши *прежде* существованіе независимое отъ человѣковъ, говорящихъ ими, 2) имѣлъ и еще прежде такое же существованіе, имѣетъ наконецъ вообще существованіе свое въ первозданной природѣ, въ которой онъ, какъ единичная совокупность безконечно-разнообразныхъ нарѣчій человѣческихъ составляетъ *особое царство* (1). Всѣ нарѣчія человѣческія суть ни что иное, какъ безконечно-разнообразная масса звуковыхъ сочетаній, образуемыхъ 24-мя простыми элементами, по изчисленію *Лейбнитца* могущими дать сумму, превышающую *половину квадралліона*. Всѣ эти безконечныя сочетанія звуковъ (2) предъопредѣлены Творческою Природою; почему же не предполагать, что она, устроивъ этотъ идеально-чувственный міръ видимо-слышимыхъ образовъ, не отразила въ немъ *подобія* самой себя? Но въ такомъ случаѣ-скажете вы, быть можетъ—устроеніе этаго міра видимо-слышимыхъ подобій должно было совершиться *послѣ* устроенія самой природы? Почему же нельзя, принимая въ соображеніе то, что самая природа явилась въ слѣдствіе *плана*,

---

(1) Среднее—такъ можно назвать его — между *неорудныыъ*, съ которымъ Языкъ смежается *физическою*, звуковою стороною, *и орудныыъ*, къ которому онъ примыкаетъ *логическою* стороною; можете, если хотите называть это царство *дополнительнымъ* (ein Ergänzungsreich) или *совокупнымъ, центральнымъ*—если все дѣло въ какомъ нибудь названіи. Въ слѣдующей книгѣ, въ которой понятіе о Языкѣ будетъ конечнымъ результатомъ моихъ изслѣдованій, я надѣюсь явственнѣе, точнѣе обозначить это *новое* царство Натуры. До сихъ поръ же имѣю, кажется, *основаніе* признать Языку права особаго царства въ природѣ, утверждаясь на одной сущности членосоставныхъ звуковъ, которой ни одинъ натуралистъ добросовѣстный не откажетъ въ самостоятельности *первичнаго начала* (См. § 29 стр. 308—313). Да не укоряютъ меня, покамѣстъ, натурологи въ этомъ нововведеніи, къ которому я приведенъ былъ именно аналогіею Натуры.

(2) За исключеніемъ, разумѣется, сложныхъ сочетаній, образуемыхъ человѣкомъ изъ сочетаній простыхъ,—что увидимъ далѣе.

обдуманнаго единою мыслящею Сущностію, слѣд. что мыслящій очеркъ цѣлого природы существовалъ прежде, нежели сама природа,—почему, повторяемъ, нельзя предполагать, что этотъ мыслящій очеркъ началъ *овеществляться* прежде всего въ чистѣйшемъ, отвлеченнѣйшемъ подобіи Мысли, не имѣющей ни времени, ни пространства, ни тѣла, и получившей въ словѣ идеальное *тѣло* (звукъ), идеальное *пространство* (образъ, слѣдующій передъ звукомъ), идеальное *время* (мысль, слѣдующая передъ образомъ). Почему не предполагать этого, когда Священная книга Бытія т. е. божественная исторія міра, начинаетъ первую страницу свою *явленіемъ* Слова (и *рече* Богъ), которое предполагаетъ необходимо *существованіе* онаго въ самомъ Богѣ, слѣд. существованіе его еще до устроенія неба и земли, отъ вѣчности. Но мы, къ сожалѣнію, не находимъ слѣдовъ этого перваго Слова въ языкахъ человѣческихъ: однакоже это не значитъ еще, что оно *не есть* въ нихъ. Попробуемъ—подобно натуралистамъ «принять *гипотезу*: «Языкъ человѣческій есть существо, созданное Богомъ прежде всего *видимаго*.» ([1])—Польза и справедливость гипотезы оправдываются тѣмъ, проясняетъ ли она все, для ума нашего сомнительное или неразрѣшенное: наша гипотеза проясняетъ все. Для чего языкъ человѣческій созданъ Богомъ *прежде всего*? Для того, чтобы связать бытіе человѣка *узами видимыми* съ Вѣчностію, съ Природою, наконецъ—съ нимъ самимъ.

I. Съ *Вѣчностію*.—Ежели бы не было языка,—одной стороны въ существѣ человѣческомъ, *начала* которой человѣкъ не находитъ ни въ самомъ себѣ, ни въ природѣ,—то человѣкъ не отдѣлялъ бы себя отъ массы существъ природы, какъ особое существо, начало котораго выходитъ изъ ея предѣловъ. Спрашиваю: чѣмъ бы онъ *отличилъ* себя? Происхожденіемъ? Но онъ происходитъ какъ и прочія существа тѣлесныя—*родится;* ду-

---

([1]) «Прежде неже сотворены быша звѣзды *восхвалиша* Мя Ангели мои», слѣд. Слово уже было.

шою? но она является въ немъ такимъ же точно путемъ, какъ и въ этихъ существахъ—*родится-же*; (²) идеями или убѣжденіями въ безсмертіи, вѣчности? но и они тоже (какъ думаютъ Философы) *родятся*. (¹) Итакъ, все лучшее, высшее въ человѣкѣ — есть *родящееся съ нимъ*, слѣд. не существующее *безъ него;* что же заставило бы человѣка думать, что оно (*душа, духъ*) существуетъ *внѣ его*, существовало *до него?*—что отвратило бы его отъ той мысли, что *первое* отечество человѣка здѣсь, на землѣ? что отвратило бы его отъ дальнѣйшей, что онъ явился изъ земли, воды, чего добраго *изъ рыбы*, какъ и думали когда-то?— *Одинъ языкъ*: онъ только *не родится* съ человѣкомъ, онъ только *не родится* и въ при-

---

(¹) Нѣкоторые Философы считаютъ ихъ врожденными, *трансцендентальными* т. е. превышающими своимъ происхожденіемъ обыкновенные законы происхожденія понятій или предшествующими опыту и сознанію; слѣд. существующими до развитія человѣка или находящимися въ немъ съ самымъ рожденіемъ его на свѣтъ. Они изъ всѣхъ силъ стараются отстоять эту врожденность идей, думая найти въ ней опору для всѣхъ высшихъ, *сверхчувственныхъ* идей (о Богѣ, безсмертіи души и проч.): но они не подозрѣваютъ, кажется, что этою врожденностію опровергается *откровеніе* и что они сами сворачиваютъ на ту же колею, по которой шли грубые натуралисты XVIII-го вѣка, не признавая ничего, кромѣ *Натуры*. Врожденность идей не можетъ быть ничѣмъ доказана: ссылаюсь на Аристотеля и опытныя наблюденія ученыхъ вообще, опровергающія эту врожденность. Но въ этомъ опроверженіи именно и можно найти *единственное*, хотя не прямое (апагогическое), доказательство *откровенія*: «высшія духовныя понятія и нравственныя убѣжденія «существуютъ въ народахъ искони: но, ежели они не изобрѣтены самымъ человѣкомъ и не врождены ему, то какимъ путемъ пришли они «къ человѣкамъ?.. Конечно, они были имъ *даны* извнѣ, свыше, они имъ «*откровены*». Удивляюсь, изъ за чего философы распинаются: исторія ясно доказываетъ дѣйствительность *откровенія*!

(²) Разумѣется, во мнѣніи *душевнаго*, естественнаго человѣка, который, не имѣя откровенія, не можетъ и знать, что это *дыханіе жизней*, вліянное въ перваго человѣка, имѣетъ происхожденіе *свыше*. Что я изъясняю мой постулатъ не соотечественникамъ (ибо кто изъ нихъ сомнѣвается въ истинахъ Откровенныхъ?), но другимъ читателямъ Отечества нашего; что имѣю цѣлію показать, что самый *опытъ*, *чувственное познаніе* приводятъ мысль человѣческую къ признанію истинъ Откровенныхъ,—это, надѣюсь, читатели замѣтили въ самомъ началѣ §-а.

родѣ; онъ только можетъ заставить мысль человѣческую усомниться въ томъ, *что все* существующее въ мірѣ есть или *родящееся* или *родившееся здѣсь*; онъ только можетъ навести и на то, что есть *нѣчто*, перешедшее отъ незапамятныхъ вѣковъ *сюда*, но произшедшее не здѣсь, а *тамъ* (въ лонѣ Вѣчности!) Такимъ образомъ, начало языка, выходящее изъ предѣловъ природы, заставляетъ и мысль человѣческую выходить изъ земной родины и искать для этого непостижимаго существа *другой отчизны*, слѣд. и другаго, *древнѣйшаго періода*, предшествовавшаго періоду *родному* (природѣ). Въ языкѣ, такимъ образомъ, сохранилась живая, вѣчная память *мысли* и слѣд. *души*, (1) существовавшихъ гдѣ-то (но не здѣсь) прежде, нежели они стали существовать здѣсь. Языкъ есть залогъ вѣчнаго начала творчески мыслящаго *духа*, слѣд. и вѣчнаго начала *души* человѣческой.

II. *Съ природою*. Хотѣлъ ли Богъ, создавъ Языкъ и давъ его человѣку, связать такими же видимыми узами бытіе человѣка съ природою, какими связалъ онъ бытіе его съ вѣчнымъ началомъ онаго, съ мыслію Своею? Трудно на это отвѣчать, ибо кто можетъ проникнуть хотѣніе Бога? Можно думать, что Онъ *хотѣлъ связать бытіе человѣка съ природою*,

---

(1) Правда — души, гораздо превысшей души теперь намъ извѣстнаго человѣка, но все таки по крайней мѣрѣ сродной съ нею или родственной ей. Отношеніе Языка къ душѣ можетъ показаться здѣсь читателю неяснымъ: но я, опять, имѣю здѣсь въ виду *душевнаго*, естественнаго человѣка (эмпириковъ). «*Языкъ данъ Человѣку Богомъ*» — сказали мы (315 стр.); ясно, что и душа этаго Человѣка и всѣ совершенства ея даны ему Богомъ же и слѣд. всѣ эти даянія не могутъ быть нами мыслимы *раздѣльно*, потому, что актъ Божественнаго Творчества — внѣ послѣдовательности *нашего разума*. Вдуновеніе души и вмѣстѣ съ тѣмъ Слова въ перваго Человѣка есть, по этому, непосредственный результатъ нашего *постулята* — что мы высказали въ самомъ началѣ разсужденія (109—111). Но для *естественнаго человѣка* божественное происхожденіе души остается неизвѣстнымъ и только *сверхъестественное* происхожденіе Слова наводитъ его на оное, — какъ мы ясно высказали это въ заключеніи примѣчанія, на стр. 177—178, къ которому я отсылаю моихъ читателей.

ибо въ языкѣ–подобіи вещей–дано человѣку и *познаніе*, а познаніе есть *понятіе, пониманіе*, такъ сказать *вдыханіе* въ себя природы, общеніе съ природою. Можно думать такъ же притомъ, что Богъ хотѣлъ чрезъ языкъ и отрѣшить человѣка отъ природы, что Онъ, давъ человѣку опредѣленную сферу языка хотѣлъ заключить въ опредѣленной сферѣ и познаніе человѣка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бытіе его, для того, чтобы ему — какъ младенцу помочи или руки кормилицы—эта завѣтная или заповѣдная черта служила послѣднею опорою на краю пропасти, *на краю гибели его мысли.* «Какой гибели»? спросите вы. *Гибели мысли*—повторяю я; мысль живетъ тогда, когда мыслитъ т. е. движется, *идетъ впередъ;* остановиться—для мысли тоже, что умереть; потому–то въ природѣ мысли нѣтъ застоя, нѣтъ *смерти,* а только временное или видимое остановленіе ея хода т. е. поворотъ его въ другую сторону (Wendepunkt). Ежели мысль останавливается, то это не значитъ, что она перестаетъ идти, нѣтъ она не идетъ только *впередъ*, а возвращается назадъ и все таки *идетъ.* Для этого *хожденія* мысли—ей необходимъ какой нибудь *предѣлъ* впереди ея т. е. ей нужно знать, что впереди ея есть *нѣчто,* къ чему она идетъ и къ чему, разумѣется, она *придетъ.* Исторія этого движенія мысли въ человѣчествѣ новомъ (отъ Р. Х.) показываетъ (¹), что ежели мысль, перенесшись съ земли въ область *сверхчувственнаго,* бѣжитъ торопливо–необдуманно, все выше и выше, какъ бы на верхъ высочайшей горы, то она *содрогается* невольно, какъ бы чувствуя холодъ нагорнаго воздуха и видя подъ собою *изчезаніе* видимости. Отъ чего это *содроганіе?* Оно есть тяжкое предчувствіе, что на послѣднемъ краю того, къ чему идетъ

(¹) См. въ Histoire des idées litteraires en France et de leur origine dans les siècles antérieurs, par Alfred Michiels, Paris, 1842. 2 vol. превосходное описаніе эпохи возрожденія наукъ, приготовленной аскетическимъ отвлеченіемъ духа отъ области земнаго въ метафизическую область Христіанства, на краю которой онъ не находилъ уже *ничего.*

мысль, она можетъ быть, *не найдетъ уже ничего*. Инстинктъ мысли заставляетъ ее *остановиться* и повернуть назадъ: такъ человѣчество, увлеченное Христіанствомъ въ сверхчувственную область духа, въ первые вѣка шло такъ быстро къ вершинамъ ея, что по выраженію *Мишеля* было уже у верху горы: отсутствіе видимости испугало его и заставило *броситься* съ горы внизъ, изъ отвлеченной сверхчувственности низпасть въ чувственность, погрязнуть въ ней (*invasion classique*). Теперь мысль поворотила *назадъ*. Отъ XII до XVII вѣка она работала все въ мірѣ *прошедшаго*: отъ христіанскаго міра перешла къ классическому, бывшему *прежде* его, отъ классическаго еще далѣе—къ Евреямъ, Египтянамъ и другимъ образованнымъ человѣкамъ, оттуда еще далѣе—къ необразованнымъ человѣкамъ.... Мысли человѣческой, не нашедшей *ничего* (чувственнаго) впереди себя, хотѣлось найти что нибудь позади себя; она все шла и шла, спрашивая: найду-ли я *что нибудь такое, что́ не происходило бы отъ меня?* Государство, религія, науки, поэзія—все это (казалось мысли) произошло отъ *меня;* въ глуби вѣковаго прошедшаго мысль нашла только двѣ вещи: *натуру* и *человѣка*, которыя не произошли отъ нея, слѣд. могли быть ежели не прежде ея, то по крайней мѣрѣ въ одно съ нею время; натура и человѣкъ *родились*, и вѣроятно вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ человѣкъ не родилъ натуры, а скорѣе родился изъ натуры. И такъ кромѣ *натуры* и *мысли человѣческой* нѣтъ болѣе ничего. А за чѣмъ же *все то, что не есть натура, существуетъ?* Уничтожить его, это лишнее! Уничтожили все: церковь, государство, даже человѣковъ—оставили только натуру. Что́ же будетъ далѣе? Мысль не знала, но поставили *храмъ разуму* въ Парижѣ: какому же, чьему Разуму? Младенецъ-мысль сама не знала, но этимъ она высказала невольно, что кромѣ натуры есть еще Разумъ, котораго нѣтъ въ натурѣ человѣка, который—слѣд. или *былъ* прежде, или *будетъ* послѣ, который, по крайней мѣрѣ, *выше* человѣка, ибо его одного чтили какъ божество, въ символѣ храма. *Фихте*—ненавист-

никъ Французовъ и революціи ихъ (самъ того не подозрѣвая), далъ этому Разуму *Я* (душу), создалъ изъ него натуру, поставилъ это божество въ храмѣ; но его никто не видѣлъ за туманомъ языка Фихтевой философіи. И такъ, мысль человѣческая была уже на краю гибели, ежели бы ее не удержала черта заповѣдная: *Разумъ*, или лучше сказать, Природа Творящая, сдѣлавшая идеи разума однимъ изъ предѣловъ, отдѣляющихъ область *мысли человѣка* отъ другихъ смежныхъ съ нею, но *кромѣшныхъ* областей—отъ областей лжи, зла, гибели. Въ тоже самое время, когда работала вѣтренная, сенсуальная мысль Французовъ, шарившая въ прошедшемъ мірѣ человѣчества, — работала также и солидная, *разсудочная* мысль Англичанъ и Нѣмцевъ, трудолюбиво и неутомимо рывшаяся въ глубину этаго міра и не останавливаясь грязью и тиною—пугавшихъ Французовъ—искавшая *terrain solide*, твердой почвы. Она тоже добивалась: что было *прежде всего*? дабы убѣдиться: не ужели мысль человѣческая есть *первое* и *послѣднее*, неужели кромѣ ея не было ничего болѣе? Ища, что̀ отъ чего произошло? мысль нашла, что религіи, государства и все прочее произошли изъ *понятій* какихъ то, или *первоначальныхъ* идей. Хотя древніе считали ихъ *врожденными*, но опытъ показываетъ, что онѣ *не врождены* человѣкамъ (Монбоддо). Откуда же взялись онѣ? Перешли по наслѣдству, отъ *первыхъ* человѣковъ? и такъ, *были* первые человѣки, имѣвшіе эти понятія, слѣд. и первые языки (*Court de Gébelin*, Monde primitif)? Исторія этого не показываетъ; она показываетъ только, что эти понятія *есть* и—не *изобрѣтены* теперь намъ извѣстными человѣками или *однимъ* какимъ нибудь народамъ. Это привело къ вопросу: «*первоначальныя* понятія человѣковъ суть ли въ самомъ дѣлѣ понятія «*первыя*, или же они *вторичнаго* происхожденія и, ежели «вторичнаго, то гдѣ именно 1) ихъ мѣсто, 2) начало, источникъ»? *Мѣсто* этихъ понятій въ разумѣ человѣческомъ, *начало* — выше онаго. Кантъ сдѣлалъ тщательное разложеніе разума и нашелъ два разума: *чистый* — разумъ нату-

ры, разумъ низшій и *практическій* (нравственный), разумъ *неизвѣстнаго происхожденія*, но высшій перваго. Въ первомъ не нашелъ онъ ничего, кромѣ понятій о *натурѣ;* не нашелъ, по этому, ни понятій о *Я*—душѣ, ни о Богѣ, слѣд. ни убѣжденія въ томъ, что душа безсмертна, ни въ томъ, что она произошла отъ Бога. Во второмъ только нашелъ онъ эти *убѣжденія*, но на чемъ основывались они? ни на чемъ, кромѣ Вѣры т. е. того, что ежели человѣкъ *есть*, то должны быть и эти убѣжденія; ежели человѣкъ *будетъ*, то будутъ и основы этихъ убѣжденій т. е. *душа, міръ вѣчности*, Богъ. Человѣкъ *есть* съ *добродѣтелью* и *счастіемъ*—которыя въ вѣчномъ разладѣ, ибо добродѣтельный не всегда счастливъ, а счастливый не всегда добродѣтеленъ; этотъ разладъ долженъ же когда нибудь прекратиться, такъ, что *добродѣтель* сольется *со счастіемъ*: гдѣ же это будетъ? *тамъ, гдѣ-то;* когда же это будетъ? какъ это будетъ? Когда душа человѣка, умирающаго здѣсь, будетъ существовать тамъ! Кто же увѣнчаетъ мою добродѣтель счастіемъ? Богъ. И такъ ежели человѣкъ *будетъ*, то значитъ—*есть* душа, безсмертіе, вѣчность, Богъ. Такимъ образомъ мысль человѣческая останавливается въ своемъ ходѣ *преградами кромѣшными* ([2]) для того именно, чтобы эти преграды заставили ее поворотить вверхъ, къ вѣчному Источнику познанія, свѣта, блаженства. *Ограниченіе чувственнаго познанія, отрѣшеніе* онаго отъ *крайнихъ* рубежей бытія земнаго влечетъ за собою *расширеніе духовнаго вѣдѣнія*, соединеніе человѣка съ первоисточными началами сущаго — въ Богѣ, подобно тому, какъ раздѣленіе земли морями влечетъ за собою общеніе и единеніе народовъ. И такъ, ежели языкъ есть оболочка для мысли человѣческой, то Богъ, давъ какіе-то неподвижные, *конечные* предѣлы Языку ([1]) человѣческому, но оставивъ начало его безпредѣльнымъ, чрезъ это не стѣснилъ,

---

([1]) См. Adelung's Mithridates. I Th.

([2]) Областями пустоты, находящейся *внѣ мысли*, по ту сторону ея.

но сдѣлалъ свободнымъ и безопаснымъ познаніе человѣка; отрѣшилъ его не отъ природы, но отъ *бездны несуществующаго*, отъ всего того, что не есть *Онъ* и что не есть *Его* въ природѣ: слѣд. давъ языкъ человѣкамъ, Онъ отдѣлилъ мысль человѣка отъ не-жизни, не-природы и связалъ съ одною только природою, съ тѣмъ только, что есть *живое*.

III. *Съ самымъ человѣкомъ*. Что языкъ и одинъ только языкъ составляетъ *видимыя узы*, соединяющія человѣка съ человѣкомъ и существующія *вѣчно-непрерывно*, не истребимыя ни временемъ, ни стихіями, ни самимъ человѣкомъ,— это увидѣть можно вдругъ, представивъ себѣ, что нѣтъ *языка*. Что сохранило бы *память* о первыхъ поколѣніяхъ и передало бы ее поколѣніямъ другимъ? Память человѣка есть *образъ* человѣка, остающійся отъ него или по немъ; но человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. слѣд. память его можетъ сохраниться въ образахъ *тѣла* и *души*, которые остались бы отъ него, или послѣ него у другихъ человѣковъ. Посмотримъ же, есть-ли въ самомъ человѣкѣ такіе останки, которые, какъ наслѣдство, переходили бы къ послѣдующимъ поколѣніямъ, сохраняя *образъ* перваго—тѣла и образъ второй—души. И такъ, спрашивается, что сохранило бы надолго *образъ человѣка? Кости* умершихъ человѣковъ? (¹) Дикіе народы хранятъ ихъ въ пещерахъ и принуждены будучи оставить родину, уносятъ ихъ съ собою. Вотъ одинъ *матеріалъ* преданія историческаго, который связывалъ бы настоящее поколѣніе съ прошедшимъ! Но это матеріалъ не *прочный* и, притомъ, онъ не сохраняетъ *образа тѣлеснаго* поколѣній (²). *Образъ тѣлесный* (физіогномія, цвѣтъ кожи)? Правда, онъ переходитъ, какъ наслѣдственное достояніе, отъ поколѣнія

(¹) См. въ сочин. *Alex. von Humboldt's*: Ansichten der Natur, статью: *Ueber Wüsten und Steppen*.

(²) Намъ укажутъ напр. на *Египетскія муміи*: но для нихъ нужны *пирамиды Египетскія*, слѣд. архитектура и милліоны рукъ; а гдѣ находимъ мы подобное, кромѣ Египта?

къ поколѣнію, но сохраняетъ только память цѣлаго *племени.* Притомъ и онъ непроченъ, какъ *кости,* онъ измѣняется а) *мѣстомъ*–климатомъ, б) *временемъ*–отъ смѣшенія одного племени съ другимъ, до того, что можетъ совершенно изчезать на землѣ. И такъ тѣлесный образъ человѣка не имѣетъ долговременной потомственности. Что сохранило бы *образъ души*? Для него нѣтъ никакого матеріала, въ которомъ бы продолжалась его потомственность. Укажемъ ли на Скульптуру, Архитектуру, Живопись? Произведенія этихъ искуствъ человѣческихъ сохраняли бы образъ *тѣлесный* человѣка или образы природы, но все таки не образы жизни человѣковъ, не образы души ихъ. Что разгадали бы мы изъ обломковъ пирамидъ, даже башни вавилонской (ежели бы она и сохранилась)? Что *были* человѣки—и только; но *гдѣ, когда, какіе?* Это ушло бы въ бездну времени. Притомъ, всѣ эти памятники не представляютъ матеріала прочнаго, который устоялъ бы отъ переворотовъ стихійныхъ: они существуютъ на землѣ, и потому могутъ погрузиться или въ нѣдра земли или въ хляби водъ и изчезнуть съ ея лица. И такъ, нѣтъ ничего, чтобы *прочно* и *непрерывно* сохраняло память человѣка, связуя позднѣйшее съ прежнимъ—кромѣ *языковъ.* Они одни только продолжаютъ и могутъ продолжать память *племени, народа, поколѣнія, семейства*; они одни только служатъ чертою различія каждой изъ этихъ составныхъ частей рода человѣческаго. Вы скажете: племя сливается съ племенемъ, народъ поглощается другимъ народомъ, слѣд. и языкъ его? Такъ что же? Языкъ *смѣшивается* съ другимъ языкомъ, даже если хотите, *поглощается* другимъ языкомъ, но не погибаетъ, ибо онъ есть *простое* нѣчто. Укажите мнѣ примѣры *поглощенія* языковъ другими языками: не укажете. Ежели и бываетъ, что какая нибудь часть племени, сливаясь или, лучше сказать, поглощаясь другимъ, забываетъ свой языкъ (нарѣчіе), потомъ вовсе перестаетъ говорить имъ (напр. Славяне Люнебургскіе), то развѣ языкъ теряется? Остается *языкъ* въ другой части племени, въ третей и т. д. При томъ,

вы думаете, что языкъ, поглощающій собою другой языкъ, не *хранитъ* его въ себѣ? Природа была очень предусмотрительна, давши языку *жизнь* органическаго существа ([1]), *элементарность* самыхъ частей его. Эти части, на которыя разрѣшается языкъ племени, тѣснимаго другимъ, мало по малу переходятъ въ языкъ племени могущественнаго и *усвоиваются* имъ. Но это *усвоеніе* ([2]) только мнимое. Элементарныя части поглощенного органического цѣлого бродятъ въ новомъ цѣломъ, передѣлываются, преобразуются и все таки не находятъ себѣ мѣста въ самомъ организмѣ. Онѣ тревожатъ его и заставляютъ извергать ихъ изъ себя: эти изверженныя части группируются по краямъ языка, поглотившаго собою другой и образуютъ *аномаліи*, слова *иноязычныя* и т. д. Посмотрите на языкъ Нѣмецкій: сколько есть въ немъ словъ Славянскихъ, отъ которыхъ сами Нѣмцы отказываются, возвращая ихъ Славянамъ ([3]). Мы увидимъ и въ языкѣ Славянскомъ много словъ Готскихъ и Нѣмецкихъ, которыя прижились къ туземному корню, усвоились языку, но оставили неприкосновенною форму оригинальную. Нѣмецкую, сдѣлавшуюся *мертвымъ* словомъ напр. *къзнь*, *кузнь* (Kunst*sinn* — *ku(n)st* и *(ис)куст–во)*, *кудо* (Kunde), *кудесникъ, худогъ* (kundig) и др. *Аномаліи* и *обветшалыя* слова (иноязычныя) стоятъ у береговъ языка какъ призраки, тѣни, укоряющія своихъ убійцъ, обличающія ихъ предъ судомъ потомства *человѣческаго* въ отнятіи у нихъ *жизни.* И такъ, языкъ связываетъ *начало* племени со всѣми послѣдующими моментами бытія его, даже съ *концемъ* его въ другомъ племени, въ которомъ языкъ можетъ жить цѣлые вѣка (греческій, латинскій) и въ которомъ, по крайней мѣрѣ, онъ не можетъ истребиться *до тла.* Судьбы языка даютъ человѣчеству подобіе, прообразъ *простоты*

([1]) Это увидимъ въ *третьей книгѣ.*

([2]) Разумѣю здѣсь это слово въ техническомъ значеніи, какое оно имѣетъ въ процессѣ животнорастительной жизни: потребленіе чуждаго вещества и обращеніе онаго въ соки и проч.

([3]) См. Аделунговъ Словарь, Гриммову Нѣмецкую Грамматику.

души, которая не погибаетъ, не умираетъ съ тѣломъ, какъ языкъ не погибаетъ, умирая въ живой рѣчи (въ тѣлѣ своемъ) съ народомъ, имъ говорящимъ и сохраняясь или въ памятникахъ письма или въ другомъ организмѣ, но все таки существуя особо, отдѣльно, какъ нѣчто *неистребимое*—по крайней мѣрѣ въ элементарныхъ частяхъ своихъ. *Языкъ связываетъ народъ съ самимъ народомъ* т. е. сохраняетъ его *въ настоящемъ*, удерживаетъ его органическую цѣлость. Ибо, что, въ самомъ дѣлѣ, связуетъ особи съ особями въ семействѣ, поколѣніи и другихъ частяхъ, составляющихъ *цѣлое* народа? *Единство происхожденія* и *вѣры*. Но то и другое не могло бы существовать безъ языка, на которомъ распространяется и существуетъ вѣра; при томъ вѣра не такъ долго и прочно можетъ поддерживать единство племенное, единство кровное, какъ языкъ, который остается единственною чертою *различія племени* отъ другого племени и примѣтою сходства одного народа съ другимъ, разнящимся вѣрою, обычаями и. т. д. Вѣра перемѣняется въ народѣ и сливаетъ одно поколѣніе съ другимъ,—но языкъ всегда поддерживаетъ утраченное единство и духа и происхожденія. Языкъ, наконецъ, связываетъ *моральную* и *физическую* жизнь каждой особи съ жизнію другой: существуя какъ органическое *цѣлое* частей (нарѣчій, разностей), изъ которыхъ ни одна не можетъ отдѣлиться отъ другой, не имѣетъ права существовать внѣ своего цѣлого, —онъ служитъ прообразомъ того, что человѣкъ не имѣетъ права *на самаго себя*, что онъ не можетъ существовать внѣ другаго человѣка, что онъ не можетъ существовать какъ часть или *малое* цѣлое, отдѣленное отъ *всего* цѣлого,—но долженъ и можетъ только существовать какъ все это цѣлое, какъ *народъ*. Природа, давъ языку существованіе *независимое* отъ произвола человѣческаго, неприкосновенное, всегда храня цѣлость организма, не исчезающую въ самыхъ дробныхъ разностяхъ (ибо и онѣ понятны, кромѣ немногихъ словъ, всѣмъ, говорящимъ на общемъ языкѣ народномъ), въ этомъ самомъ дала прообразъ незави-

симого существованія цѣлого человѣческого и отъ ближайшихъ, собственныхъ его частей, прообразъ его *простоты*, которая никогда не можетъ уничтожиться, какъ бы ни дробилось это гражданское цѣлое въ частяхъ своихъ. Представьте себѣ, что люди распоряжались бы языкомъ по *своей волѣ*: они выдумывали бы слова или коверкали бы ихъ до того, что они были бы понятны только *немногимъ*, тѣмъ только, которые условились бы жить *вмѣстѣ*. Образовались бы языки *кастъ*, классовъ народа, сословій,—подобно *авонскому* нарѣчію нашего языка (употребляемому ворами и мошенниками). Что̀, ежели бы языкъ распадался до того, что былъ бы особый языкъ у каждой семьи? Народъ разрушился бы, жизнь низпала бы въ хаосъ: и сколько страшныхъ злоупотребленій могло бы крыться въ этомъ хаосѣ эгоизма, который прикрывалъ бы всѣ *особныя* сношенія!—Байронъ представилъ страшную картину міра—отнявъ свѣтъ; [1] она была бы еще страшнѣе, ежели бы отнять языкъ: во тьмѣ люди могли бы еще *жить—морально*, по крайней мѣрѣ. Потому-то природа блюдетъ органическое единство и неприкосновенность языка: *выдумайте* слово, выдумайте смыслъ, окончаніе слова, которые были бы несогласны съ существомъ языка (или геніемъ его—какъ говорятъ у насъ),—васъ осмѣютъ, ошикаютъ. Кто же вступается за языкъ? Ухо народа, самъ языкъ. Природа, наконецъ, въ неприкосновенности *словъ* указала прообразъ неприкосновенности *и правъ человѣческихъ на землю*. «Языкъ обезпечиваетъ натуральное право собственности народной.» Скажите, отъ чего имена историческія, оставленныя *первымъ* по времени и слѣд., праву [2] народомъ на рѣкахъ, горахъ, городахъ—*сохраняются вѣчно*, даже у другаго народа, отнявшаго эту собственность у перваго? Развѣ онъ не властенъ дать имъ другія имена? Видно нѣтъ, когда не даетъ, а только передѣлы-

---

(1) См. извѣстное его стихотвореніе: *Тьма*.

(2) Извѣстенъ юридическій афоризмъ: *prior tempore, potior jure*.

ваетъ старыя и потому первое имя: *Lipsk* (Липецкъ) все таки остается въ *переименованіяхъ: Leipsick*, *Leipzig* какъ и *Dorpat*, отщетно замѣняемый при Іоаннѣ Васильевичѣ *Юрьевымъ*, остался въ *Дерптѣ*. Теперь, надѣюсь, не будетъ казаться странною мысль, что *языкъ* есть существо, или *имѣетъ существованіе, независимое отъ человѣка.*

Товарищъ мой *О. М. Новицкій*, о которомъ я не могу не вспомнить безъ душевной признательности, какъ о наставникѣ моемъ въ одной изъ наукъ (Философіи), болѣе всего облегчавшей меня въ трудѣ моемъ, прочитывая рукопись мою, сказалъ мнѣ, что мысль о *вѣчности Слова и его независимости отъ человѣка* встрѣчается еще у Индійскаго Философа *Джаймини* (см. *Windischman*, die Philosophie etc. 1834., 1761-1762), съ текстомъ котораго мое изложеніе въ двухъ мѣстахъ почти буквально сходится. «Очень естественно»—замѣтилъ мнѣ мой товарищъ «выступивъ изъ одной точки и идя послѣдовательно, сойтись съ другимъ въ одинаковыхъ результатахъ». Привожу здѣсь для любопытства читателя указанное мнѣ мѣсто изъ *Карма-Мимансы* Индійскаго Философа. «Связь между членосоставнымъ звукомъ (словомъ) и его смысломъ, значеніемъ—есть связь *предъустановленная* и *вѣчная*, а не *условная*... Звукъ *вѣченъ*, даже тогда, когда онъ остается незамѣченнымъ и не достигаетъ уха. Звукъ (самъ въ себѣ) не *производится* и *не преходитъ*: онъ только *употребляется* «(wird benutzt). При такомъ употребленіи онъ только высказывается, но ничуть не получаетъсуществованія только тогда, «когда будетъ высказанъ. Его всеобщность—есть всеобщность «солнца (для всѣхъ одинаковая) или моря при совершенной «тишинѣ. Но, подобно тому, какъ свѣтъ солнца получаетъ «видоизмѣненія въ цвѣтахъ, море—въ зыбяхъ и волнахъ, «такъ и простой, вѣчный звукъ видоизмѣняется и разнообразится въ своей слышимости (Vernommenwerden). Буквы, «какъ элементы членосоставнаго звука (слова) суть отзвучія

«вѣчнаго звука, вѣчнаго какъ и значеніе самыхъ тоновъ, ко«торые бываютъ то присущи (слуху) то отсутствующи, но «никогда не бываютъ новы: ново—одно только проявленіе «ихъ (чрезъ прикосновеніе движущагося воздуха къ уху). «Измѣненіе буквъ есть поставленіе одной вмѣсто другой «(напр. полугласной на мѣсто гласной), но не измѣненіе одной «и той же буквы; и не звукъ измѣняется при этомъ, а толь«ко шумъ, измѣняемый или увеличиваемый множествомъ го«лосовъ. Звукъ вѣченъ, предназначенъ для слышанія его; «онъ есть нѣчто всеобщее, примѣнимое ко всѣмъ лицамъ. «Эта вѣчность выражена въ одномъ мѣстѣ Веды: *изливай «хвалу вѣчною рѣчью»*!

Читатель мой, надѣюсь, раздѣлитъ удовольствіе, какое я нашелъ, прочитывая эти строки; оно не изъ того проистекаетъ, что я нашелъ *сходное* съ моими мыслями въ древнѣйшемъ Философѣ міра: истины Откровенныя еще древнѣе и я зналъ ихъ, конечно, еще ранѣе; при томъ, какой добросовѣстный ученый признаетъ какую бы то ни было мысль—какъ бы она нова ни была—*своею?* Радовался я тому особенно, что предлагаемая мною мысль о Языкѣ есть мысль не утонченно-ученаго, но *здраваго разума*, который послѣдовательно приходитъ къ *догадкамъ* о томъ, что такъ ясно и вразумительно сказываетъ намъ Божественное Откровеніе.

§ 51-й.

Противорѣчія (дуализмъ) мыслей В. Гумбольдта о сверхчувственномъ (божественномъ) и эмпирическомъ (человѣческомъ) происхожденіи Языка.

Прерывая на этомъ изъясненіи мои бесѣды съ читателемъ и предоставляя ему обсудить справедливость моихъ понятій о Языкѣ, не могу однакоже не указать на то, въ какомъ

отношеніи находятся эти понятія къ положенію основнаго вопроса нашего въ современной Наукѣ. Это положеніе ежели не подтверждаетъ вполнѣ, то по крайней мѣрѣ, оправдываетъ мои идеи. Взглянемъ же на современное положеніе нашего вопроса. До сихъ поръ, сколько знаю, *одинъ* только *В. Гумбольдтъ* бросилъ нѣсколько мыслей объ основномъ пунктѣ Филологіи: *началѣ Языка*, но эти мысли далеки еще отъ значенія *постулятовъ науки:* онѣ не только не имѣютъ характера твердыхъ, догматическихъ истинъ, но чужды даже тона обыкновенныхъ ученыхъ *мнѣній.* Недостатокъ связности и цѣлости, недосказанность или обоюдность выраженія, зыбкая очертательность и неизбѣжныя притомъ противорѣчія—низводятъ мысли Гумбольдта со степени мнѣній на степень *догадокъ.* Не простирая ни сколько приговора моего на прочія идеи Гумбольдта о Сравнительномъ языкознаніи, повторяя еще разъ, что я ограничиваю оный одними только мнѣніями его *о началѣ* (происхожденіи) Языка, я нисколько не опасаюсь упрека въ смѣлости (чего добраго, въ дерзости?), съ какою позволяю себѣ такъ судить о великомъ Филологѣ нашего вѣка. В. Гумбольдтъ, погруженный, такъ сказать, въ многосложныхъ, спеціальныхъ, практическихъ изслѣдованіяхъ Сравнительной лингвистики, не разработывалъ еще въ такомъ же объемѣ общихъ, теоретическихъ задачь ея и неудивительно, ежели онъ, не занявшись исключительнымъ изслѣдованіемъ основной ея задачи: *идеи Языка*=его *начала, происхожденія*, находился только на прямомъ пути къ искомому *неизвѣстному* науки. Онъ предчувствовалъ его глубоковѣрнымъ инстинктомъ мысли натуралиста, онъ *догадывался* о немъ, но еще не зналъ его и подъ страхомъ философской вѣры въ умозрительное *Я*, изъ котораго *Гегелизмъ* выводилъ не только Языкъ, но и все бытіе,—все еще, какъ адептъ философіи, измѣнялъ себѣ, какъ натуралисту, измѣнялъ *наивной* вѣрѣ въ то, что начало Языка—внѣ мысли человѣческой, что его должно искать въ непостижимыхъ для разума и исторіи моментахъ *творческаго бытія* первой Природы, что

ему, наконецъ, должно признать творчески-божественное возникновеніе въ одинъ нераздѣльный моментъ=*изъ ничего.* Чтобы читатель могъ видѣть эти колебанія между *Гумбольдтомъ-натуралистомъ*, какъ авторомъ новыхъ идей о началѣ Языка и *Гумбольдтомъ-философомъ*, какъ послѣдователемъ старыхъ *умозрительныхъ* понятій,—чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать самаго читателя судьею меня и критикуемаго мною Автора, я приведу здѣсь нѣсколько главныхъ мыслей или, какъ я уже сказалъ, мнѣній, догадокъ В Гумбольдта о *началѣ* Языка. Изъ сличенія ихъ другъ съ другомъ и изъ всей совокупности ихъ, безпристрастный читатель убѣдится, что это не суть даже *мнѣнія* великаго Филолога, потому что едва-ли онъ спрашивалъ себя: *что именно думаетъ онъ о Языкѣ*? Эти мнѣнія были высказаны болѣе мимоходомъ, при случайной встрѣчѣ его мысли съ основнымъ теоретическимъ вопросомъ Языкознанія....

Избавляя читателей моихъ отъ нѣмецкихъ цитатъ изъ статей: В *Гумбольдта* (въ предисловіи его къ сочиненію: «*Ueber die Kawi-Sprache*»), Доктора *Макса Шаслера,* составившаго философскую грамматику изъ той же статьи Гумбольдта (*Die Elemente der philosophisch. Sprachwissenschaft W. von Humboldt's*, 1847) и Доктора *Штейнталя* (*Die Sprachwissenschaft W. von Humboldts, Berlin.* 1848)—приведу здѣсь нужныя мнѣ мѣста изъ Гумбольдтовой статьи: *о сравнительномъ изученіи языковъ*, по русскому переводу Адъюнкта *В. Яроцкаго*, помѣщенному въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Февральской книжкѣ, 1847 года.—Вотъ мнѣнія Гумбольдта:

«Языкъ не можетъ *возникнуть* иначе, какъ въ *одинъ разъ*, «однимъ такъ сказать, духомъ (стр. 199. 4).» «Никакъ нельзя «отвергнуть возможности существованія *многихъ діалектовъ*, «которые произошли бы безъ всякаго взаимодѣйствія одинъ «на другой (стр. 202. 7.).—Я вполнѣ убѣжденъ, что на языкъ

«слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто непосредственно вложен-«ное въ человѣка; какъ твореніе ума — онъ совершенно неизъ-«яснимъ для яснаго сознанія. Мало поможетъ, если мы да-«димъ времени для изобрѣтенія его цѣлыя *тысячелѣтія тыся-«челѣтій. — Языка не изобрѣсть бы никогда, если бы перво-«образъ его не былъ присущъ человѣческому уму.* Для того, «чтобы человѣку понять надлежащимъ образомъ одно только «слово, не какъ простой чувственный толчокъ, но какъ чле-«нораздѣльный выражающій понятіе звукъ, для того долженъ «уже лежать въ немъ языкъ въ своей *всецѣлости* и взаимной «связи.» (стр. 211—212. 3).

«Въ такой же мѣрѣ, какъ намъ *кажется естественнымъ* «принимать постепенное совершенствованіе языковъ, есте-«ственно *допустить* также и то, что *изобрѣтеніе* ихъ слу-«чилось *въ одинъ разъ*.... Тѣ, которые полагаютъ, что это «случилось мало по малу и постепенно, тѣ люди обнаружи-«ваютъ тѣмъ, что они совсѣмъ не имѣютъ истиннаго поня-«тія о *нераздѣляемости* человѣческаго сознанія и человѣ-«ческаго языка, ни даже о природѣ умственной дѣятельно-«сти, которая потребна для того, чтобы понять одно только слово, и которой потомъ достаточно, чтобъ обнять весь языкъ.»

«Но очень далекъ я и отъ того, чтобы сказать этимъ, «будто бы *языкъ данъ человѣку уже готовымъ*: ибо въ такомъ «случаѣ также весьма трудно было бы понять, какимъ обра-«зомъ человѣкъ *могъ уразумѣть данный ему извнѣ языкъ* и «воспользоваться имъ. Языкъ необходимо беретъ *начало* въ «самомъ человѣкѣ и *развивается мало по малу*, но такъ, что «организмъ его лежитъ во мракѣ души не какъ мертвая *масса*, «но какъ *законъ*, обусловливающій отправленія мыслитель-«ной силы, и уже первое слово даетъ знать о цѣломъ языкѣ.... «(?! стр. 231) «Я никогда *не могъ себѣ представить* чтобъ «очень послѣдовательное и при всемъ разнообразіи все же «необыкновенно искусное построеніе языка непремѣнно за-«ставляло предполагать большое упражненіе въ мышленіи и

«могло свидѣтельствовать о погибшемъ образованіи. Именно «такой языкъ, какъ чистое *произведеніе* Природы и притомъ «Природы разума, можетъ всегда явиться въ народѣ, нахо«дящемся въ самомъ грубомъ природномъ состояніи. Истин«ная трудность въ *изобрѣтеніи* языковъ состоитъ въ неиз«слѣдованной глубинѣ простой дѣятельности ума, которая «вообще требуется *для уразумѣнія* и *произведенія* языка въ «каждомъ отдѣльномъ его элементѣ. (¹) Если это однажды «совершилось, то все прочее (что-же именно?!) слѣдуетъ «само собою, и его нельзя никакъ изучить, но оно *должно* «*первоначально находиться уже въ человѣкѣ*... (ibid).

Внимательный читатель можетъ видѣть изъ всего приведенного мною, что эти отрывочныя мысли В. Гумбольдта, большая часть которыхъ служитъ лучшимъ оправданіемъ моихъ идей о языкѣ и языкахъ, 1) не составляютъ, однакоже, ни одной связной идеи, не даютъ возможности извлечь изъ нихъ какое нибудь положительное, опредѣленное мнѣніе Филолога о *началѣ* языка; 2) образуютъ противорѣчія, въ которыя Филологъ впадаетъ не невольно, не безъотчетно и вмѣстѣ съ тѣмъ, по какой-то роковой, неизбѣжной *необходимости*, увлекающей логически-послѣдовательное движеніе его мысли. Эта слѣпая необходимость совершенно чужда *натурѣ* мысли: мысль всегда движется *правильно* но, вмѣстѣ съ тѣмъ *свободно*; послѣдовательность ея развитія возникаетъ изъ нея самой, изъ ея собственныхъ, внутри ея таящихся законовъ, а не изъ тѣхъ фатальныхъ внѣшнихъ

(¹) Малость требуется!... Эта *простая дѣятельность*, однакоже, непостижима для *умозрительной философіи*, открывшей недавно какое то *чистое*, *діалектическое* мышленіе (= самому бытію: *Гегель*, *Шеллингъ*), непостижима, какъ всякое чудо Первой Природы. Если такая *простая* (первозданная, чудесная) *дѣятельность* требуется для произведенія *каждаго* отдѣльнаго элемента языка, то разумѣется, что не нужно *ни большое упражненіе* въ мышленіи, ни *образованіе* для произведенія Языка (уже готоваго въ этой *простой* дѣят. ума).

толчковъ и точекъ, какіе ей назначили нѣмецкіе философы (*я, не я, я + не я; thesis, antithesis, synthesis*), говоря: мысль идетъ такъ-то, потому что иначе не *должна* и *не можетъ* она идти. Замѣчая такую слѣпую необходимость въ движеніяхъ мысли Гумбольдта, *логически-необходимо* попадающей изъ противорѣчія въ противорѣчіе и вспомнивъ сказанное мною о Филологѣ, какъ адептѣ Гегелевской школы и о страхѣ философской вѣры его въ *Я*,—читатель догадается, что мысль Гумбольдта не стоитъ прочно, твердо, *правильно*, что она, не имѣя для себя точки опоры (*point d'appui*), не имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и точки исхода (*point de départ*) Потому то и замѣчаемъ мы, что В. Гумбольдтъ, *выступая* отъ мысли: *Языкъ есть произведеніе творческой природы* и проч. приходитъ къ мыслямъ діаметрально-противоположнымъ (*языкъ изобрѣтенъ человѣкомъ*). Присматриваясь поближе къ ткани мыслей Гумбольдтовыхъ, читатель увидитъ, что она составлена изъ двухъ разнородныхъ основъ, которыя и производятъ эту неприятную шероховатость въ цѣломъ составѣ. Мысль Гумбольдта стоитъ или, движется, кружится, рѣетъ, такъ сказать, *между* двумя совершенно-отдѣльными, полярно-противоположными представленіями о Языкѣ, изъ которыхъ каждое она признаетъ одинаково-истиннымъ, непреложнымъ, каждому изъ которыхъ она одинаково предана внутреннимъ ея убѣжденіемъ. Не находя между ними примиряющей *средины* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пути правильнаго, *послѣдовательнаго* перехода отъ одного къ другому, она—чтобы остаться вѣрною себѣ, чтобы не остаться въ одной какой нибудь односторонности, крайности убѣжденія, по неволѣ должна держаться обоихъ вмѣстѣ. Но держась обоихъ представленій въ одно и тоже время, мысль Филолога *приковываетъ* себя къ безконечно-раздѣльнымъ полюсамъ и въ такомъ скованномъ положеніи, конечно, лишается свободнаго, внутренняго движенія, для котораго заграждёнъ ей какъ входъ такъ и выходъ, подобно тому, какъ недосягаемые полярные льды сторожили бы вѣчно входъ неизвѣстныхъ намъ областей земнаго шара—для корабля хи-

мерическаго странствователя, который, вмѣсто того, чтобы объѣхать землю по экватору, вздумалъ бы объѣхать ее по меріdіану, — не зная, конечно, о существованіи полюсовъ. Изъ какой бы точки земли онъ ни отправился (по длинѣ земнаго шара) — онъ остановился бы у полярныхъ льдовъ напр. Сѣвера. Объѣзжая ледяной вѣнецъ, онъ снова воротился бы въ точку *остановки* и убѣдился бы, что здѣсь твердое пространство, далѣе непроходимое. Возвратившись назадъ, такъ же точно объѣзжалъ бы онъ ледяной вѣнецъ Юга и такъ же точно убѣдился бы, что и здѣсь есть *твердое* пространство, далѣе непроходимое. Ежели бы путникъ, неудовлетворенный этими печальными для него открытіями, вздумалъ бы таки, подъ навѣтомъ химерической идеи своей, искать путей прохода отъ Юга къ Сѣверу *на сквозь*, то онъ вѣчно метался бы по безбрежной глади Тихаго океана отъ одного полюса къ другому, вѣчно *выходилъ* бы изъ одной точки, а *приходилъ* бы къ другой и никогда не возвратился бы, слѣдуя по прямолинейному направленію, къ той точкѣ, изъ которой вышелъ.... И не удивительно: путь, описываемый пловцемъ, есть полукругъ или, лучше сказать, дуга, пересѣченная на обѣихъ оконечностяхъ, изъ которыхъ каждая играетъ попеременно то роль *начала* (когда пловецъ стремится отъ нея), то роль *конца* (когда онъ возвращается къ ней), будучи, каждая же, *продолженіемъ* какой-то невидимой, неизвѣстной *точки начала*. Мысль ученаго, которой часто приходится, залетая въ высшія, *источныя* области разработываемаго ею знанія, рѣять «въ *несытомъ нѣкакомъ пареньи*» между полярными гранями области этого знанія, принимаетъ часто эти полюсы за *начало* и *конецъ* искомой ею, но еще неизвѣстной области. Довѣрчиво предаваясь надеждѣ: обнять все *цѣлое* неизвѣстнаго ей міра, становится она на одномъ полюсѣ, принимаетъ его за *начало* и довѣрчиво ввѣряетъ упругія крылья свои *тихому океану* мысленнаго эѳира, упоительныя волны котораго, лелѣя ее, неслышно, незримо но мгновенно-быстро мчатъ ее къ полюсу противоположному. Мысль встрѣ-

тила суровый рубежъ, стала, ищетъ прохода далѣе и въ тщетныхъ усиліяхъ вращаясь около полярнаго рубежа, останавливается на какой нибудь точкѣ ледянаго вѣнца, обгибаетъ его и снова приходитъ въ ту же точку; вращаться далѣе некуда, — но сила вращенія, увеличиваемая неудовлетвореньмъ стремленіемъ жаждущей мысли, продолжается, переходя на самую мысль. Она начинаетъ сама двигаться и незамѣтно, наконецъ, поворотившись около самой себя (своей оси), она снова стоитъ лицемъ къ свободному пространству, думая что суровая преграда пройдена ею, что открывшееся предъ нею пространство есть пространство *новое*, еще ей невѣдомое. Волны эѳира снова мчатъ ее по тому же направленію, только изъ *новой точки* исхода къ *новой точкѣ* прихода одной и той же области *ограниченнаго пространства*. Мысль снова тамъ, гдѣ она была прежде, не сознавая только, въ обаяніи эѳирного стремленія, какими судьбами очутилась она тамъ, откуда она удалялась, какъ пошла она *назадъ*, двигаясь — какъ мнилось ей — все *впередъ?* . . . Инстинктъ истины, никогда не оставляющій ее, внушаетъ ей опасеніе: не заблуждается-ли она, идя *назадъ*, противъ *себя самой*, тогда, какъ по видимому она стремится *отъ себя, впередъ?* Опасеніе попасть въ явное противорѣчіе съ самой собою (ложь), внушаетъ ей осторожность: мысль принимаетъ два полюса своего движенія за двѣ *точки исхода*, выступаетъ изъ каждой порознь и дозволяетъ себѣ доходить только до *половины* обозрѣннаго ею пространства, чтобы, такимъ образомъ, избѣжать встрѣчи съ самой собою (= противурѣчій). Она впадаетъ неизбѣжно *въ дуализмъ*: принимаетъ два *начала*, правда не діаметрально - противоположныя другъ другу, но тѣмъ не менѣе, однакоже, ограничивающія одно другое (отсюда такъже противорѣчія одной мысли другой, только не такъ рѣзкія!). Смутное предчувствіе противорѣчій тревожитъ мысль; ощущеніе связанности, заключенности ея между какими-то роковыми рубежами томитъ ее, могучую, свободную: покоющаяся на двухъ точкахъ безвѣ-

стной периферіи, находящихся *внѣ* неотысканнаго ею примирительнаго центра, къ которому постоянно она тяготѣетъ, мысль порывается свершить полно-послѣдовательное теченіе по орбитѣ своей неизвѣстной сферы и опять попадаетъ на прежнюю стезю, на прежнія встрѣчи съ полюсами, прежнее діаметральное противорѣчіе съ самой собою. Такимъ образомъ снова является догматическое возвѣщеніе *одного* какого нибудь положенія; потомъ, при невозможности перейти отъ него далѣе, къ опыту, слѣдуютъ *оговорки, ограниченія,* мало по малу ослабляющія его непреложную силу и стѣсняющія его необъятную область; наконецъ наступаетъ переходъ къ *другому*, противоположному, но такъ же *догматически*, возвѣщаемому положенію.. За тѣмъ — снова оговорки, ограниченія, вставочныя или промежуточныя мысли, наконецъ — опять внезапный скачекъ и переходъ второго положенія въ первое, ему противоположное и т. д. Всѣ эти *судьбы мысли* читатель можетъ видѣть въ статьѣ Гумбольдта «О сравнительномъ изученіи языковъ», къ которой я его отсылаю; впрочемъ и одни приведенныя мною мѣста, кажется, могутъ служить достаточнымъ оправданіемъ моей критики.

Источникъ *дуализма* мнѣній, обнаруживающагося предъ всякимъ, читающимъ эти мѣста Гумбольдтовой статьи, заключается въ томъ, что Филологъ смѣшалъ или, точнѣе выражаясь, не сознавалъ ясно, раздѣльно, двухъ полярныхъ моментовъ въ исторіи каждаго языка человѣческаго: *начала* = происхожденія языка и *образованія* = дальнѣйшаго усовершенствованія, переворотовъ и проч. совершившихся подъ вліяніемъ мысли и жизни *исторически* намъ извѣстныхъ народовъ. Эти два момента, которые остроумный *Монбоддо* открылъ во всѣхъ первоприродныхъ языкахъ человѣчества, будутъ вѣчнымъ камнемъ преткновенія для Филологовъ—Философовъ, стремящихся къ *единству* начала и къ послѣдовательному выводу *всего* изъ *единого*, или за основу принятого начала. Между этими двумя моментами будетъ лежать вѣч-

ная непроходимая бездна, какъ между двумя половинами полушарій земли лежатъ вѣчно непроницаемые льды полярные. Отъ *начала* языковъ нельзя никакимъ образомъ провести *къ образованію* ихъ не только нити исторической постепенности, но даже послѣдовательности логической или вѣроятности, возможности перехода одного къ другому: послѣднее — для насъ *полуизвѣстно;* первое же всегда останется совершенно-неизвѣстнымъ. Ясно, что ежели заключеніе отъ неизвѣстного къ извѣстному — смѣшно, безлогично, то заключеніе отъ полуизвѣстного къ неизвѣстному — еще смѣшнѣе, безлогичнѣе. Гумбольдтъ - натуралистъ чувствовалъ это и, хотя не твердо, не рѣзко — разграничилъ однакоже оба эти періода исторіи языка. «Трудно предположить, чтобы «*утонченное образованіе* языка могло тотъчасъ же примкнуть «къ его первому *твердому возникновенію* (201. 6.)» . . . сказалъ онъ; но, когда пришлось ему высказывать мысли свои о каждомъ періодѣ порознь, характеризовать ихъ частнѣе, опредѣлять точнѣе границы ихъ — онъ попалъ въ неизбѣжный круговоротъ: эти два полюса то раздвигаются промежуткомъ какъ небо и земля, то появляются смежно, другъ подлѣ друга, даже во взаимномъ сліяніи одинъ съ другимъ. Поставивъ во главѣ статьи своей мысль: «*языкъ могъ быть* «*только созданъ*, но не произведенъ, не изобрѣтенъ человѣкомъ» Гумбольдтъ тотъчасъ же остановленъ былъ вопросомъ: какимъ же образомъ языкъ, авторомъ котораго не былъ человѣкъ, былъ полученъ этимъ человѣкомъ? кѣмъ этотъ языкъ былъ переданъ человѣку? какъ, наконецъ, этотъ человѣкъ могъ понять, уразумѣть такой чудный, всемыслящій языкъ? и т. д. Явно, что для того, дабы сдѣлать вѣроятнымъ, возможнымъ переходъ языка, *возникшаго изъ ничего,* превышающаго собою мысль человѣка — необходимо было дать этому человѣку, лишенному авторства въ языкѣ, нѣчто подобное творческой мысли, создавшей организмъ языка «въ одинъ разъ, однимъ духомъ». . . Но дать человѣку такую долю участія въ исторіи языка — значитъ

раздѣлить *начало* его между человѣкомъ и кѣмъ-то еще (Природою?). Отсюда *два начала* языка у В. Гумбольдта; изъ этихъ двухъ началъ — всѣ противорѣчія и ограниченія, которыя одна мысль дѣлаетъ другой. Первыя очень явственно видны изъ самыхъ словъ Гумбольдта: «языкъ не можетъ «возникнуть иначе какъ *въ одинъ разъ*». . . «Языкъ есть нѣ-«что непосредственно-вложенное въ человѣка: какъ твореніе «ума — онъ совершенно непостижимъ для яснаго сознанія»... слѣд. начало языка 1) *внѣ человѣка* 2) *внѣ постепенности времени*. Далѣе — «Далекъ я и отъ того, будто бы языкъ «данъ человѣку готовымъ. Языкъ необходимо беретъ начало «въ самомъ человѣкѣ и развивается мало по малу» . . ? ! . . . Противорѣчія, оговорки — пусть читатель поищетъ самъ.

Довольно! объясненіе мое длинно, но а) я хотѣлъ сдѣлать *нагляднѣе* для читателя подводные камни метафизики, за которые запнулась мысль Гумбольдта — сравненіемъ съ полюсами земнаго шара; б) убѣдить его, что ежели я, молодой, безъавторитетный ученый, критикую великаго Филолога, то имѣю на то *основаніе*, ежели не право. Впрочемъ тотъ же дуализмъ и такіе же полярные скачки показалъ я и при разборѣ Шишкова и Монбоддо — какъ вы припомните себѣ, внимательный читатель!

Конецъ втораго семестра.

6р